

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

Научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" выходит в свет с 2006 года, с 2009 года издается ежеквартально.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–30578 от 12.12.2007 г. ISSN 1998-6785.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет". Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Целью журнала является содействие разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о региональных (социально-территориальных) системах, а также планированию на её основе регионоведческих исследований и региональной политики.

Среди основных задач нашего издания:

- ♦ мониторинг и критическая оценка текущих публикаций и научной жизни регионоведческого сообщества (в первую очередь, в рамках российского Дальнего Востока);
- ♦ организация дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам регионоведения;
- ♦ представление мнений и рекомендаций ученых по актуальным прикладным проблемам регионального управления;
- ♦ пропаганда идей и методологии междисциплинарного синтеза;
- ♦ подготовка и доведение до научной аудитории программ фундаментальных и прикладных регионоведческих исследований и освещение результатов их выполнения.

Авторами и читателями нашего журнала являются преподаватели вузов и сотрудники академических учреждений как дальневосточного, так и других регионов России, а также учёные из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и СНГ.

Журнал включает следующие основные рубрики:

- ♦ Теория и методология регионоведческих исследований
- ♦ Историческое регионоведение
- ♦ Экономика и природопользование
- ♦ Социальные и демографические структуры
- ♦ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ♦ Политические отношения и управление регионом
- ♦ Мировая система и международные регионы
- ♦ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ♦ Регион в документах и свидетельствах
- ♦ Науковедение
- ♦ Дискуссия
- ♦ Рецензии и обзоры
- ♦ Научная жизнь

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в Перечень ВАК:

- 5.4.1. – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
- 5.4.2. – Экономическая социология (экономические науки)
- 5.4.2. – Экономическая социология (социологические науки)
- 5.4.4. – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
- 5.5.1. – История и теория политики (исторические науки)
- 5.5.1. – История и теория политики (политические науки)
- 5.5.2. – Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.3. – Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)
- 5.5.4. – Международные отношения (политические науки)
- 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки).

Журнал индексируется в международной наукометрической базе данных Scopus

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Подписка на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" принимается во всех почтовых отделениях. Подписной индекс журнала – 79089.

Информация о статьях, опубликованных в журнале (с 2009 г.), размещается в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман
Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.
Корректор: С. Е. Бакшеева

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Отпечатано в ресурсном информационно-методическом центре ФГБОУ ВО "Владивостокский государственный университет", 690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Вышло в свет 23.06.2026 г. Тираж 200 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Филипова Александра Геннадьевна — доктор социологических наук, ведущий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета (г. Владивосток, Россия).

Ответственный редактор

Журбей Евгений Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Бурлаков Виктор Алексеевич — кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Винокурова Анна Викторовна — кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Волыничук Андрей Борисович — доктор политических наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, профессор кафедры экономики и управления Владивостокского государственного университета (г. Владивосток, Россия).

Григоричев Константин Вадимович — доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия).

Дударёнок Светлана Михайловна — доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия).

Золотухин Иван Николаевич — кандидат политических наук, заведующий кафедрой международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Караман Вадим Николаевич — кандидат исторических наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева (г. Владивосток, Россия).

Киреев Антон Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Кожеников Владимир Васильевич — кандидат исторических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Кристоферсен Гайе — Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (г. Нанкин, КНР).

Кузнецов Анатолий Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Латушко Юрий Викторович — кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия).

Лебедева Марина Михайловна — доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (г. Москва, Россия).

Лексютин Яна Валерьевна — доктор политических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия).

Лукин Артем Леонидович — кандидат политических наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института — Школы региональных и международных исследований, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Рыжова Наталья Петровна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Университета Палацкого (г. Оломоуц, Чешская Республика).

Себенцов Александр Борисович — кандидат географических наук, заместитель директора по научной работе, старший научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН; ведущий научный сотрудник Центра перспективных социальных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия).

Севастьянов Сергей Витальевич — доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (г. Санкт-Петербург, Россия).

Хисамтудинова Наталья Владимировна — доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета (г. Владивосток, Россия).

Цээнбилег Цэвээн Дамарт — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института философии Академии наук Монголии (г. Улан-Батор, Монголия).

Шестак Ольга Игоревна — кандидат исторических наук, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (г. Владивосток, Россия).

Шин Беом-Шик — Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета (г. Сеул, Республика Корея).

Широ Сасаки — Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (г. Сираой, Япония).

Ячин Сергей Евгеньевич — доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

The scientific-theoretical journal "Ojkumena. Regional Researches" has been published since 2006, since 2009 it has been published quarterly.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Communications, Communications and Protection of Cultural Heritage. Registration certificate: PI № FS77–30578, dated December 12, 2007. ISSN 1998 6785.

Founder and publisher: Federal state budgetary educational institution of the higher education "Vladivostok State University". Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

The main goal of the journal is to contribute to the development of a methodology for interdisciplinary synthesis of knowledge about regional (social-territorial) systems, as well as planning regional studies and regional policy based on it.

Among the main tasks of our journal:

monitoring and critique of the current publications and research in the field of the regional studies (primarily, but not exclusively, the Russian Far East);

initiating and supporting discussions on the theoretical and methodological issues of regional studies;

presentation of opinions and recommendations of scientists on topical problems of regional management;

advancement of the ideas and methodology of interdisciplinary research;

development of the programs for fundamental and applied regional studies and publication of their results.

The authors and readers of our journal are university professors and members of academic institutions in both the Far East and other regions of Russia, as well as scientists from the countries of the Asia-Pacific region and the CIS.

The journal includes the following thematic sections:

- ◆ Theory and Methodology of Regional Studies
- ◆ Historical Regional Studies
- ◆ Economy and Nature
- ◆ Social and Demographic structures
- ◆ Cultural and Ideological Factors of Regionalization
- ◆ Political Relations and Management of the Region
- ◆ World System and International Regions
- ◆ Interdisciplinary and Systemic Research of the Region
- ◆ Region in the Documents and Testimonies
- ◆ Study of Science
- ◆ Discussion
- ◆ Reviews
- ◆ Scientific Life

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Scientific specialties and the corresponding branches of science, for which the publication is included in the List of peer-reviewed scientific publications:

- 5.4.1. – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences)
- 5.4.2. – Economic sociology (economic sciences)
- 5.4.2. – Economic sociology (sociological sciences)
- 5.4.4. – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences)
- 5.5.1. – History and theory of politics (historical sciences)
- 5.5.1. – History and theory of politics (political sciences)
- 5.5.2. – Political institutions, processes, technologies (political sciences)
- 5.5.3. – Public administration and sector policies (political sciences)
- 5.5.4. – International relations (political sciences)
- 5.6.1. – Domestic history (historical sciences).

The journal is indexed in the Scopus database

"Ojkumena. Regional Researches" is an open access journal. All articles are made freely available to readers immediately upon publication.

Content of the journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Subscription to the journal "Ojkumena. Regional Researches" is accepted in all post offices. The journal's subscription index is 79089.

Information about articles published in the journal (since 2009) is placed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library (elibrary.ru).

Electronic computer is made up by V. N. Karaman
Graphic registration: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman,
V. V. Postnikov.
Proofreader: S. E. Baksheeva

Editorial address: 692900, Primorsky Territory, Nakhodka,
st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: ojkum@rambler.ru

Printed at the Resource Information and Methodological Center of Vladivostok State University, 690014, Vladivostok, 41 Gogol Street.

Published 23.06.2026. Circulation 200 copies. Price: free.

Editor in Chief

Alexandra G. Filipova – Doctor of Sociology, Head of the Laboratory for Comprehensive Research of Childhood, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Executive Editor

Evgeny V. Zhurbey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Viktor A. Burlakov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Communication and Media, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Anna V. Vinokourova – Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Andrey B. Volynchuk – Doctor of Political Sciences, Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher of the Department of International Relations of the Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor, Department of Economics and Management, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Konstantin V. Grigorichev – Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Research and International Activities, Irkutsk State University (*Irkutsk, Russia*).

Svetlana M. Dudaryonok – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Ivan N. Zolotukhin – Candidate of Political Sciences, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vadim N. Karaman – Candidate of Historical Sciences, Leading Methodologist of Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History (*Vladivostok, Russia*).

Anton A. Kireev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vladimir V. Kozhevnikov – Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Gaye Christoffersen – Ph.D., Professor, Johns Hopkins University (*Nanjing, China*).

Anatolij M. Kuznetsov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Yurij V. Latushko – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Island and Coastal Anthropology of APR, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Marina M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychology, Professor, Head of Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russia*).

Yana V. Leksyutina – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of American Studies, St. Petersburg State University (*St. Petersburg, Russia*).

Artyom L. Lukin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Natalia P. Ryzhova – Doctor of Economics, Leading Researcher, Palacky University (*Olomouc, Czech Republic*).

Aleksandr B. Sebentsov – Candidate of Geographical Sciences, Deputy Director for Research, Senior Researcher at the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Leading Researcher at the Center for Advanced Social Research, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (*Moscow, Russia*).

Sergej S. Sevastyanov – Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (*St. Petersburg, Russia*).

Natalya V. Khisamutdinova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Intercultural Communication and Translation Studies, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Tseven Damart Tsetsenbileg – Candidate of Sociology, Researcher, Institute of Philosophy, Mongolian Academy of Sciences (*Ulaanbaatar, Mongolia*).

Olga I. Shestak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific Department, Far Eastern State Technical Fisheries University (*Vladivostok, Russia*).

Beom-Shik Shin – Ph.D., Professor, Department of Political Science and International Relations, Seoul National University (*Seoul, Republic of Korea*).

Sasaki Shiro – Ph.D., Professor, Department of Advanced Studies in Anthropology, National Museum of Ethnology, Director of the National Museum of Ainu Culture (*Shiraoi, Japan*).

Sergej E. Yachin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2026

Т. 20, № 2

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ISSN 1998-6785

ТЕМА НОМЕРА: РОССИЯ – МОНГОЛИЯ:

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

От редактора рубрики 9

Литвинова Т. Н., Чулуун С. Межцивилизационный диалог России и Монголии на современном этапе: политические, экономические и этнокультурные аспекты 11

Бадараев Д. Д. Трансграничное взаимодействие российских регионов Внутренней Азии с Монголией: состояние и перспективы 23

Григоричев К. В., Дугарова Г. Б., Емельянова Н. В., Базарваань С., Цзян К. С., Сандаг Э.-А. Дороги, которые нас разделяют: транспортная инфраструктура ресурсодобывающих проектов в социальных трансформациях скотоводов южной Монголии 34

Бадмацыренов Т. Б., Цэцэнбилэг Ц., Островская Е. А. Буддизм в системе российско-монгольских отношений: прошлое и настоящее 45

Родионов В. А. Буддизм во внешней политике государства: опыт Монголии 53

Актамов И. Г., Винокурова А. В., Мунхбат О., Шаравцэрэн Ц. Российско-монгольско-китайское сотрудничество в сфере высшего образования: основные тренды и перспективы 62

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Коваленко С. Г. Курилы и губернатор Приморья Е. И. Наздратенко: к вопросу о попытке изменения управления 72

Иванова С. Н., Бямба О. Проблемы кочевых скотоводов в условиях участвовавших погодных бедствий (Часть 2) 79

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Волкова О. А., Ананченкова П. И., Малинович Е. В. Искусственный интеллект и активное долголетие: методологические основания цифровой андрагогики 88

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

Журбей Е. В., Петухов К. С. Электоральная трансформация "Ржавого пояса" США: от демократического доминирования к республиканскому преимуществу (1990-е – 2020-е гг.) 100

Головацкий Е. В., Орлова А. В. Триггерные тематики сетевых групп и "реальных" форматов социально-политической коммуникации в сибирских регионах 112

Владивосток 2026

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ

Севастьянов С. В., Милькова А. А. Проблемные нарративы во внешнеполитическом дискурсе Председателя КНР Си Цзиньпина	123
Лексютина Я. В., Лю Фанмин, Чжоу Гээр. Западные санкции против проекта "Арктик СПГ – 2": логика, хронология и роль Китая в их преодолении	134
Гарусова Л. Н., Бурлаков В. А. Особенности современной парламентской дипломатии Индии	145
Золотухин И. Н., Сапрыгин Ю. Е. Япония и страны Юго-Восточной Азии: сотрудничество в сфере морской безопасности	155
Дискуссия	
Кузнецов А. М. Американцы: как они появились и какие у них перспективы? (Антропологический этюд)	167

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

ISSN 1998-6785

Vladivostok
2026

The Theme: Russia – Mongolia: Intercultural Dialogue and Regional Integration

- From the editor of the heading 9
- Litvinova T. N., Chuluun S.** Intercivilizational dialogue between Russia and Mongolia at the present stage: political, economic and ethnocultural aspects 11
- Badaraev D. D.** Cross-Border Interaction of Russian Regions of Inner Asia with Mongolia: Current State and Prospects 23
- Grigorichev K. V., Dugarova G. B., Emelyanova N. V., Bazarvaan S., Jiang K. S., Sandag E. A.** Roads that Divide Us: Extractive Transport Infrastructure and Social Change among Herders in Southern Mongolia 34
- Badmatsyrenov T. B., Tsetsenbileg Ts., Ostrovskaya E. A.** Buddhism in Russian-Mongolian Relations: Past and Present 45
- Rodionov V. A.** Buddhism in State Foreign Policy: Mongolia case 53
- Aktamov I. G., Vinokurova A. V., Munkhbat O., Sharavtseren Ts.** Russian-Mongolian-Chinese Cooperation in Higher Education: Key Trends and Prospects 62

Historical Regional Studies

- Kovalenko S. G.** The Kuril Islands and Governor of Primorye E. I. Nazdratenko: On the Issue of an Attempt to Change Governance 72
- Ivanova S. N., Byamba O.** Problems of nomadic herders in the face of increasingly frequent weather conditions (Part 2) 79

Social and Demographic Structures

- Volkova O. A., Ananchenkova P. I., Malinovich E. V.** Artificial Intelligence and Active Longevity: Methodological Foundations of Digital Andragogy 88

Political Relations and Management of the Region

- Zhurbey E. V., Petukhov K. S.** The Electoral Transformation of the U.S. Rust Belt: From Democratic Dominance to Republican Advantage, 1990s–2020s 100
- Golovatsky E. V., Orlova A. V.** Trigger topics of network groups and "real" formats of socio-political communication in Siberian regions 112

World System and International Regions

Sevastianov S. V., Milkova A. A. Issue narratives in Chinese President Xi Jinping's foreign policy discourse	123
Leksyutina Ya. V., Liu Fangming, Zhou Geer. Western sanctions against the Arctic LNG 2 project: logic, chronology, and China's approach	134
Garusova L. N., Burlakov V. A. Specifics of Modern Parliamentary Diplomacy in India	145
Zolotukhin I. N., Saprygin Yu. E. Japan and Southeast Asian Countries: Cooperation in Maritime Security	155

Discussion

Kuznetsov A. M. Americans: How Did They Come to Be and What Are Their Prospects? (An Anthropological Study)	167
--	------------

От редактора рубрики

В настоящее время российско-монгольские отношения приобретают особое значение в условиях усиливающейся глобальной нестабильности, растущей конкуренции и трансформации мировой геополитической архитектуры. На фоне изменения баланса сил в Северо-Восточной Азии вопросы двустороннего и многостороннего взаимодействия между Россией и Монголией становятся важнейшим направлением внешней и региональной политики. Межкультурный диалог, приграничное сотрудничество, совместные инфраструктурные и гуманитарные проекты играют ключевую роль в укреплении доверия и формировании устойчивых каналов интеграции между нашими странами, имеющими давнюю историю добрососедских отношений и тесные культурные связи.

Символично, что обращение к данной проблематике происходит в год значимых юбилейных дат: 105-летия установления российско-монгольских дипломатических отношений и 65-летия учреждения Академии наук Монголии. Эти даты не только напоминают о глубокой исторической основе двустороннего сотрудничества, но и подчёркивают особую роль научного и гуманитарного диалога в развитии современных связей между Россией и Монголией.

Осмысление этой преемственности предполагает обращение к разным уровням взаимодействия – от межгосударственного и научного сотрудничества до трансграничных культурных и образовательных практик. Именно такая логика легла в основу данной тематической рубрики, объединившей авторов из ведущих российских и монгольских научных и образовательных центров: МГИМО МИД России (Москва), Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), Иркутского института химии имени А. Е. Фаворского, Института географии имени Б. В. Сочавы (Иркутск), Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (Улан-Удэ), Санкт-Петербургского государственного университета, Дальневосточного федерального университета (Владивосток), Монгольской академии наук, Монгольского государственного университета (Улан-Батор) и др.

Общей основой для представленных материалов выступает идея межкультурного диалога и региональной интеграции. При этом авторы статей рассматривают заявленную проблематику с разных исследовательских позиций: через призму междивизионального подхода, трансграничных исследований, анализа инфраструктурных проектов, изучения буддизма как социокультурного и политического фактора, образовательной миграции и академической мобильности.

Открывает рубрику статья Т. Н. Литвиновой и С. Чулууна, посвящённая междивизиональному диалогу России и Монголии на современном этапе. Авторы рассматривают политические, экономические и этнокультурные аспекты сотрудничества двух стран в условиях формирующегося полицентричного мира. Данная статья задаёт концептуальную рамку всей рубрики, позволяя увидеть российско-монгольские отношения не только как систему двусторонних контактов, но и как часть более широкой цивилизационной и региональной конфигурации.

Логическим продолжением выступает статья Д. Д. Бадараева, в которой анализируется трансграничное взаимодействие российских регионов Внутренней Азии с Монголией. В центре внимания – российско-монгольское трансграничье как пространство контакта, транзита и сотрудничества. Рассматриваются инфраструктурные, социально-экономические, гуманитарные и культурные направления взаимодействия, а также роль приграничных российских регионов – Бурятии, Тувы, Алтая и Забайкалья – в развитии связей с Монголией. При этом приграничные территории показаны не как периферия, а как значимые узлы международного взаимодействия, через которые проходят транспортные, культурные, образовательные и социальные потоки.

Если статья Д. Д. Бадараева задаёт широкий взгляд на инфраструктурное и трансграничное сотрудничество, то соавторская работа К. В. Григоричева, Г. Б. Дугаровой, Н. В. Емельяновой, С. Базарвань, К. С. Цзяна и Э.-А. Сан-

даг позволяет увидеть социальные последствия инфраструктурных проектов на уровне локальных сообществ. Главная идея состоит в том, что дороги могут выступать не только символом модернизации и связанности, но и фактором социальной фрагментации, пространственного неравенства и вытеснения традиционных скотоводческих сообществ.

Отдельный тематический блок рубрики связан с буддизмом как важным историческим, культурным и политическим фактором российско-монгольских отношений. Т. Б. Бадмацзыренов, Ц. Цэцэнбилэг и Е. А. Островская в своей работе исследуют роль буддизма в системе российско-монгольских отношений в прошлом и настоящем. Авторы прослеживают, каким образом буддийские идеи, институты и сообщества на протяжении нескольких столетий влияли на формирование связей между Россией, Монголией и более широким пространством Внутренней Азии. В статье показано, что буддизм выступает не только религиозным явлением, но и значимым элементом политической коммуникации, культурной идентичности и трансграничного взаимодействия.

Продолжает этот сюжет статья В. А. Родионова, в которой буддизм рассматривается через призму внешней политики Монголии. Здесь анализируется, каким образом буддийский фактор используется Монголией как страной со сравнительно ограниченным внешнеполитическим потенциалом. И особо интересным представляется вывод о том, что для Монголии буддизм является не столько инструментом продвижения влияния вовне, сколько ресурсом укрепления национальной идентичности, символической безопасности и собственного места в системе международных отношений.

Завершает рубрику статья И. Г. Актамова, А. В. Винокуровой, О. Мунхбата и Ц. Шаравцэрэна, в которой рассматривается российско-монгольско-китайское сотрудничество в сфере высшего образования. Основное внимание сосредоточено на образовательной миграции монгольской молодежи в российском и китайском направлениях, а также на формировании трансграничного образовательного пространства Внутренней Азии. Показано, что Россия и Китай выступают значимыми, но различающимися направлениями образовательной мобильности из Монголии, а само образовательное пространство региона развивается как асимметричное, но перспективное поле академического взаимодействия. Обращение к теме высшего образования позволяет завершить рубрику взглядом в будущее, поскольку именно образование, молодежная мобильность и межуниверситетские связи во многом определяют долгосрочный потенциал российско-монгольского сотрудничества.

В целом представленные в рубрике статьи не исчерпывают всего многообразия взаимодействий между нашими странами, но позволяют увидеть их как многомерное пространство, в котором соединяются цивилизационные образы и прагматические интересы, историческая память и современные инфраструктурные проекты, религиозные традиции и культурная политика, региональная интеграция и образовательная мобильность. Такой подход даёт возможность не только зафиксировать актуальное состояние российско-монгольского сотрудничества, но и обозначить ключевые точки роста и перспективы дальнейшего развития.

А. В. Винокурова

Межцивилизационный диалог России и Монголии на современном этапе: политические, экономические и этнокультурные аспекты

Татьяна Николаевна Литвинова
Московский государственный институт международных отношений МИД России,
Москва, Россия, tantin@mail.ru
Сампилдондов Чулуун
Национальный музей Чингисхана, Улан-Батор, Монголия, samchuluun@gmail.com

Аннотация. Цель статьи – раскрыть особенности межцивилизационного диалога России и Монголии в формирующемся полицентричном мире. Методологическим основанием исследования выступает сочетание цивилизационного подхода и социального конструктивизма. В качестве методов используется анализ правовой базы, данных статистики экономического сотрудничества, а также результаты экспертных опросов (n=40), проведённых в 2024–2025 годах в России (Республика Бурятия, Республика Калмыкия) и Монголии. Межцивилизационный диалог позволяет выстроить новую конфигурацию регионального сотрудничества, где Россия, Монголия и Китай рассматриваются как равные государства-цивилизации. Однако усиление роли Китая во внешней торговле Монголии показывает несбалансированность наших экономических связей. По данным экспертных опросов, учёные из наших стран давно связаны прочными нитями гуманитарного сотрудничества и видят перспективы межцивилизационного диалога в развитии культурных связей. Авторы согласны с той частью экспертов из российских регионов и из Монголии, которые отметили, что необходимо уделить особое внимание интенсификации российско-монгольских экономических отношений.

Ключевые слова: *межцивилизационный диалог, Россия, Монголия, межгосударственное сотрудничество, экономическое сотрудничество, этнокультурный фактор*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ и Министерства образования и науки Монголии (MES) в рамках проекта "Этнический фактор в развитии межцивилизационного диалога России и Монголии на современном этапе" (№ 24-48-03030, <https://rscf.ru/project/24-48-03030/>).

Для цитирования: Литвинова Т. Н., Чулуун С. Межцивилизационный диалог России и Монголии на современном этапе: политические, экономические и этнокультурные аспекты // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 2. С. 11–22. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/11-22>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/11-22>

Intercivilizational dialogue between Russia and Mongolia at the present stage: political, economic and ethnocultural aspects

Tatiana N. Litvinova
Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, tantin@mail.ru
Sampildondov Chuluun
Chinggish Khaan National Museum, Ulaanbaatar, Mongolia, samchuluun@gmail.com

Abstract. The purpose of this article is to explore the specific features of intercivilizational dialogue between Russia and Mongolia in an emerging polycentric world. The research methodological framework combines a civilizational approach and social constructivism. The methods used include an analysis of the legal framework, statistical data on economic cooperation, and the results of expert surveys (n=40) conducted in 2024–2025 in Russia (the Republic of Buryatia, the Republic of Kalmykia) and Mongolia. Intercivilizational dialogue allows for the development of a new configuration of regional cooperation, where Russia, Mongolia, and China are viewed as equal civilizations. However, China's increasing role in Mongolia's foreign trade highlights the imbalance in our economic ties. According to expert surveys, scholars from our countries have long been linked by strong threads of humanitarian cooperation, and see prospects for intercivilizational dialogue in the development of cultural ties. The findings support the view expressed by a number of experts from the Russian regions and Mongolia who noted that special attention should be paid to the intensification of Russian-Mongolian economic relations.

Key words: *intercivilizational dialogue, Russia, Mongolia, interstate cooperation, economic cooperation, ethnocultural factor*

The study is funded by the grant of the Russian Science Foundation and the Ministry of Education and Science of Mongolia (MES) "Ethnic factor in the development of intercivilizational dialogue between Russia and Mongolia at the present stage" (No. 24-48-03030, <https://rscf.ru/project/24-48-03030/>).

For citation: Litvinova T. N., Chuluun S. Intercivilizational dialogue between Russia and Mongolia at the present stage: political, economic and ethnocultural aspects // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 11–22. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/11-22>

Введение

Поворот России на Восток знаменует открытие для неё новых возможностей укрепления своего положения в современном мироустройстве, а также развития новых и углубления уже наработанных связей с Монголией в политике, экономике, науке и культуре. Факторами, определяющими сближение

наших стран, выступают: 1) общее социалистическое прошлое и союзнические отношения между СССР и Монгольской Народной Республикой; 2) сходство вызовов социально-экономического развития в сложный период перехода наших стран к демократии и рыночной экономике в 1990-е гг.; 3) наличие в полиэтничном составе населения России монголоязычных народов. В условиях формирования многополярной международной системы необходимо вывести межгосударственное сотрудничество России и Монголии в плоскость межцивилизационного диалога через торгово-экономические отношения, культурный обмен, туризм и научное сотрудничество.

Востребованность цивилизационного подхода в выстраивании межгосударственного сотрудничества выразилась в Концепции внешней политики России 2023 г., определяющей положение нашей страны на международной арене как "самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы" [15].

В свою очередь, в Концепции внешней политики Монголии 2011 г. говорится, что цель её культурной внешней политики и гуманитарного сотрудничества – развитие как общих "достижений мировой культуры", так и "национальной цивилизации", её "уникального наследия" [19].

Дополнительный импульс развитию наших отношений даёт роль Монголии в укреплении экономической и транспортной взаимосвязанности Евразии, а именно участие в проекте Экономического коридора "Россия – Монголия – Китай".

Тема межцивилизационных оснований сотрудничества России и Монголии уже привлекла внимание многих исследователей [1; 6; 7]. Большая часть работ рассматривает российско-монгольские отношения в контексте трёхстороннего сотрудничества России, Монголии и Китая в рамках Экономического коридора [4; 9; 17]. Также исследователи уделяют внимание концепции "третьего соседа" (США, Япония, Южная Корея, Индия и др.) во внешнеполитической стратегии Монголии [10].

Сегодня российско-монгольские отношения неизбежно рассматриваются с учётом китайского фактора. С. Г. Лузянин, анализируя возможности усиления политического давления на монгольское руководство со стороны США, отмечает, что Монголия не готова "пойти на подрыв региональной стабильности в треугольнике" стратегического партнёрства с соседями – Россией и Китаем [8, с. 13]. В свою очередь, О. Хатанболд изучил мнения 60 экспертов по поводу участия Монголии в китайском проекте "Один пояс, один путь". Согласно его выводу, международный автомобильный маршрут, торговля и технологический прогресс, а также создание нового евразийского коридора принесут значительные экономические выгоды Монголии [20].

Позитивно оценивают последствия реализации транспортно-инфраструктурных проектов коридора "Россия – Монголия – Китай" для развития "трансграничных этносов" С. Г. Лузянин и Б. Х. Кушхов [9]. Однако одним из препятствий эффективного приграничного сотрудничества, по мнению З. Б.-Д. Дондокова, является отсутствие регионального механизма взаимодействия трех стран [4, с. 19].

Наконец, Б. В. Базаров, Д. Д. Бадараев и др. раскрывают вопрос российско-монгольских отношений в исторической проекции трёхстороннего сотрудничества. По их мнению, влияние России и Китая определило динамику торговых и культурных коммуникаций на евразийском пространстве, внутри которого сложилась особая геополитическая конфигурация российско-монгольского сотрудничества [1].

Цель статьи – выяснить состояние и перспективы межцивилизационного диалога России и Монголии на основе анализа политических, экономических и этнокультурных аспектов сотрудничества с привлечением экспертных оценок.

Методология исследования

В качестве методологических оснований исследования выступают социальный конструктивизм в анализе международных отношений и цивилизационный подход. По мнению ведущего представителя конструктивизма А. Вендта, интересы и идентичность актора не объективны, а связаны с собствен-

ными представлениями международного агента о его роли в мире. Эти роли представляют собой идеи, формирующие интересы и возможности государств [22].

Социальный конструктивизм в сочетании с цивилизационным подходом позволяет анализировать современные международные отношения, не заикливаясь на существующих государственных границах. В теоретических построениях А. Тойнби и С. Хантингтона границы цивилизации шире, чем государственные, а иногда пересекают их. Место цивилизаций в мировой политике раскрывается в работе П. Каценштайна, который определяет цивилизации как "слабо связанные, внутренне дифференцированные, ориентированные на элиту социальные системы", схожие "в своих плюралистических различиях и в своих межцивилизационных встречах и межцивилизационных взаимодействиях" [21, с. 5–7].

Феномен российской цивилизации классики цивилизационного подхода Н. Я. Данилевский и О. Шпенглер рассматривали в противопоставлении западной цивилизации. Большой вклад в обособление российской цивилизации внесли евразийцы Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий и др., которые рассматривали Россию как особое географическое и культурное пространство, объединяющее народы Европы и Азии.

Монголию долгое время исключали из перечня мировых цивилизаций, относили к миру кочевников, "периферии внешних цивилизаций – Китая, России, Тибета". Идея монгольской цивилизации [6] представляет Монголию как самостоятельный полюс цивилизационного развития, а не транзитную или буферную территорию между Россией и Китаем.

Методы исследования

В качестве методов исследования в работе используются: анализ правовой базы, анализ данных статистики экономического сотрудничества и экспертный опрос (серия глубинных интервью), проведённый среди представителей науки и образования в Республике Бурятия (n=13) в августе 2024 г., Монголии (n=13) в августе 2025 г., Республике Калмыкия (n=14) в ноябре того же года. Всего было опрошено 40 экспертов, из которых 35 имеют учёные степени кандидатов и докторов наук по социологии, политологии, истории, экономике. Опрос был направлен на выяснение влияния этнического фактора на межцивилизационный диалог России и Монголии на современном этапе и перспективы его развития.

Результаты исследования

Политический и экономический аспекты межгосударственного сотрудничества. Правовую базу российско-монгольского диалога на современном этапе заложил Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и Монголией, подписанный 3 сентября 2019 г. в г. Улан-Баторе. Договор зафиксировал качественно новый уровень двусторонних связей на основе дружбы, доверия и добрососедства, взаимного уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга [3].

В настоящее время особое внимание уделяется совместной работе с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), с которым 27 июня 2025 г. Монголия заключила Временное торговое соглашение [5] для формирования общей зоны свободной торговли.

В рамках Шанхайской организации сотрудничества Монголия имеет статус наблюдателя с 2004 г. Для Монголии эта площадка является инструментом продвижения страны как транспортно-логистического хаба, соединяющего Европу и Азию ("Транзитная Монголия") [17]. Треугольник Россия – Монголия – Китай представляет уникальный геополитический союз, основанный на экономической кооперации, реализации крупных инфраструктурных и энергетических проектов, таких как "Сила Сибири – 2", и модернизации транспортных коридоров.

В декабре 2025 г., в год 105-летия со дня установления дипломатических отношений между нашими странами, в Иркутской области прошёл первый форум регионов России и Монголии, объединивший представителей бизнеса, власти и экспертов из 11 регионов РФ и 3 аймаков Монголии [11]. Для

преодоления торгового дисбаланса и расширения двусторонних связей стороны приняли "Среднесрочную программу развития регионального сотрудничества на 2026–2030 годы", затрагивающую сферы энергетики, сельского хозяйства, промышленности и туризма.

Экономические отношения России и Монголии характеризуются значительной асимметрией. Импорт из России в Монголию в 28 раз превышает монгольский экспорт в РФ. Россия, несмотря на сохраняющуюся роль важного торгового партнера Монголии, уступает лидерство Китаю, который обеспечивает около 40% всего импорта Монголии и 91% её экспорта. В свою очередь, Россия на начало 2025 г. обеспечивала 24,3% импорта в Монголию. Товарную структуру ввоза из России в Монголию формируют: нефтепродукты (покрывают более 90% её потребностей), электроэнергия (около 30% импорта), машины и оборудование, автомобили, продовольствие (27% рынка) и строительные материалы. В свою очередь, монгольский экспорт в Россию носит сырьевой и узкоспециализированный характер: около 70–80% составляет плавиковый шпат для российской алюминиевой промышленности, до 17% – текстиль. Доля сельскохозяйственной продукции минимальна (2–3%) из-за строгих фитосанитарных требований России [18].

Значительную роль в развитии торгово-экономического сотрудничества призвана играть Республика Бурятия, через которую проходит единственная железнодорожная и автомобильная магистрали – южное ответвление Транссиба. Расположенная на границе свободная экономическая зона "Алтан-Булаг" также рассматривается как перспективная для развития трансграничной торговли. В 2022 г. объём экспорта из Бурятии в Монголию достиг отметки в 4,4 млн долларов США, в то время как объём импорта составил 151 тыс. долларов США. Однако по товарообороту между Республикой Бурятия и странами дальнего зарубежья приграничная Монголия занимала лишь четвёртое место, уступая Италии, Марокко и Китаю [16].

Важным шагом в развитии двусторонних торгово-экономических отношений стала дедолларизация расчётов – переход на рубли и тугрики, что снижает транзакционные издержки [12].

В 2024 г. удалось достичь допандемийных показателей туристических поездок между Россией и Монголией (537 тыс.), увеличив их на 12% в сравнении с 2023 г. и на 6% – с 2019 г. [2]. Россией было предложено вернуться к возможности использования в Монголии платёжных карт МИР для российских туристов [10]. Хотя Монголия не присоединилась к санкциям против России, из-за опасений вторичных санкций она не торопится отменять банковские ограничения и возобновлять прямые авиаперелеты, что всё же тормозит развитие туризма.

В российских вузах обучается около 2 тыс. монгольских студентов, а на 2024–2025 учебный год Россия выделила Монголии одну из самых крупных квот – 620 бюджетных мест [13].

Таким образом, на сегодняшний день сотрудничество между Россией и Монголией представляет собой стратегический потенциал развития для обеих стран.

Этнокультурные аспекты межцивилизационного диалога.

Бурятия и Калмыкия, имеющие особые этнические и религиозные связи с Монголией, выступают как ключевые регионы сотрудничества между нашими странами в гуманитарной сфере, прежде всего по линии взаимодействия институтов Российской академии наук и Академии наук Монголии. Серия глубинных экспертных интервью, проведённых нами в 2024–2025 гг. в Республике Бурятия, Республике Калмыкия и Монголии, ставила своей задачей не только выяснение понимания этнокультурного компонента в развитии двусторонних связей, но и исследование взглядов учёных на цивилизационную теорию как концептуальное основание диалога между нашими странами. В процессе обработки данных ответы экспертов группировались по ключевым словам и словосочетаниям (единицам смысла), которыми оперировали участники. Далее проводился поиск повторяющихся в разных высказываниях понятий, мнений, суждений и их частотный подсчёт.

Согласно результатам экспертного опроса, понятие монгольской цивилизации более или менее устоялось в научном сообществе наших стран (табл. 1).

Табл. 1. Что Вы вкладываете в понятие "Монгольская цивилизация"?
Table 1. What do you mean by the concept of "Mongol civilization"?

Определения "монгольской цивилизации"	Эксперты (частота суждений) (n=40)	Эксперты РБ (РФ) (n=13)	Эксперты РК (РФ) (n=14)	Эксперты Монголии (n=13)
Группа народов, близких в социокультурном плане, объединенных историей, языком, проживающих в Монголии, Внутренней Монголии (КНР) и России	15	7	8	–
Уникальная кочевая цивилизация, имеющая собственный уклад, специфическую культуру, вероисповедания (тэнгризм и буддизм)	14	2	3	9
Историческая цивилизация, связанная с именем Чингисхана	10	4	3	3
Комбинированная цивилизация, сочетающая кочевой и городской образ жизни	1	–	–	1

Источник: составлено авторами на материалах экспертных интервью.

Source: compiled by the authors based on expert interviews.

Как видно из приведённых данных, большинство экспертов определяли монгольскую цивилизацию, исходя из этнических и социокультурных границ народов, охваченных её влиянием. Причём это определение преваляло в ответах учёных из Калмыкии и Бурятии.

"Совокупность людей, которые себя относят в той или иной степени к Монголии исторически, социокультурно, ассоциируют себя с тем, что сейчас называется "Монгольский мир". Это люди, живущие не только в Монголии, но и в России, и в Китае, и тоже считают себя частью монгольского мира" (муж., 44 года, Бурятия).

"Монгольская цивилизация для представителей калмыцкого народа – это прежде всего обобщённая идентичность. Понимание того, что ты принадлежишь к монгольскому миру, который своей историей и культурой отличается от других народов" (жен., 65 лет, Калмыкия).

Монгольские учёные придали определяющее значение кочевой культуре, т. е. образу жизни, который традиционно был присущ монгольским народам. Популярным среди информантов было упоминание исторической Монгольской империи и роли Чингисхана.

"Некоторые считают, что понятие монгольской цивилизации не может существовать. Понятие "цивилизация" характеризует развитие поселения и не применимо к монгольским кочевникам. Но у меня противоположное мнение. История Монголии – это история империи. Вот почему культурный состав или культурные формы присутствуют здесь во всех аспектах" (муж., 49 лет, Монголия).

Понятие "российская цивилизация" получило более обширные характеристики, которые можно сгруппировать по наиболее часто встречающимся суждениям (табл. 2).

Чаще всего эксперты указывали на многонациональный характер российской государственности.

"Российская цивилизация – это история взаимоотношений с народами, которые постепенно входили в орбиту интересов российского государства. Свой окончательный контур российская цивилизация получила в период советской власти, когда светское образование пришло на окраины, и многие народы получали образование в общегосударственном формате" (жен., 50 лет, Бурятия).

Довольно популярным было мнение о важной роли русского народа как государствообразующего ядра. Также встречалась точка зрения, близкая

Табл. 2. Что Вы вкладываете в понятие "Российская цивилизация"?
Table 2. What do you mean by the concept of "Russian civilization"?

Определения "российской цивилизации"	Эксперты (частота суждений) (n=40)	Эксперты РБ (РФ) (n=13)	Эксперты РК (РФ) (n=14)	Эксперты Монголии (n=13)
Многовековая история российского государства, включавшего в орбиту своих интересов соседние народы и объединившего их не только политически, но и языком, культурой	13	5	4	4
Русский народ, русский язык и культура как ядро государства-цивилизации	12	5	5	2
Географическое пространство между Европой и Азией, уникальная евразийская цивилизация, вобравшая в себя культурные основы и Византии, и Монгольской империи	8	2	3	3
"Русский мир"	5	1	2	2
Оседлая цивилизация, исторически связанная с городской культурой	2	–	–	2

Источник: составлено авторами на материалах экспертных интервью.

Source: compiled by the authors based on expert interviews.

взглядам евразийцев о принадлежности российской цивилизации, как к Европе, так и к Азии.

"Мы можем говорить о некоей евразийской социокультурной общности, которую условно можно назвать российской цивилизацией. Российская цивилизация – это гибридная цивилизация, возникшая на стыке ряда цивилизаций: православной восточно-христианской, исламской и отчасти буддийской" (муж., 51 год, Калмыкия).

"Русская культура стала главным мостом, соединяющим монголов с западной культурой. Монголы, будучи соседями России, многому научились" (жен., 52 года, Монголия).

В отличие от учёных из регионов России, монгольские учёные упомянули также об оседлом характере российской цивилизации.

Вопрос о влиянии этнического фактора на российско-монгольский диалог выявил чуть большее расхождение мнений российских и монгольских экспертов (табл. 3).

Информанты из Бурятии и Калмыкии чаще позитивно и оптимистично оценивали влияние этнического фактора на российско-монгольский диалог.

"В составе России имеются монгольязычные народы, это очень важный фактор мягкой силы в отношении Азии. Калмыки, буряты, отчасти тувинцы, которые являются тюрками, но близки к монгольской цивилизации, эти народы являются некими медиаторами, культурным мостом, между Россией и Монголией" (муж., 51 год, Калмыкия).

"Я бы не стала говорить о том, что сейчас есть полноценный диалог, но то, что происходит в рамках нашего института [ИМБТ СО РАН – прим. авт.] – это, наверное, одна из форм диалога. У нас развивается монголоведение, мы сотрудничаем практически со всеми вузами и академическими научными центрами гуманитарного профиля в Монголии" (жен., 50 лет, Бурятия).

Оценки монгольских экспертов были также положительными, но акцентировали внимание на культурной близости, не влекущей за собой значительного улучшения политических отношений.

"Конечно, этот фактор влияет. Хотя не все калмыки и буряты говорят по-монгольски. Исследователи в последнее время довольно хорошо вла-

Табл. 3. Влияет ли на российско-монгольский диалог этнокультурная близость монгольязычных народов России (калмыков и бурят) с жителями Монголии?
Table 3. Does the ethnocultural proximity of the Mongolian-speaking peoples of Russia (Kalmyks and Buryats) with the inhabitants of Mongolia influence the Russian-Mongolian dialogue?

Влияние этнического фактора на российско-монгольский диалог	Эксперты (частота суждений) (n=40)	Эксперты РБ (РФ) (n=13)	Эксперты РК (РФ) (n=14)	Эксперты Монголии (n=13)
Безусловно, влияет, буряты/калмыки выступают культурным мостом, облегчающим взаимопонимание в российско-монгольских отношениях	13	5	8	–
Влияние положительное, но диалог в основном идет в сфере науки, образования, культуры	12	4	2	6
Политические отношения между Россией и Монголией слабые, этнический фактор на них не влияет	11	4	4	3
Буряты/калмыки, живущие в России, в культурном отношении ближе к монголам	2	–	–	2
Буряты и калмыки в России утратили свой язык и письменную культуру, слились с Россией	2	–	–	2

Источник: составлено авторами на материалах экспертных интервью.

Source: compiled by the authors based on expert interviews.

деют монгольским языком. Например, я сейчас был у калмыков, и каждый год – в Бурятии. Эти народы – мост между Россией и Монголией" (муж., 49 лет, Монголия).

Кроме того, два монгольских эксперта высказали критические суждения об утрате калмыками и бурятами их языковой идентичности.

Эксперты из Калмыкии, Бурятии и Монголии в целом положительно оценивают влияние религиозного фактора на российско-монгольский диалог, но не склонны преувеличивать его значение (табл. 4).

Среди ответов российских информантов встречается больше оптимистичных комментариев, чем у монгольских.

"Недавно прошедший Второй буддийский форум [Улан-Удэ, 2024 – прим. авт.] демонстрирует, что религиозный фактор в наше время обретает всё большую значимость, и многие страны, особенно в буддийском мире, начинают на это обращать внимание" (муж., 44 года, Бурятия).

"Религиозный фактор может носить какой-то дополнительный характер. Например, в этом году [2025 – прим. авт.] в Калмыкии проводился буддийский форум. Наверное, это на республику в какой-то степени оказало влияние: дали субсидии, город украсили, подремонтировали дороги" (жен., 70 лет, Калмыкия).

Часть экспертов отметила, что в течениях буддизма много нюансов и большого влияния на политический диалог он не оказывает.

"Я думаю, это вопрос идентичности, и речь может идти лишь об исторических и культурных связях народов. Поэтому это не оказывает существенного влияния на политические или экономические отношения" (муж., 38 лет, Монголия).

Несколько экспертов справедливо отметили, что общества России и Монголии пережили период господства социалистической идеологии, отрицающей роль религии, и уже не настолько привержены буддизму.

Табл. 4. Влияет ли религиозный фактор (религиозная близость с монголами) бурят и калмыков на российско-монгольский диалог на современном этапе?
 Table 4. Does the religious factor (religious affinity with the Mongols) of Buryats and Kalmyks influence the Russian-Mongolian dialogue at the present stage?

Влияние религиозного фактора на российско-монгольский диалог	Эксперты (частота суждений) (n=40)	Эксперты РБ (РФ) (n=13)	Эксперты РК (РФ) (n=14)	Эксперты Монголии (n=13)
Связь присутствует, буддизм сближает, буддийские форумы, паломничество	18	6	8	4
Религиозная близость – не данность, много нюансов, нет большого влияния на политику	14	4	4	6
Религиозный фактор значительно ослаблен, потребительское отношение к религии, сочетание с шаманизмом, христианством	7	3	2	2
Российская и монгольская цивилизации отличаются, христианство – западная религия, буддизм – восточная	1	–	–	1

Источник: составлено авторами на материалах экспертных интервью.
 Source: compiled by the authors based on expert interviews.

Эксперты из Монголии и российских регионов в целом положительно оценили перспективы межцивилизационного диалога России и Монголии преимущественно в гуманитарной сфере (табл. 5).

Между тем часть экспертов отметила, что необходимо активизировать экономическую сферу сотрудничества.

"Бурятия может стать узлом развития международного сотрудничества. Но пока не дотягивает до этого уровня. Потому что, что бы ни говорили, основополагающими в отношениях являются экономические отношения. Они у нас очень слабенькие. Если они усилятся, укрепятся..." (жен., 50 лет, Бурятия).

"У нас будут налажены тесные культурные и научные обмены. Но экономические отношения очень важны. Если не будет пошлин на импортные товары или будут аналогичные преференции, эти отношения будут развиваться ещё интенсивнее" (муж., 49 лет, Монголия).

Нельзя не согласиться с экспертами в том, что необходимо развивать сотрудничество в экономической сфере, чему в настоящее время вредят санкции: *"Санкции, конечно, налагают определенные трудности... Но мы очень твердо настояли... мы в России покупаем все ГСМ. Если границы перекроют, вы [Запад – прим. авт.], наверное, через космос нам не будете горячее поставлять"* (муж., 62 года, Монголия).

Стоит обратить внимание на выраженное экспертами беспокойство в отношении влияния на российско-монгольский диалог третьих стран, причем беспокойство россиян было по поводу влияния стран Запада, в то время как монгольские эксперты выражали настороженность по поводу влияния Китая.

"По моей практике общения со студентами из Монголии пятилетней давности было видно, что Монголия смотрит больше на Запад, чем на взаимодействие с Россией, но взаимодействие с Россией всё равно не прекращалось" (жен., 51 год, Калмыкия).

"Русские должны быть ближе к Монголии, чем к Китаю. Россия и Монголия должны объединить свои силы и защититься от мягкой силы Китая" (муж., 35 лет, Монголия).

Один из монгольских экспертов увидел препятствие к развитию межцивилизационного диалога в утрате бурятами и калмыками родных языков. Информанты из Калмыкии и Бурятии также упоминали о слабом владении

Табл. 5. Какое будущее у российско-монгольского межцивилизационного диалога?
Table 5. What is the future of the Russian-Mongolian intercivilizational dialogue?

Будущее российско-монгольского межцивилизационного диалога	Эксперты (частота суждений) (n=40)	Эксперты РБ (РФ) (n=13)	Эксперты РК (РФ) (n=14)	Эксперты Монголии (n=13)
Необходимо продолжать и всесторонне развивать культурные связи	20	5	7	8
Необходимо развивать экономические отношения, другие сферы сотрудничества подтянутся	8	4	2	2
Конкуренция с другими странами (Запад, США / Китай) в построении продуктивного сотрудничества России с Монголией	6	1	2	3
Монголия – перспективный стратегический партнер для России	6	3	3	–
Монголыязычные народы России теряют свои языки, пока нет возможности использования цивилизационного подхода	1	–	–	1

Источник: составлено авторами на материалах экспертных интервью.

Source: compiled by the authors based on expert interviews.

родным языком, но не видели в этом препятствия к развитию межцивилизационного диалога. *"Вот язык утратили, но ценность своего языка мы все прекрасно понимаем, и все хотим знать свой язык, мы гордимся тем, что у нас есть свой бурятский язык"* (жен., 50 лет, Бурятия).

Всё же российские эксперты из Бурятии и Калмыкии более оптимистичны в оценке будущего российско-монгольского диалога, некоторые даже выразили надежду на формирование в будущем стратегического партнерства между Россией и Монголией (6 экспертов). Между тем монгольские эксперты более прагматичны и на фоне очевидно доминирующего в регионе китайского фактора видят перспективу наших отношений преимущественно в культурных и научных связях.

Заключение

Российско-монгольские отношения на современном этапе демонстрируют устойчивость и способность к адаптации. Поворот России на Восток и стремление выстраивать отношения с Монголией на основе дружбы и добрососедства, учитывая многолетнюю традицию нашего взаимодействия, получают новый импульс в связи с актуализацией цивилизационного подхода. Межцивилизационный диалог позволяет выстроить новую конфигурацию регионального сотрудничества, где Россия, Монголия и Китай рассматриваются как равные государства-цивилизации. Однако усиление роли Китая во внешней торговле Монголии показывает несбалансированность наших экономических связей, хотя Россия сохраняет статус стратегического поставщика энергоресурсов, оборудования и продовольствия.

Согласно данным проведённых нами экспертных интервью в Монголии и регионах России, где проживают монголыязычные народы (Бурятия и Калмыкия), учёные из наших стран уже давно взаимодействуют по линии гуманитарного сотрудничества, и именно с ним связывают перспективы межгосударственных отношений. Более того, цивилизационный подход уже взят ими на вооружение и активно используется в исследовательских проектах. Мы отметили очевидное сближение трактовок понятий "монгольская цивилизация" и "российская цивилизация". Между тем, говоря о роли этнического фактора в межцивилизационном диалоге, учёные из Монголии не были склонны пре-

увеличивать его значение. Ряд экспертов из российских регионов и из Монголии отметили, что необходимо уделить особое внимание интенсификации экономических отношений для развития межцивилизационного диалога. Авторы также видят дальнейшее развитие отношений в диверсификации товарной структуры монгольского экспорта в РФ, реализации совместных инфраструктурных и туристических проектов, а также в углублении региональной и гуманитарной интеграции.

Литература / References

1. Базаров Б. В., Бадараев Д. Д., Цыренов Ч. Ц., Нолев Е. В., Гомбожапов А. Д. Россия, Монголия, Китай: исторические проекции межстранового взаимодействия. *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 727–741. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-727-741>
Bazarov B. V., Badaraev D. D., Tsyrenov Ch. Ts., Nolev E. V., Gombozhapov A. D. Russia, Mongolia, China: Historical Projections of Interaction between the Nations. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 4. P. 727–741. (In Russ.). <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-727-741>
2. Дмитрий Вольвач: в 2025 году товарооборот между Россией и Монголией вырос на четверть // Министерство экономического развития РФ. 12.05.2025. URL: https://economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_v_2025_godu_tovarooborot_mezhdu_rossiyey_i_mongoliej_vyros_na_chetvert.html (дата обращения: 06.03.2026)
Dmitry Volvach: In 2025, trade turnover between Russia and Mongolia increased by a quarter // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. 12.05.2025. (In Russ.). URL: https://economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_v_2025_godu_tovarooborot_mezhdu_rossiyey_i_mongoliej_vyros_na_chetvert.html (accessed 06.03.2026)
3. Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Монголией. 03.09.2019 // Министерство иностранных дел России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58600/ (дата обращения: 06.03.2026)
Treaty on Friendly Relations and Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and Mongolia. 03.09.2019 // Ministry of Foreign Affairs of Russia (In Russ.). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58600/ (accessed 06.03.2026)
4. Дондоков З. Б-Д. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: проблемы и перспективы регионального и приграничного сотрудничества. *Фундаментальные исследования*. 2024. № 10. С. 16–20. <https://doi.org/10.17513/fr.43682>
Dondokov Z. B-D. China – Mongolia – Russia Economic Corridor: Problems and Prospects of Regional and Cross-Border Cooperation. *Fundamental Research*. 2024. No. 10. P. 16–20. (In Russ.) <https://doi.org/10.17513/fr.43682>
5. ЕАЭС и Монголия заключили временное торговое соглашение. 27.06.2025. // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-mongoliya-zaklyuchili-vremennoe-torgovoe-soglashenie/> (дата обращения: 24.02.2026)
The EAEU and Mongolia signed a temporary trade agreement. 27.06.2025 // Eurasian Economic Commission. (In Russ.). URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-mongoliya-zaklyuchili-vremennoe-torgovoe-soglashenie/> (accessed 24.02.2026)
6. Железныков А. С. Монгольский узел: недостающее звено цивилизационной теории. *Власть*. 2009. № 5. С. 33–36.
Zheleznyakov A. S. The Mongolian Knot: The Missing Link of Civilizational Theory. *Vlast*. 2009. No. 5. P. 33–36. (In Russ.)
7. Железныков А. С., Никифоров С. В., Чулуун С. Политико-правовые основания взаимодействия России и Монголии как государств-цивилизаций. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2024. Т. 24. № 4. С. 1133–1147. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-4-1133-1147>
Zhelezniakov A. S., Nikiforov S. V., Chuluun S. Political-legal foundations of interaction between Russia and Mongolia as states-civilizations. *RUDN Journal of Sociology*. 2024. Vol. 24. No. 4. P. 1133–1147. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-4-1133-1147>
8. Лузянин С. Г. Российско-монгольские отношения и китайский фактор: современные трансформации. *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2022. № 4. С. 6–15. <https://doi.org/10.24412/2686-7702-2022-4-6-15>
Luzyanin S. G. The Russian-Mongolian relations and Chinese factor: modern transformations. *East Asia: Facts and Analytics*. 2022. No. 4. P. 6–15. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-7702-2022-4-6-15>
9. Лузянин С. Г., Кушхов Б. Х. Влияние проектов Экономического коридора Россия – Монголия – Китай на коммуникацию трансграничных этносов Российской Федерации и Монголии. *Монголоведение*. 2025. № 17 (3). С. 506–524. <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2025-3-506-524>

- Luzyanin S., Kushkhov B. The Impact of Russia-Mongolia-China Economic Corridor Projects on the Communication of Cross-Border Ethnic Groups of the Russian Federation and Mongolia. *Mongolian Studies*. 2025. No. 17 (3). P. 506–524 (In Russ.). <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2025-3-506-524>
10. Мигранян А. А., Динец Д. А. Векторы российско-монгольского сотрудничества. *Геоэкономика энергетики*. 2023. № 4 (24). С. 55–76. https://doi.org/10.48137/26870703_2023_24_4_55
Migranyan A. A., Dinets D. A. Vectors of Russian-Mongolian cooperation. *Geoeconomics of Energetics*. 2023. No. 4 (24). P. 55–76 (In Russ.). https://doi.org/10.48137/26870703_2023_24_4_55
 11. Первый форум регионов России и Монголии объединил представителей 14 регионов и аймаков двух стран // Областная газета. 01.12.2025. URL: <https://www.ogirk.ru/2025/12/01/pervyj-forum-regionov-rossii-i-mongolii-obedinil-predstavitelej-14-regionov-i-ajmakov-dvuh-stran/> (дата обращения: 24.02.2026)
The First Forum of Regions of Russia and Mongolia brought together representatives of 14 regions and aimags of the two countries // Regional Newspaper. 01.12.2025. (In Russ.). URL: <https://www.ogirk.ru/2025/12/01/pervyj-forum-regionov-rossii-i-mongolii-obedinil-predstavitelej-14-regionov-i-ajmakov-dvuh-stran/> (accessed 24.02.2026)
 12. Путин: при расчётах РФ и Монголии почти не используются доллары и евро // Ведомости. Бизнес. 03.09.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/09/03/1059649-putin-pri> (дата обращения: 06.03.2026)
Putin: Dollars and euros are almost never used in settlements between Russia and Mongolia // Vedomosti. Business. 03.09.2024 (In Russ.). URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/09/03/1059649-putin-pri> (accessed 06.03.2026)
 13. Россия увеличит квоты для монгольских студентов на 620 мест // ТАСС. 03.09.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21752139> (дата обращения: 06.03.2026)
Russia to Increase Quotas for Mongolian Students by 620 Places // TASS. 03.09.2024 (In Russ.). URL: <https://tass.ru/obschestvo/21752139> (accessed 06.03.2026)
 14. Сотрудничество Монголии и России в сфере туризма обсудили в Улан-Баторе // МОН-ЦАМЭ. 27.11.2025. URL: <https://www.converter.montsame.mn/ru/read/377101> (дата обращения: 24.02.2026)
Cooperation between Mongolia and Russia in the field of tourism was discussed in Ulaanbaatar // MONTSAME. 27.11.2025. (In Russ.). URL: <https://www.converter.montsame.mn/ru/read/377101> (accessed 24.02.2026)
 15. Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 "Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации" // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 06.03.2026)
Decree of the President of the Russian Federation. No. 229. 31.03.2023 "On Approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation" // President of Russia (In Russ.). URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (accessed 06.03.2026)
 16. Ульзетуева А. Д., Батомункуев В. С., Зангеева Н. Р. Проект "Транзитная Монголия" и его влияние на развитие Республики Бурятия. *Социально-экономическое развитие России и Монголии: проблемы и перспективы*. Улан-Удэ: ФГБОУ ВПО Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2024. С. 122–128.
Ulsetueva A. D., Batomunkuev V. S., Zangeeva N. R. The Transit Mongolia Project and its Impact on the Development of the Republic of Buryatia. *Socio-economic Development of Russia and Mongolia: Problems and Prospects*. Ulan-Ude: East Siberian State University of Technology and Management, 2024. P. 122–128. (In Russ.)
 17. Фадеева А. Ю. Перспективы реализации экономического коридора "Китай – Монголия – Россия" в контексте интеграционных процессов Евразии. *Евразийские исследования*. 2025. № 2. С. 60–74. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2025.58.14.006>
Fadeeva A. Yu. Prospects for the Implementation of the China – Mongolia – Russia Economic Corridor (CMREC) in the Context of Eurasian Integration Processes. *Eurasian Studies*. 2025. No. 2. P. 60–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.48647/ICCA.2025.58.14.006>
 18. Гадаад худалдаа // Үндэсний Статистикийн Хороо. URL: https://www.1212.mn/en/statcate/table-view/Economy,%20environment/Foreign%20Trade/DT_NSO_1400_006V3.px (дата обращения: 06.03.2026)
Foreign Trade // National Statistical Office of Mongolia (In Mong.). URL: https://www.1212.mn/en/statcate/table-view/Economy,%20environment/Foreign%20Trade/DT_NSO_1400_006V3.px (accessed 06.03.2026)
 19. Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал // Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=203362> (дата обращения: 06.03.2026)
The Concept of Mongolia's Foreign Policy // Legal Information System (In Mong.). URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=203362> (accessed 06.03.2026)
 20. Хатанболд О. "Нэг бүс Нэг зам" санаачилга ба Монгол Улс: Шинжээчдийн судалгааны үр дүн. *Олон Улс Судлал*. 2023. 46. No. 116. С. 31–49. <https://doi.org/10.5564/jis.v46i116.3298>
Khatanbold O. The Belt and Road Initiatives & Mongolia: Expert survey results. *International Studies*. 2023. Vol. 46. No. 116. P. 31–49. (In Mong.). <https://doi.org/10.5564/jis.v46i116.3298>

21. Katzenstein P. J. *Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives*. New York: Routledge, 2010. 248 p.
22. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 450 p.

Информация об авторах

Татьяна Николаевна Литвинова, д-р полит. наук, профессор кафедры государственного регулирования Московского государственного института международных отношений МИД России, Москва, Россия, e-mail: tantin@mail.ru

Сампилдондов Чулуун, д-р ист. наук, академик Монгольской академии наук, генеральный директор Чингис хаан Национального Музея, Улан-Батор, Монголия, e-mail: samchuluun@gmail.com

Information about the authors

Tatyana N. Litvinova, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of State Regulation, Moscow State Institute of International Relations University, Moscow, Russia, e-mail: tantin@mail.ru

Sampildondov Chuluun, Doctor of Historical Sciences, Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Director General of the Chinggis Khaan National Museum, Ulaanbaatar, Mongolia, e-mail: samchuluun@gmail.com

Поступила в редакцию 13.04.2026

Received 13.04.2026

Одобрена после рецензирования 15.05.2026

Approved 15.05.2026

Принята к публикации 27.05.2026

Accepted 27.05.2026

Трансграничное взаимодействие российских регионов Внутренней Азии с Монголией: состояние и перспективы

Дамдин Доржиевич Бадараев
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН,
Улан-Удэ, Россия, damdin80@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению состояния и перспектив трансграничного взаимодействия приграничных российских регионов с Монголией. Обсуждение актуальных вопросов российско-монгольского сотрудничества демонстрирует связанность с трансграничностью, в частности, с российскими регионами Внутренней Азии – национальными республиками Бурятией, Тывой, Алтаем и Забайкальском краем. Дается обзорный анализ ключевых направлений трансграничного взаимодействия между Россией и Монголией, касающихся приграничных территорий, которые исторически и на современном этапе выполняют контактную и транзитную функции. Обозначены проблемные аспекты реализации крупных трансграничных проектов, связанных с интеграцией трёхсторонних инициатив России, Монголии и Китая. В условиях российско-монгольского трансграничья показана важность учёта специфических особенностей российских регионов как элементов северной части Внутренней Азии, объединённых историческими и этнокультурными связями.

Ключевые слова: трансграничное взаимодействие, Внутренняя Азия, российские регионы Внутренней Азии, Монголия, внутренняя и внешняя политика, инфраструктура, приграничные общества

Исследование выполнено в рамках государственного задания, проект № 126020516654-4 "Россия и Внутренняя Азия: стратегии долговременного развития, социальные изменения и трансграничное взаимодействие в условиях глобальных и национальных вызовов"

Для цитирования: Бадараев Д. Д. Трансграничное взаимодействие российских регионов Внутренней Азии с Монголией: состояние и перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 2. С. 23–33. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/23-33>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/23-33>

Cross-Border Interaction of Russian Regions of Inner Asia with Mongolia: Current State and Prospects

Damdin D. Badaraev
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russia, damdin80@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the state and prospects of cross-border interaction of the Russian border regions with Mongolia. The discussion of current issues in Russian-Mongolian cooperation demonstrates the connection with cross-border issues, particularly with Russian regions of Inner Asia – the national republics of Buryatia, Tuva, Altai and the Trans-Baikal Territory. An overview analysis of the key areas of cross-border interaction between Russia and Mongolia is provided, concerning border territories that historically and at present perform contact and transit functions. Problematic aspects of implementing large cross-border projects related to the integration of trilateral initiatives of Russia, Mongolia and China are identified. In the context of Russian-Mongolian borderlands, the importance of taking into account the specific features of the Russian regions as elements of the northern part of Inner Asia, united by historical and ethnocultural ties, is demonstrated.

Key words: cross-border interaction, Inner Asia, Russian regions of Inner Asia, Mongolia, domestic and foreign policy, infrastructure, border communities

The research was funded by the government subsidy, project No 126020516654-4 "Russia and Inner Asia: Long-Term Development Strategies, Social Change, and Cross-Border Interaction in the Context of Global and National Challenges"

For citation: Badaraev D. D. Cross-Border Interaction of Russian Regions of Inner Asia with Mongolia: Current State and Prospects // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 23–33.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/23-33>

Введение

Сопредельный для России статус Монголии является важным основанием для исследования трансграничных процессов, имеющих принципиальное значение для российских регионов Внутренней Азии. К этим регионам относятся четыре субъекта РФ – Забайкальский край и три национальные республики – Бурятия, Тыва, Алтай. Несмотря на наличие фактора границ, регионы исторически связаны с Монголией и между собой своеобразными этнокультурными узами. Этническая и культурная близость народов и обществ проявляется в языке, культуре, религии, традициях и обычаях этнических групп, населяющих приграничные регионы. В каждом из этих регионов сло-

жился полиэтничный состав, представляющий местный колорит титульных этносов и пришлого населения. Слабее межрегиональная связь проявляется по экономическим и политическим основаниям. Исторические отсылки к теме трансграничья показывают важность буферного расположения этих российских регионов относительно внешнего соседа в разные эпохи. Их роль широко проявлялась при межстрановом взаимодействии в имперский период российской и цинской истории, а позднее и на социалистическом этапе, когда Монголия полностью находилась в орбите единого блока социалистических стран.

На современном этапе несмотря на незавершённость дискуссий относительно определения термина "российские регионы Внутренней Азии" (РРВА) в географии, истории, социологии, экономике и других научных областях, актуализация этого понятия имеет принципиально важное значение с точки зрения выявления особенностей трансграничного взаимодействия российских регионов с Монголией и её приграничными регионами – аймаками. Социально-экономические параметры, этнический состав, численность населения и другие особенности российских регионов Внутренней Азии при углубленном рассмотрении указывают на существенную дифференциацию между ними. Это является важным основанием для их сравнительного анализа и выстраивания прогнозных оценок на линии двустороннего взаимодействия России и Монголии [15].

В рассматриваемом ключе осуществляемые приграничными регионами соседствующих стран контактные, трансграничные взаимодействия имеют не только конечный, но и транзитный характер. Эти регионы пропускают через свои территории наземные пассажирские и транспортные потоки, проводят работу по социально-экономическому, культурному и гуманитарному сотрудничеству. В этом процессе имеет ключевое значение потенциал пропускной способности пунктов пересечения границ, их инфраструктурная обеспеченность, развитость дорожно-транспортной сети к расположению таких пунктов и далее вглубь страны. Нормативно-правовые аспекты регулирования трансграничного взаимодействия РРВА с Монголией опираются на согласованные ключевые документы международного характера, подписанных между Россией и Монголией [6].

Теоретико-концептуальные рамки исследования

Геополитические реалии и обсуждаемая стратегия "российского поворота на Восток", а также востребованность в общественном сознании и политической стратегии поиска новых смыслов в системе мироустройства требуют пересмотра концептуальных взглядов евразийства. А. С. Железняков предлагает методологию исследования сложных модернизационных процессов с учётом цивилизационного развития России и Монголии [5; 6; 14]. В этой связи изучение опыта и перспектив трансграничного взаимодействия российских регионов Внутренней Азии с Монголией становится одной из важных исследовательских задач, требующих комплексного охвата приграничных регионов в формате общероссийской государственности. Предложенная концепция отдельной монгольской цивилизации демонстрирует место Монголии как ядерного локуса Внутренней Азии, в составе которой находятся трансграничные общества обширной территории Евразии, где народы, населяющие эти пространства, обладают схожими чертами и характеристиками [11, с. 31]. Бывших и нынешних кочевников этих территорий можно назвать коренными народами, объединёнными общностью происхождения, территории, истории, культуры и языка. "Главными признаками коренных народов являются: историческая связь с территорией их проживания; осознание себя таковыми; наличие собственного языка, культуры, обычаев и традиций; желание сохранить свою землю и этническую самобытность в качестве основы для продолжения своего существования в качестве культурной и языковой общности" [10, с. 9].

Исследования трансграничья относятся к сравнительным межстрановым социальным исследованиям – одному из наиболее сложных видов оценки в социальных науках, когда подвергаются сопоставительному анализу демографические, экономические, политические, культурные и другие показатели по обе стороны границы. Дополнение результатов массовых опросов статистическими данными, актуальной информацией СМИ, социальных сетей в интереснейшем аспекте, позволяет рассматривать изучаемую проблематику

через количественные и качественные показатели, а также определить динамику и дальнейшие тенденции её изменения. Кроме того, важное значение имеет метод вторичного анализа данных, полученных в результате изучения рассматриваемой проблемы. Особый исследовательский интерес представляют объекты, характеризующиеся сложносоставным трансграничным статусом, такие как, например, Внутренняя Азия. Изучение такого объекта через категорию "трансграничье" позволяет придерживаться базовых принципов сравнительных межстрановых исследований: синхронизации, аналогичности методик, объективности, валидности, надёжности исследования и т. д.

В академическом дискурсе термин "Внутренняя Азия" периодически привлекает внимание научной общественности. Географическая характеристика Внутренней Азии подчёркивается отсутствием прямого выхода к морю. При попытке представить определение этого понятия с позиций субъекта исследования географические границы часто перекрещиваются с политическим контекстом в историческом разрезе. В нашем случае под Внутренней Азией понимается обширный регион срединной части Евразии, включающий независимые государства – Монголию, Афганистан и постсоветские республики Центральной Азии, а также на севере – три автономных региона КНР (Синьцзян-Уйгурский, Тибетский, Внутреннюю Монголию) и четыре российских региона: Забайкальский край и три национальные республики – Бурятию, Тыву и Алтай [8]. Общая протяженность российско-монгольской государственной границы составляет более 3,5 тыс. км. Кроме того, Забайкальский край граничит с Китаем, а Республика Алтай – с Китаем и Казахстаном. М. С. Михалев рассматривает регионы российского трансграничья в качестве особых буферных зон, обладающих огромным экономическим, политическим, духовным и культурным потенциалом для продвижения интересов страны в условиях разворота геополитики на Восток. Коренные народы приграничья, как полагает автор, играют роль проводников-медиаторов культурных и социальных влияний обеих стран [9, с. 5].

За постсоциалистический период существенно изменился потенциал каждого из рассматриваемых регионов ввиду падения промышленных мощностей, развала сельскохозяйственной отрасли, демографических колебаний и усиления центростремительных миграционных волн. Меняется этнонациональный состав приграничных территорий. Трансформация постсоциалистического периода привела к переформатированию экономического и общественного уклада регионов: ушли в историю коллективные формы хозяйствования и связанные с советской идеологией общественное обустройство населённых пунктов и социально-классовая структура населения.

В результате трансформационных изменений в региональных обществах ситуативно выработались адаптационные стратегии к изменяющимся реалиям, что позволило местному населению обратиться к традиционным хозяйственно-бытовым практикам и архаичным формам экономической активности, к вопросам возрождения культуры, языка и обычаев титульных этносов [7]. Интерес к региону со стороны приезжих выстраивается в русле развития этнического, оздоровительного, экологического и религиозного туризма. Деятельность региональных властей, общественных организаций и гражданских инициатив в рассматриваемых регионах позволяла решать непростые вопросы в период турбулентных волн, повторяющихся с 1990-х гг. по настоящее время. За прошедшие десятилетия институционализировано положение субъектов федерации с определением прав, полномочий и обязанностей регионов. В частности, особым статусом были наделены национальные республики, автономные области и округа. РРВА представляют интерес как отдельные субъекты федерации, имеющие свои специфические особенности по ряду административно-территориальных, социально-экономических, демографических, этнокультурных, географических и других параметров. Фактически все четыре региона характеризуются как богатые минерально-сырьевыми ресурсами, но слабые по социально-экономическим показателям и демографическому потенциалу.

Монголия в системе международных отношений

Монголия как суверенное государство проводит свою независимую внутреннюю и внешнюю политику. В международной практике страна офи-

циально придерживается политики нейтралитета и многопорной внешней политики [1]. Приверженность концепции "третьего соседа" предусматривает как равноудалённость от своих вечных соседей (РФ и КНР), так и равноприближённость к группе стран, которые географически не являются соседями, но имеют устоявшиеся с Монголией дипломатические отношения. Такая внешняя политика Монголии позволяет ей гибко маневрировать между интересами не только соседних государств – Российской Федерации и Китайской Народной Республики, но и других стран, с которыми она проводит свою политику в разных сферах межгосударственных отношений. На сегодня Монголия установила дипломатические отношения со всеми странами – членами ООН. Экспортно-импортная зависимость Монголии от двух своих соседей характеризует её как страну с ограниченными возможностями для самостоятельных крупных торгово-экономических действий на международной арене. Сформировавшаяся система международного товарооборота, включая экспорт минерально-сырьевых и энергетических ресурсов в Китай (около 90%), а из России – импорт ГСМ (около 95%), электроэнергии и других важных товарных позиций, для Монголии является ключевым фактором обеспечения финансово-экономической и социальной стабильности.

Стремление к энергетической независимости и выход на мировой рынок минерально-сырьевых ресурсов остаются ключевыми приоритетами для поступательного развития монгольской экономики. На международном уровне с регулярностью обсуждаются вопросы строительства в Монголии новых гидро- и атомной станций, а также возможности модернизации угольных станций. Уже много лет затягивается вопрос строительства гидроэлектростанций на притоках трансграничной р. Селенги ввиду их прогнозируемого негативно-го влияния на экологию и биосферу объекта всемирного наследия ЮНЕСКО – о. Байкал. Также запланировано строительство ГЭС "Эрдэнэбүрэн" в Кобдосском аймаке Западной Монголии в бассейне озёр Хурган-Нуур и Хар-Ус-Нуур за счёт кредитного соглашения с Китаем, подписанного в конце 2024 г. В настоящее время электрификация северных аймаков Монголии обеспечивается преимущественно приграничными российскими электростанциями. Аналогичная постановка вопроса регулярно находится в актуальной межгосударственной повестке по поводу импорта горюче-смазочных материалов из России. Строительство собственного нефтеперерабатывающего завода на востоке страны и дополнительных резервуаров для хранения нефтепродуктов остаются важнейшими приоритетами обеспечения топливно-энергетической независимости страны.

На государственном уровне уделяется большое внимание вопросу развития свободных экономических зон. В декабре 2021 г. Правительством Монголии представлена среднесрочная программа развития "Новая политика возрождения" ("Шинэ сэргэлтийн бодлого" – на монг.) [18]. В программу включён, в частности, комплекс мероприятий по обновлению пунктов пропуска на всём периметре госграницы, в том числе на участке границы с Российской Федерацией. Для выполнения задач в рамках "Политики нового возрождения" в 2022 г. постановлением Правительства Монголии был учреждён специальный исполнительный орган – Национальный комитет по возрождению пограничных пунктов пропуска [12, с. 3–4]. На межгосударственных встречах представители Монголии инициируют включение в актуальную повестку обсуждение вопросов регулирования таможенно-пошлинных ограничений. Важным шагом в направлении решения таможенных вопросов считается подписание в Минске 27 июня 2025 г. многостороннего документа "Временное торговое соглашение между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Монголией, с другой стороны". Согласно этому документу предусматривается упрощение таможенных процедур и углубление экономического сотрудничества, либерализация и установление режима свободной торговли Монголии с государствами – членами ЕАЭС (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация) [4]. Документ прошёл ратификацию во всех государствах-членах с декабря 2025 г. по март 2026 г. В перспективе стороны рассчитывают выйти на подписание полноформатного соглашения о свободной торговле. Монголия в системе международных отношений характеризуется политическим суверенитетом, ведением многопор-

ной внешней политики, экономической зависимостью от "двух вечных соседей". Для Монголии важнейшими приоритетами остаются трансграничные взаимодействия с регионами РФ и провинциями КНР.

Анализ инфраструктурных взаимодействий в формате сопредельных стран

В российско-монгольских отношениях по формальным признакам отмечается высший уровень межгосударственного сотрудничества. В развитие подписанных ранее между Россией и Монголией международных договоров в 2019 г. было подписано Соглашение о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, имеющее принципиально важное значение для полноценного сотрудничества по направлениям внешней политики, развития экономических, гуманитарных и культурных связей. Особый статус в трансграничном взаимодействии имеют документы многостороннего формата, подразумевающие сопряжение инициатив каждой из сторон: китайской "Один пояс – один путь", российской "Евразийский экономический союз", монгольской "Путь развития". Так, в 2016 г. лидерами трёх стран в Ташкенте на полях саммита ШОС была принята "Программа создания экономического коридора Китай — Монголия — Россия (ЭКМР)". За прошедшее десятилетие практика показала, что данная программа имеет формат установочного документа, отражающего дружеские намерения о трансграничном сотрудничестве трёх стран по согласованному 32 проектам. Основные направления проектов связаны с созданием и совершенствованием транспортных коридоров, регулированием таможенно-логистических вопросов, наращиванием людских и транспортных потоков, развитием сотрудничества в гуманитарной, культурной областях, сферах образования, науки и здравоохранения. С учётом геополитической повестки лидеры трёх стран проводят "сверку часов" в период проведения саммитов ШОС, экономических форумов, а также в ходе официальных встреч делегаций на высшем уровне. Научные мероприятия проводятся на разных международных площадках в форматах конференций и форумов в приграничных регионах. В Китае функционирует широкая сеть "мозговых центров", специализирующихся на вопросах продвижения инициативы "Один пояс – один путь", включающей "Новый шёлковый путь" и "Экономические коридоры". На фоне развития событий на мировой политической арене происходит периодическое обновление тематик дискуссий между тремя странами. Поставка энергоресурсов из России в Китай в период санкционных войн с недружественными странами является актуальным вопросом, требующим постоянного обсуждения на уровне высших органов власти двух стран. Объём газа, доставляемый в Китай по российскому газопроводу "Сила Сибири" и из других стран Центральной Азии, считается недостаточным для обеспечения всех энергетических потребностей крупнейшей в мире китайской экономики. К очередному крупному транзитному проекту относится "Сила Сибири – 2". Высока потенциальная роль именно Монголии как транзитёра российского газа по новому проекту, который проектируется по монгольской территории под названием "Союз Восток". Однако по данному транснациональному проекту всё ещё не достигнуто полное согласие по поводу принципиальных позиций трёх стран. Ожидания приграничных районов Бурятии и Монголии от воплощения в жизнь этого проекта связаны с востребованностью отраслей экономики и населения в экологически чистом, относительно дешёвом и доступном транзитном топливе. Как известно, в Бурятии и Монголии проблема энергетических ресурсов стоит очень остро ввиду загазованности столиц – Улан-Удэ и Улан-Батора, ограничения заготовок леса в качестве топлива для жилья с печным отоплением, дороговизны электричества для населения и производственных предприятий. Высока также востребованность китайской экономики в экологически чистых видах топлива в дополнение к постепенной замене неэкологических угольных энергетических технологий в промышленных секторах Китая.

Десять действующих пограничных пунктов пропуска РРВА находятся в связке с предполагаемыми экономическими коридорами России, Монголии и Китая. Каждый из регионов имеет важные с точки зрения трансграничного взаимодействия пограничные пункты: в Республике Бурятия – "Наушки – Сухбаатар" (ж/д), "Кяхта – Алтанбулаг", "Монды – Ханх" (авто), в Забайкальском крае – "Верхний Ульхун – Ульхан" (авто), "Соловьёвск – Эрэнцав" (авто)

и ж/д), в Республике Тыва – "Цаган-Толгой – Арцсуурь", "Хандагайты – Боршоо", "Шара-Сур – Тэс" (авто), в Республике Алтай – "Ташанта–Цаган-Нур" (авто). Первые два региона имеют железнодорожные и автомобильные переходы, остальные два – только автомобильные. Практически все пограничные переходы нуждаются в модернизации и подлежат реконструкции в ближайшие годы [12, с. 4].

Среди всех четырёх регионов Республика Бурятия является наиболее инфраструктурно обеспеченным по существующей транспортной логистике с Монголией. Ширококолейная трансмонгольская железнодорожная линия, построенная по советским стандартам и берущая начало в международном российско-монгольском пункте Сухбаатар – Наушки, пролегает через всю Монголию до монголо-китайского пункта Замын Ууд – Эрлян. Владелец этой дороги является российско-монгольская акционерная компания "Улан-Баторская железная дорога" (УБЖД), основанная ещё в 1949 г. УБЖД занимает лидирующую позицию в стране по протяжённости принадлежащих компании железных дорог (около 80%). Трансмонгольская железная дорога нуждается в существенной модернизации в связи с такими технологическими недостатками, как однопутность, отсутствие электрификации, устаревание составов (локомотивов, грузовых и пассажирских вагонов), малое количество модернизированных станций и т. д. Востребованность наращивания объёмов транзитной доставки грузов обусловлена ростом показателей до 9% от всего объёма транзитных железнодорожных грузов между Китаем, Россией и другими европейскими странами. Строительство новых железнодорожных веток на юге страны по китайским (узкоколейным) стандартам преимущественно направлено на экспорт угля, медного концентрата и других полезных ископаемых из месторождений Тавантолгой и Оюутолгой. Ещё одна железнодорожная ветка, построенная в советский период, связывает Забайкальский край с городом Чойбалсан – аймачным центром Дорнодского аймака Монголии. Пограничный пункт Соловьевск – Эрэнцав, так же, как и сама железная дорога, относится к объектам, нуждающимся в комплексной технологической модернизации.

В Монголии активно реализуется проект "Мянганы зам", согласно которому все аймачные центры соединены асфальтированной дорогой со столицей. Возлагается большая ответственность на власти страны по поводу строительства так называемых вертикальных дорог по проектным маршрутам экономических коридоров, которые должны связать скоростными дорогами южную и северную границы Монголии и расположенные вдоль них российские регионы. Так, Западная Монголия обеспечена уже автодорогой, соединяющей монголо-китайский переходный пункт "Булган – Такашикен" с российско-монгольским пропускным пунктом "Ташанта – Цаган-Нур". За ковидные годы завершено строительство автодороги "Улан-Батор – Дархан", ведущей на север к российской границе. Обсуждается вопрос модернизации автомобильной дороги до приграничного посёлка Алтанбулаг, граничащего с г. Кяхта Республики Бурятия. Практика показывает, что существующие пограничные пропускные пункты сталкиваются с проблемой модернизации действующих и закрытых пограничных переходов, возникают вопросы относительно востребованности этих пунктов с обеих сторон. В 2025 г. на монгольском пункте перехода Алтанбулаг было проведено комплексное обновление основных корпусов и терминалов для пропуска автотранспорта, в 2022 г. на российской стороне в г. Кяхте также был введён в эксплуатацию автомобильный пропускной пункт. Результаты обновления позволили с двух сторон значительно увеличить объёмы пропускаемого транспорта в обоих направлениях. С завершением пандемии Covid-19 возле МАПП Кяхта введён в оборот международный транспортно-логистический центр.

Важной темой по расширению трансграничного сотрудничества России, Монголии и Китая является транснациональный туристический маршрут "Великий чайный путь", соединявший три страны через международную караванную торговлю на протяжении почти трёх веков. Сроки начала и конца функционирования этого масштабного торгового пути связаны с подписанием Кяхтинского договора в 1727 г. и переломными событиями начала XX в. На современном этапе ревитализация базовых идей "Великого чайного пути" рассматривается как возможная через современную парадигму экономических

коридоров. По этому проекту предусматривается строительство транспортных, логистических и торгово-экономических маршрутов между тремя странами через трансграничные регионы монгольского мира. Результаты экспедиционных исследований ИМБТ СО РАН в КНР (август 2025 г., Северный Китай; апрель 2026 г., Южный Китай) демонстрируют широкий спектр требуемых для решения вопросов, касающихся идей реализации трехсторонних проектов по аналогии с Великим чайным путём [2]. Они связаны с многоуровневым процессом согласования между сторонами концептуальных задач международного сотрудничества, начиная от понимания проекта, завершая инвестиционными вливаниями и получением дивидендов его участниками. Особого внимания требуют проблемы социальных коммуникаций между сторонами, выражающиеся в межцивилизационном различии сторон, нехватке квалифицированных кадров, их профессиональной подготовке, создании унифицированных цифровых баз для трехстороннего взаимодействия и др.

Важным событием по актуализации трёхстороннего трансграничного сотрудничества станет юбилейная дата празднования 300-летия г. Кяхты в июне 2027 г. в Республике Бурятия. Чествование подписания Кяхтинского договора в 1727 г., при должном привлечении международного сообщества, способно выступить эффективной международной площадкой для перезагрузки затягивающихся при реализации трехсторонних проектов по ЭКМР, переосмысления исходных позиций исторического величия Кяхты как одного из ключевых хабов в трансграничном взаимодействии трёх стран. Такое видение на сопряжение инициатив может интегрировать современные интересы трёх стран с учётом большого исторического опыта на примере российско-цинского приграничного торгового пункта "Кяхта – Маймачен". Слобода Кяхта пережила расцвет и падение трансграничной торговли и сыграла судьбоносную роль в развитии не только окраинных территорий, но и затронула продолжающимся чайным маршрутом крупные города и центральную часть Российской империи. "Песчаная Венеция" – Кяхта в ходе своего развития стала богатейшим и важнейшим торговым городом, соединившим сухопутным путём чайные провинции юга, предприимчивых шансийских купцов и регионы Северного Китая с монгольскими караванщиками, купечеством России и европейских городов. Через трансграничное взаимодействие и приграничные регионы произошло ускорение экономического и культурного взаимовлияния Цинского Китая и входившей в его состав Внешней Монголии с Российской империей и европейскими странами. Применение имеющегося исторического опыта и рациональный взвешенный подход выстраивания трёхстороннего сотрудничества способны привести к эффективным результатам как ответ на новые вызовы современности.

Гуманитарное трансграничное сотрудничество

Отдельного внимания заслуживают сферы применения методов "мягкой силы" между вечными соседями, в частности, на трансграничных территориях: образование, научное сотрудничество, культура, здравоохранение, народная дипломатия. Среди значимых примеров трансграничного взаимодействия между странами – получение профессионального образования в социалистический период представителями соседней Монголии через систему подготовительных и языковых курсов. Курсы Монголрабфака были организованы в 30-е гг. прошлого века сначала в Улан-Удэ, позже – в Кяхте и в Улан-Баторе. Численность монгольских граждан, получивших образование в советских вузах, превысила 80 тыс. человек. В самой Монголии созданы ассоциации выпускников советских и российских вузов. Через систему подготовительных курсов прошли граждане Монголии, впоследствии ставшие выдающимися личностями в истории страны. Эта практика в постсоветский период реализуется через систему предоставления квотируемых Правительством РФ мест для бесплатного обучения монгольских граждан в учебных заведениях Российской Федерации. В 2025 г. количество квотных мест для граждан Монголии составило 620, что является одним из самых высоких показателей среди стран, которым предоставляются такие места. Результаты социологического исследования, проведённого среди старшеклассников монгольских школ, показали слабую востребованность российского образования в условиях высокой конкуренции со стороны вузов других стран. Преимущественными условиями

для привлечения потенциальных абитуриентов из Монголии являются: предоставление правительственных квот и расширение их количества по вузам страны, строительство межвузовских кампусов в приграничных регионах с предоставлением высококачественного образования по востребованным современным специальностям. Межвузовские кампусы, ориентированные на монгольских абитуриентов, планируется построить в ближайшие годы в приграничных регионах – Республике Бурятия и Забайкальском крае. Важным ориентиром для монгольских абитуриентов является близкое, приграничное расположение учебных заведений и обучение русскому языку как важнейшее условие для получения образования в России. По данным социологического исследования, хороший уровень владения русским языком отметили лишь 2% опрошенных респондентов, остальные либо плохо, либо вовсе не владеют им [16, с. 177]. Требуется системная работа по распространению русского языка в Монголии с учётом современных реалий и высокой конкуренции со стороны иных зарубежных образовательных систем. Как известно, за постсоветский период, после ряда попыток российских вузов создать сеть филиалов в Монголии, единственный российский вуз представлен филиалом Плехановского университета, который совмещает в себе многоуровневую непрерывную систему образования, функционирующую по принципу "детский сад – средняя школа – вуз".

Курс на дальнейшее сближение образовательных систем двух стран обозначен и на первом Форуме ректоров России и Монголии, который прошел 4 июля 2025 г. в Улан-Удэ. Образовательное мероприятие, проведенное под эгидой Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства образования Монголии, объединило все крупные вузы России и Монголии. Вторым форумом запланирован в монгольском городе Дархан летом 2026 г.; на нём преследуются цели по расширению образовательного сотрудничества вузов двух стран, где важную роль также играют приграничные регионы со сформировавшейся образовательной системой.

Важной предпосылкой для расширения сотрудничества в сфере социально-гуманитарных связей является международный туризм. Введение между Россией и Монголией в ноябре 2014 г. взаимного безвизового режима дало дополнительный импульс развитию приграничного туризма. Объём турпотоков можно рассмотреть в разрезе до и после пандемийных ограничений. За прошедшие доковидные годы численность туристических визитов в обоих направлениях увеличивалась постоянными темпами, особенно на фоне изменения валютного курса. В постковидные годы, а также в условиях усиления санкционных ограничений против России, турпоток из Монголии не достиг доковидного уровня (2019 г. – 344,4 тыс. человек, 2025 г. – 279,4 тыс. человек) [17]. Тенденция роста наблюдается по посещаемости Монголии российскими туристами, особенно из приграничных территорий (2019 г. – 142 тыс. человек, 2024 г. – 213,2 тыс. человек) [3]. Основная цель посещения Монголии – туризм, который набрал достаточно высокие обороты ввиду предоставления в туристическом сегменте широкого перечня достопримечательностей, товаров и услуг. В постковидный период Монголия объявила 2025–2026 гг. "Годами открытости" для посещения туристами из разных стран. В конце 2025 г. руководство страны приняло решение о продлении годов открытости. Практика и опыт доковидных туристических потоков показали важность туризма для региональных экономик, в частности для мелкого и среднего бизнеса принимающих обществ. В постковидный период многие приграничные города, в частности города РРВА, находятся в режиме ожидания туристических потоков из Монголии и КНР, которая сначала объявила эксперимент по введению безвизового режима для российских туристов в сентябре 2025 г. на один год, а весной 2026 г. продлила режим ещё на год. Российская сторона приняла "зеркальные меры" по эксперименту первого года; вероятно, ожидается продление безвизового режима для китайских граждан. Подобные меры, как показывает практика, играют существенную роль при наращивании трансграничного взаимодействия между приграничными регионами с последующими комплексными эффектами и влиянием на социально-экономический уровень сопредельных территорий.

Развитие народной дипломатии между приграничными территориями, организация международных культурно-массовых фестивалей "Алтаргана",

"Баргуджин", "Торгон зам", а также проведение спортивных мероприятий по национальным и другим видам спорта становятся важными факторами для обогащения культур полиэтнических групп приграничных территорий. Такие фестивали обычно включают в свою программу культурные, спортивные и научные мероприятия. Конкуренность и состязательность позволяют определять лучших среди команд и личному участию спортсменов по отдельным видам проводимых мероприятиях. Международные фестивали носят кочующий характер и проводятся поочередно на разных территориях трансграничья. Например, международный всебурятский фестиваль "Алтаргана" проводится один раз в два года с 1996 г. в аймаках Монголии (Хэнтэйском, Дорнодском, Булганском) и регионах РФ (Забайкальском крае, Республике Бурятия, Иркутской области). В 2026 г. 16-ый фестиваль будет организован в Республике Бурятия в г. Улан-Удэ и пригородных районах.

Религиозный фактор также относится к одному из важных связующих звеньев между населением приграничных территорий России и Монголии. Традиционный буддизм и шаманизм, исповедуемые монгольскими этническими группами двух стран, являются развивающимися направлениями в духовной культуре народов трансграничья. Как известно, буддизм и шаманизм исповедуются в России большинством бурят, калмыков и тувинцев, а также частично алтайцами. В рассматриваемых регионах России давно стало нормой мирное сосуществование православия, буддизма, ислама, шаманизма и других традиционных верований местного населения. В последние годы представители разных этнических групп активно интересуются и посещают буддийские регионы, включая религиозные мероприятия, а некоторые становятся приверженцами буддийских религиозных течений и начинают следовать буддийским канонам. Проведение Буддийского форума в Бурятии (2023, 2024), Калмыкии (2025) и Туве (2026) является резонансным событием, привлекающим внимание мировой общественности и представителей буддийских стран.

Заключение

Таким образом, трансграничное взаимодействие является важным механизмом обеспечения международного сотрудничества, требующим углублённого исследования всех процессов, протекающих в приграничье стран по разные стороны границы. Кроме того, такое взаимодействие способствует не только наращиванию экономического сотрудничества и социально-экономическому развитию, но и культурному взаимообогащению приграничных зон.

В условиях поворота России на Восток необходимы сбалансированные внешнеполитические стратегии по обеспечению трансграничного взаимодействия российских регионов Внутренней Азии с Монголией и её приграничными аймаками. Такое регулирование позволит в необходимой мере продвигать международные интересы сторон и в то же время развивать социально-экономические и инфраструктурные основы функционирования приграничных зон как востребованных транзитных территорий для обеспечения строительства международных транспортных и экономических коридоров.

Проведённый анализ показывает, что трансграничное взаимодействие российских регионов с Монголией имеет определённые возможности и перспективы для дальнейшего развития. В поликультурном глобализирующемся обществе, с одной стороны, местные сообщества придерживаются общих стратегий адаптации: они более гибко реагируют на вызовы современности и готовы приспосабливаться к изменяющимся условиям. С другой стороны, глоболокальные тенденции приводят к локализации и капсулированию некоторых сообществ и выработке ими самобытных адаптационных тактик, совмещённых с возвращением к традиционным хозяйственно-бытовым и социокультурным практикам.

Международный туризм и применяемые странами методы "мягкой силы" относятся к приоритетным направлениям обеспечения взаимовыгодного сотрудничества сторон. Эти направления требуют постоянного внимания со стороны федерального центра и органов власти приграничных регионов. Возникает необходимость соответствующего планомерного инфраструктурного инвестирования и социально-экономического развития территорий, модер-

низации пограничных пунктов перехода, создания взаимовыгодных условий для привлечения инвесторов.

Литература / References

1. Бадараев Д. Д. Российско-монгольское трансграничье: структурные и этнокультурные особенности социальных изменений; отв. ред. З. Т. Голенкова. Улан-Удэ: Изд-во ИМБТ СО РАН, 2025. 325 с.
Badaraev D. D. The Russian-Mongolian Borderland: Structural and Ethnocultural Features of Social Change; ed. by Z. T. Golenkova. Ulan-Ude: Publishing House of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2025. 325 p. (In Russ.)
2. Базаров Б. В., Бадараев Д. Д., Базаров А. Б., Гомбожапов А. Д., Намжилова В. О., Цыренов Ч. Ц., Энхчимэг Ц. От Чайного пути к Монгольскому коридору "Нового Шёлкового пути": полевые результаты междисциплинарной экспедиции Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН в КНР (август 2025 г.). *Монголоведение*. 2025. Т. 17. № 3. С. 525–545.
Bazarov B. V., Badaraev D. D., Bazarov A. B., Gombozhapov A. D., Namzhilova V. O., Tsyrenov Ch. Ts., Enkhchimeg Ts. From the Tea Road to the Mongolian Corridor of the "New Silk Road": Field Results of the Interdisciplinary Expedition of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in the People's Republic of China (August 2025). *Mongolian Studies*. 2025. Vol. 17. No. 3. P. 525–545. (In Russ.)
3. Большинство туристов, посетивших Монголию в 2025 году, являются гражданами России. // Рамблер. URL: <https://travel.rambler.ru/abroad/54807119-bolshinstvo-turistov-posetivshih-mongoliyu-v-2025-godu-yavlyayutsya-grazhdanami-rossii/> (дата обращения: 10.05.2026)
Most Tourists Who Visited Mongolia in 2025 Are Russian Citizens. // Rambler. URL: <https://travel.rambler.ru/abroad/54807119-bolshinstvo-turistov-posetivshih-mongoliyu-v-2025-godu-yavlyayutsya-grazhdanami-rossii/> (accessed 10.05.2026). (In Russ.)
4. Временное торговое соглашение между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Монголией, с другой стороны. // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/62897/ (дата обращения: 10.04.2026).
Interim Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and Its Member States, of the One Part, and Mongolia, of the Other Part. // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/62897/ (accessed 10.04.2026). (In Russ.)
5. Железняков А. С. Монгольский узел: недостающее звено цивилизационной теории. Власть. 2009. № 5. С. 33–36.
Zheleznyakov A. S. The Mongolian Knot: The Missing Link in Civilizational Theory. *Vlast'*. 2009. No. 5. P. 33–36. (In Russ.)
6. Железняков А. С. Монголия в классических и современных схемах мировых цивилизаций. *Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии*. Т. 4. Улан-Удэ, 2000. С. 100–103.
Zheleznyakov A. S. Mongolia in Classical and Contemporary Schemes of World Civilizations. *Problems of the History and Culture of the Nomadic Civilizations of Central Asia*. Vol. 4. Ulan-Ude, 2000. P. 100–103. (In Russ.)
7. Ламажаа Ч. К. Архаизация общества. Тувинский феномен. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2013. 272 с.
Lamazhaa Ch. K. Archaization of Society: The Tuvan Phenomenon. Moscow: Knizhny Dom "LIBROKOM", 2013. 272 p. (In Russ.)
8. Михалев М. С. Засечная черта Внутренней Азии: Южная Сибирь и евразийская интеграция. М.: ИККА РАН, 2023. 295 с. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.46.13.015>
Mikhalev M. S. Zaseka, or Fortified Line of Inner Asia: Southern Siberia and Eurasian Integration. Moscow: ICCA RAS, 2023. 295 p. (In Russ.). <https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.46.13.015>
9. Михалев М. С. Приграничье – территория скрытых возможностей: к вопросу о корректировке исследовательской парадигмы. *Центр и периферия*. 2019. № 1. С. 4–10.
Mikhalev M. S. Borderland as a Territory of Hidden Opportunities: On the Question of Revising the Research Paradigm. *Center and Periphery*. 2019. No. 1. P. 4–10. (In Russ.)
10. Михальченко В. Ю. Социолингвистический аспект классификации языков России. *Языки в полиэтничном государстве: развитие, планирование, прогнозирование: Международный конф. (Улан-Удэ, 1–4 июля 2019 г.): докл. и сообщения*. Улан-Удэ, 2019. С. 8–12.
Mikhanchenko V. Yu. The Sociolinguistic Aspect of the Classification of the Languages of Russia. In: *Languages in a Polyethnic State: Development, Planning, Forecasting: International Conference (Ulan-Ude, July 1–4, 2019): Papers and Reports*. Ulan-Ude, 2019. P. 8–12. (In Russ.)
11. Монгольский мир: между Востоком и Западом. Новосибирск: Автограф, 2014. 351 с.

- The Mongolian World: Between East and West. Novosibirsk: Avtograf, 2014. 351 p. (In Russ.)
12. Намжилова В. О. Российско-монгольская граница: обновление пунктов пропуска и усиление инфраструктурной связанности. *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 6. С. 1–10. <https://doi.org/10.31857/S013128120028840-5>
Namzhilova V. O. The Russian-Mongolian Border: Modernization of Border Checkpoints and the Strengthening of Infrastructural Connectivity. *Far Eastern Affairs*. 2023. No. 6. P. 1–10. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S013128120028840-5>
 13. Родионов В. А. Политический процесс в Монголии в условиях постсоциалистической трансформации. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2018. 340 с.
Rodionov V. A. The Political Process in Mongolia under Conditions of Postsocialist Transformation. Ulan-Ude: Buryat State University Press, 2018. 340 p. (In Russ.)
 14. Россия и Монголия: цивилизационные аспекты модернизации (сравнительный анализ); отв. ред. А. С. Железняков, Т. Н. Литвинова. М.: Институт социологии РАН, 2016. 196 с.
Russia and Mongolia: Civilizational Aspects of Modernization (A Comparative Analysis); ed. by A. S. Zheleznyakov T. N. Litvinova. Moscow: Institute of Sociology RAS, 2016. 196 p. (In Russ.)
 15. Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура и современное общество; отв. ред. М. Н. Балдано; науч. ред. П. К. Варнавский. Иркутск: Изд-во "Оттиск", 2024. 452 с.
The Borderland of Russia, Mongolia, and China: History, Culture, and Contemporary Society; ed. by M. N. Baldano; scientific ed. by P. K. Varnavskiy. Irkutsk: Ottisk Publishing House, 2024. 452 p. (In Russ.)
 16. ГАДААДАД ЗОРЧСОН МОНГОЛ ИРГЭД, хүйс, зорилго, улс, жилээр = Граждане Монголии, выехавшие за рубеж: по полу, цели, странам, годам. URL: https://www.1212.mn/mn/statcate/table-view/Industry,%20service/Tourism/DT_NSO_1800_005V3.px (дата обращения: 10.05.2026).
Mongolian Citizens Who Travelled Abroad: by Sex, Purpose, Country, and Year. URL: https://www.1212.mn/mn/statcate/table-view/Industry,%20service/Tourism/DT_NSO_1800_005V3.px (accessed 10.05.2026). (In Mong.)
 17. Ерөнхий сайд Л. Оюун-Эрдэнэ "Шинэ сэргэлтийн бодлого"-оо танилцуулж УИХ-ын чуулганд үг хэллээ = Премьер-министр Л. Оюун-Эрдэнэ представил "Политику нового возрождения" на сессии Великого государственного Хурала // Монгол Улсын Засгийн газар. URL: <https://mongolia.gov.mn/news/view/26228> (дата обращения: 10.01.2022).
Prime Minister L. Oyun-Erdene Presented the "New Recovery Policy" and Delivered a Speech at a Session of the State Great Khural // Government of Mongolia. URL: <https://mongolia.gov.mn/news/view/26228> (accessed 10.05.2026). (In Mong.)
 18. Badmatsyrenov T. B., Damdinov A. V., Tseveen Ts., Badaraev D. D. Russian Education: Demand among Graduates of Mongolian Schools. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2024. Т. 33. No. 2. P. 163–182. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-2-163-182>

Информация об авторе

Дамдин Доржиевич Бадараев, д-р соц. наук, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, e-mail: damdin80@mail.ru

Information about the author

Damdin D. Badaraev, Doctor of Sociology, Chief Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia, e-mail: damdin80@mail.ru

Поступила в редакцию 23.04.2026

Received 23.04.2026

Одобрена после рецензирования 19.05.2026

Approved 19.05.2026

Принята к публикации 27.05.2026

Accepted 27.05.2026

Дороги, которые нас разделяют: транспортная инфраструктура ресурсодобывающих проектов в социальных трансформациях скотоводов южной Монголии

Константин Вадимович Григоричев
ФИЦ Иркутский институт химии имени А. Е. Фаворского СО РАН, Иркутск, Россия;
Томский государственный университет, Томск, Россия, grigoritchev@yandex.ru
Гэрэлма Банзаровна Дугарова
Институт географии имени В. Б. Сочавы СО РАН;
ФИЦ Иркутский институт химии имени А. Е. Фаворского СО РАН, Иркутск, Россия, geldugarova@gmail.com
Наталья Владимировна Емельянова
ФИЦ Иркутский институт химии имени А. Е. Фаворского СО РАН, Иркутск, Россия, lesnata84@mail.ru
Саранцэцэг Базарваань
Академия менеджмента Монголии, Улан-Батор, Монголия, sarantsetseg0514@gmail.com
Константин Суйевич Цзян
ФИЦ Иркутский институт химии имени А. Е. Фаворского СО РАН, Иркутск, Россия, kostyacz@yandex.ru
Энх-Амгалан Сандаг
Институт географии и геоэкологии Монгольской академии наук;
Международный университет Улан-Батора, Улан-Батор, Монголия, amgalan.6967@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу социальных эффектов развития транспортной инфраструктуры, обусловленного ростом горнодобывающей промышленности в южной Монголии. Авторы рассматривают дороги не только как инструмент интеграции и модернизации периферийных территорий, но и как фактор социальной дифференциации и фрагментации локальных сообществ. На основе полевых исследований (интервью с арадами-скотоводами и представителями местных администраций) показано, что различные типы дорог – железные, асфальтированные и грунтовые – по-разному, но системно влияют на пространственную и социальную организацию. Железные дороги формируют жесткие барьеры, ограничивающие традиционные маршруты кочевников, но при этом минимально вовлекают их в новые экономические процессы. Асфальтовые дороги создают риски (в частности, гибель скота), одновременно открывая доступ к услугам. Наиболее значительное и деструктивное воздействие оказывают нерегулируемые грунтовые дороги, которые усиливают экологические и социальные риски, создавая нестабильность пространственной структуры. В результате дороги как новая система мобильностей выступают механизмом не только включения региона в глобальную экономику, но и вытеснения скотоводов на периферию социального пространства, усиливая неравенство и трансформируя традиционные формы хозяйствования.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, горнодобывающая промышленность, социальные эффекты, Монголия, кочевое скотоводство, пространственная фрагментация, мобильности

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-47-03004, <https://rscf.ru/project/24-47-03004>.

Для цитирования: Григоричев К. В., Дугарова Г. Б., Емельянова Н. В., Базарваань С., Цзян К. С., Сандаг Э.-А. Дороги, которые нас разделяют: транспортная инфраструктура ресурсодобывающих проектов в социальных трансформациях скотоводов южной Монголии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 2. С. 34–44. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/34-44>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/34-44>

Roads that Divide Us: Extractive Transport Infrastructure and Social Change among Herders in Southern Mongolia

Konstantin V. Grigoriev
A. E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk;
Tomsk State University, Tomsk, Russia, grigoritchev@yandex.ru
Gerelma B. Dugarova
V. B. Sochava Institute of Geography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
A. E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Irkutsk, Russia, geldugarova@gmail.com
Natalia V. Emelyanova
A. E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Irkutsk, Russia, lesnata84@mail.ru
Sarantsetseg Bazarvaan
Mongolian Management Academy, Ulaanbaatar, Mongolia, sarantsetseg0514@gmail.com
Konstantin S. Jiang
A. E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Irkutsk, Russia, kostyacz@yandex.ru
Enkh-Amgalan Sandag
Institute of Geography and Geoecology of the Mongolian Academy of Sciences;
International University of Ulaanbaatar, Ulaanbaatar, Mongolia, amgalan.6967@gmail.com

Abstract. This article examines the social impacts of transport infrastructure development driven by the expansion of the mining industry in Southern Mongolia. Roads are analyzed not only as instruments of integration and modernization of peripheral territories, but also as factors contributing to social differentiation and fragmentation of local communities. Drawing on fieldwork data, including interviews with pastoralist herders and local government officials,

the study demonstrates that different types of roads – railways, paved roads, and unpaved roads – produce distinct yet interconnected effects on spatial and social organization. Railways function as rigid barriers that disrupt traditional nomadic routes while only marginally incorporating herders into emerging economic processes. Paved roads introduce new risks, particularly livestock losses, while simultaneously improving access to services. Unregulated unpaved roads have the most extensive and disruptive impact, exacerbating environmental and social risks and generating spatial instability. Overall, the emerging system of mobility not only integrates the region into the global economy but also contributes to the marginalization of pastoralists, dramatically increases the level of heterogeneity of this group.

Key words: *transport infrastructure, mining industry, social effects, Mongolia, nomadic pastoralism, spatial fragmentation, mobility*

The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 24-47-03004, <https://rscf.ru/project/24-47-03004>.

For citation: Grigoriev K.V., Dugarova G.B., Emelyanova N.V., Bazarvaan S., Jiang K.S., Sandag E.-A. Roads that Divide Us: Extractive Transport Infrastructure and Social Change among Herders in Southern Mongolia // *Ojkumena. Regional Researches*. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 34–44. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/34-44>

Введение

В социальных и антропологических исследованиях дороги рассматриваются в большинстве случаев как модернизирующее начало, обеспечивающее не только пространственную связанность (как в пределах национальных границ, так и транснациональную), включение периферий и их сообществ в экономическое развитие и как следствие – рост уровня и качества жизни. Особенно значимым модернизационный эффект обнаруживается в развивающихся странах, где появление дорог обеспечивает доступ локальным сообществам к ранее недоступным возможностям [14]. Это выглядит так, что вся связанная с дорогами инфраструктура "очаровывает" не только население, политиков, бизнесменов, непосредственно связанных (реально или потенциально) с этими объектами [21], но и исследователей, погружающихся в их изучение. Дороги здесь часто выступают "осями" [18], не только "собирающими" пространство в единое целое, но и обеспечивающими основу для роста экономики, урбанизации и социального развития.

Для Монголии, где развитие дорог в течение долгого времени происходило по устаревшим технологиям и в крайне незначительных масштабах [26, p. 557], рост транспортной инфраструктуры в последние десятилетия становится одним из важнейших механизмов развития [18]. Ключевыми факторами этого являются, с одной стороны, специфика её географического положения, обуславливающая формирование транснациональных транспортных коридоров [8], а с другой – стремительное развитие горнодобывающей промышленности, превращающее Монголию, по выражению У. Булага, в "Шахт-голию" ("Mine-golia") [15]. Интенсивное развитие горнодобывающей промышленности на юге Монголии, ориентированной, прежде всего, на экспорт продукции в КНР, стимулировало развитие транспортной инфраструктуры, сочетающей трансграничные железные и автодороги [12] и сеть грунтовых дорог локального значения. Развитие транспортной инфраструктуры в логике экономического развития должно стать фактором ускоренной модернизации южных аймаков страны, их интеграции в общенациональное социально-экономическое пространство, обеспечить переток сюда населения, а также его ускоренный рост [3].

Вместе с тем довольно широкий спектр исследований показывает, что дороги парадоксальным образом зачастую выступают не только связующим фактором, но и, напротив, механизмом дистанцирования между странами [26], нарушения связанности единого пространства государства [25], разрыва сложившихся регионов и сообществ [7] и слома устоявшихся локальных представлений о пространственной организации [11]. Более того, интенсивное, плохо регулируемое развитие дорожной сети может вести к сегментации единого пространства и ухудшению условий для традиционного хозяйства [22].

Физическое пространство, как отмечал П. Бурдьё, является проекцией пространства социального [4, с. 40], и, вероятно, радикальное изменение пространственной и экономической организации отражает изменения социума. В этой статье мы рассмотрим влияние формирующейся и динамично меняющейся сети дорог в аймаке Южный Гоби (Умнугови) на трансформацию локального социума, и, в частности, традиционной группы аратов-скотоводов.

Наш анализ строится на представлении о дороге как не только аддитивном, но и дизъюнктивном механизме включения периферийных пространств и сообществ во взаимодействие с центром или центрами между собой [26, p. 557]. Мы исходим из представления о том, что масштабная логика *центра* вторгается здесь в устоявшуюся социально-пространственную организацию периферии [20], предлагая "очаровывающий" образ будущего [21, p. 525], но взимая за него плату в виде болезненно меняющегося настоящего.

Отталкиваясь от представления о том, что дороги могут разделять сообщества на разных полюсах возникающей через них коммуникации, мы анализируем развитие дорожной сети в Южном Гоби и изменение её функций как механизм разделения исходно достаточно гомогенной локальной группы. В своём анализе мы исходим из представления о том, что до начала интенсивного развития горнодобывающей промышленности на юге Монголии дороги здесь носили второстепенное значение для локальной экономики и социальной организации, как и в большинстве традиционных обществ [19]. Мы предполагаем, что стремительное расширение дорожной сети и изменение её роли в региональной и локальной экономике привело не только к появлению новых социальных групп [20], но и к разрушению однородности существовавших ранее. В фокусе исследования находится не столько универсальный тезис о дизъюнктивных свойствах дорог в отношении пространства, сколько его применимость для понимания трансформации локальной группы и сочетания регулярных и неформальных дорог в этом процессе.

Эмпирической базой исследования служат материалы полевых исследований 2024–2025 гг. в Южногобийском аймаке в сомонах Ханбогт и Цогтцэций, включающие 34 полуструктурированных интервью с главами традиционных скотоводческих хозяйств (эту группу аратов-скотоводов далее мы обозначаем собирательным определением "пастухи"), 6 фокусированных интервью с представителями администраций сомонов и входящих в них багов. Интервью с пастухами собирались экспедиционным методом на основе формализованного опросника, дополнявшегося свободными вопросами о влиянии горнодобывающих производств, дорог, транспортного потока на возможности для ведения традиционного хозяйства, социальных, профессиональных, пространственных траекториях разных поколений семьи, отношениях с властью и промышленными компаниями. Среди респондентов-пастухов резко преобладают мужчины (32 чел.), что определяется традиционной структурой хозяйств. Основная часть опрошенных (31 человек) являются представителями старшего поколения (55 лет и старше), что отражает возрастную структуру членов таких хозяйств. Распределение респондентов-пастухов по уровню занятости примерно соответствует имущественной дифференциации айратов в целом по стране [2, с. 325]. Интервью с представителями администраций фокусировались на социально-экономических изменениях в соответствующих административно-территориальных образованиях и, прежде всего, на влиянии горнодобывающего производства на традиционное скотоводство. В сомоне Ханбогт специальным сюжетом в обоих массивах интервью было участие "пастухов" в трёхстороннем совете "представители компании "Оюу-Толгой" – администрация сомона – представители пастухов" и эффективности работы этого совета с точки зрения компенсации воздействия добывающей промышленности на традиционные хозяйства. Большинство интервью проводились через прямую монгольско-русский перевод (переводчики – сотрудники Института географии и геоэкологии МАН), но в ряде случаев имел место двойной перевод через английский язык. Поскольку необходимость перевода ограничивала возможность для учёта языковых и локальных нюансов, программа интервью предварительно обсуждалась с переводчиками, нетипичные названия, определения, характеристики уточнялись специально, а эмоциональные реакции фиксировались интервьюерами в параллельной записи.

Горнорудная промышленность как генератор новой пространственной организации Южного Гоби

С конца 2000-х гг. Южно-Гобийский аймак является территорией активной модернизации страны через развитие горнодобывающей промышленности. Если в Монголии в целом объём сельскохозяйственной продукции уступает объёму промышленной продукции в 2 раза, то в аймаке Умнеговь – в 9,3

раза. Главная отрасль его экономики – промышленность, в которой трудится 5,7 тыс. человек. Доля занятых в этой отрасли от всех занятых в экономике составляет 21% (в целом в стране – 14,8%). Это обусловливается, прежде всего, проектами компании "Rio Tinto", инвестиции которой в 2000–2010-х гг. в значительной мере обеспечивали рост ВВП Монголии в целом [13]. В 2021 г. объём промышленного производства аймака достиг 2163,3 млрд тугриков, или 12,3% соответствующего объёма Монголии. Среди всех аймаков страны Умнеговь находится по уровню развития промышленности на первом месте, уступая лишь Улан-Батору. В структуре промышленности аймака резко преобладает добыча полезных ископаемых (99,8% объёма промышленного производства).

Основу горнодобывающей отрасли аймака формирует разработка двух крупнейших месторождений – Оюу-Толгой и Таван-Толгой. Разработка последнего была начата ещё в советский период, однако наиболее интенсивное развитие обоих месторождений пришлось на последние 20 лет.

Месторождение "Оюу-Толгой" в Монголии является одним из крупнейших в мире месторождений меди и золота. Пока месторождение обрабатывается в основном открытым способом, начинается разработка подземным способом. Продукция рудника практически полностью экспортируется в Китай. После прохождения через обогатительную фабрику весь концентрат вывозится грузовым автомобильным транспортом. Грузовики колоннами отправляются к пограничному переходу Гашуунсухайт, расположенному в 80 км к югу от Оюу-Толгой. Планируемый переход на транспортировку железной дорогой ещё не произошёл, что определяет не только специфику транспортной логистики, но и активное воздействие предприятия на территорию аймака далеко за пределами рудника.

Месторождение каменного угля "Таван-Толгой" является крупнейшим в Монголии и по объёмам добычи, и по прибыльности. Оно разрабатывается предприятиями трёх компаний: "Erdenes-Tavantolgoi JSC" (государственная), "Energy Resources LLC" (частный консорциум), "Tavantolgoi JSC" (совместное предприятие). Первые две компании почти полностью экспортируют добываемый уголь в Китай преимущественно автотранспортом через погранпереход Гашуунсухайт и только на 5% – железнодорожным транспортом. Лишь третья из названных компаний перевела на железнодорожный транспорт около половины поставок угля в Китай.

Характер экономики аймака определяет и специфику развития его транспортной инфраструктуры. По территории региона проходит одна из веток железной дороги, связывающая Улан-Батор с Китаем и выступающая одним из ключевых элементов перспективного китайско-монгольско-российского экономического коридора [16]. В 2022 г. сданы в эксплуатацию участки железных дорог "Зуунбаян – Таван-Толгой" и "Таван-Толгой – Гашуунсухайт", соединившие районы нового освоения с монгольскими и китайскими железнодорожными магистралями. Отчасти дублируя маршрут железной дороги, по территории аймака проходит одна из национальных автодорог с твёрдым покрытием, связывающая Улан-Батор с пограничным переходом с КНР в пос. Гашуунсухайт. Строительство других автодорог этой категории в аймаке определяется горнодобывающей промышленностью: они связывают крупные месторождения полезных ископаемых с пограничными пунктами пропуска (Таван-Толгой – Гашуунсухайт, Оюу-Толгой – Гашуунсухайт, Нарийн-Сухайт – Шивээхурэн).

Деятельность горнодобывающих предприятий на территории аймака определяет развитие транспортной инфраструктуры, в которой железная и ключевые автодороги становятся детерминантами развития региональной экономики и концентрации населения [3, с. 24]. В более широкой перспективе генерируемая горнодобывающей промышленностью транспортная инфраструктура выступает важнейшим механизмом интеграции региона в национальную и транснациональную экономику. Именно эти дороги рассматриваются как оси развития в большинстве социально-экономических исследований [18]. Однако значительно более интенсивный рост под воздействием горнодобывающей промышленности происходит в нерегулируемой сети грунтовых дорог, которые, напротив, анализируются с позиции некомпенсируемого влияния на экологию и локальные сообщества [23]. В такой перспективе

дискурс о влиянии транспортной инфраструктуры на социальное пространство региона оказывается разделённым: современные дороги (железная и автомобильные с асфальтовым покрытием) выступают в качестве модернизирующего начала, обеспечивающего позитивные тенденции, тогда как стихийные грунтовые дороги отвечают за негативное воздействие. Но поскольку интенсивное развитие всех видов дорог одинаково жёстко связано с горнодобывающими предприятиями, на наш взгляд, комплексный анализ влияния транспортной инфраструктуры на социальное пространство аймака возможен лишь с позиции оценки влияния транспортной инфраструктуры как единого целого.

Дороги как новые мобильности и границы

Формируемая горнодобывающими предприятиями (прямо или под их влиянием) сеть дорог с точки зрения их социального влияния становится важнейшим механизмом радикальных изменений в локальных сообществах. Возникающие на их основе "маршруты" не только обеспечивают "мобилизацию социальной жизни" [9], но и радикально меняют всю систему пространственных и социальных мобильностей [10]. Эти изменения предлагают широкий спектр возможностей, своего рода "обещание будущего, неопределённого и неясного" [24], в котором наиболее размытым остается вопрос о том, кому эти изменения предлагают возможности, а на кого возлагают издержки. С другой стороны, парадигма мобильностей предполагает разность влияния их форм и маршрутов на комплексы социальных практик, имеющие далеко идущие последствия [9, с. 155]. В этой перспективе нам представляется важным проследить, какое влияние оказывают разные дороги, возникающие в Южном Гоби, на рассматриваемую нами группу.

Железная дорога типологически является наиболее поздним элементом транспортной инфраструктуры в регионе и одновременно, пожалуй, наиболее чужеродным элементом для традиционного образа жизни и хозяйства его населения. Регулярность, жёсткая формализованность железнодорожного транспорта и обеспечивающей его инфраструктуры максимально не совпадает с неформальной организацией традиционного уклада скотоводческого населения Гоби. Обеспечивая возможность резкого роста объёма и скорости грузоперевозок, железная дорога не только привносит в региональное пространство новый вектор и форму мобильности, но жёстко сегментирует пространство пастбищ, рассекая устойчивые маршруты перегона скота, суточные и годовые ритмы жизни скотоводов. Иными словами, являясь важнейшим элементом связывания пространства и расширения мобильности, железная дорога одновременно становится барьером для предшествующих форм мобильности, разграничивающим не только физическое пространство, но и формы движения.

Барьерная функция ("создание и укрепление границ и барьеров" [17, р. 461]) железной дороги на первый взгляд кажется максимальной с точки зрения её воздействия на скотоводов. Возможность пересечения железнодорожных путей стадами имеется только в немногочисленных местах перехода под насыпью, а сама насыпь и зона отчуждения вдоль неё практически исключают неформальные практики нарушения этой границы. Однако в интервью местных жителей-пастухов именно железная дорога имеет минимальные негативные оценки. С одной стороны, это, безусловно, связано со слабой развитостью железнодорожного сообщения: единственная ветка железной дороги затронула кочевья немногих семей пастухов. Однако и семьи, чьи кочевья оказались "разрезанными" железной дорогой, едва ли не единственным негативным следствием этого указывают удлинение маршрутов перегона скота. С другой стороны, ограниченность негативного влияния железных дорог связана с их жёсткой барьерностью: невозможность выхода скота и людей на железнодорожное полотно сводит чрезвычайные происшествия здесь к минимуму, а довольно редкий график движения поездов обуславливает минимальное шумовое и пылевое загрязнение. Иными словами, максимально жёстко разделяя пространство кочевников, железная дорога столь же максимально дистанцирует пастухов от своего влияния: они в равно минимальной степени ощущают как позитивные, так и негативные эффекты её появления.

Асфальтовые дороги привносят в пространство кочевников сопоставимые с железнодорожными скорости, но не формируют столь же высокой барьерности. Допуская, в отличие от железных дорог, неформальные практики пересечения проезжей части в любое время суток, дороги с твердым покрытием становятся местом регулярных столкновений транспорта со скотом. Практически все наши респонденты-пастухи отмечали именно этот фактор как главное негативное последствие строительства и реконструкции асфальтированных дорог. Именно отсутствие жёсткой барьерности не позволяет традиционным группам сохранять "параллельное существование" [19] с новой транспортной инфраструктурой. Напротив, привносящие в жизнь "очарование" высокими скоростями, асфальтовые дороги обеспечивают экономические выгоды, доступ к здравоохранению и образованию, но взимают за это плату опасностями аварий и несчастных случаев [21, p. 526]. Если в отношении довольно большой социальной группы водителей большегрузного транспорта, сформировавшейся в последние годы на рассматриваемой территории [20], можно говорить о балансе выгод и издержек (наличие неплохо оплачиваемой работы, хотя и связанной с высокими рисками и тяжёлыми условиями труда), то для скотоводов остаются почти исключительно последние. Едва ли не единственным позитивным влиянием таких дорог становится снижение запылённости [22, p. 102].

Столкновение с модерном пастухи пытаются рефлексировать и регулировать через конструирование неформальных правил взаимоотношений с дорогой и водителями. Многие из наших респондентов воспроизводили нарратив о разделении ответственности за происшествия на дорогах.

"Если скот днём на дорогу вышел, и машина с ним столкнулась, то это водитель виноват, он должен штраф платить. Если ночью машина ехала и со скотом на дороге столкнулась, тогда это пастух виноват. Ему нужно штраф платить" (жен., пастух, 57 лет).

Этот нарратив встречен нами во всех хозяйствах, чьи кочевья примыкают или пересекаются асфальтированными автодорогами. Однако ни представители администраций сомонов, ни начальники багов, ни, наконец, водители большегрузного транспорта существование такого формального правила не подтверждают. Вероятно, нормативное закрепление подобной универсалии и невозможно в силу нечёткости её границ (например, что считать ночью, с какого и по какое время?), и зафиксированный нарратив – это, скорее, попытка урегулирования отношений с новым миром, конструирование нового неформального правила, подобного системе общинного землепользования, традиционного для кочевников [5]. Через такой конструкт традиционная группа пытается сохранить своё положение "возле", но не "внутри" нового социального пространства. Однако низкая барьерность асфальтированных дорог обуславливает не возможность дистанцирования традиционных групп от модерна, а, напротив, неизбежное вовлечение во взаимодействие с ним.

Грунтовые дороги являются наиболее ранней формой транспортной инфраструктуры Монголии и остаются самым быстрорастущим её сегментом. Последнее в значительной мере обуславливается традиционными прагматичными подходами: грунтовая дорога не имеет владельца, отвечающего за её состояние, и в случае прихода в негодность рядом прокладывается новая. Эта практика стала важнейшим механизмом расширения сети грунтовых дорог, по которым движется большегрузный транспорт с месторождения Таван-Толгой [22, p. 99]. Однако полевые наблюдения показывают, что нерегулируемая сеть грунтовых дорог постоянно расширяется не только вдоль основного маршрута вывоза угля в Китай, но и вблизи месторождений, охватывая их причудливо растущим кружевом.

В силу этого именно грунтовые дороги максимально пронизывают территорию кочевий скотоводов Южного Гоби. Барьерность таких дорог минимальна: у них отсутствуют какие-либо физические элементы, препятствующие выходу скота и людей, они никак не выделены из ландшафта (например, насыпями), не имеют элементов для снижения рисков и представляют собой резкий контраст с регулярными дорогами. Однако рельеф Южного Гоби позволяет водителям даже большегрузных автомобилей развивать значительную скорость, а неизбежная густая пыль снижает видимость и резко повышает риск столкновения со скотом. При этом и сами грунтовые дороги оказываются

подвижны: предугадать, где пройдёт новая траектория движения через месяц, неделю и даже день, фактически невозможно.

Именно через быстро растущую сеть грунтовых дорог влияние горнодобывающих предприятий наиболее жёстко вторгается в жизнь скотоводов даже вдали от месторождений. Если регулярные дороги жёстко сегментируют физическое пространство и фиксируют его новые границы, то подвижность грунтовых дорог приводит к постоянной реконфигурации пространства, создавая новые границы и связанные с ними риски.

Различия во влиянии дорог разных типов на сегментирование и реструктурирование пространства Южного Гоби подталкивают к разделению их влияния на жизнь локальных сообществ. Однако эти дороги связаны и причиной их развития, и влиянием на жизнь местных сообществ. Наиболее наглядно системность влияния различных дорог проявляется вблизи пограничного перехода Гашуунсухайт, где они максимально сближаются.

"Хуже всего там, где железная и асфальтовая дороги рядом. Под железной дорогой узкие проходы, скот медленно проходит. А с той стороны асфальтовая дорога. Там всё время большие грузовики едут. Чтобы через неё скоту перейти, его нужно сначала собрать перед дорогой. Но между железной и асфальтовой дорогой тоже дороги [грунтовые – прим. авт.], и по ним тоже машины всё время... Пыль, шум, ничего не видно, скот боится..." (муж., пастух, 62 года).

Здесь территориальная близость демонстрирует, как регулярные и неформальные дороги вместе занимают пространство, не оставляя места для пастухов и их скота. Формально организация регулярных путей обеспечивает сосуществование с ними традиционных групп: под железнодорожной насыпью организован проход, а перед асфальтовым полотном оставлено пространство для гуртования скота. Однако их сочетание с неформальными грунтовыми дорогами фактически делает невозможным их пересечение, останавливает движение скотоводов и исключает их из этого пространства.

Слияние транспортных потоков по регулярным и неформальным дорогам невдалеке от пограничного перехода порождает локальности их взаимодействия, стремительно разрастающиеся и вытесняющие скотоводов. Ярким примером такой локальности является пос. Цагаанхад, где расположен один из пунктов перевалки каменного угля. Перегрузка угля с автомашин, доставляющих его с месторождения, на другие, направляющиеся в Китай, не только требует значительной территории, но, и подобно разрабатываемым месторождениям, формирует вокруг себя растущую сеть неформальных дорог. На основе нерегулируемой застройки активно растёт и сам посёлок, также порождая вокруг себя быстро меняющуюся сеть грунтовых дорог. Вместе с высоким уровнем пылевого загрязнения этот процесс делает скотоводство в районе логистического узла практически невозможным.

Системное влияние дорог проявляется и вдали от точек их физического сближения. Разная степень барьерности границ, создаваемых дорогами разных видов, определяет одновременно и жёсткое сегментирование пространства (железные и асфальтовые дороги) с устойчивой структурой, и постоянную подвижность, изменчивость его внутренней организации (неформальные грунтовые дороги). Жёсткие границы рассекают территорию жизни и хозяйства традиционных групп, заставляя приспосабливаться к новым правилам организации пространства, а подвижность неформальных маршрутов создаёт высокий уровень неопределённости, что делает выработку новой системы практик почти невозможной.

Разделённые дорогами: трансформации локального сообщества

Возвращаясь к тезису П. Бурдьё о взаимосвязи социального и физического пространства [4, с. 40], закономерно можно предположить, что исключение из пространства физического является отражением вытеснения группы на периферию социальных взаимодействий. Если для части групп местного населения, в том числе и новых [20], стремительное развитие транспортной инфраструктуры даёт новые возможности, то, как отмечают П. Харви и Х. Нокс, "для многих людей, живущих вдоль маршрута новых дорог, появление новой автомагистрали часто подчёркивает их оторванность от каналов коммуникации" [21, p. 529]. Дороги, как неотъемлемая часть горнодобывающих

проектов и как инфраструктура, укрепляющая связанность страны и одновременно формирующая постколониальный дискурс, "очаровывают" [21] своими обещаниями не всё общество. Пастухи как группа остаются невосприимчивы к "очарованию будущего" в отличие от власти, жителей городов и посёлков, рабочих горнодобывающих и транспортных предприятий.

Причины такой невосприимчивости вполне рациональны: в отличие, например, от Центрального аймака, где скотоводы смещаются вдоль дорог к рынкам Улан-Батора [6], в Южном Гоби дороги не становятся инструментом "приближения" рынков сбыта к пастухам, поскольку торговля по-прежнему идёт преимущественно через посредников (перекупщиков). Строительство и модернизация дорог здесь увеличивают маргинальность посредничества, но не делают рынок более доступным для производителей. Лишь один из наших респондентов-пастухов с оптимизмом оценивает возможности взаимодействия с рынком: *"Думаю, буду мясо продавать здесь, возле дороги. Там, где кафе возле СТО [респондент имеет в виду элементы придорожной инфраструктуры, стихийно складывающиеся у асфальтированной автодороги – прим. авт.], им всем мясо нужно. Вот им думаю продавать"* (муж., 43 года). Такой оптимизм, однако, может быть связан с небольшим опытом и слабой укоренённостью на территории: этот человек занимается скотоводством только второй год и не имеет зимника.

Столь разная позиция по отношению к дорогам становится водоразделом в локальном социуме. Для пастухов дороги – не обещание развития, а механизм ограничения, поскольку для других групп это обещание будущего, но для скотоводов – его отсутствие. Не случайно один из наших респондентов-пастухов резюмирует: *"Дороги – самое плохое сейчас. Они мою жизнь испортили"* (муж., 67 лет). Как следствие, эта группа маргинализируется и быстро теряет статус, важным признаком чего является нежелание её молодых представителей сохранять традиционный род занятий и образ жизни [1; 20]. Соединив физическое пространство Южного Гоби, система дорог рассекла его социальное пространство, вытеснив традиционную группу аратов-скотоводов на нижние ступени локальной социальной иерархии.

Однако разделяющее влияние дорог не ограничивается изменением статуса группы в целом, но влечёт за собой нарастание её гетерогенности. Представители группы, хозяйства которых не затронуты горнодобычей и связанной с ними транспортной сетью, сохраняют уровень и качество жизни, лишь косвенно ощущая изменения социальной структуры монгольского общества [1]. Напротив, те семьи, которые оказались под непосредственным воздействием горных разработок или дорог, оказались вовлечены в более стремительные изменения. При этом в силу охвата большей территории дороги оказали влияние на большее число представителей этой группы и становятся механизмом формирования нового неравенства внутри неё.

Кроме того, негативное влияние дорог оказалось более масштабным и долговременным, чем собственно добычи полезных ископаемых: хозяйства, попавшие в непосредственный ареал воздействия (территория шахт / разрез и пятикилометровая зона влияния), получили от компаний денежную компенсацию, помощь в бурении колодцев в местах переселения. Семьи же, оказавшиеся в зоне влияния растущей дорожной сети, формально не испытывают влияния горнодобычи и не могут претендовать на компенсацию и поддержку горнодобывающих компаний.

Одновременно дороги дистанцируют жителей удалённых периферий и от механизмов медиации, призванных смягчать негативное влияние горнодобычи на традиционные сообщества. Так, в действующую в сомоне Ханбогг трёхстороннюю комиссию из представителей компании "Оюу Толгой", администрации сомона и скотоводческих хозяйств входят преимущественно пастухи, проживающие в относительной близости к месторождению и посёлку Ханбогг и представляющие ту часть группы, которая попадает в зону непосредственного влияния производства. Жители же удалённых территорий имеют значительно меньше и формальных оснований, и возможностей для участия в работе комиссии. Возникающая конкуренция порождает негативные субъективные оценки самого механизма медиации (*"Там неправильные пастухи... Они не думают обо всех... Только про свои интересы"* (муж., 64 года)) и объективно приводит к обсуждению проектов, мало ориентирован-

ных на удалённые хозяйства (например, поддержку создания производства мясных консервов на базе одного из скотоводческих хозяйств вблизи центра сомона). Иными словами, дороги формируют общность проблем, но разделяют доступ к инструментам их решения, выступая механизмом конкуренции и разделения группы. В сочетании с обострением конкуренции за пастбища в результате их фрагментации расширяющейся сетью регулярных и неформальных транспортных маршрутов дороги становятся одним из важнейших механизмов фрагментации и локального сообщества, всё более жёстко разделяя его части.

Заключение

Стремительное развитие горнодобывающей промышленности превращает Южный Гоби в одну из ключевых частей Шахт-голии (Mine-golia) [15], связанную как со столицей, так и с соседними странами и регионами новой системой мобильностей. Во многом именно новая система маршрутов, форм и режимов мобильностей определяет и новую социальную конфигурацию региона [9, с. 155]. Абсолютное доминирование в новой структуре экономики горнодобычи предопределяет критическое значение "мобилизации" региона. Именно система мобильностей встраивает и физическое, и социальное пространство аймака в новую конфигурацию, трансформируя его из далёкой периферии, слабо интегрированной и в национальную, и тем более в мировую экономику, в один из важных элементов, значимых и для крупнейших транснациональных компаний, и для регионального развития. Аддитивная, соединяющая функция дорог обеспечивает фактическое и символическое воплощение "обещаний" [21], которые новые транспортные пути привносят в общество.

Однако, соединяя аймак и его сообщества с "большим миром", новая система мобильностей одновременно становится механизмом разделения локального сообщества. Она не только дистанцирует часть сообщества от доступа к "обещаниям будущего" и, фактически, исключает целые группы из него. В одно и то же время мобильности создают жёсткие и подвижные границы, которые одновременно формируют и непреложные правила игры, и их изменчивость. В этой перспективе фрагментация пастбищ и всего пространства исследованных сомонов отражает жёсткое и одновременно постоянно меняющееся разделение социального пространства аймака. Выступая, безусловно, механизмом включения периферии (и экономической, и социальной) в национальное и глобальное пространство, дороги становятся и механизмом разделения локального сообщества, через пространства которого и пролегают.

Литература / References

1. Бадараев Д. Д., Гомбожапов А. Д. Территориальный и родственный принципы в социальной организации кочевого населения Монголии (по материалам сомонов Центрального аймака Монголии). *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2025. Т. 19, № 2. С. 110–119. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/110-119>
Badaraev D. D., Gombozhapov A. D. Territorial and kinship principles in the social organization of the nomadic population of Mongolia (based on the materials of the Central Aimag of Mongolia). *Ojkumena. Regional Researches*. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 110–119. (In Russ.) <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/110-119>
2. Бадараев Д. Д. Социальная структура монгольского общества в ретроспективе веков. *Евразийский ежегодник*. 2023. № 1. С. 318–335.
Badaraev D. D. Social structure of Mongolian society in retrospect over centuries. *Eurasian Yearbook*. 2023. No. 1. P. 318–335. (In Russ.)
3. Безруков Л. А. Система расселения Монголии и её опорный каркас: особенности, динамика, эффекты. *Известия Иркутского государственного университета. Серия Науки о Земле*. 2023. Т. 45. С. 15–38. <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2023.45.15>
Bezrukov L. A. Mongolia's Settlement System and Its Supporting Framework: Features, Dynamics, Effects. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Earth Sciences*. 2023. Vol. 45. P. 15–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2023.45.15>
4. Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 333 с.
Bourdieu P. Sociology of politics. M.: Socio-Logos, 1993. 333 p. (In Russ.)

5. Гомбожапов А. Д. Заметки о кочевничестве современной Монголии: антропология ресурсного конфликта. *Власть*. 2019. № 4. С. 243–248.
Gombozhapov A. D. Some notes on the nomadism of modern Mongolia: the anthropology of resource conflict. *Power (Vlast')*. 2019. No. 4. P. 243–248.
6. Гомбожапов А. Д. Традиции и новации кочевников Монголии: социально-экономические аспекты модернизации (на примере Центрального аймака). *Известия Восточного института*. 2016. № 3 (31). С. 97–103. (In Russ.)
Gombozhapov A. D. Traditions and innovations of Mongolia's nomads: socio-economic aspects of modernization (on the example of Töv province). *Oriental Institute Journal*. 2016. No. 3 (31). P. 97–103. (In Russ.)
7. Куклина В., Холланд Э. Дороги Саян: теоретизируя удалённость в Восточной Сибири. *Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств*. 2024. № 2 (3). С. 55–75.
<https://doi.org/10.38161/2949-6152-2024-2-55-75>
Kuklina V., Holland E. The Roads of the Sayan Mountains: Theorizing Remoteness in Eastern Siberia. *Periphery. Journal of Periphery Studies*. 2024. Vol. 2 (3). P. 55–75. (In Russ.)
<https://doi.org/10.38161/2949-6152-2024-2-55-75>
8. Урантамир Г., Алтанбагана М., Батцэнгэл В., Безруков Л. А., Энх-Амгалан С., Саруул Г., Баяржаргал М., Цэенханд П. Планирование транспортных коридоров Монголии с использованием метода многокритериального анализа. *География и природные ресурсы*. 2025. № 4. С. 183–195.
Urantamir G., Altanbagana M., Battsengel V., Bezrukov L. A., Enkh-Amgalan S., Saruul G. Bayarjargal M., Tseyenkhand P. Planning Mongolia's transport corridors using the multicriteria analysis method. *Geography and Natural Resources*. 2025. Vol. 4. P. 183–195. (In Russ.)
9. Урри Дж. Мобильности. М.: Практикс, 2023. 576 с.
Urry J. *Mobility*. Moscow: Praxis, 2023. 576 p. (In Russ.)
10. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI века. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2012. 336 с.
Urry J. *Sociology beyond societies. Types of mobility for the 21st century*. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics. 2012. 336 p. (In Russ.)
11. Хамфри К. "Удалённые" пространства и миноритизированные пространственные порядки на границе России и Монголии. *Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств*. 2023. № 1. С. 27–53.
Humphrey C. "Remote" areas and minoritized spatial orders at the Russia-Mongolia border. *Periphery. Journal of Periphery Studies*. 2023. Vol. 1 (1). P. 27–53. (In Russ.)
12. Шерин Е. А. Угольная промышленность юга Монголии: новый конкурент Сибири на внешних рынках. *Региональные геосистемы*. 2025. № 1. С. 29–39.
<https://doi.org/10.52575/2712-7443-2025-49-1-29-39>
Sherin E. A. Coal Industry of Southern Mongolia: A New Competitor to Siberia in Foreign Markets. *Regional Geosystems*. 2025. No. 1. P. 29–39. (In Russ.)
<https://doi.org/10.52575/2712-7443-2025-49-1-29-39>
13. Batmunkh A., Jozsef P. Social & Spatial Analysis, and Economic Indicators of Mongolia. *Open Journal of Social Sciences*. 2021. Vol. 9. P. 227–235. <https://doi.org/10.4236/jss.2021.98016>
14. Brawn I., Eyenghe T. Improving Rural Quality of Life and Socio-economic Development through the Provision of Rural Roads. *African Journal of Urbanism, Architecture and Building*. 2025 Vol. 1. No. 2. P. 43–61.
15. Bulag U. E. Mongolia in 2008: From Mongolia to Mine-golia. *Asian Survey*. 2009. Vol. 49. No. 1. P. 129–134. <https://doi.org/10.1525/as.2009.49.1.129>
16. Chu N., Wu X., Zhang P. Cross-Border Accessibility and Spatial Effects of China-Mongolia-Russia Economic Corridor under the Background of High-Speed Rail Environment. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. <https://doi.org/10.3390/ijerph191610266>
17. Dalakoglou D., Harvey P. Roads and Anthropology: Ethnographic Perspectives on Space, Time and (Im)Mobility. *Mobilities*. 2012. Vol. 7. No. 4. P. 459–465.
<https://doi.org/10.1080/17450101.2012.718426>
18. Diener A. C., Batjav B. Axial Development in Mongolia: intended and unintended effects of new roads. *Mobilities*. 2019. <https://doi.org/10.1080/17450101.2019.1643163>
19. Evans-Pritchard E. E. A contribution to the study of Zande culture. *Africa*. 1960. Vol. 30 (4). P. 309–324.
20. Grigoriev K., Dugarova G., Emelyanova N., Tszian K., Myagmarsuren A. When the center comes to the periphery: the impact of mining projects on the population social structure in southern Mongolia. *Periphery. Journal of the Peripheries Studies*. 2025. No. 4 (9). P. 7–18.
21. Harvey P., Knox H. The Enchantments of Infrastructure. *Mobilities*. 2012. Vol. 7. No. 4. P. 521–536.
<https://doi.org/10.1080/17450101.2012.718935>
22. Jackson S. L. Dusty roads and disconnections: Perceptions of dust from unpaved mining roads in Mongolia's South Gobi province. *Geoforum*. 2015. Vol. 66. P. 94–105.
<http://dx.doi.org/10.1016/j.geoforum.2015.09.010>

23. Keshkamati S. S., Tsendbazar N. E., Zuidgeest M. H. P., Shiirev-Adiya S., van der Veen A., de Leeuw J. The environmental impact of not having paved roads in arid regions: an example from Mongolia. *Ambio*. 2012. Vol. 41 (2). P. 202–205.
24. Moran J. *On Roads: A Hidden History*. London: Profile Books, 2009. 312 p.
25. Ocaklı B., Krüsmann V. Whom the roads bypass: Rikoti's East-West connections in a disconnecting Georgia. *Mobilities*. 2025. Vol. 20 (6). P. 1038–1058. <https://doi.org/10.1080/17450101.2024.2445808>
26. Pedersen M. A., Bunkenborg M. Roads that Separate: Sino-Mongolian Relations in the Inner Asian Desert. *Mobilities*. 2012. Vol. 7 (4). P. 555–569. <https://doi.org/10.1080/17450101.2012.718938>

Информация об авторах

Константин Вадимович Григоричев, д-р соц. наук, главный научный сотрудник Иркутского института химии имени А.Е. Фаворского СО РАН, Иркутск, Россия; профессор Томского государственного университета, Томск, Россия, e-mail: grigoritchev@yandex.ru

Гэрэлма Банзаровна Дугарова, канд. геогр. наук, ведущий научный сотрудник Института географии имени В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутск, Россия; ведущий научный сотрудник Иркутского института химии имени А.Е. Фаворского СО РАН, Иркутск, Россия, e-mail: geldugarova@gmail.com

Наталья Владимировна Емельянова, канд. геогр. наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией устойчивого развития Байкальского региона Иркутского института химии имени А.Е. Фаворского СО РАН, Иркутск, Россия, e-mail: lesnata84@mail.ru

Саранцэцэг Базарваань, PhD, профессор Академии менеджмента Монголии, Улан-Батор, Монголия, e-mail: sarantsetseg0514@gmail.com

Константин Сьюевич Цзян, младший научный сотрудник Иркутского института химии имени А.Е. Фаворского СО РАН, Иркутск, Россия, e-mail: kostyacz@yandex.ru

Энх-Амгалан Сандаг, PhD, ведущий научный сотрудник Института географии и геоэкологии Монгольской академии наук, Улан-Батор, Монголия; профессор Международного университета Улан-Батора, Улан-Батор, Монголия, e-mail: amgalan.6967@gmail.com

Information about the authors

Konstantin V. Grigorichev, Doctor of Sociology, Chief Researcher, A.E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia; Professor, Tomsk State University, Tomsk, Russia, e-mail: grigoritchev@yandex.ru

Gerelma B. Dugarova, Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher, V.B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Irkutsk, Russia; Leading Researcher, A.E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia, e-mail: geldugarova@gmail.com

Natalia V. Emelyanova, Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher, Head of Laboratory for Sustainable Development of the Baikal Region, A.E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia, e-mail: lesnata84@mail.ru

Sarantsetseg Bazarvaan, PhD, Professor, Mongolian Management Academy, Ulaanbaatar, Mongolia, e-mail: sarantsetseg0514@gmail.com

Konstantin S. Jiang, Junior Researcher, A.E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia, e-mail: kostyacz@yandex.ru

Enkh-Amgalan Sandag, PhD, Leading Researcher, Institute of Geography and Geoecology, Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia; Professor, International University of Ulaanbaatar, Ulaanbaatar, Mongolia, e-mail: amgalan.6967@gmail.com

Поступила в редакцию 13.04.2026

Одобрена после рецензирования 08.05.2026

Принята к публикации 27.05.2026

Received 13.04.2026

Approved 08.05.2026

Accepted 27.05.2026

Буддизм в системе российско-монгольских отношений: прошлое и настоящее

Тимур Баторович Бадмацыренов

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, badmatsyrenovtb@bsu.ru
Цэвээн Цэцэнбилэг

Институт философии Академии наук Монголии, Улан-Батор, Монголия;

Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы, Москва, Россия, tsetsenbilegts@gmail.com

Елена Александровна Островская

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e.ostrovskaya@spbu.ru

Аннотация. Современная система международных отношений переживает глубокие изменения, затрагивающие гуманитарные, культурные и религиозные аспекты мировой политики. Также актуальность обращения к рассматриваемой в данной работе теме обусловлена формированием новых моделей взаимодействия государства и религиозных сообществ в постсекулярном контексте. Особое внимание уделяется тому, как религиозные идеи, институты и сообщества влияют на развитие межстрановых отношений, а также на формирование культурных, политических и дипломатических практик во Внутренней Азии. Целью данной статьи является исследование процессов влияния буддийских идей и институтов на российско-монгольские отношения в историческом прошлом и в настоящее время. Буддизм в течение более трёх столетий оказывает определённое влияние на формирование внешнеполитического курса российского государства на Востоке. Можно выделить несколько этапов трансформации роли буддизма и буддийских сообществ, для которых в целом характерно периферийное значение буддизма во взаимодействии с государственными институтами и значительное влияние изменений политики российского государства на развитие буддийских сообществ.

Ключевые слова: *российско-монгольские отношения, Россия, Монголия, буддизм, постсекулярность*

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-48-03022, <https://rscf.ru/project/24-48-03022/>

Для цитирования: Бадмацыренов Т.Б., Цэцэнбилэг Ц., Островская Е.А. Буддизм в системе российско-монгольских отношений: прошлое и настоящее // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 2. С. 45–52. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/45-52>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/45-52>

Buddhism in Russian-Mongolian Relations: Past and Present

Timur B. Badmatsyrenov

Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, badmatsyrenovtb@bsu.ru

Tseveen Tsetsenbileg

Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia;

Peoples' Friendship University of Russia P. Lumumba, Moscow, Russia, tsetsenbilegts@gmail.com

Elena A. Ostrovskaya

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, e.ostrovskaya@spbu.ru

Abstract. The contemporary system of international relations is undergoing profound changes that affect the humanitarian, cultural, and religious dimensions of world politics. The relevance of the topic addressed in this article is also determined by the emergence of new models of interaction between the state and religious communities in a postsecular context. Particular attention is paid to how religious ideas, institutions, and communities influence the development of interstate relations, as well as the formation of cultural, political, and diplomatic practices in Inner Asia. The purpose of this article is to examine the influence of Buddhist ideas and institutions on Russian-Mongolian relations, historically and currently. For over three centuries, Buddhism has exerted a certain influence on the formation of the Russian state's foreign policy in the East. Several stages in the transformation of the role of Buddhism and Buddhist communities can be identified, characterized by the generally peripheral significance of Buddhism in interactions with state institutions and the significant influence of changes in Russian state policy on the development of Buddhist communities.

Key words: *Russian-Mongolian relations, Russia, Mongolia, Buddhism, postsecularity*

The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 24-48-03022, <https://rscf.ru/project/24-48-03022/>

For citation: Badmatsyrenov T.B., Tsetsenbileg Ts., Ostrovskaya E.A. Buddhism in Russian-Mongolian Relations: Past and Present // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 45–52. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/45-52>

В современном мире разворачиваются крайне динамичные процессы трансформации системы международных отношений как на глобальном, так и на региональном уровнях. Особое измерение этих процессов представляет постсекулярная трансформация государственных, общественно-политических и религиозных институтов и системы государственно-конфессиональных отношений. Для неё характерно развитие новых форм взаимодействия государств и религиозных сообществ, отличных от господствовавших в России и

Монголии светских атеистических форматов. Как отмечает Б. Тернер, "Религия играет важную роль в публичном пространстве и во многих обществах либеральная модель секуляризации, предполагающая разделение церкви и государства, больше не работает" [10, с. 45].

Целью данной статьи является исследование процессов влияния буддийских идей и институтов на российско-монгольские отношения в историческом прошлом и в настоящее время.

Буддизм в течение более трёх столетий оказывал определенное влияние на формирование внешнеполитического курса российского государства на Востоке. Можно выделить несколько этапов трансформации роли буддизма и буддийских сообществ, для которых в целом характерно периферийное значение буддизма во взаимодействиях с государственными институтами и значительное влияние изменений политики российского государства на развитие буддийских сообществ [3, с. 136].

Условную точку отсчёта в становлении буддизма как фактора российско-монгольских отношений можно отнести к периоду вхождения в состав Российского государства бурят и калмыков, у которых к тому времени получила распространение "жёлтая вера" или школа гелугпа.

Важно отметить, что к моменту вхождения калмыков и бурят в состав России в XVII в. во Внутренней Азии активно разворачивались процессы формирования политических образований, и школа гелугпа приобрела в них особое влияние. Именно эта школа при сочетании целого ряда условий стала господствующей религиозной, политико-идеологической и ценностно-смысловой силой на территориях монголов, бурят, ойратов, калмыков и тувинцев. На территории Внутренней Азии возникает сеть монастырей, не в полной мере интегрированных в единую политико-церковную организацию, но объединённых единой системой идей, догматики, ритуалов и иерархической организации, признающей авторитет Далай-лам и других иерархов этой школы.

Кроме того, гелугпа создаёт единую систему политической коммуникации, в которой идеи и ритуалы выполняют функцию согласования взаимодействий различных сил. В гелугпа успешно развивается система буддийских политико-правовых идей, позволившая ей со второй половины XVI в. сформировать устойчивые связи с крупнейшими политическими силами – монгольскими, в том числе ойратскими, ханами и маньчжурской династией Цин.

В процессе создания идеологии буддийской теократии тибетские ламы разработали одну из ключевых политических доктрин тибетского буддизма – концепцию чойон (духовный учитель – светский правитель или лама-милостынедатель), отражающую взаимосвязь дхармы и политики [15, с. 2]. Эта концепция базируется на буддийской идее о двух автономных сферах: религиозной и светской, находящихся в неразрывной связи, считающейся залогом стабильности государства [12, с. 19]. Идеи дхармараджи (царя Учения) и чакравартина (буддийского правителя) возникли ещё до проникновения буддизма в Тибет и в целом характерны для всех буддийских регионов. В системе отношений между монгольскими, ойратскими и маньчжурскими политиями и буддийской общиной концепция "двух законов", согласно которой чакравартин – правитель, обладающий политической властью в силу следования буддийскому учению и правящий в гармонии с ламой – духовным наставником, заняла важное базовое место. Она была сформулирована ещё при Хубилай-хане и ревитализирована тумэтским Алтан-ханом в XVI в. для легитимации своих притязаний на ханский титул и суверенитет [9, с. 12].

Другим важным буддийским политико-религиозным институтом стала система перерожденцев-тулку (хубилганов), которая позволила аккумулировать власть и собственность монастырей в условиях монашеских ограничений на вступление в брак, обеспечив "легитимацию светской и духовной власти в условиях безбрачия её носителей" [10, с. 242] как "новую форму легитимации права на земельную собственность" [4, с. 324]. В политической эволюции институтов перерожденцев-хубилганов большое значение приобрела система связей аристократических групп с верхушкой управления буддийскими общинами. Крупные аристократы стремились использовать буддийские монастыри для легитимации и повышения своего политического престижа. Т.Д. Скрынникова связывает быстрое распространение буддизма в XVI–XVII вв. у монгольских народов с общественно-политическими процессами, тенденциями

возрождения государственности, борьбой центристических и центробежных сил [9, с. 9].

Буддийские идеи становятся важным фактором легитимации политической власти в условиях борьбы централизаторских и децентрализаторских тенденций в монгольском политическом пространстве XVI–XVII вв., включаются в систему монгольского права и формируют идейно-смысловую базу для построения монгольской идентичности вплоть до настоящего времени. В довольно краткие сроки система буддийских идей становится важной частью политико-правовой системы Монголии, замещая многие правовые институты предшествующего имперского юаньского периода. В "обычном праве" калмыков и бурят также имплементируется существенный компонент буддийских правовых идей и норм, фактически выступая специфической подсистемой российского права имперского периода вплоть до 1917 г.

После включения Южной и Северной Монголии в состав Цинской империи начинается процесс институционализации единой цинской буддийской организации Монголии, которая развивается при поддержке монгольской аристократии и императорской власти Цинской династии. При этом монгольские аристократические группы используют буддийские структуры, оказывая финансово-экономическую и политическую поддержку отдельным монастырям и линиям перерожденцев (тулку, хубилганов) через семейно-родовые связи. С другой стороны, монгольские хубилганы и монастыри постепенно сосредоточили реальную власть в своих руках, закрепили привилегированное положение через воздействие на правовые институты и превратились в значимую организованную политическую и экономическую силу, что привело правящие круги Цинской империи к осознанию необходимости установления над ними контроля [11, с. 21]. Цинская династия через Палату внешних сношений (Лифаньюань), используя прежде всего авторитет Джебцзун Дамба-хутухт (Богдо-гэгэнов), контролировала через систему ритуалов и связей с тибетскими центрами гелугпа церковно-политическую организацию, и "в той мере, в какой Внешняя Монголия являлась единой в рамках Цинской империи, существовало и единство церковной организации, контролируемой Пекином" [9, с. 82]. При этом собственно Тибет в силу своей труднодоступности и географической удаленности от Китая интересовал цинов лишь как место пребывания Далай-лам, как источник влияния на тибетское и монгольское население различных районов Центральной Азии.

В середине XVII в. Забайкалье становится ареной столкновения двух империй – Российской и Цинской, после чего были заключены Нерчинский (1689), Буринский (1727) и Кяхтинский (1727) трактаты, на основании которых была определена российско-китайская граница. После этого российскими властями было решено создать независимую от находящихся под контролем Цинской династии буддийских центров церковную организацию в Забайкалье. Российская империя в XVII–XIX в. вырабатывает особое отношение к многообразию населяющих её народов через легализацию их обычаев, вследствие чего имперская правовая система представляла собой сложную иерархизированную систему и включала несколько процессуальных и нормативных режимов, отражающих многообразие этнокультурных и религиозных обычаев народов России [14, с. 402]. Конфессиональный принцип в развитии имперской политико-правовой системы играет одну из важнейших ролей, поскольку правовая система строится не на индивидуальных гражданских правах и привилегиях, а на групповых, прежде всего сословных и конфессиональных. "Империя мыслила конфессиональными, а не этническими или какими-либо иными категориями, а конфессиональность лежала в основе социального порядка" [11, с. 32]. Этим фактором обусловлено то огромное значение, которое придавалось имперскими и губернскими властями построению государственно-конфессиональных отношений с институционально оформленными буддийскими группами. В этот период происходит поиск эффективных средств для решения политико-правовых задач управления буддистами, среди которых можно выделить стремление к изоляции российских буддистов от влияния иностранных центров, находившихся к XVII–XVIII вв. под властью Цинской империи, и обеспечение политико-административного контроля через конструирование централизованной церковной администрации во главе с Пандито Хамбо-ламами в Забайкалье и ламами калмыцкого народа у

волжских калмыков. В течение двух столетий шёл поиск оптимальной модели взаимодействия органов центральной и местной власти с бурятскими и калмыцкими буддийскими сообществами, что отразилось в разработке к середине XIX в. целого ряда нормативных правовых документов по инициативе как центральных, так и местных губернских властей, поскольку "к началу XIX века и буддийская община, и власти пришли к убеждению о необходимости установления твердых правил, по которым могло бы строиться их взаимодействие" [11, с. 233].

Ко второй половине XIX в. благодаря деятельности Академии наук и Русского географического общества, которые развернули масштабную программу исследования Внутренней Азии, увеличилось число контактов российских учёных с буддистами России, Монголии и Тибета, произошло своеобразное "открытие" российского буддизма и через его посредство – буддийского мира. Так, в дневниках Н. М. Пржевальского, П. К. Козлова, Г. Ц. Цыбикова и других учёных содержится множество материалов о роли буддизма и буддийского духовенства в жизни монголов и тибетцев. Причём актуальность изучения буддизма объяснялась как внешнеполитической необходимостью, так и потребностью в оптимизации управления российскими буддистами. Как отмечает А. М. Позднеев, "для правильного отношения к ламству и ламаитам нам необходимо знать их собственные правила и воззрения, без этого мы никогда не достигнем своей пользы в наших отношениях к исповедующим ламаизм инородцам России" [5, с. XII].

С другой стороны, многообразные духовные, образовательные и экономические связи российских лам позволяли, несмотря на ограничения, вступать в контакты с буддийскими центрами Цинского Китая, включая крупнейших буддийских иерархов – Далай-лам в Лхасе и Богдо-гэгэнов в Урге. Буряты и калмыки часто становились проводниками внешнеторговых и исследовательских экспедиций в регионе. Позднее развитие академического изучения "живого" буддизма стало важной чертой буддологической школы Ф. И. Щербатского. Таким образом, "к концу XIX в. Российская империя стала рассматривать трансграничные связи российских буддистов не как угрозу, а как возможность экспансии российских интересов в Азии" [11, с. 233].

В XIX в. ослабление Цинской империи, начало "Большой игры" как противостояния России и Великобритании, повышение внешнеполитического интереса России во Внутренней Азии обусловили стремление к использованию буддизма в качестве инструмента внешнеполитического курса России в Северном Китае, Монголии и Тибете. С другой стороны, центробежные тенденции в Цинской империи, распространившиеся на Монголию и Тибет, в условиях построения проектов независимых государств в форме буддийских теократий ориентировали представителей элитных групп Тибета и Монголии на Россию в поисках возможной поддержки в пользу различных политических стратегий в условиях обострившихся противоречий в системе Россия – Великобритания – Цинская империя / республиканский Китай после Синьхайской революции 1911 г.

В конце XIX – начале XX вв. возникает сразу несколько российских внешнеполитических проектов в буддийских регионах Азии, таких как инициативы П. Бадмаева, А. Доржиева.

Выдающийся религиозный и дипломатический деятель Агван Доржиев, занимавший заметное место в окружении Далай-ламы XIII, выступает инициатором расширения контактов России и Тибета; под его руководством в Санкт-Петербурге строится буддийский храм, открывается Тибето-монгольская миссия, расширяются контакты с политическими и академическими кругами. Дипломатическая деятельность Агвана Доржиева стала источником беспокойства для Великобритании и Японии, в которых циркулировали упорные слухи о гарантиях независимости или заключении секретных протоколов об установлении российского протектората над Тибетом. После революции Агван Доржиев продолжил укреплять взаимодействие теперь уже с новой властью, обосновывая близость исконного буддизма как философского течения с коммунистическим учением. В 1921 г. он выступил с предложением к советским властям по созданию буферных государств в Прибайкалье, Забайкалье, Монголии и Тибете для разделения России, Японии и Китая. Усилия А. Дор-

жиева во многом способствовали созданию бурятских автономий в РСФСР и Дальневосточной республике [8, с. 318–319].

В период Гражданской войны осенью 1918 г. в Забайкалье при поддержке Японии устанавливается власть атамана Г. Семенова. Уже в феврале 1919 г. на станции Даурия открылся панмонгольский съезд, на котором было провозглашено создание Великого монгольского государства во главе с южно-монгольским хубилганом Нэйсэ-гэгэном. В него планировалось включить бурятские земли, Внешнюю и Внутреннюю Монголию. Эти инициативы не были поддержаны правительством Богдо-гэгэна VIII и потерпели крах после неудачной попытки Нэйсэ-гэгэна подчинить Халху.

В этот же период начала XX в. бурятские интеллигенты, национальные демократы пытались найти пути формирования национальной культуры. Ими панмонголизм понимался как одна из альтернатив самостоятельного политического развития монгольских народов, в основании которой находились европейские представления о государственном национальном строительстве. Появляется идея "культурного панмонголизма" как интеграции монгольских народов в единое культурное пространство, чтобы таким образом нивелировать различия между отдельными региональными группами и в перспективе добиться большей этнокультурной унификации и монолитности населения Монголии. Буддизм в этих построениях занимает важное место "прибежища национального духа", учитывая обновленческое движение к "очищению" буддизма как философии от суеверий и искажений.

Советская власть в начальный период разрабатывала планы использования буддийского фактора и панмонгольских идей в восточной политике в стремлении распространить революционное движение на Востоке, прежде всего в Китае. Но вскоре буддизм начал рассматриваться как одно из основных препятствий на пути построения социализма, как легально действующая контрреволюционная сила в буддийских регионах СССР, МНР и КНР, и к концу тридцатых годов он, как институционализируемая религия, был фактически уничтожен.

В Монголии после победы народной революции 1921 г. и смерти восьмого Богдо-гэгэна "новое правительство, следуя рекомендациям Коминтерна и лично Сталина, сначала пыталось ограничивать деятельность сангхи посредством законодательных и экономических мер, а в конце 1930-х гг. перешло к радикальным мерам – физическому уничтожению лам, разрушению храмов и монастырей" [7, с. 46].

Восстановление буддийской общины в СССР и МНР в послевоенные годы также было сопряжено с проектами расширения взаимодействия с народно-освободительным движением в буддийских странах в период распада колониальной системы. Одним из них стало создание в 1970 г. Азиатской буддийской конференции за мир, ставшей авторитетной международной гуманитарной организацией. Штаб-квартира находится в монастыре Гандантегчинлинг в Улан-Баторе. Целями и задачами АБКМ являются: объединение буддистов Азии в их стремлении к миру и спокойствию на Земле; всемерное содействие распространению и претворению в жизнь буддийского учения, проповедующего высокие идеалы мира, гармонии и социальной справедливости; решительно выступать за мир и безопасность в Азии и во всем мире, за полный запрет ядерного и других видов оружия массового уничтожения; поддержка неотъемлемых требований народов на свободное и независимое развитие, в защиту прав и достоинства человека. АБКМ объединяет 15 национальных центров из 12 стран Азии, многих авторитетных буддийских лидеров, политических и общественных деятелей. АБКМ имеет статус третьей категории в ЭКОСОС и ЮНЕСКО [13].

После распада социалистической системы в России и Монголии развиваются процессы "возрождения" буддизма, имеющие как схожие, так и отличные черты. В системе межгосударственных российско-монгольских отношений буддизм играет малозначительную роль, но внимание к нему постепенно повышается. Буддийские сообщества выстраивают собственную, лишь частично связанную с межгосударственными отношениями систему взаимодействий как на уровне индивидуальных контактов священнослужителей, включая лидеров буддийских общин, так и в традиционных связях Буддийской традиционной сангхи России и Буддийской ассоциации Монго-

лии в области образования, культуры и конфессионального диалога. Можно также отметить возрастающую долю религиозного паломнического туризма в двусторонних связях, когда паломники из Монголии, включая политических лидеров и общественно-политических деятелей, активно посещают объекты поклонения в Бурятии, прежде всего Иволгинский дацан и нетленное тело Пандито Хамбо-ламы Д.-Д. Итигелова, что является признанием его высоко-го религиозного авторитета.

Вместе с тем нельзя не отметить некоторые проблемные аспекты, воздействующие на современные российско-монгольские отношения через при-зму буддийского фактора. Прежде всего, это фактор Далай-ламы XIV, лидера тибетского буддизма, авторитет которого признается во всем мире, но в от-ношениях с КНР его фигура выступает как фактор, осложняющий развитие стратегического партнерства в системах РФ–КНР и Монголия–КНР. Так, В. Родионов и О. Хатанболд отмечают, что "постсекулярность монгольского общества проявляется в дискуссиях по вопросу о роли буддийского первосвя-щенника как во внутренней политике страны, так и в отношениях Монголии с внешним миром. Так, значительный сегмент монгольского общества, явля-ющийся носителем скорее светских (нерелигиозных) ценностей и настроений, выступает фактором ограничения влияния буддизма в целом и Далай-ламы в частности. Также остается актуальной дилемма выбора между экономически-ми выгодами от сотрудничества с КНР, с одной стороны, и религиозно-полити-ческими интересами, с другой" [6, с. 496].

В настоящее время буддийский фактор выступает одним из важных направлений расширения гуманитарного сотрудничества России, Монголии и других стран Азии. Так, проведение серии международных буддийских форумов в России стало большим вкладом в дело продвижения позитивного имиджа России как части буддийского мира и авторитетного центра мирового буддизма, способного стать площадкой и точкой притяжения для международ-ного буддийского диалога. Международный буддийский форум – это событие, которое объединяет представителей буддизма со всего мира для обсуждения актуальных вопросов развития буддизма, буддийской культуры, философии и практики, а также для укрепления международного сотрудничества между буддийскими организациями разных стран. Первые два форума прошли в Бу-рятии в 2023 и 2024 гг. Их организаторами выступили Буддийская традици-онная сангха России, Правительство Республики Бурятия, Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям при поддержке фонда "Роскон-гресс". В 2025 г. форум проходил в Калмыкии по поручению Президента РФ Владимира Путина [2, с. 76]. В 2026 г. форум запланирован в г. Кызыле, столице Республики Тыва.

Как было отмечено в пресс-релизе организаторов первого форума, Бу-рятия по-прежнему остается аванпостом России в странах Азии в части на-учного и духовного развития буддизма. Практические результаты воплотил-ись в заключении на полях форума ряда договоренностей в сфере медицины, туризма, экологии. Проведение такого форума в Бурятии, "которая по праву считается центром российского буддизма, свидетельствует о том, что Россия является частью буддийского мира и заинтересована в укреплении сотрудни-чества с буддийскими странами в разных сферах" [12, с. 3]. Можно отметить усиление роли "буддийских" регионов Бурятии, Калмыкии и Тувы в формиро-вании и продвижении международной повестки России, что особо актуально в условиях обострившейся конфронтации со странами Запада.

В целом можно сделать ряд выводов. Во-первых, значителен и не до конца исследован потенциал буддизма в современной системе международ-ных отношений как на региональном, так и на глобальном уровне. Можно от-метить, что смещение центра мировой экономики в Азию усиливает влияние традиционной буддийской культуры. При этом буддийские сообщества, как не вовлеченные в международные конфликты, могут выступать в роли ней-тральной силы, посредника при решении острых международных проблем.

Во-вторых, в рамках постсекулярной теоретико-методологической опти-ки можно отметить возникновение новых форм взаимодействия светских об-щественно-политических и религиозных институтов в сфере международных отношений. Можно отметить формирование в системе российско-монгольских отношений формата "буддийской дипломатии", для которой "представляется

актуальной задачей по активизации практики буддийской дипломатии России, учитывая евразийскую идентичность российского государства" [1, с. 116].

Можно отметить также значительный потенциал буддийских идей, практик и общин в деле решения международных и национальных задач по сохранению и укреплению традиционных ценностей, снижения социальной и политической напряженности, укрепления стабильности и безопасности России и Монголии посредством конструктивного сотрудничества государственных и буддийских институтов.

Литература / References

1. Бадмаев В. Н. Буддийская дипломатия: идеи и практика. *Вестник КалмГУ*. 2021. № 1 (49). С. 111–117.
Badmaev V. N. Buddhist Diplomacy: Ideas and Practice. *Bulletin of KalmsU*. 2021. No. 1 (49). P. 111–117. (In Russ.)
2. Бадмацыренов Т. Б., Бадараев Д. Д., Родионов В. А. Буддийский мир в новом тысячелетии: итоги III Международного буддийского форума. *Восточный вектор: история, общество, государство*. 2025. № 3. С. 76–78.
Badmatsyrenov T. B., Badaraev D. D., Rodionov V. A. Buddhist World in the New Millennium: Results of the III International Buddhist Forum. *Oriental Vector: History, Society, State*. 2025. No. 3. P. 76–78. (In Russ.)
3. Бадмацыренов Т. Б., Бадмацыренова Е. Л. Буддизм, государство и право в России: развитие современной модели государственно-конфессиональных отношений. *Вестник экономики, права и социологии*. 2016. № 4. С. 135–139.
Badmatsyrenov T. B., Badmatsyrenova E. L. Buddhism, State and Law in Russia: Development of a Modern Model of State-Constitutional Relations. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2016. No. 4. P. 135–139. (In Russ.)
4. Островская Е. А. - мл. Тибетский буддизм. СПб.: "Петербургское востоковедение", 2002. 400 с.
Ostrovskaya E. A. Jr. Tibetan Buddhism. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2002. 400 p. (In Russ.)
5. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста: Калм. кн. изд-во., 1993. 512 с.
Pozdneev A. M. Essays on the Life of Buddhist Monasteries and the Buddhist Clergy in Mongolia in Connection with the Latter's Relationship to the People. Elista: Kalm. Book Publishing House, 1993. 512 p. (In Russ.)
6. Родионов В. А., О. Хатанболд Монголия и Далай-лама XIV в конце XX–XXI вв. *Научный диалог*. 2024. Т. 13. № 10. С. 481–496.
Rodionov V. A., O. Khatanbold. Mongolia and the 14th Dalai Lama in the Late 20th – 21st Centuries. *Scientific Dialogue*. 2024. Vol. 13. No. 10. P. 481–496. (In Russ.)
7. Сабиров Р. Т. Буддийская сангха в Монголии: традиция и современность. *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*. 2018. №1. С. 40–55.
Sabirov R. T. Buddhist Sangha in Mongolia: Tradition and Modernity. *Bulletin of Moscow University. Series 13. Oriental Studies*. 2018. No. 1. P. 40–55. (In Russ.)
8. Саблин И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации; пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 640 с.
Sablin I. The Far Eastern Republic: From the Idea to Liquidation / Translated from English by A. Tereshchenko. Moscow: New Literary Review, 2020. 640 p. (In Russ.)
9. Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI – начала XX века. Новосибирск: Наука, 1988. 104 с.
Skrynnikova T. D. The Lamaist Church and State. Outer Mongolia in the 16th–Early 20th Centuries. Novosibirsk: Nauka, 1988. 104 p. (In Russ.)
10. Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2012. № 2. С. 21–51.
Turner B. Religion in a Post-Secular Society. *State, Religion, and Church in Russia and Abroad*. 2012. No. 2. P. 21–51. (In Russ.)
11. Торчинов Е. Введение в буддизм. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2013. 352 с.
Torchinov E. Introduction to Buddhism. St. Petersburg: Amphora. Amphora Trade House, 2013. 352 p. (In Russ.)
12. Цыденов А. С. Приветствие участникам II международного буддийского форума. Традиционный буддизм и вызовы современности: материалы II Международного буддийского форума (Улан-Удэ, 12–14 августа 2024 г.); Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, 2025. 256 с.
Tsydenov A. S. Greetings to the Participants of the II International Buddhist Forum. Traditional Buddhism and Modern Challenges: Proceedings of the II International Buddhist Forum (Ulan-Ude,

- August 12–14, 2024) / Scientific Editor T. B. Badmatsyrenov. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University named after D. Banzarov, 2025. 256 p. (In Russ.)
13. Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX века). Улан-Удэ, 2013. 336 с.
Tsyrempilov N. V. Buddhism and Empire. The Buryat Buddhist Community in Russia (18th – early 20th centuries). Ulan-Ude, 2013. 336 p. (In Russ.)
 14. Asian Buddhists Conference for Peace. URL: <https://abcp.mn/> (дата обращения 11.04.2026).
 15. Burbank J. An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. Vol. 7. No. 3. P. 397–431.
 16. Ruegg D. S. The Temporal and Spiritual Orders in the Governance of Tibet and the so-called "Patron-Priest Relation" in Inner Asia. URL: <https://www.academia.edu/10130475/Yonmchod> (дата обращения: 11.04.2026).

Информация об авторах

Тимур Баторович Бадмацыренов, д-р соц. наук, заведующий кафедрой политологии и социологии, директор Центра социально-политических исследований "Альтернатива" Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: badmatsyrenovtb@bsu.ru

Цэвээн Цэцэнбилэг, канд. соц. наук, ведущий научный сотрудник Института философии Монгольской академии наук, Улан-Батор, Монголия; доцент Института иностранных языков Российского университета дружбы народов имени П. Лумумбы, Москва, Россия, e-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

Елена Александровна Островская, д-р соц. наук, профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: e.ostrovskaya@spbu.ru

Information about the authors

Timur B. Badmatsyrenov, Doctor of Sociology, Head of the Department of Political Science and Sociology, Director of the Center for Socio-Political Studies "Alternative", Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, e-mail: badmatsyrenovtb@bsu.ru

Tseveen Tsetsenbileg, Candidate of Sociology, Leading Researcher, Institute of Philosophy, Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia; Associate Professor, Institute of Foreign Languages, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, e-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

Elena A. Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, Department of Theory and History of Sociology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, e-mail: e.ostrovskaya@spbu.ru

Поступила в редакцию 23.04.2026

Одобрена после рецензирования 09.05.2026

Принята к публикации 27.05.2026

Received 23.04.2026

Approved 09.05.2026

Accepted 27.05.2026

Буддизм во внешней политике государства: опыт Монголии

Владимир Александрович Родионов,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, rodionovva@bsu.ru

Аннотация. Одним из проявлений эпохи постсекулярности является увеличение роли религиозного фактора в международных отношениях. Буддизм по ряду причин представляет собой удобный инструмент для ведения внешней политики несиловыми методами. Вместе с тем вопрос о роли буддизма во внешней политике до последнего времени рассматривался преимущественно в связи со стратегиями великих держав. Учитывая данное обстоятельство, в статье предпринимается попытка выявить основные черты и особенности использования буддизма во внешней политике Монголии как страны со сравнительно ограниченным внешнеполитическим потенциалом. В теоретическом отношении исследование основывается на концепции постсекулярности и теории "мягкой силы". Исследование опирается на компаративистский метод, применяемый при изучении роли буддизма во внешнеполитических стратегиях Китая, Индии и России как великих держав, а также Монголии как малой страны. Анализу подвергаются соответствующие официальные документы и материалы СМИ Монголии. Также применяется дискурсивный подход, позволяющий выявить смысловую подоплеку буддийского фактора во внешней политике Улан-Батора. Было установлено, что Монголия, будучи малой страной, использует буддийский фактор в своих отношениях с внешним миром не столько для продвижения своего влияния на иные страны, сколько как способ формирования и укрепления национальной идентичности и безопасности. При этом у Монголии есть потенциал для более активного использования буддизма во внешнеполитической деятельности посредством института Богдо-гэгэна.

Ключевые слова: буддизм, Монголия, внешняя политика, постсекулярность, мягкая сила, буддийская дипломатия, Богдо-гэгэна

Исследование проведено в рамках гранта РФ "Традиционный буддизм, постсекулярность и современные общественно-политические процессы в России и Монголии", № 24–48–03022.

Для цитирования: Родионов В. А. Буддизм во внешней политике государства: опыт Монголии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 2. С. 53–61.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/53-61>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/53-61>

Buddhism in State Foreign Policy: Mongolia case

Vladimir A. Rodionov

Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, rodionovva@bsu.ru

Abstract. One of the manifestations of the post-secular era is the increasing role of religion in international relations. For a number of reasons, Buddhism offers a useful tool for conducting foreign policy through non-military means. However, until recently, the role of Buddhism in foreign policy has been considered primarily in relation to the strategies of great powers. Given this circumstance, this article attempts to identify the key features and characteristics of Buddhism's use in Mongolia's foreign policy, a country with comparatively limited foreign policy potential. Theoretically, the study is based on the concept of post-secularism and the theory of "soft power." The study draws on a comparative method applied to the study of Buddhism's role in the foreign policy strategies of China, India, and Russia, all great powers, and Mongolia, a small country. Relevant official documents and Mongolian media materials are analyzed. A discursive approach is also employed to uncover the underlying meaning of the Buddhist factor in Ulaanbaatar's foreign policy. It was found that Mongolia, as a small country, utilizes the Buddhist factor in its relations with the outside world not so much to advance its influence over other countries, but rather as a means of shaping and strengthening national identity and security. At the same time, Mongolia has the potential to more actively utilize Buddhism in its foreign policy through the institution of the Bogdo Gegen.

Key words: Buddhism, Mongolia, foreign policy, postsecularity, soft power, Buddhist diplomacy, Bogdo Gege

The study is supported by Russian Science Foundation, project number 24-48-03022, project "Traditional Buddhism, Postsecularity, and Contemporary Socio-Political Processes in Russia and Mongolia".

For citation: Rodionov V. A. Buddhism in State Foreign Policy: Mongolia case // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 53–61. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/53-61>

Под влиянием событий последних лет во многих экспертных кругах расхожим стал тезис о возвращении примата военной силы в международные отношения. Вторая Нагорно-Карабахская война 2020 г., продолжающийся украинский кризис, война Израиля в Газе, индо-пакистанский конфликт весны 2025 г., американо-израильская агрессия против Ирана в 2025 и в 2026 гг. – вот далеко неполный перечень наиболее известных современных вооружённых конфликтов. На этом фоне вопрос о роли и месте несиловых методов (концептуально оформленных понятием "мягкая сила") в международной политике ушёл на задний план, а по мнению некоторых экспертов, вообще стал неактуальным [8; 12].

Между тем, востребованность несиловых методов в международных отношениях, на наш взгляд, остается высокой. Любой военный конфликт рано или поздно заканчивается, и на смену ему приходит необходимость мирного сосуществования с характерным для него скрытым соперничеством за влияние. Кроме того, даже в ходе военных действий информационное сопровождение и идеологические приемы являются сопутствующими инструментами. Наконец, сама эскалация конфликтности в международных отношениях по-новому ставит вопрос о потенциале переговорного процесса, дипломатии и миротворчестве.

Среди большого разнообразия инструментов мягкой силы отдельное место занимает религия, что определяется такими факторами, как её ориентированность на морально-нравственные установки и ценности, укорененность в истории и культурных традициях многих народов, институциональная оформленность. В конечном итоге религия по своей природе направлена на завоевание "умов и сердец" широких масс населения. При этом за редким исключением религия не была основным предметом исследований теоретиков мягкой силы [29].

Ситуация сосуществования и взаимовлияния религиозных и нерелигиозных институтов, в том числе в политической сфере, описана в концепции постсекулярности, нашедшей своё отражение в трудах Ю. Хабермаса [19], Т. Асада [27], Х. Казанова [28]. Значимым постулатом данной теории является отказ от противопоставления религиозного и нерелигиозного как неспособных к сосуществованию явлений. При этом речь может идти не столько о возвращении общества к моделям досекулярной эпохи, сколько о появлении своеобразных гибридов из светских и религиозных институтов, в том числе на международно-политической арене. Эпоха постсекулярности с характерным для неё кризисом классических светских моделей общественно-государственных отношений и одновременным ростом интереса к религиозным нормам и установкам также создает новый контекст применения религии во внешней политике государств.

Активными игроками в поле религиозной внешней политики традиционно выступают Римско-католическая церковь и ряд стран исламского мира. США открыто демонстрируют готовность играть на религиозном поле, решая свои международно-политические задачи. Например, по инициативе Вашингтона в феврале 2020 г. был создан "Международный альянс религиозной свободы" (объявлен "нежелательной организацией" в России), преследующий такую сугубо политическую задачу, как "защита религиозных меньшинств во всех регионах мира" [27]. Православный фактор также имеет не последнее значение в отношениях России с внешним миром. Так, по словам главы МИД РФ С. В. Лаврова, "отечественная дипломатия и Русская православная церковь решают общие задачи и проблемы в сфере противодействия проявлениям ксенофобии и расизма, этнического и религиозного раскола мира; осуществляют миротворческую миссию на постсоветском пространстве" [1, с. 8]. Иными словами, примеров применения религии во внешнеполитической деятельности современных государств достаточно для того, чтобы сделать вывод о своеобразном "возвращении" религиозного фактора в мировую политику.

Буддизм как одна из трёх мировых религий не является исключением и в силу ряда причин может быть рассмотрен в качестве важного инструмента мягкой силы. Во-первых, статус буддизма как мировой религии, имеющей сотни миллионов сторонников в разных странах и на разных континентах, создаёт широкую демографическую основу для его применения. Во-вторых, разветвленные сети буддийских международных организаций (среди прочих выделяются Азиатская буддийская конференция за мир, Всемирное братство буддистов, Международная буддийская конфедерация) являются удобной институциональной основой для продвижения буддийских идей и ценностей в мире. В-третьих, принципы ненасилия (ахимса) и согласия, мира и гармонии как популярные (привлекательные) атрибуты буддизма, т. е. всё то, что можно отнести к категории "несилового воздействия", делают эту религию, наверное, самой близкой к понятию "мягкая сила". Как пишет известный буддолог Л. Е. Янгутов, "одной из главных черт буддизма, которая составляет его суть как фактора мягкой силы, является толерантность, определяющая внутрен-

нее содержание его философских и религиозных принципов, а также внешнее лицо его политической и социальной практики" [20, с. 50].

В современном мире буддийская дипломатия – одно из направлений в политике ряда великих держав.

Для КНР буддизм является важнейшим инструментом усиления своего влияния в отношениях с рядом буддийских стран Азии. Китайская сторона делает основной акцент на почти двухтысячелетнем историческом опыте поддержания буддийской традиции в Поднебесной после вытеснения буддизма из Индии. Глава государственного управления по делам религии Е Сяовэнь на Всемирном форуме буддистов в 2006 г., организованном китайской стороной, обозначил буддизм в качестве компонента китайской традиционной культуры, а сам Китай назвал "буддийской нацией" [20, с. 53]. Тем самым создается образ Китая как центра буддийского мира, способного привести человечество к гармонии и процветанию. Наличие на территории Китая значительного количества буддийских реликвий позволяет ему использовать их в дипломатических целях. Например, КНР периодически вывозит зуб Будды, одну из телесных буддийских реликвий, в соседние страны с целью нормализации и улучшения двусторонних отношений [15]. Немалое внимание Китай уделяет культурному обмену, проводя зарубежные выставки по буддийскому искусству [14, с. 295].

Индия по праву может быть отнесена к ещё одной стране, активно использующей буддизм в своих интересах. В концептуальном плане выделяется продвигаемый Нью-Дели дискурс об Индии как родине Будды Шакьямуни и его учения. Тем самым Индия, как и Китай, выдвигает свои претензии на право называться духовным центром всех буддистов мира, наращивая своё влияние на соседние страны с буддийским населением. Как и китайская сторона, индийское руководство организует на своей территории международные буддийские мероприятия. Так, в 2011 г. был проведён Глобальный буддистский конгресс, собравший учёных и монахов из 32 стран мира [15]. Предоставление политического убежища на индийской территории для тибетского правительства в изгнании во многом определяет вектор буддийской дипломатии Нью-Дели. Культивируется образ Индии как защитницы тибетских буддистов от преследований со стороны Китая и тем самым повышается её престиж в глазах многих буддистов не только в Азии, но и в странах Запада.

Примером использования буддийского фактора во внешнеполитической стратегии является и политика Российской Федерации. Несмотря на тот факт, что доля буддистов среди российских граждан не превышает 1%, государство уделяет этой религии заметное внимание. Буддизм относится к одной из т. н. "четырёх традиционных религий" России. Глава Буддийской традиционной сангхи России, Пандито Хамбо лама Дамба Аюшеев, входит в состав совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ. В историческом дискурсе Россия позиционируется как первая европейская страна, официально признавшая буддизм на своей территории и воздвигшая первый буддийский храм в Европе (в Санкт-Петербурге в 1915 г.) [6]. Начиная с 2023 г., на территории России ежегодно проводятся международные буддийские форумы, за проведением которых можно увидеть ряд внешнеполитических задач Москвы. Это и противодействие попыткам международной изоляции со стороны Запада (форумы принимали представителей из многих стран мира), и позиционирование России на международной арене как страны с мирным и гармоничным сосуществованием разных конфессий, и создание новой площадки для диалога и сотрудничества с негосударственными организациями буддийских стран.

При всех нюансах и отличиях буддийской дипломатии указанных выше стран можно выделить общие моменты. С одной стороны, Москва, Пекин и Нью-Дели видят в буддизме возможность укрепить собственный авторитет на международной арене, улучшить отношения с соседними странами, используя различные мероприятия и организации с буддийской повесткой. С другой стороны, для всех трёх стран, которые характеризуются как многонациональные и многоконфессиональные, буддизм видится фактором укрепления внутренней стабильности, а поддержка лояльных государству буддийских институтов – способом противодействия сепаратизму и угрозам.

Современная Монголия, несмотря на свой сравнительно скромный внешнеполитический потенциал, по-своему стремится использовать имеющиеся у неё ресурсы для укрепления своей безопасности и защиты национально-государственного суверенитета. Среди прочих ресурсов мягкой силы, которыми располагает Монголия, одним из наиболее перспективных, видится буддизм.

Для начала стоит напомнить, что Монголия обладает определённым историческим опытом использования буддизма в своих внешнеполитических интересах. Несмотря на политику государственного атеизма, Монгольская Народная Республика прибегала к буддийской дипломатии при решении некоторых внешнеполитических задач. Пожалуй, самым известным проявлением этого стало создание в 1970 г. по инициативе Улан-Батора и Москвы международной организации "Азиатская буддийская конференция за мир". Исторический контекст, в условиях которого появилась и стала действовать данная организация, был обусловлен американской агрессией во Вьетнаме и развивающимся конфликтом просоветского блока с КНР [16, с. 247]. Как указывают А. С. Железняков и С. В. Никифоров, данная организация стала "монгольско-советской альтернативой буддийским институтам "мягкой силы", развиваемым США и КНР" [7, с. 192].

С началом новой страницы в истории Монголии, отказавшейся в начале 1990-х гг. от социалистической модели, общественно-политическая роль буддизма в стране значительно возросла. Несмотря на закреплённый в действующей конституции страны принцип равенства всех религий и сохранённое отделение государства от церкви ("Государство не может осуществлять религиозную деятельность, а религия не вправе заниматься политической деятельностью" (статья 9) [21]), власти страны многократно обозначали свое особое отношение к буддизму как "национальной традиционной религии" (монг. үндэсний уламжлалт шашин).

В той же 9-й статье конституции прописано, что "в Монголии государство уважает религию, а религия почитает государство" [21]. В этом просматривается своеобразная отсылка к политико-правовой доктрине "Два закона" (монг. Хоёр ёс) эпохи монгольской империи Юань, в рамках которой власть монарха должна была гармонично сосуществовать с буддийской религией [9, с. 163]. Особый статус буддизма прописан в Законе "Об отношениях между государством и церковью". В частности, статья 4 утверждает, что "Монголия уважает доминирующее положение (монг. зонхилох байр суурь) буддизма, обеспечивающего народное единство (монг. ард түмний эв нэгдэл) и являющегося частью культурной истории" [22]. Концепция национальной безопасности Монголии содержит тезис о том, что "возрождение и развитие буддийской религии... является одной из задач обеспечения цивилизационной безопасности страны" [23].

Буддизму уделяется особое внимание не только на нормативно-правовом уровне, но и в практической деятельности монгольского государства. Третий президент Монголии Намбарын Энхбаяр, проявляя личный интерес к буддизму, переводил буддийские тексты и книги, способствовал визиту Далай-ламы XIV в страну в 2006 г. [18, с. 97]. Ежегодно в качестве государственного праздника отмечается День рождения Будды. Начиная с 2014 г. день монгольской столицы организовывается совместно с монастырём Гандан, а сами празднования сопровождаются церемонией почитания четырёх священных гор столицы Монголии [4]. На инаугурации нового главы Ассоциации буддистов Монголии 18 ноября 2023 г. среди прочих присутствовал спикер Великого государственного хурала (парламента страны) Гомбожавын Занданшатар [3]. Все эти факты дают основания некоторым исследователям говорить о высокой роли религии в политической культуре современной Монголии [20, с. 65].

Монголия, в отличие от таких великих держав, как Россия, Китай, Индия по многим параметрам может быть отнесена к категории "малых стран". Такие показатели Монголии, как объём экономики, численность и качество вооружённых сил, демографический потенциал, не идут ни в какое сравнение с аналогичными показателями России, Китая и Индии. Кроме того, Монголия в большей степени буддийская по составу населения страна (52% граждан страны исповедуют буддизм [25, с. 61]), нежели вышеперечисленные державы. Данные обстоятельства накладывают некоторые особенности на "буддийскую

стратегию" Улан-Батора. Во-первых, Монголия на фоне возможностей великих держав существенно ограничена в финансово-материальном обеспечении своей буддийской дипломатии и вынуждена делать акцент на нематериальных (символических) аспектах. Во-вторых, для Монголии буддийский фактор существует в переплетении внешней политики и вопросов национально-религиозной идентичности. В-третьих, статус малой буддийской страны делает попытки Улан-Батора использовать буддизм в своей внешней политике более естественными и менее амбициозными в глазах мирового сообщества.

Расширение связей со значимыми игроками мировой политики для Улан-Батора является одной из важнейших внешнеполитических задач. Стремясь сбалансировать влияние географических соседей России и Китая, Монголия прибегает к политике "третьего соседа", под которой понимается группа внерегиональных стран, имеющих свои интересы в Монголии. В этой стратегии буддизм играет роль сближающего фактора с некоторыми внерегиональными государствами. Прежде всего речь идёт об отношениях с Индией.

Буддийский ренессанс в Монголии рубежа 1980–1990-х гг. способствовал активизации контактов религиозных общин двух стран. Буддисты Монголии начали совершать поездки в Индию с целью приобщения к учению Далай-ламы XIV. Кроме того, в Индии получают религиозное образование многие буддисты Монголии. Нынешний глава Ассоциации буддистов Монголии хамбо-лама Дуламрагчаагийн Жавсандорж 16 лет обучался в монастыре Гоман [3]. Укреплению монголо-индийских связей в постсоциалистический период активно способствовал Бакула Ринпоче, известный буддийский деятель, в 1990-е гг. бывший послом Индии в Монголии. При его непосредственном участии в стране были основаны новые буддийские храмы и образовательные учреждения [18, с. 475]. Неоднократными являются высказывания политиков двух стран об особой роли буддизма в истории взаимоотношений. Например, президент Монголии Намбарын Энхбаяр в интервью Центральному телевидению Китая (февраль 2006 г.) сказал следующее: "Мы считаем Индию духовным соседним государством, потому что буддийское учение проникло в Монголию из Индии" [24, с. 47].

Индийский исследователь Ш. Сони, рассуждающий о монголо-индийских отношениях, считает, что "буддизм может быть использован в качестве геополитического инструмента Индии в региональной и международной перспективе для решения разнообразных проблем" [29]. Довольно явно просматривается геэкономическая подоплека монголо-индийского сотрудничества. Посредством буддийских каналов развития отношений монгольская сторона стремится диверсифицировать свои торгово-экономические связи, на данный момент завязанные преимущественно на Китае. Примером крупного двустороннего экономического проекта последних лет является строительство в Монголии нефтеперерабатывающего завода на средства кредита, предоставленного индийской стороной [26].

Другой пример своеобразного буддийского моста в дипломатии Улан-Батора – отношения с Королевством Бутан, в котором буддизм имеет статус государственной религии. Как и в случае с Индией, сторонами признается значимость буддийской общности в процессе взаимного сближения. В частности, во время официальной встречи представителей парламентов двух стран в августе 2025 г. отмечалось, что "укрепление двусторонних отношений основано на общих исторических, культурных и религиозных ценностях" [10]. Однако в отличие от монголо-индийских отношений, в которых роль лидера безусловно принадлежит Нью-Дели, в сотрудничестве с Бутаном уже Улан-Батор вправе рассматривать себя как "старший партнёр". Именно по инициативе монгольской стороны Бутан был принят в члены Азиатской буддийской конференции за мир.

Политическая элита Монголии уделяет немалое внимание имиджу "успешной демократической страны, находящейся в окружении авторитарных государств". Этот имидж прежде всего направлен на Запад и призван стать условием привлечения кредитов и инвестиций оттуда. Буддизм в этой схеме играет роль объясняющего фактора успешности и укорененности демократических ценностей в монгольском обществе. Различные эксперты, объясняя природу монгольской демократизации, склонны видеть в этом большую роль буддийской религии. Плуралистическая природа буддийской религии

видится основой демократического режима страны, а мирный характер политической трансформации объясняется "терпимостью и толерантностью, обусловленными традициями буддизма" [2, с. 44]. Выделяются преимущественные характеристики буддизма по сравнению с другими конфессиями, в связи с тем, что многие положения буддизма "близки к ценностям демократического общества" [17, с. 71]. Подобные интерпретации связи буддизма и демократии поддерживаются и некоторыми зарубежными партнерами Монголии. По словам премьер-министра Индии Нарендры Моди, "и индусы, и монголы разделяют общие демократические ценности и общую веру – буддизм, в которой эти ценности находят отражение. И это мощная основа для дальнейшего сближения" [5].

Одним из ключевых вопросов, касающихся буддизма и национальной безопасности Монголии, является тема выявления и легитимизации Богдо-гэгэна Х. Согласно традиции, сложившейся ещё в цинский период истории Монголии, высшие буддийские иерархи страны (богдо-гэгэны) являлись выходцами из Тибета, а сам процесс их легитимации (поиска и признания) находился под контролем Пекина. В период социализма институт богдо-гэгэнов временно оказался под запретом в Монголии. Однако с началом постсоциалистической трансформации вопрос о возвращении богдо-гэгэнов в страну вновь приобрел громкое звучание. Богдо-гэгэн IX, тесно связанный с Далай-ламой XIV, незадолго до своей смерти в 2012 г. был признан главой Ассоциации буддистов Монголии. Наконец, в 2016 г. перед своим визитом в Монголию Далай-лама XIV объявил о рождении мальчика, который должен стать новым Богдо-гэгэном. В частности, он сообщил, что "...его (Богдо-гэгэна – В. Р.) новое воплощение родилось в Монголии. Однако мальчик сейчас ещё очень мал, и нет нужды спешить с обнародованием (его имени). Когда ему исполнится три, четыре или пять лет, мы посмотрим, как будут обстоять дела. Возвести маленького ребенка на высокий трон – не самое важное. Куда важнее предоставить ему возможность учиться, стать образованным, чтобы он мог вносить свой вклад в процветание буддийской Дхармы" [11].

Это, на первый взгляд, сугубо сакрально-религиозное действие в Монголии воспринимается как мера обеспечения национальной безопасности, что может быть объяснено следующими обстоятельствами. В соседней с Монголией КНР процесс выявления и признания перерожденцев (тулку) находится под строгим контролем со стороны государственных и партийных органов [13, с. 55]. По некоторым данным, китайская сторона даже оказывала давление на монгольские власти, призывая воздержаться от поиска нового Богдо-гэгэна без согласования с Пекином [28]. Возможное появление в будущем нового Далай-ламы XV, подконтрольного Пекину, даёт в руки китайского руководства источник для воздействия на буддийские общины вне Китая, включая монгольскую сангху. В связи с этим признание Далай-ламой XIV нового Богдо-гэгэна в Монголии многим видится игрой на опережение, способом избежать влияния Китая на религиозную сферу страны. Иными словами, имеет место секьюритизация буддизма, то есть превращение его в один из аспектов национальной безопасности.

Рассуждая о перспективах буддийского фактора во внешней политике Монголии, нельзя не отметить следующее обстоятельство. Как известно, в приграничных буддийских регионах России институт перерожденцев до последнего времени не получил развития. В Китае легитимность подконтрольных Пекину перерожденцев (включая Панчен-ламу и возможного Далай-ламу XV) в глазах значительной части международного буддийского сообщества находится под серьёзным вопросом. В этой ситуации фигура монгольского Богдо-гэгэна X (согласно устоявшейся традиции, богдо-гэгэны являются третьими по значимости иерархами школы гелуг после далай-лам и панчен-лам) способна обрести образ "единственного легитимного верховного иерарха" северного (тибето-монгольского) буддизма. Подобное укрепление религиозного авторитета Богдо-гэгэна X может привести к серьёзному росту его влияния на приграничные регионы России и Китая с компактным проживанием буддийского населения. Мнение духовного авторитета по тем или иным вопросам, включая политические, станет весомым аргументом для тысяч верующих в зарубежных странах с самыми различными последствиями.

Таким образом, в политическом отношении буддизм используется монгольским государством преимущественно как фактор формирования и укрепления национальной идентичности. Нельзя сказать, что Улан-Батор в своей внешней политике официально декларирует буддизм в качестве инструмента. Власти Монголии открыто не вступают в дискуссии по поводу тех или иных международно-политических вопросов, связанных с буддизмом. Скорее можно говорить о косвенном опосредованном использовании буддизма при достижении некоторых внешнеполитических целей. В то же время существует определённый потенциал для более активного использования буддизма во внешнеполитической деятельности Монголии, что при определённых условиях может стать даже вызовом для национальных интересов соседей Монголии.

Литература / References

1. Безбородов М. И. Внешняя деятельность Русской православной церкви как "мягкая сила" России. *Вестник Поволжского института управления*. 2021. Том 21. № 4. С. 4–11.
Bezborodov M. I. Foreign activities of the Russian Orthodox Church as Russia's "soft power". *Bulletin of the Volga Region Institute of Management*. 2021. Vol. 21. No. 4. P. 4–11. (In Russ.)
2. Будаева С. В., Болортуяа А. Строительство демократии в Монголии. *Олон улс судлал*. 2013. № 2. С. 43–53.
Budaeva S. V., Bolortuya A. Building Democracy in Mongolia. *Olon uls sudlal*. 2013. No. 2. P. 43–53. (In Russ.)
3. В Монголии впервые в современной истории сменился глава буддийского религиозного центра // Сайт информационного агентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19321569> (дата обращения: 15.04.2026)
In Mongolia, for the first time in modern history, the head of a Buddhist religious center has changed // Website of the TASS information agency. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19321569> (accessed 15.04.2026) (In Russ.)
4. В Улан-Баторе День города в этом году перенесен с осени на лето // Сайт видеопортала Rutube. URL: <https://rutube.ru/video/f93b5053bcdab16266be77bd25f9cb55/> (дата обращения: 15.04.2026)
In Ulaanbaatar, City Day was moved from autumn to summer this year // Rutube video portal website. URL: <https://rutube.ru/video/f93b5053bcdab16266be77bd25f9cb55/> (accessed 15.04.2026) (In Russ.)
5. Гольман М. И. Индия и Монголия: духовные и стратегические партнеры // Сайт "Новое восточное обозрение". URL: <https://journal-neo.su/ru/2015/07/26/indiya-i-mongoliya-duhovny-e-i-strategicheskie-partnery/> (дата обращения: 15.04.2026)
Golman M. I. India and Mongolia: Spiritual and Strategic Partners // Website "New Eastern Outlook". URL: <https://journal-neo.su/ru/2015/07/26/indiya-i-mongoliya-duhovny-e-i-strategicheskie-partnery/> (accessed 15.04.2026) (In Russ.)
6. Дацан Гунзэчойнэй // Сайт Санкт-Петербургского буддийского храма "Дацан Гунзэчойнэй". URL: <https://dazanspb.ru/istoriya/dacan-gunzechojnei/> (дата обращения: 15.04.2026)
Datsan Gunzechoinei // Website of the St. Petersburg Buddhist Temple "Datsan Gunzechoinei". URL: <https://dazanspb.ru/istoriya/dacan-gunzechojnei/> (accessed 15.04.2026) (In Russ.)
7. Железняков А. С., Никифоров С. В. Роль буддийского фактора в политических и цивилизационных процессах в Монголии. *Новые исследования Тувы*. 2025. №1. С. 188–197.
Zheleznyakov A. S., Nikiforov S. V. The role of the Buddhist factor in political and civilizational processes in Mongolia. *New studies of Tuva*. 2025. No. 1. P. 188–197. (In Russ.)
8. Лукьянов Ф. У концепции "мягкой силы" истек срок годности // Сайт деловой газеты "Взгляд". URL: <https://vz.ru/opinions/2025/5/8/1331076.html?ysclid=mmhjn9an9680360368> (дата обращения: 15.04.2026).
Lukyanov F. The concept of "soft power" has expired // Website of the business newspaper "Vzglyad". URL: <https://vz.ru/opinions/2025/5/8/1331076.html?ysclid=mmhjn9an9680360368> (accessed 15.04.2026). (In Russ.)
9. Нолев Е. В. Представления о власти и государственности в правовом наследии монгольских народов XIII–XVII вв. *Власть*. 2017. №10. С. 162–166.
Nolev E. V. Concepts of power and statehood in the legal heritage of the Mongolian peoples of the 13th – 17th centuries. *Vlast*. 2017. No. 10. P. 162–166. (In Russ.)
10. Отношения и сотрудничество между Монголией и Бутаном продолжают расширяться и укрепляться // Сайт национального информационного агентства Монголии "Монцэмэ". URL: <https://montsame.mn/ru/read/375575> (дата обращения: 15.04.2026).
Relations and cooperation between Mongolia and Bhutan continue to expand and strengthen // Website of the National Information Agency of Mongolia "Montsame". URL: <https://montsame.mn/ru/read/375575> (accessed 15.04.2026) (In Russ.)

11. Перед отлетом в Японию Далай-лама дал пресс-конференцию в Улан-Баторе // Сайт Dalailama.com. URL: <https://ru.dalailama.com/news/2016/meeting-with-the-press-before-returning-to-japan> (дата обращения: 15.04.2026)
Before leaving for Japan, the Dalai Lama gave a press conference in Ulaanbaatar // Website Dalailama.com. URL: <https://ru.dalailama.com/news/2016/meeting-with-the-press-before-returning-to-japan> (accessed 15.04.2026) (In Russ.)
12. Пименова Е. Конец мягкой силы? // Сайт "Литературной газеты". URL: <https://lgz.ru/article/konets-myagkoy-sily/?ysclid=mmh1r34v38148177116> (дата обращения: 15.04.2026)
Pimenova E. The End of Soft Power? // Literary Newspaper website. URL: <https://lgz.ru/article/konets-myagkoy-sily/?ysclid=mmh1r34v38148177116> (accessed 15.04.2026) (In Russ.)
13. Помелова Ю. П. Религиозная политика КНР по контролю процесса реинкарнации в тибетском буддизме во время председательства Ху Цзиньтао. *Общество: философия, история, культура*. 2019. №2. С. 53–57.
Pomelova Yu. P. Religious policy of the PRC to control the process of reincarnation in Tibetan Buddhism during the presidency of Hu Jintao. *Society: philosophy, history, culture*. 2019. No. 2. P. 53–57. (In Russ.)
14. Понька Т. И., Джанаева А. Э., Чжао Цзелинь. Буддизм как ресурс "мягкой силы" Китая. *Вестник РУДН. Серия "Международные отношения"*. 2017. №2. С. 290–300.
Ponka T. I., Dzhanayeva A. E., Zhao Jieli. Buddhism as a resource of China's "soft power". *RUDN University Bulletin. International Relations Series*. 2017. No. 2. P. 290–300. (In Russ.)
15. Рамачандран С. Буддизм как средство налаживания международных связей: опыт Китая и Индии // Сайт Российского совета по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/buddizm-kak-sredstvo-nalazhivaniya-mezhdunarodnykh-svyazey-oi/> (дата обращения: 14.04.2026)
Ramachandran S. Buddhism as a Means of Establishing International Relations: The Experience of China and India // Website of the Russian International Affairs Council. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/buddizm-kak-sredstvo-nalazhivaniya-mezhdunarodnykh-svyazey-oi/> (accessed 14.04.2026) (In Russ.)
16. Родионов В. А. "Мягкая сила" Монголии периода социализма. *Власть*. 2023. №5. С. 245–250.
Rodionov V. A. "Soft power" of Mongolia during the socialist period. *Vlast*. 2023. No. 5. P. 245–250. (In Russ.)
17. Сабиров Р. Т. Возрождение буддизма в Монголии. *Азия и Африка сегодня*. 2002. № 8. С. 68–71.
Sabirov R. T. Revival of Buddhism in Mongolia. *Asia and Africa Today*. 2002. No. 8. P. 68–71. (In Russ.)
18. Сабиров Р. Т. Где "центр" тибетского буддизма в современном мире? *Цырендоржиевские чтения – 2012 (V): Тибетская цивилизация и кочевые народы Евразии: кросскультурные контакты*. Киев: Полиграфист, 2012. С. 470–486.
Sabirov R. T. Where is the "center" of Tibetan Buddhism in the modern world? *Tsyrendorzhiev Readings – 2012 (V): Tibetan civilization and nomadic peoples of Eurasia: cross-cultural contacts*. Kiev: Polygraphist, 2012. P. 470–486. (In Russ.)
19. Хабермас Ю. Постсекулярное общество – что это? Часть 1. *Российская философская газета*. 2008. №4 (18). Апрель.
Habermas Yu. Post-secular society – what is it? Part 1. *Russian Philosophical Newspaper*. 2008. No. 4 (18). April. (In Russ.)
20. Хомушку А. М. Политическая культура и внешняя политика современной Монголии. *Вестник Тувинского государственного университета. Социально-гуманитарные науки*. №1. 2020. С. 63–73.
Khomushku A. M. Political culture and foreign policy of modern Mongolia. *Bulletin of Tuva State University. Social and humanitarian sciences*. 2020. No. 1. P. 63–73. (In Russ.)
21. Янгутов Л. Е. Буддизм как фактор мягкой силы в политической стратегии Китая. *Философская мысль*. 2019. № 10. С. 49–53.
Yangutov L. E. Buddhism as a soft power factor in China's political strategy. *Philosophical Thought*. 2019. No. 10. P. 49–53. (In Russ.)
22. Монгол улсын үндсэн хууль = Конституция Монголии // Сайт "Единая правовая информационная система". URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/367> (дата обращения: 15.04.2026).
Constitution of Mongolia // Website "Unified Legal Information System". URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/367> (accessed 15.04.2026). (In Mong.)
23. Монгол улсын төр, сүм хийдийн харилцааны тухай хууль. = Закон Монголии "Об отношениях государства и церкви" // Сайт "Единая правовая информационная система". URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/485> (дата обращения: 15.04.2026).
Law of Mongolia "On Relations between the State and the Church" // Website "Unified Legal Information System". URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/485> (accessed 15.04.2026) (In Mong.)
24. Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал. = Концепция национальной безопасности Монголии // Сайт "Единая правовая информационная система". URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=208070&showTu> (дата обращения: 15.04.2026)

- National Security Concept of Mongolia // Website "Unified Legal Information System". URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=208070&showTy> (accessed 15.04.2026) (In Mong.)
25. Наран Э. Монгол, Энэтхэгийн "хөрш"-ийн харилцаа. = Монгольско-индийские "соседские" отношения. *Олон улс судлал*. 2011. № 3. С. 44–50.
 - Naran E. Mongolian–Indian "neighborly" relations. *Olon uls sudlal*. 2011. No. 3. P. 44–50. (In Mong.)
 26. 2020 population – 2020 population and housing census of Mongolia. National report. Ulaanbaatar. 2020. 298 p.
 27. Asad T. Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity. Stanford, CA: Stanford University Press, 2003.
 28. Casanova J. Public Religions in the Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
 29. Haynes J. Religious Transnational Actors and Soft Power, Routledge, 2016.
 30. India announces \$1 billion credit line to Mongolia // Сайт The Economic Times. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/india-announces-1-billion-credit-line-to-mongolia/articleshow/47314880.cms?from=mdr> (дата обращения: 15.04.2026)
 31. International Religious Freedom or Belief Alliance. URL: <https://www.state.gov/international-religious-freedom-or-belief-alliance/> (дата обращения: 15.04.2026)
 32. Introvigne M. Mongolian Buddhism: Under the Shadow of the CCP // Сайт "A magazine on religious liberty and human rights". URL: <https://bitterwinter.org/mongolian-buddhism-under-the-shadow-of-the-ccp/> (дата обращения: 15.04.2026)
 33. Soni Sh. Buddhist Linkages between India and Mongolia: Implications for Austral-Asian Region // Сайт "Степь: шаг за шагом". URL: https://mongoloved.wordpress.com/2012/11/02/indo_mongol/ (дата обращения: 15.04.2026)

Информация об авторе

Владимир Александрович Родионов, д-р полит. наук, директор Восточного института Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: rodionovva@bsu.ru

Information about the author

Vladimir A. Rodionov, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Oriental Studies, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, e-mail: rodionovva@bsu.ru

Поступила в редакцию 16.04.2026

Received 16.04.2026

Одобрена после рецензирования 15.05.2026

Approved 15.05.2026

Принята к публикации 27.05.2026

Accepted 27.05.2026

Российско-монгольско-китайское сотрудничество в сфере высшего образования: основные тренды и перспективы

Иннокентий Галималаевич Актамов
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,
Улан-Удэ, Россия, aktamov23@yandex.ru
Анна Викторовна Винокурова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vinokurova77@mail.ru
Оролмаа Мунхбат
Монгольский государственный университет, Улан-Батор, Монголия, munkhbat@num.edu.mn
Цэрэнжигмэд Шаравцэрэн
Монгольская государственная консерватория, Улан-Батор, Монголия, sharav.piano@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются главные направления сотрудничества России, Монголии и Китая в сфере высшего образования. Исследование выполнено в логике социологического анализа трансграничного образовательного пространства Внутренней Азии, в рамках которого пересекаются академические, культурные и геополитические интересы трёх стран. Основная цель состояла в том, чтобы выявить актуальные тенденции российско-монгольско-китайского сотрудничества в контексте образовательной миграции монгольской молодёжи в российский и китайском направлениях. Эмпирическую базу составили данные официальной международной и национальной статистики, вторичный социологический анализ опросов общественного мнения, также были использованы материалы экспертных и неформализованных интервью. Показано, что Россия и Китай выступают значимыми, но различающимися направлениями образовательной миграции из Монголии. Сделан вывод о формировании во Внутренней Азии асимметричного образовательного пространства, развитие которого связано с укреплением межвузовских связей, академическим признанием и многосторонним партнёрством.
Ключевые слова: *высшее образование, образовательная миграция, образовательное пространство, трансграничье, Внутренняя Азия, Россия, Монголия, Китай*

Исследование выполнено в рамках государственного задания, проект № 125091010220-3 "Россия, Монголия и Китай: исторический опыт трансграничного взаимодействия, экономические приоритеты и социокультурные коммуникации"

Для цитирования: Актамов И. Г., Винокурова А. В., Мунхбат О., Шаравцэрэн Ц. Российско-монгольско-китайское сотрудничество в сфере высшего образования: основные тренды и перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 2. С. 62–71.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/62-71>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/62-71>

Russian-Mongolian-Chinese Cooperation in Higher Education: Key Trends and Prospects

Innokentii G. Aktamov
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russia, aktamov23@yandex.ru
Anna V. Vinokurova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vinokurova77@mail.ru
Orolmaa Munkhbat
National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia, munkhbat@num.edu.mn
Tserenjigmed Sharavtseren
Mongolian State Conservatory, Ulaanbaatar, Mongolia, sharav.piano@gmail.com

Abstract. The article examines the main areas of cooperation between Russia, Mongolia, and China in the field of higher education. The study is conducted within the framework of sociological analysis of the cross-border educational space of Inner Asia, where the academic, cultural, and geopolitical interests of the three countries intersect. The main purpose of the article is to identify current trends in Russian-Mongolian-Chinese cooperation in the context of the educational migration of Mongolian youth toward Russia and China. The empirical basis of the study includes official international and national statistics, secondary sociological analysis of public opinion surveys, as well as materials from expert and semi-structured interviews. The article shows that Russia and China are significant but distinct destinations for educational migration from Mongolia. It concludes that an asymmetric educational space is emerging in Inner Asia, whose further development is associated with the strengthening of inter-university ties, academic recognition, and multilateral partnership.

Key words: *higher education, educational migration, educational space, cross-border space, Inner Asia, Russia, Mongolia, China*

The research was carried out within the state assignment, project No.125091010220-3 "Russia, Mongolia, and China: Historical Experience of Cross-Border Interaction, Economic Priorities, and Sociocultural Communication"

For citation: Aktamov I. G., Vinokurova A. V., Munkhbat O., Sharavtseren Ts. Russian-Mongolian-Chinese Cooperation in Higher Education: Key Trends and Prospects // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 62–71. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/62-71>

Введение

В XXI в. высшее образование всё в большей степени выходит за пределы собственно профессиональной подготовки и становится значимым элементом международного взаимодействия, гуманитарной политики и символического присутствия в трансграничных регионах. Особенно отчётливо эти функции проявляются в тех пространствах, где географическая близость сочетается с исторически сложившимися связями, этнокультурным взаимодействием и устойчивыми каналами приграничной коммуникации. Одним из таких регионов является Внутренняя Азия, в пределах которой взаимодействие России, Монголии и Китая в сфере высшего образования приобретает стратегическое значение. В связи с этим исследование данной проблематики требует выхода за рамки межвузовских контактов и обращения к более широкой логике трансграничного социального пространства.

Актуальность обозначенной темы обусловлена рядом обстоятельств. Как российскими, так и зарубежными авторами отмечается, что, во-первых, в условиях изменяющейся геополитической конфигурации возрастает роль гуманитарных связей как одной из наиболее устойчивых форм межгосударственного взаимодействия [2; 17]. Во-вторых, сама сфера высшего образования всё чаще используется государствами как инструмент культурной дипломатии и "мягкой силы", позволяющий не только готовить кадры, но и формировать долгосрочные связи с молодёжью соседних стран [4; 5; 7]. В-третьих, в последние годы заметно усиливаются процессы академической мобильности, а университеты всё активнее включаются в формирование новых исследовательских сетей [12; 15; 19].

Как видим, основное внимание исследователей сосредоточено на институциональных и политико-дипломатических аспектах образовательного сотрудничества, включая межвузовские соглашения, продвижение национальных языков (в первую очередь русского и китайского) и использование высшего образования как ресурса "мягкой силы". При этом вопросы формирования трансграничного образовательного пространства, изменения образовательных траекторий молодёжи, а также социальных эффектов такого сотрудничества для приграничных регионов остаются менее изученными. В современном научном дискурсе они представлены преимущественно на уровне отдельных страновых или университетских кейсов. В данной статье мы попытаемся в некоторой степени восполнить этот пробел и рассмотрим российско-монгольско-китайское сотрудничество в сфере высшего образования через один из его значимых аспектов – образовательную миграцию из Монголии в российском и китайском направлениях. При этом важно учитывать, что образовательная миграция выступает не только следствием межгосударственного и междууниверситетского взаимодействия, но и специфическим механизмом формирования трансграничного образовательного пространства. Такой исследовательский фокус позволяет показать не только институциональные формы взаимодействия России, Монголии и Китая, но и то, как это взаимодействие проявляется на уровне конкретных образовательных траекторий, выбора страны обучения и включения монгольской молодёжи в трансграничное образовательное пространство Внутренней Азии.

Исследовательская рамка

В своей работе мы опираемся на концепт "Внутренняя Азия", под которым понимаем не столько географическое обозначение, сколько особое трансграничное пространство, в пределах которого пересекаются интересы России, Монголии и Китая. Сам этот термин ("Внутренняя Азия") не имеет единого устоявшегося содержания и в разных научных традициях соотносится с различными региональными конфигурациями – от Монголии и Тибета до степных территорий Евразии [13; 23]. Для российской академической литературы понятие "Внутренняя Азия" также является сравнительно новым и не вполне

"прижившимся". Как отмечает М. С. Михалев, оно получило лишь ограниченное распространение среди исследователей постсоветского пространства, а его содержание до настоящего времени не имеет общепринятого толкования [9]. В связи с этим представляется необходимым уточнить его рамки применительно к нашей исследовательской задаче.

Под Внутренней Азией территориально мы будем понимать пространство, включающее Республику Бурятия (РБ) Российской Федерации (РФ), Монголию и Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ) Китайской Народной Республики (КНР). Такой подход в известной мере носит условный характер, однако позволяет рассматривать эти регионы как взаимосвязанные составляющие трансграничного поля, в котором формируются образовательные маршруты, языковые практики, академические контакты и институциональные формы сотрудничества. В данном ключе Внутренняя Азия рассматривается нами не как фиксированная административная территория, а как пространство, формируемое образовательными, культурными и миграционными потоками.

Также базовым понятием для нашего исследования является "образовательное пространство Внутренней Азии". В работах российских авторов образовательное пространство обычно рассматривается не только как совокупность учреждений образования, но и как система условий, взаимодействий и институтов, в рамках которых разворачиваются образовательные практики [10]. Мы будем его интерпретировать как совокупность институциональных, социальных и культурных связей, формирующихся вокруг высшего образования в российско-монгольско-китайском трансграничье. Его параметры задаются не только расположением территорий, но и различиями национальных образовательных систем, языковой ситуацией, академической мобильностью студентов и преподавателей, а также стратегиями государств по продвижению собственного образовательного и культурного влияния.

Такая исследовательская оптика позволяет нам рассматривать российско-монгольско-китайское сотрудничество в более широком социальном контексте, сфокусировав основное внимание на образовательных маршрутах молодёжи, конкуренции национальных образовательных моделей, а также социальных эффектах академической мобильности для регионов Внутренней Азии.

Методология и методы исследования

Предпринятое нами исследование выполнено на основе комплексной количественно-качественной методологии в логике социологического анализа трансграничного образовательного пространства Внутренней Азии с опорой на проблемно-тематический подход, позволяющий рассматривать российско-монгольско-китайское сотрудничество в сфере высшего образования как процесс, характеризующийся институциональной сложностью и разнонаправленной динамикой развития.

Эмпирическую базу составили, в первую очередь, данные официальной международной статистики. И здесь важно обратить внимание на ряд ограничений. Так, в открытых статистических массивах ЮНЕСКО отсутствуют детализированные сведения о входящей образовательной миграции в КНР, в частности о численности иностранных студентов, обучающихся в китайских вузах, и странах их происхождения [16]. Это некоторым образом сужает возможности для сравнительного анализа и не позволяет в полной мере реконструировать картину образовательных потоков во Внутренней Азии.

В связи с этим данные международной статистики были дополнены данными национальной статистики, вторичным социологическим анализом опросов общественного мнения, посвящённых образовательным стратегиям монгольской молодёжи, восприятию России и Китая в Монголии, конкурирующим направлениям зарубежного обучения. Также были использованы материалы собственного исследования, проведённого при непосредственном участии авторов данной статьи в 2023–2025 гг. Основные методы сбора данных – экспертный опрос и неформализованное интервью. В качестве экспертов (n=8) выступили специалисты Представительства Россотрудничества в Монголии и сотрудники российских и монгольских университетов, занимающиеся в своих вузах вопросами академической мобильности. Участниками интервью

(n=12) были монгольские студенты, обучающиеся в высших учебных заведениях РБ. Анализ эмпирических данных осуществлялся в логике тематического кодирования [11; 21].

Основные результаты исследования

В ходе реализации исследования мы сосредоточили своё внимание на двух наиболее значимых направлениях образовательной мобильности монгольской молодёжи – российском и китайском. Такой выбор обусловлен, во-первых, устойчивым присутствием России среди ведущих стран-реципиентов студентов из Монголии, во-вторых, возрастающей активностью китайских университетов, прежде всего вузов Автономного района Внутренняя Монголия, в привлечении для получения высшего образования монгольских граждан. Рассмотрение этих двух направлений позволяет показать, что российско-монгольско-китайское сотрудничество в сфере высшего образования развивается не как симметричная трёхсторонняя модель, а как сложное поле конкурирующих и пересекающихся образовательных маршрутов, институциональных стратегий и культурных связей.

Образовательная миграция из Монголии в Россию. Российское направление остаётся одним из наиболее устойчивых каналов образовательной миграции из Монголии, что подтверждается как статистикой международной студенческой мобильности, так и данными о целях пребывания монгольских граждан за рубежом. Монголия на протяжении последних лет входит в число десяти ведущих стран дальнего зарубежья по численности студентов, выбирающих российские университеты для получения высшего образования. Согласно последним доступным данным, в 2014–2022 гг. контингент студентов из Монголии в вузах Российской Федерации увеличился почти вдвое, с 1 141 человека в 2014 г. до 2 048 человек в 2022 г. [16].

На наш взгляд, увеличение числа монгольских студентов в российских вузах во многом обусловлено расширением квот, предоставляемых Правительством РФ гражданам Монголии для обучения в России. В 2014 / 2015–2023 / 2024 учебных годах их количество выросло с 383 до 620. При этом рост не был полностью линейным: в 2015 / 2016 учебном году количество квот сократилось до 350, затем постепенно увеличилось до 450 в 2017 / 2018 учебном году и до 500 в 2018 / 2019–2019 / 2020 учебных годах. Но, несмотря на отдельные колебания, общая тенденция остаётся восходящей. Особенно заметный рост произошёл после 2021 / 2022 учебного года: количество квот увеличилось с 510 до 600 в 2022 / 2023 учебном году и до 620 в 2023 / 2024 учебном году¹.

Дополнительно обратим внимание на территориальное распределение монгольских студентов, зачисленных в российские университеты в 2023 / 2024 учебном году в рамках квот Правительства РФ. Наиболее значительная их часть сосредоточена в вузах Москвы – 57,1%. Вторым по значимости образовательным центром выступает Санкт-Петербург, где обучается 14,2% студентов данной категории. Существенно меньшая, но все же заметная доля приходится на университеты Иркутска – 6,1%, Томска – 5,3%, Екатеринбурга – 4,0%, Новосибирска – 2,0%, Владивостока – 1,9%, Якутска – 1,5%, Барнаула – 1,2% и Ростова-на-Дону – 0,9%. Оставшаяся часть студентов распределена между вузами других российских городов. Так, по 0,5% обучается в Краснодаре, Перми, Казани, Великом Новгороде и Белгороде; по 0,4% – в Улан-Удэ, Самаре, Тамбове, Астрахани и Калининграде. Минимальная доля, по 0,1%, приходится на университеты Нижнего Новгорода, Владимира, Твери, Саратова, Костромы, Симферополя, Майкопа, Омска, Орла, Челябинска, Тулы и Махачкалы².

В целом приведённые данные показывают выраженную концентрацию монгольских студентов в крупнейших университетских центрах России, прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге, при наличии более широкой, но значительно менее интенсивной географии их распределения по региональным вузам.

¹ Информация приведена согласно оперативным данным Представительства Россотрудничества в Монголии – Русский Дом в Улан-Баторе.

² Рассчитано авторами на основе оперативных данных Представительства Россотрудничества в Монголии – Русский Дом в Улан-Баторе.

Сопоставление с другими направлениями зарубежного обучения показывает, что Россия сохраняет значимое место в образовательной мобильности граждан Монголии. В 2021 г., по данным ЮНЕСКО, за рубежом обучался 14 731 монгольский студент (это без учёта данных по Китаю), из них около 14% – в российских вузах [16].

Ещё одним подтверждением особого характера монгольской миграции в Россию являются данные переписи населения Монголии 2020 г. о целях пребывания граждан страны за рубежом. В отличие от ряда других направлений, где заметную роль играют трудовая занятость, самозанятость, семейные обстоятельства или оформление постоянного проживания, российское направление имеет отчётливо выраженный образовательный профиль. Среди граждан Монголии, находящихся в России, 63,4% указали обучение в качестве основной цели пребывания. Это существенно выше аналогичных показателей по большинству других стран и свидетельствует о том, что Россия для монголов выступает прежде всего простором получения образования, а не как направление трудовой или семейной миграции.

Таким образом, образовательная миграция – весьма важный элемент современных российско-монгольских связей. Высокая доля студентов среди граждан Монголии, находящихся в России, показывает, что российские университеты сохраняют значимый ресурс притяжения для монгольской молодежи. При этом данная мобильность имеет не только образовательное, но и более широкое социокультурное значение. Она поддерживает устойчивые гуманитарные связи между нашими странами, формирует опыт межкультурного взаимодействия и создаёт основу для дальнейшего профессионального и академического сотрудничества.

Привлекательность российских университетов для абитуриентов из Монголии определяется сочетанием демографических, социокультурных и имиджевых факторов. В Монголии сохраняется значительный молодёжный потенциал. Средний возраст населения составляет около 28 лет, что поддерживает высокий спрос на образовательные траектории, связанные с профессиональной подготовкой и дальнейшей восходящей социальной мобильностью.

Существенное значение имеет и высокая ценность высшего образования в представлениях монгольской молодежи. Для многих молодых людей получение университетского диплома связано не только с профессией, но и с более широкими жизненными ожиданиями – возможностью карьерного роста, самореализации и повышения социального статуса [1; 3; 6; 8].

Дополнительным фактором выступает устойчиво позитивное восприятие России в оценках жителей Монголии. Как показывают опросы общественного мнения, РФ на протяжении длительного времени сохраняет образ одного из наиболее надёжных партнеров для Монголии. Доля разделяющих данное суждение выросла с 66,6% в 2017 г. до 70,1% в 2022 г. [14]. Полагаем, что эта установка справедлива и в отношении сотрудничества в сфере образования.

Вместе с тем мнения молодых монголов репрезентируют иную акцентировку. Для монгольской молодежи более привлекательными направлениями в плане получения высшего образования выглядят Южная Корея, США, Япония и другие страны. Их обозначили 31,0%, 24,2%, 19,3% и 9,5% опрошенных соответственно. Российские университеты в качестве такового назвали лишь 6,5% респондентов [14].

Этот разрыв между имеющимися установками и реальными образовательными траекториями представляется особенно важным. На уровне субъективных предпочтений Россия не занимает лидирующих позиций среди желаемых направлений зарубежного обучения. В то же время статистика международной студенческой мобильности показывает иную картину. По данным ЮНЕСКО (ещё раз подчеркнём, что статистика ЮНЕСКО не учитывает данные по Китаю), Россия является второй после Республики Корея страной по числу студентов из Монголии. Следовательно, выбор российского образования определяется не только престижностью и имиджевыми характеристиками желаемой страны обучения, но и более прагматичными вещами – квотной поддержкой, доступной стоимостью обучения, территориальной близостью и сложившимися образовательными связями.

Дополнительное подтверждение этим выводам дают материалы нашего собственного исследования. В 2023–2025 гг. нами была проведена серия экс-

пертных и неформализованных интервью с различными категориями информантов: студентами из Монголии, обучающимися в Бурятском государственном университете им. Доржи Банзарова, специалистами Представительства Россотрудничества в Монголии (Русский дом в Улан-Баторе), а также сотрудниками российских и монгольских вузов, отвечающими за развитие академической мобильности.

В нарративах студентов решение о выборе России в качестве страны для получения высшего образования чаще всего связывалось с уже существующими личными, семейными или социальными связями: *"Так у меня же все "русские", мама ещё в советское время училась в Иркутске, вот и я продолжаю семейную традицию"* (жен., 28 лет, магистрантка Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова); *"Я родился в России, моя мать – калмычка, детские годы я провёл в Элисте"* (муж., 19 лет, студент Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова); *"Мои друзья уже учились здесь, они подсказали, помогли, поэтому и решил учиться здесь"* (муж., 20 лет, студент Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова).

В экспертных оценках преобладают мнения о необходимости более активного продвижения российского высшего образования в Монголии: *"Кто едет учиться в Россию? В основном "аймачные" дети. У улан-баторских подготовка лучше, они больше ориентируются на другие страны. А для "аймачных" – обучение в России более приемлемый вариант в плане материальных затрат"* (муж., сотрудник Русского Дома в Улан-Баторе); *"Ну и тут надо серьёзно работать ... Почему только Москва и Санкт-Петербург? А потому, что так учебники выстроены, школьная программа, что только столицы ... Про другие российские города особо ничего и не знают ... Поэтому нужна более масштабная просветительская, рекламная работа ... Надо рассказывать, что есть и другие города в России, где можно получить хорошее образование, востребованную специальность"* (жен., сотрудница Русского Дома в Улан-Баторе); *"Мало, мало делаем, а запрос есть, например, на "треугольную" квалификацию, получить такую регионоведческую специальность, чтобы быть специалистом по России, Китаю и Корею, это такие мнения школьники на нашей встрече высказывали (в рамках международной образовательной выставки в Улан-Баторе в октябре 2022 г. – прим. авт.). Надо в этом отношении работать активнее"* (муж., сотрудник Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова).

В целом можно заключить, что Монголия является достаточно перспективным образовательным рынком. Процессы образовательной миграции характеризуются своей разнонаправленностью, поскольку усиливается конкуренция между национальной образовательной моделью и теми образовательными моделями, которые предлагают вузы России и других стран. Несмотря на рост конкуренции, российские высшие учебные заведения обладают определённым потенциалом для усиления своего влияния. Ключом к этому является географическая, историческая и культурная близость России и Монголии.

Образовательная миграция из Монголии в Китай. Наряду с российским направлением всё более заметное значение для монгольской молодёжи приобретает обучение в Китае. В отличие от России, привлекательность китайских университетов определяется по большей части современной ролью КНР в мировой экономике, активной политической интернационализации высшего образования и расширением программ академической поддержки иностранных студентов.

И всё же имеет место существенное расхождение между декларируемыми предпочтениями и реальными образовательными траекториями. Как показывают результаты социологических опросов, проведённых в Монголии, Китай сохраняет относительно низкий уровень привлекательности как потенциальный партнёр. В 2017 г. КНР назвали наиболее предпочтительным партнёром 0,6% монгольских респондентов, в 2022 г. – 4,8% [14].

Но фактические показатели свидетельствуют об обратном. Динамика образовательной миграции из Монголии в Китай, насколько мы можем судить на основании открытых статистических данных, демонстрирует заметный рост, начиная с середины 2010-х гг. Если в 2014 г. в китайских вузах обу-

чалось 7 814 монгольских граждан [18], то в 2016 г. их численность составила уже 8 508 человек [25], а в 2018 г. этот показатель достиг 10 158 человек [22], что позволяет говорить о поступательном расширении китайского направления в образовательных траекториях молодых монголов. Хотя следует учитывать ограничения наличной статистики (в базе ЮНЕСКО данные по Китаю не представлены, а Министерство образования КНР после 2018 г. перестало выкладывать в открытый доступ сведения о численности иностранных студентов с распределением по странам происхождения), всё же можно констатировать, что Китай выступает одним из ключевых, а по имеющимся сведениям – самым массовым направлением зарубежного обучения для монгольской молодёжи.

При этом китайское направление образовательной миграции не является внутренне однородным. Для монгольских студентов значение имеют не только крупнейшие университетские центры КНР, но и регионы, обладающие культурной, языковой и территориальной близостью к Монголии. В этом отношении особое место занимает Автономный район Внутренняя Монголия, который выступает своеобразным региональным посредником между монгольским миром и китайской системой высшего образования. Здесь обучение в КНР перестаёт быть просто зарубежной образовательной траекторией, а становится частью более широкого трансграничного взаимодействия во Внутренней Азии.

Данные о численности студентов из Монголии, обучающихся непосредственно в вузах АРВМ, представлены в открытых источниках фрагментарно. Тем не менее имеющиеся сведения позволяют говорить о заметной роли Внутренней Монголии как одного из ключевых региональных центров притяжения для монгольской молодёжи, стремящейся получить высшее образование. Так в 2015 г. в вузах АРВМ обучалось 1 727 студентов из Монголии, что составляло 73% от общего количества иностранных студентов региона [24]. В 2023 г. численность монгольских студентов в высших учебных заведениях Автономного района Внутренняя Монголия достигла 2 552 чел. [26]. Эти показатели свидетельствуют о том, что образовательные связи Монголии с Внутренней Монголией имеют устойчивый и институционально выраженный характер, а университеты АРВМ выступают значимыми узлами академической мобильности в образовательном пространстве Внутренней Азии.

Заключение

Предпринятое нами исследование показало, что сотрудничество России, Монголии и Китая в сфере высшего образования следует понимать как процесс формирования особого трансграничного социального пространства, в котором университеты выступают посредниками между государствами, образовательными системами и молодёжью, вовлечённой в академическую мобильность. Это пространство не совпадает полностью с логикой национальных образовательных систем, а развивается на их стыке за счёт трансформации, согласования и адаптации различных норм и практик.

Ещё один важный вывод заключается в том, что сотрудничество между нашими странами всё же носит асимметричный характер. Несмотря на трёхсторонний формат, институциональная активность распределяется неравномерно. Проведённый анализ показывает, что российские университеты сохраняют значение благодаря историко-культурной близости, квотной поддержке, семейным и социальным связям, а также устойчивому позитивному образу России в Монголии. Высшие учебные заведения Китая, прежде всего вузы АРВМ, усиливают свои позиции за счёт экономической привлекательности, продвижения китайского языка и расширения программ академической поддержки. Это указывает на то, что внутри общего образовательного пространства Внутренней Азии формируются разные полюса академического притяжения, различающиеся по ресурсам и стратегиям взаимодействия с монгольской молодёжью. Следовательно, дальнейшее взаимовыгодное сотрудничество требует не только расширения обменных программ, но и наличия определённого баланса между ними, укрепления механизмов взаимного академического признания и поддержки многостороннего партнёрства.

Дополним, что дальнейшее развитие наших научных изысканий предполагает переход от институционального уровня к более детальному исследо-

ванию повседневных практик студенческой мобильности. Указанный сюжет представляется нам особенно продуктивным, поскольку позволяет увидеть, как трансграничное образовательное пространство переживается и осваивается самими непосредственными участниками образовательного процесса через преодоление языкового и культурного барьеров, включенность в сообщества и дружеские связи, выбор адаптационных стратегий и построение перспективных жизненных планов.

В целом перспективы дальнейшего развития сотрудничества между нашими странами следует выстраивать на микро- (межличностное и межгрупповое взаимодействие), мезо- (институциональное и организационное взаимодействие) и макроуровнях (межрегиональное и межгосударственное взаимодействие). В этом смысле высшее образование выступает не только сферой подготовки кадров, но и одним из ключевых механизмов формирования устойчивых социальных связей между Россией, Монголией и Китаем.

Литература / References

1. Актамов И. Г., Винокурова А. В., Мунхбат О. Австралийский вектор монгольской миграции: основные параметры и тенденции. *Монголоведение*. 2023. Т. 15. № 3. С. 314–331. <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2023-3-314-331>
Aktamov I. G., Vinokurova A.V., Munkhbat O. The Australian Vector of Mongolian Migration: Basic Parameters and Trends. *Mongolian Studies*. 2023. Vol. 15. No. 3. P. 314–331. (In Russ.) <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2023-3-314-331>
2. Актамов И. Г., Григорьева Ю. Г. Сотрудничество России и Монголии в научно-гуманитарной сфере: основные вехи (к столетию установления дипломатических отношений). *Монголоведение*. 2022. Т. 14. № 1. С. 65–82. <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2022-1-65-82>
Aktamov I. G., Grigorieva Yu. G. Milestones of Russia–Mongolia Scientific and Humanitarian Cooperation Revisited: Celebrating the Centenary of Diplomatic Relations. *Mongolian Studies*. 2022. Vol. 14. No. 1. P. 65–82. (In Russ.) <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2022-1-65-82>
3. Бадараев Д. Д., Бадонов А. М. Влияние процессов глобализации на систему жизнеобеспечения монгольского общества. *Власть*. 2020. Т. 28. № 2. С. 105–110. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7142>
Badaraev D. D., Badonov A. M. The Impact of Globalization on the Life-Support System of Mongolian Society. *Vlast'*. 2020. Vol. 28. No. 2. P. 105–110. (In Russ.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7142>
4. Береговая О. А., Боброва А. С., Юрченко М. А. Развитие российско-монгольского сотрудничества в сфере высшего образования на современном этапе. *Дискурс*. 2023. Т. 9. № 5. С. 86–97. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-86-97>
Beregovaya O. A., Bobrova A. S., Yurchenko M. A. Development of Trends in Russian-Mongolian Educational Cooperation in New Conditions. *Discourse*. 2023. Vol. 9. No. 5. P. 86–97. (In Russ.) <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-86-97>
5. Бобыло А. М. Политика интернационализации высшего образования в странах АТР как инструмент "мягкой силы" (на примере США, КНР, Сингапура и РФ). *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2017. № 1. С. 18–29.
Bobylo A. M. Policy of Higher Education Internationalization in APR Countries as "Soft Power" Instrument (on example of the USA, China, Singapore and Russia). *Ojkumena. Regional Researches*. 2017. No. 1. P. 123–137. (In Russ.)
6. Винокурова А. В., Мунхбат О., Алтансукх В., Чанцалсурэн М. Из Монголии в Канаду: за образованием и работой. *Respublica Literaria*. 2023. Т. 4. № 2. С. 48–58. <https://doi.org/10.47850/RL.2023.4.2.48-58>
Vinokurova A. V., Munkhbat O., Altansukh V., Chantsalsuren M. From Mongolia to Canada: For Education and Work. *Respublica Literaria*. 2023. Vol. 4. No. 2. P. 48–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.47850/RL.2023.4.2.48-58>
7. Владимирова Д. А., Журбей Е. В., Карловская А. А. "Мягкая сила" во внешней политике России и Китая: особенности национальных стратегий. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2020. № 1. С. 123–137. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-1/123-137>
Vladimirova D. A., Zhurbey E. V., Karlovskaya A. A. "Soft power" in Foreign Policies of Russia and China: Features of National Strategies. *Ojkumena. Regional Researches*. 2020. No. 1. P. 123–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-1/123-137>
8. Ганхуяг А. Особенности ценностных ориентаций современной молодежи Монголии. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2018. № 9 (53). С. 40–42. <https://doi.org/10.24158/spp.2018.9.7>
Gankhuyag A. Characteristics of the Value Orientations of Contemporary Mongolian Youth. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2018. No. 9 (53). P. 40–42. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/spp.2018.9.7>

9. Михалев М. С. Засечная черта Внутренней Азии: Южная Сибирь и евразийская интеграция. М.: ИКА РАН, 2023. 295 с. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.46.13.015>
Mikhalev M. S. Zaseka, or Fortified Line of Inner Asia: Southern Siberia and Eurasian Integration. Moscow: ICCA RAS, 2023. 295 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.46.13.015>
10. Пономарев Р. Е. Образовательное пространство. М.: МАКС Пресс, 2014. 100 с.
Ponomarev R. E. Educational Space. Moscow: MAKS Press, 2014. 100 p. (In Russ.)
11. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
Strauss A., Corbin J. Basics of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures and Techniques. Moscow: Editorial URSS, 2001. 256 p. (In Russ.)
12. Шахрай С. М., Чжан Ч. Новые тенденции академической мобильности в треугольнике Китай – Россия – США. *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2022. Т. 2. № 4. С. 70–80. <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.4.5>
Shakhray S. M., Zhan Zh. New Trends in Academic Mobility in the US – Russia – China Triangle. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2. No. 4. P. 70–80. (In Russ.)
<https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.4.5>
13. Atwood C. P. Is There Such a Thing as Central/Inner (Eur)Asia and Is Mongolia a Part of It? *Mapping Mongolia: Situating Mongolia in the World from Geologic Time to the Present*; ed. by P. L. W. Sabloff. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2011. P. 60–84. URL: <https://www.geokniga.org/bookfiles/geokniga-mappingmongoliasituatingmongoliaintheworldfromgeologictime.pdf?ysclid=mo8nkvfz9p27397535> (accessed 16.04.2026).
14. Badmatsyrenov T. B., Damdinov A. V., Tseveen Ts., Badaraev D. D. Russian Education: Demand among Graduates of Mongolian Schools. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2024. Vol. 33. No. 2. P. 163–182.
15. Enkhtur A., Enkhtur O., Davaajav N., Gundsambuu S. Bringing Knowledge Home: Agency and Organizational Climate in Returnees' Contributions to Mongolian Higher Education. *International Journal of Educational Research*. 2025. Vol. 133. Article 102732.
<https://doi.org/10.1016/j.ijer.2025.102732>
16. Inbound Internationally Mobile Students by Country of Origin // UNESCO Institute for Statistics. URL: <https://data.uis.unesco.org/#> (accessed 10.04.2026).
17. Li X., Guo L. Mechanism and Model of Cooperation between China, Mongolia and Russia in Higher Education. *Journal of Education, Humanities and Social Sciences*. 2023. Vol. 19. P. 87–94.
<https://doi.org/10.54097/ehss.v19i.11024>
18. Mongolian Outbound Higher Than Estimated, Most of It Going to Asian Powerhouses (date of publication: September 18, 2019) // ICEF Monitor. URL: <https://monitor.icef.com/2019/09/mongolian-outbound-higher-than-estimated-most-of-it-going-to-asian-powerhouses/> (accessed 03.04.2026).
19. Narantuya O. Impact of Internationalization on Mongolian Higher Education. *Journal of Positive School Psychology*. 2022. Vol. 6. No. 3. P. 6075–6080.
20. Population and Housing Census of Mongolia – 2020: National Report. Princeton University Library. URL: <https://dataspace.princeton.edu/handle/88435/dsp01j098zf369> (accessed 03.04.2026).
21. Saldana J. Coding Manual for Qualitative Researchers. New York: Sage Publications, 2021. 440 p.
22. Statistical Report on International Students in China for 2018 // Ministry of Education of the People's Republic of China. URL: http://en.moe.gov.cn/documents/reports/201904/t20190418_378692.html (accessed 16.04.2026).
23. What is Inner Asia? // Sinor Research Institute for Inner Asian Studies. Department of Central Eurasian Studies, Indiana University Bloomington. URL: <https://ceus.indiana.edu/about/sinor/about/what-is-inner-asia/index.html> (accessed 16.04.2026).
24. 越来越多蒙古国学生留学中国 促中蒙教育交流. 中国侨网 = Всё больше студентов из Монголии обучаются в Китае, способствуя китайско-монгольскому образовательному обмену // China Qiaowang. URL: <https://www.chinaqw.com/hwjy/2015/10-26/68241.shtml> (дата обращения: 16.04.2026).
More and More Mongolian Students Study in China, Promoting China-Mongolia Educational Exchange // China Qiaowang. URL: <https://www.chinaqw.com/hwjy/2015/10-26/68241.shtml> (accessed 16.04.2026). (In Chin.).
25. 在华外国留学生超44万 韩国生最多美国生第二. 21世纪经济报道 = Число иностранных студентов в Китае превысило 440 тысяч: больше всего студентов из Южной Кореи, на втором месте – США // 21st Century Business Herald. URL: https://m.21jingji.com/article/20170301/herald/a6479e126ab9ccf503dc0b5a83802b8f_zaker.html (дата обращения: 16.04.2026).
The Number of Foreign Students in China Exceeded 440,000: South Korean Students Rank First, U.S. Students Second // 21st Century Business Herald. URL: https://m.21jingji.com/article/20170301/herald/a6479e126ab9ccf503dc0b5a83802b8f_zaker.html (accessed 16.04.2026). (In Chin.).
26. 阿拉坦格日乐, 恩和. 国际交流对民族教育发展的影响分析——以内蒙古自治区为例. *教育进展* = Алатангэрлэ Энхэ. Анализ влияния международных обменов на развитие национального образования: на примере Автономного района Внутренняя Монголия. *Достижения в образовании*. 2025. Т. 15. № 2. <https://doi.org/10.12677/ae.2025.152240>. URL: <https://www.hanspub.org/journal/PaperInformation.aspx?PaperID=107204> (дата обращения: 16.04.2026).

Alatangerile Enghe. Analysis of the Impact of International Exchange on the Development of National Education: Taking Inner Mongolia Autonomous Region as an Example. *Advances in Education*. 2025. Vol. 15. No. 2. <https://doi.org/10.12677/ae.2025.152240>. URL: <https://www.hanspub.org/journal/PaperInformation.aspx?PaperID=107204> (accessed 16.04.2026). (In Chin.).

Информация об авторах

Иннокентий Галималаевич Актамов, канд. пед. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель проекта лаборатории "Центр переводов с восточных языков" Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, e-mail: aktamov23@yandex.ru

Анна Викторовна Винокурова, канд. соц. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Оролмаа Мунхбат, PhD (Sociology), профессор, директор Научно-технологического парка Монгольского государственного университета, Улан-Батор, Монголия, e-mail: munkhbat@num.edu.mn

Цэрэнжигмэд Шаравцэрэн, канд. пед. наук, ректор Монгольской государственной консерватории, Улан-Батор, Монголия, e-mail: sharav.piano@gmail.com

Information about the authors

Innokentii G. Aktamov, Candidate of Pedagogic Sciences, Leading Researcher, Head of the Project, Laboratory "Centre for Oriental Languages Translation", Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia, e-mail: aktamov23@yandex.ru

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Orolmaa Munkhbat, PhD (Sociology), Professor, Director of the Ulaanbaatar Science and Technology Park, National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia, e-mail: munkhbat@num.edu.mn

Tserenjigmed Sharavtseren, Candidate of Pedagogic Sciences, Rector, Mongolian State Conservatory, Ulaanbaatar, Mongolia, e-mail: sharav.piano@gmail.com

Поступила в редакцию 22.04.2026

Received 22.04.2026

Одобрена после рецензирования 10.05.2026

Approved 10.05.2026

Принята к публикации 27.05.2026

Accepted 27.05.2026

Научная статья
УДК 504/574
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/72-78>

Курилы и губернатор Приморья Е. И. Наздратенко: к вопросу о попытке изменения управления

Светлана Геннадьевна Коваленко
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, ostina@list.ru

Аннотация. Процесс формирования взаимоотношений центра и регионов в 1990-е гг. проходил в условиях активного формирования влияния глав субъектов на внутреннюю политику страны. В то время лидеры Дальнего Востока, назначенные на свой пост в начале 1990-х гг. Б. Н. Ельциным, стремились укрепить своё положение и политический вес. Для Е. И. Наздратенко одним из способов этого (помимо других) было увеличение территории края. В статье рассматривается попытка губернатора Приморья Е. И. Наздратенко включить Курильские острова в состав территории. Показано, что этот шаг был вызван не только политическими мотивами в преддверии выборов, но и имел экономическую подоплеку, поскольку в контексте формирования властных отношений в этом субъекте Российской Федерации (в который входили Курильские острова) шла борьба за ресурсы.

Ключевые слова: Дальний Восток, вторая половина XX в., губернатор, Курилы, Приморье, Сахалин, суверенизация, отношения центр – регион

Для цитирования: Коваленко С. Г. Курилы и губернатор Приморья Е. И. Наздратенко: к вопросу о попытке изменения управления // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 2. С. 72–78. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/72-78>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/72-78>

The Kuril Islands and Governor of Primorye E. I. Nazdratenko: On the Issue of an Attempt to Change Governance

Svetlana G. Kovalenko
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, ostina@list.ru

Abstract. The process of forming relations between the center and the regions in the 1990s took place in the context of the active influence of the heads of the constituent entities on the country's domestic policy. At that time, the leaders of the Far East, who were appointed to their positions in the early 1990s by Boris Yeltsin, sought to strengthen their position and political weight. For Yevgeny Nazdratenko, one of the ways to achieve this (among others) was to expand the territory of the region. The article examines Yevgeny Nazdratenko's attempt to include the Kuril Islands in the territory of Primorye. It has been shown that this step was motivated not only by political considerations in the run-up to the elections, but also had an economic basis, as there was a struggle for resources in the context of the formation of power relations in this constituent entity of the Russian Federation (which included the Kuril Islands).

Key words: Far East, the second half of the twentieth century, governor, Kuril Islands, Primorye, Sakhalin, sovereignty, center – region relations

For citation: Kovalenko S.G. The Kuril Islands and Governor of Primorye E. I. Nazdratenko: On the Issue of an Attempt to Change Governance // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 72–78. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/72-78>

Введение

Актуальность изучения деятельности губернатора Приморья в 1990-е гг. связана как с исторической значимостью этого периода, так и с анализом неудачной попытки изменения управленческой системы путём присоединения Курильских островов. В статье рассматривается деятельность губернатора Приморья Е. И. Наздратенко по включению Курильских островов в состав края. Показано, что этот шаг был вызван не только политическими мотивами в преддверии выборов, но имел и экономическую подоплёку, т. к. в условиях становления властных отношений в РФ шла борьба за ресурсы. Исследование деятельности губернаторов позволяет глубже понять процессы федерализации и регионализации, происходившие в этот период.

Цель статьи – осмысление данной инициативы через коммуникации всех сторон в системе отношений "центр – регион". В результате эта политическая инициатива создала такие неблагоприятные условия в регионе, что выборы на пост губернатора отложили на год. Конфликт с губернатором Са-

халинской области был вынесен на суд общественности. Федеральный центр поддерживал территориальную целостность Сахалина.

Научная новизна статьи состоит в том, что впервые в историографии был проведён анализ трёхсторонних взаимоотношений центра, Приморья и Сахалинской области и выявлены позиции и аргументы по вопросу территориального подчинения Курильских островов по линии "центр – регион".

Результаты заключаются в том, что автору удалось доказать: хотя в этот период губернатора признавали политической величиной на федеральном уровне, отнюдь не все инициативы были одобрены центром. В вопросах подчинения территорий и вертикали власти Москва занимала твёрдую позицию, и Б. Н. Ельцин не спешил удовлетворять все амбиции региональных лидеров.

Методология

Политическое поведение в России изучается в рамках различных методологических подходов. Представители теории рационального выбора – Э. Даунс, У. Нисканен, Дж. Бьюкенен, Г. Таллок и др. [1; 6; 7; 11; 12] – акцентируют внимание на формально-логических и мотивационных основаниях поведения политических акторов. Сторонники когнитивного подхода, включая А. Тверски и Д. Канемана [13; 14], рассматривают политическое поведение как результат субъективного восприятия, обработки информации и ментальных реакций индивида.

Проблематика взаимоотношений центра и регионов в российской исторической науке разрабатывается, в частности, коллективом исследователей под руководством А.С. Ващук [2; 9], использующим комплексный анализ архивных материалов, статистических данных и других источников.

В данной работе политическая практика губернатора Приморья рассматривается с позиций сочетания когнитивного подхода и теории рационального выбора, что позволяет учитывать как институционально-рациональные, так и личностно-психологические факторы принятия решений. В исследовании использованы методы case-study, контент-анализа политического дискурса и критического анализа архивных документов.

Региональные попытки изменения управленческой системы

Вопросы и проблемы территориального устройства Дальнего Востока были актуальны на всём протяжении развития региона в составе России, как до революции 1917 г., так и в советское и постсоветское время. После распада СССР в 1991 г. произошедший раздел территорий в спорных зонах межэтнических конфликтов поставил страну перед выбором: отменить руководящую роль КПСС. М. С. Горбачев стал первым и единственным Президентом СССР. Возникла многопартийная система¹.

В стране были проведены выборы народных депутатов СССР, а в 1990 г. избраны депутаты РСФСР. Начался "парад суверенитетов" бывших союзных республик. Политический конфликт между Б. Н. Ельциным и М. С. Горбачевым складывался на фоне политического выбора России в 1990 г. стать независимой республикой – РСФСР. Вопросы управления союзным государством решались ратификацией со стороны РСФСР. Социальная ситуация накалялась.

С 1991 г. борьба за территории в рамках Российской Федерации серьёзно обострилась. Это было связано с концепцией полицентризма Б. Н. Ельцина. В этот сложный для страны период в некоторых регионах наблюдалось воодушевление со стороны практически всех республиканских властей. В политической сфере всё больше обострялись противоречия между центром и руководителями регионов.

В этот важный момент истории страны среди российских депутатов, особенно на местах, в регионах, имела место эйфория, вызванная тотальным политическим и административным обновлением и реформированием, что выразилось в "параде суверенитетов".

В РСФСР развивалась тенденция к активной суверенизации. Политические процессы в республиках, поиски самоопределения и попытки приобре-

¹ Распад СССР происходил не одновременно. Так, с 1987 г. многие республики перестали платить в бюджет страны.

сти самостоятельность, отражали в том числе личные амбиции губернаторов. Во второй половине 1990-х гг. происходил расцвет "губернаторской России", что было определено концепцией полицентризма Б. Н. Ельцина или многообразием центров политической власти. Главным игроком на политической арене был Президент РФ, однако, согласно конъюнктуре 1990-х гг. центр стал более номинальным, т. к. другие лидеры и акторы власти – лидеры регионов, депутаты Государственной Думы, российская олигархия, медиа, Коммунистическая партия Российской Федерации представляли собой системную оппозицию. Все эти силы на политической арене существовали в 1990-е гг. автономно.

Взаимоотношения президентской власти и других политических акторов, обозначенных выше, определялись в парадигме лояльности в обмен на широкую автономию. Это продолжалось вплоть до 2000-х гг. Однако вопросы принадлежности территорий центр курировал, исходя из постулата сохранения статус-кво. Поэтому для их окончательного решения потребовались судебные разбирательства.

Так, на Дальнем Востоке в начале 1990-х гг. из состава Хабаровского края выделилась Еврейская автономная область, а из состава Магаданской области – Чукотка [2]. Однако процессы борьбы за территории, ресурсы и сферы влияния внутри регионов продолжались и во второй половине 1990-х гг. Ярким примером этого служит стремление губернатора Приморья Е. И. Наздратенко присоединить Курильские острова² к Приморскому краю, предварительно выведя их из состава Сахалинской области.

Важно помнить, что основная дискуссия по вопросу присоединения развернулась до землетрясения 1994 г., которое произошло 4 октября и стало одной из самых тяжёлых страниц в истории островов, т. к. его социальные последствия не удалось преодолеть вплоть до 2000 гг.³ После таких трагических событий идея соединения Приморья и Курил уже фактически не обсуждалась. Причина очевидна: на восстановление пострадавших территорий уходили средства, которые край не готов был предоставить в полной мере.

События, связанные с инициативой Евгения Ивановича, развивались последовательно. После назначения на должность указом президента РФ, Е. И. Наздратенко, выиграв у своего политического оппонента В. Кузнецова, новый глава края развернул бурную деятельность, т. к. уже в октябре 1994 г. должны были состояться его выборы, а обстановка в крае была сложной.

Социально-экономический кризис в стране усугублялся как политическим противостоянием Центра и регионов, так и противоречиями избранного мэра В. И. Черешкова с губернатором. В поисках альянса для борьбы с губернаторами, но поддерживая при этом городские администрации, Центр отдавал приоритет городам, начав таким образом процесс формирования городских дум. Противоречия между губернаторами и мэрами, а также между центральной и региональной властью в переходный период 1990-х гг. были неизбежными [10]. Правда, совсем скоро федеральный центр убедился в том, что поддержка мэров является слишком ненадежной для центра в условиях внутренней нестабильности страны.

В этой сложной внутренней обстановке, по мнению Евгения Ивановича, его инициативу выдвинуться на пост губернатора должны были поддержать рыбаки Курил.

Традиционно губернатор оперировал обращением к центральной власти. Е. Наздратенко обратился с письмом к Президенту России Б. Н. Ельцину, обосновав необходимость передачи Курильских островов под юрисдикцию

² Курильские острова – архипелаг из 56 островов, расположенный между Камчатским полуостровом и японским о. Хоккайдо. Только на четырёх из них постоянно проживают люди: на Южных Курилах – Кунашире, Итурупе и Шикотане; на Северных – на о. Парамушир.

³ В 1990-е гг. на Сахалине было два землетрясения. 4 октября 1994 г. произошло Шикотанское землетрясение. Оно случилось восточнее о. Шикотан с магнитудой $M = 8,1$ по шкале Рихтера. Интенсивность сотрясений на острове превысила 9 баллов, погибло 11 человек. Остров опустился примерно на 60 см, высота волн цунами достигала 8 м, а в бух. Церковной – почти 15 м.

28 мая 1995 г. – землетрясение в Нефтегорске. Оно произошло на острове Сахалин с магнитудой 7,6 баллов. Пос. Нефтегорск был полностью разрушен всего за 17 секунд. Из 3197 жителей посёлка погибло 2040 человек.

Приморского края. Президент ответил, что письмо находится на рассмотрении специалистов Правительства России.

Т.е. реакция была вполне предсказуемой, исходя из политической обстановки: в преддверии президентских выборов никто не хотел ссориться с губернатором, но и затевать крупномасштабную кампанию с разделом территорий в его поддержку также было не выгодно.

СМИ совершенно справедливо отмечали, что ответ Москвы не означает поддержку этого предложения. Оставалось непонятно, какую позицию займет Центр в этом вопросе. Однако, Наздратенко стремился использовать этот факт недосказанности в своей предвыборной кампании, опираясь на идею объединения двух дальневосточных регионов.

Выборы краевой администрации Приморья были назначены на 7 октября. Руководство Сахалинской области занимало жёсткую позицию и обосновывало отсутствие необходимости объединения.

В интервью издания "Коммерсант", исполняющий обязанности главы областной администрации Н. Долгих сообщил, что для успешного управления экономикой территорий Курильских островов нет необходимости пересматривать административные границы регионов. По словам Долгих, Сахалин имеет возможности полноформатного сотрудничества с предприятиями Приморья, отметив, что заинтересованность этих предприятий не проявилась в значительной степени [3].

Центр ожидаемо не поддержал инициативу Е. И. Наздратенко, но от казу предшествовала переписка администрации Сахалинской области с губернатором Приморья и Москвой. Наиболее ярко обсуждаемые вопросы представлены в открытом письме Главе Администрации Приморского края Наздратенко Е. И., датированном 25 августа 1994 г., которое было ответом на письмо Президенту РФ Б. Н. Ельцину и Председателю Правительства РФ В. С. Черномырдину. Оно называлось "О вопросах развития экономического потенциала Курильских островов" и формулировало основные возражения по предложению объединения Приморья и Курильских островов (ГИАСО. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 246. Л. 51–54)⁴.

В письме анализировалось положение Курил, которое было крайне сложным (ГИАСО. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 246. Л. 51–52).

Общий кризис в стране усугублялся спецификой Курильских островов как северной и отдаленной территории [9]. Ухудшение экономической обстановки проявилось в разрушении хозяйственных связей, развитии бартерных сделок, осложнениях ресурсного обеспечения. Поступление товаров народного потребления на рынок было значительно меньше требуемого количества. Не удалось стабилизировать внутренний рынок в области. Практически во всех отраслях сокращались объёмы производства продукции. Повсеместно на территории области были введены талоны. Появились детские карточки на консервы мясные и молочные, кондитерские, чулочно-носочные товары. Процессы приватизации осуществлялись стихийно, т. к. у населения не было денег для выкупа государственного имущества (ГИАСО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 3579. Л.1–13).

Большинство предприятий к 1993 г. стали банкротами. Федеральная программа развития Курил в то время фактически не работала, т. к. на её реализацию не было средств. Отдельной проблемой стали кредиты под северный завоз. Неоднократные обращения в правительство с просьбой о передаче долгов в оборотные средства предприятий не имели отклика. Необходимо было погашать кредиты, которые к августу 1993 г. составили 14 758 млн руб., а денег на это не было. Традиционной проблемой в условиях северного завоза была и подготовка к отопительному сезону, ремонт аэропорта, т. к. после окончания навигации острова рисковали остаться без связи с Сахалином, а также отсутствие средств на переданный в муниципальную собственность жилой фонд и т. д. (ГИАСО. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 276. Л. 57–59).

Ситуацию не спасало и решение правительства о свободных экономических зонах. Как справедливо отмечают исследователи, уже в 1993 г. было понятно, что пакет нормативных документов, который был разработан администрацией Сахалинской области, не был принят в центре. Стало очевидно,

⁴ ГИАСО – Государственный исторический архив Сахалинской области

что ясной государственной политики по созданию и развитию свободной экономической зоны нет. Эксперты и власти данного региона сошлись во мнении, объясняя причины неэффективной экономики и проблем по работе СЭЗ сверхцентрализацией доходов предприятий области. Особенно это касалось управления рыбной, нефтедобывающей промышленностью, а также лесозаготовки. Проблема сверхцентрализации не позволяла, по мнению региональных специалистов, реализовывать крупные научно-технические и инвестиционные проекты [4].

На фоне стабильно ухудшающейся социально-экономической ситуации предложение губернатора Е. И. Наздратенко было воспринято крайне негативно как на Сахалине, так и на Курилах.

Но во многом ответственность за такую бедственную ситуацию администрация Сахалина возложила на Приморский край и советскую систему управления территориями, при которой отношение центра к островам представляло собой, по сути, десятилетия колониальной политики по отношению к этой земле и монопольного хозяйствования Минрыбхоза СССР, представителем которого было его подразделение Дальрыба. Их ориентация, (по мнению руководства Сахалинской области), не без помощи бывшего Приморского партийного руководства, была направлена на создание рыбоперерабатывающих плавбаз (предприятий-судов) и концентрации в Приморье транспортно-го, рефрижераторного, обслуживающего флота и других инфраструктурных подразделений рыбохозяйственного комплекса Дальнего Востока, что привело к окончательному запустению и разорению отдалённых территорий и их предприятий, береговой рыбоперерабатывающей базы, портового хозяйства и соответствующей социальной инфраструктуре.

Бывший "Приморрыбпром", активно участвовавший в 1960-х гг. в развитии рыбоперерабатывающей базы в Малокурильске на о. Шикотан в годы массового подхода сайры, ушёл с острова вместе с её исчезновением, оставив после себя барачное жильё и временные перерабатывающие мощности, которые удалось в последующие годы восстановить практически заново усилиями предприятий "Сахалинрыбпрома" и области.

Регионы находились в ситуации необходимости реформирования в новых условиях отсутствия социалистического регулирования экономических проблем. (ГИАСО. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 246. Л. 53.).

Фактически предприятия и население Курил обладали богатейшими ресурсами, но они оказались непричастны к управлению территориями. В то время как экономика Курил давала возможность использовать результаты деятельности другим территориям, например, портовым городам, сам регион не развивался. Отметим, что Курильские острова не содержались за счет Приморского края, т. к. административно подчинялись Сахалину и были частью Сахалинской области. Все обеспечение Курил приходило с Сахалина, а флот Приморья участвовал только в перевозках.

В письме подробно разбирается ситуация, связанная с тем, что будет с островами, если предложение Е. И. Наздратенко будет реализовано. Такая перспектива в условиях общего кризиса в стране крайне негативно отразилась на островах. Прямо указано на то, что данная инициатива проявлена с целью обеспечения очередного губернаторского срока руководителю Приморья (ГИАСО. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 246. Л. 52.).

Предложения Курильских островов о сотрудничестве на строго рыночной основе не находили отклика у администрации Приморского края. Руководство области неоднократно обращалось в центр для защиты своих интересов. Так, в апреле 1994 г. администрация Курильских островов обратилась к Председателю Правительства РФ В. С. Черномырдину, Министру путей сообщения РФ Г. М. Фадееву и в Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

Третьей серьезной проблемой, затронутой в переписке, стало воровство управленцев. Сообщалось, что помимо других многочисленных случаев в январе 1994 г. по решению администрации Приморского края на ТЭЦ было слито 2719 тонн топочного мазута, который был погружен "Ангарскнефтеоргсинтезом" для "Сахалиннефтепродукта". При этом администрацией Сахалинской области была произведена оплата. Это решение не учитывало интересы населения региона, т. к. именно в это время предприятия области месяцами

оставались без средств к существованию. До августа 1994 г., т. е. со времени обращения к Правительству страны, расчёты за эти грузы не были произведены: Лучегорский угольный разрез лишился 16,5 млн руб., а Ярославский ГОК – 158,5 млн руб. Сопредельная с Приморьем область осталась без топлива в ситуации нехватки электроэнергии.

В целом, за столь громкой инициативой губернатора средства массовой информации и администрация Сахалинской области справедливо увидели "рыбные уши", т. е. стремление заполучить богатые биоресурсами территории Курильских островов, экономика которой на более чем 50% базировалась на их использовании. Так, добыча рыбы и морепродуктов в 1989 и 1990 гг. до кризиса составляла 1032 и 927 тыс. тонн, т. е. с утратой Курил был бы разрушен весь рыбохозяйственный комплекс области. Поэтому закономерна позиция Сахалина, при поддержке администрации и населения Курильских островов (**ГИАСО. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 246. Л. 53–54.**)

Не отрицая сложного социально-экономического положения островов в письме, было подчёркнуто, что имеются значительные перспективы в связи с предстоящим освоением шельфа. Так как открывшиеся финансовые возможности позволят направить определённую часть средств на социально-экономическое возрождение Курильских островов.

Заключение

Борьба за Курильские острова высветила сложность и неоднозначность взаимодействия между центром и регионами в новой России. Она продемонстрировала, что субъекты федерации, обладая достаточными политическими амбициями и поддержкой населения, способны оказывать существенное влияние на принятие решений, касающихся их территорий. Однако в итоге приоритеты центра и соображения внутрисударственной стабильности оказались решающими. Этот эпизод также обнажил проблему несогласованности интересов различных политических сил в самой Москве. Предложение о переносе выборов в Приморье, выдвинутое известными политиками, свидетельствовало о борьбе за влияние и о различных подходах к решению региональных проблем. Резкий отказ центра подтвердил стремление сохранить контроль над ситуацией и не допустить дестабилизации обстановки в регионе.

В целом, история с Курильскими островами в 90-е годы является ярким примером сложного и динамичного периода становления российской государственности. Резко отрицательная позиция курильчан не позволила перекрыть карту Дальневосточного региона.

Несмотря на то, что в итоге план приморского губернатора не был реализован, данный пример политической активности лидера региона свидетельствует о том, что руководители территорий стремились использовать все возможности для продвижения своих целей. Чем больше территорий находится непосредственно под твоей юрисдикцией, тем больше ресурсов и денег в твоих руках. А Курилы, обладая богатейшими ресурсами, привлекали не только Японию, но и Приморский край.

Итогом борьбы за Курилы стало решение центра о переносе выборов. Е. Гайдар, С. Шахрай, Г. Явлинский и Б. Фёдоров обратились к Б. Н. Ельцину с предложением отложить выборы в Приморье по причине беспрецедентных нарушений прав человека. Центр дал резкий ответ на инициативу. Курилы не стали приморскими, а выборы в Приморье были отложены на год и состоялись в декабре 1995 г. [8].

Литература / References

1. Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии. *Муниципальная экономика*. 2014. № 1. С. 2–14.
Buchanan J., Tullock G. Calculating Consent. The Logical Foundations of Constitutional Democracy. *Municipal Economy*. 2014. No. 1. P. 2–14.
2. Ващук А. С., Коваленко С. Г. История ответа Чукотки на вызов суверенитета. К 30-летию приобретения статуса субъекта Российской Федерации. *Россия и АТР*. 2021. № 4 (114). С. 138–153.
Vashchuk A. S., Kovalenko S. G. History of Chukotka's Response to the Challenge of Sovereignty. To the 30th Anniversary of Acquiring the Status of a Subject of the Russian Federation. *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2021. No. 4 (114). P. 138–153.

3. Вeneвцев В. Губернатор края не оставляет мечты о Курилах. *Газета "Коммерсантъ"* 18.08.1994. (дата обращения 17.10.2024) URL: <https://www.kommersant.ru/doc/87151?ysclid=m2a2kznwhc215711711>
Venevtsev V. The Governor of the Territory Does Not Abandon His Dreams of the Kuril Islands *Kommersant Newspaper*. 18.08.1994. (accessed 17.10.2024). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/87151?ysclid=m2a2kznwhc215711711>
4. Иванов С. А., Кожевникова П. А. Особые экономические зоны Дальнего Востока России: децентрализованная и централизованная модели управления. *Труды ИИАЭ ДВО РАН*. 2019. Т. 24. № 3. С. 161–176.
Ivanov S. A., Kozevnikova P. A. Special Economic Zones of the Russian Far East: Decentralized and Centralized Management Models. *Proceedings of the Institute of Historical and Ethnographic Studies FEB RAS*. 2019. Vol. 24. No. 3. P. 161–176.
5. Пушкарева Г. Политическое поведение: теоретико-методологические проблемы политологического анализа. М.: Изд-во "Университетский лицей", 2003. 233 с.
Pushkareva G. Political Behavior: Theoretical and Methodological Problems of Political Science Analysis. Moscow: University Lyceum Publishing House, 2003. 233 p.
6. Талер Р. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М., 2017. 240 с.
Thaler R. Nudge. The architecture of choice. How to improve our decisions about health, well-being, and happiness. Moscow, 2017. 240 p.
7. Фармер М. Рациональный выбор: теория и практика. *Политические исследования*. 1994. № 3. С. 47–53.
Farmer M. Rational choice: theory and practice. *Political studies*. 1994. No. 3. P. 47–53.
8. Филатов В. Топ-5 скандалов на выборах губернатора Приморья: присоединение Курил, заговор "красных директоров" и полная вакханалия. *Комсомольская правда*. 19 сентября 2018. (дата обращения: 16.10.2024) URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26884.4/3927401/>
Filatov V. Top 5 scandals in the Primorsky Krai gubernatorial elections: the annexation of the Kuril Islands, the conspiracy of the "red directors" and complete bacchanalia. *Komsomolskaya Pravda*. September 19, 2018. (accessed 16.10.2024). URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26884.4/3927401/>.
9. Чернолуцкая Е. Н. Курилы в 1990-е гг.: Рыночные реформы и "пограничный вопрос". *Труды ИИАЭ ДВО РАН*. 2020. Т. 27, № 2. С. 162–178.
Chernolutskaia E. N. Kuril Islands in the 1990s: Market reforms and the "border issue". *Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2020. Vol. 27. No. 2. P. 162–178.
10. Шинковская Н. В. Городское самоуправление в современной России: границы возможного (запрограммированная девиантность владивостокского опыта). *Политическая наука*. 2008. № 3. С. 194–223.
Shinkovskaya N. V. Municipal self-government in modern Russia: the limits of the possible (programmed deviance of the Vladivostok experience). *Political Science*. 2008. No. 3. P. 194–223.
11. Юрина Н. С. Экономический подход к политике в теории демократии Э. Даунса. *Философия и общество*. 2016. № 2. С. 121–127.
Yurina N. S. Economic approach to politics in the theory of democracy of E. Downs. *Philosophy and Society*. 2016. No. 2. P. 121–127.
12. Becker G. S. A. Theory of Competition among Pressure Groups for Political Influence. *Quarterly Journal of Economics*. 1983. Vol. 98. No. 3. P. 371–400.
13. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. *Econometrica*. 1979. Vol. 47. P. 263–294.
14. Tversky A., Kahneman D. The Framing of decisions and the psychology of choice. *Science. New Series*. 1981. Jan. 30. Vol. 211. No. 4481. P. 453–458.

Информация об авторе

Светлана Геннадьевна Коваленко, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: ostina@list.ru

Information about the author

Svetlana G. Kovalenko, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of Social and Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: ostina@list.ru

Проблемы кочевых скотоводов в условиях участвовавших погодных бедствий (Часть 2)

Сембрика Нимаевна Иванова
Байкальский институт природопользования СО РАН, Улан-Удэ, Россия, sambrika@binm.ru
Оюунханд Бямба
Монгольский государственный университет, Улан-Батор, Монголия, oyunkhand.b@num.edu.mn

Аннотация. Представленный анализ проблем и вызовов с которыми сталкиваются, современные кочевые скотоводы приводится на основе картографических и статистических методов, результатов социологических исследований, проведённых в Монголии методами опроса домохозяйств номадов и опроса экспертов. Рассмотрены природные (высота и площадь снежного покрова, низкие температуры) и антропогенные факторы влияния (изменения в структуре стада, перевыпас скота) на последствия дзуда. На основе полученных результатов авторами разработаны предложения по мерам государственной поддержки и адаптивным стратегиям сохранения и развития кочевого скотоводства. Для улучшения управления пастбищами сделан вывод о необходимости разработки политики устойчивой урожайности пастбищ, основанной на пропускной способности пастбищ.

Ключевые слова: дзуд, погодные бедствия, традиционное кочевое природопользование, социологический опрос, экспертная оценка, социальная устойчивость территорий

Исследование выполнено в рамках государственного задания Байкальского института природопользования СО РАН. Проект № АААА-А21-121011590039-6 (0273-2021-0003)

Для цитирования: Иванова С. Н., Бямба О. Проблемы кочевых скотоводов в условиях участвовавших погодных бедствий (Часть 2) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 2. С. 79–87.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/79-87>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/79-87>

Problems of nomadic herders in the face of increasingly frequent weather conditions (Part 2)

Sembrika N. Ivanova
Baikal Institute of Nature Management SB RAS, Ulan-Ude, Russia, sambrika@binm.ru
Oyunhand Byamba
Mongolian State University, Ulaanbaatar, Mongolia, oyunkhand.b@num.edu.mn

Abstract. The presented analysis of the problems and challenges faced by modern nomadic pastoralists is based on cartographic, statistical methods, the results of sociological research conducted in Mongolia by surveying nomadic households and interviewing experts. Natural (height and area of snow cover, low temperatures) and anthropogenic influence factors (changes in the structure of the herd, overgrazing of livestock) on the consequences of dzud are considered. Based on the results obtained, the authors developed proposals for government support measures and adaptive strategies for the conservation and development of nomadic cattle breeding. To improve pasture management, it was concluded that it is necessary to develop a sustainable pasture yield policy based on pasture carrying capacity.

Key words: dzud, weather disasters, traditional nomadic nature management, sociological survey, expert assessment, social sustainability of territories

The research was carried out within the framework of the state assignment of the Baikal Institute of Nature Management, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Project No. АААА-А21-121011590039-6 (0273-2021-0003).

For citation: Ivanova S. N., Byamba O. Problems of nomadic herders in the face of increasingly frequent weather conditions (Part 2) // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 79–87.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/79-87>

В первой части настоящей статьи рассмотрены природные и антропогенные факторы влияния (изменения в структуре стада, перевыпас скота) на последствия дзуда. Проведена оценка социальной устойчивости аймаков. Даны характеристики и повседневные практики домохозяйств кочевых скотоводов.

Проблемы современных скотоводов. Эксперты определили проблемы для развития кочевого скотоводства, ответив на вопрос: "Какие социально-экономические проблемы, на Ваш взгляд, являются самыми актуальными для кочевых скотоводов?". К таким проблемам были отнесены: "слабое развитие

Окончание. Начало см.: Иванова С.Н., Бямба О. Проблемы кочевых скотоводов в условиях участвовавших погодных бедствий (Часть 1). Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 1. С. 89–99. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/89-99>

социальной сферы", "молодежь не интересуется кочевым скотоводством" – 86,7%; "проблемы развития экономики" – 46,7%; "недостаточное финансирование", "жилищные проблемы" – 33,3%; "доступность транспортного сообщения с центрами аймаков и другими населенными пунктами", "нехватка топлива", "высокий уровень преступности" – 20,0%; "безработица" – 13,3%. Эти результаты согласуются с востребованными мерами поддержки, которые представлены ниже.

Эксперты также определили проблемы, обусловленные природно-климатическими факторами, с которыми чаще всего сталкиваются современные скотоводы: истощение пастбищных угодий (93,3%); летние засухи (73,3%); нехватка воды и пыльные, песчаные бури (66,7%); суровые снежные зимы (60,0%); болезни скота (53,3%); нарушение экологии (46,7%); нехватка пастбищных угодий (33,3%).

Необходимо отметить, что оценки экспертов и кочевых домохозяйств относительно частоты проявлений негативных природных (климатических) явлений совпали. По мнению экспертов и кочевых скотоводов, часто проявляются природные явления: засухи, экстремальные температуры, дзуд, пыльные бури; редко: наводнения, грязевые потоки, болезни скота, эпидемии, землетрясения, град, нашествия саранчи и других насекомых, рост численности хищников.

Экспертами определены последствия негативных природных явлений на жизнь кочевых скотоводов (табл. 1): снижение дохода, благосостояния (100,0%), повышение цен на корма (93,3%), снижение численности кочевых скотоводов (86,7%), повышение цен на продукты и другие товары, проблемы с оплатой кредитов, гибель скота (66,7%), снижение уровня социально-экономического развития (46,7%), возрастание риска эпизоотий (33,3%), ухудшение санитарно-эпидемиологической ситуации (26,7%), возрастание риска эпидемий, рост уровня преступности, рост нагрузки на учреждения здравоохранения (13,3%).

Оценка воздействия дзуда на кочевые хозяйства. Кочевым скотоводам было предложено описать опыт зимовки 2023–2024 гг., открытый вопрос формулировался как: "С какими проблемами и последствиями Вы столкнулись этой зимой? Как ваша семья её пережила?" Полученные ответы были сгруппированы в 7 групп (рис. 1):

1. Потеря скота ("падёж скота", "вынужденный забой скота", "животные погибли", "нет стада теперь");

2. Непредвиденные расходы ("пришлось покупать / докупать корма", "подкармливать скот", "нехватка кормов", "животных пришлось отогреть в сарае");

3. Финансовые проблемы ("долги по кредитам", "нечем платить за кредиты", "пришлось брать денег в долг для покупки кормов", "большой ущерб");

4. Природно-климатический фактор, форс-мажор ("случился сильный дзуд", "повысилась частота дзуда", "было очень тяжело, выпало много снега", "очень холодно");

5. Риск потери культуры традиционного кочевского хозяйствования ("придётся уезжать", "задумываемся о переезде в город", "нужно ехать в Корею для заработка");

6. Успешная климатическая адаптационная практика ("мы хорошо подготовились к зиме", "скот был подготовлен", "заготовлены сено и корма", "корма куплены заранее и зиму пережили благополучно");

7. Нехватка рабочей силы ("нехватка рабочей силы для помощи по уходу за скотом", "нехватка рабочей силы расчистки дорог", "нанимали помощников для уборки территории от туш погибшего скота и расчистки дорог", "пришлось просить помощь").

Анализ ответов nomadov по аймакам подтверждается данными статистики [8], демонстрирующими наибольший ущерб у скотоводов Сухбаатар аймака и данными (NRSC) [4], характеризующие экстремальные показатели температуры и снежного покрова модельных территорий.

Эксперты высказали свои предположения относительно особенностей последнего дзуда и причин, вызвавших масштабный ущерб. "Зима 2023–2024 гг. выдалась очень суровой и снежной. Снег выпал рано и быстро растаял, а после резкого похолодания образовалась толстая корка льда, из-под которой

Табл. 1. Распределение ответов экспертов на вопрос: "На Ваш взгляд, природные негативные явления отражаются ли на жизни кочевых скотоводов? Если отражаются, то каким образом?"
Table 1. Distribution of experts' answers to the question: "In your opinion, do natural negative phenomena affect the lives of nomadic pastoralists? If they are reflected, then how?"

Ответы	%
Снижается доход, благосостояние	100,0
Повышаются цены на корма	93,3
Снижается численность кочевых скотоводов	86,7
Повышаются цены на продукты и другие товары	66,7
Проблемы с оплатой кредитов	66,7
Гибель скота	66,7
Уменьшается количество скота	60,0
Снижается уровень социально-экономического развития	46,7
Возрастают риски эпизоотий	33,3
Ухудшается санитарно-эпидемиологическая ситуация	26,7
Возрастают риски эпидемий	13,3
Повышается уровень преступности	13,3
Возрастает нагрузка на учреждения здравоохранения	13,3

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Source: compiled by the authors based on the research results.

животные не могли самостоятельно находить пищу. Это и вызвало большой падеж скота" (эксперт 1). "Среди прочих причин большого ущерба в некоторых хозяйствах является "легкомысленное поведение" части скотоводов, пренебрежение ими предупреждений о прогнозируемом дзуде и призывами властей о необходимости заготовки и приобретения кормов... Вместо этого они стали участвовать в мероприятиях, посвященных 100-летию различных государственных ведомств и не готовили скот к зиме... даже появилось выражение "ушёл гулять в летнем дээли, а вернулся в зимнем". Такое поведение скотоводов вызывает непонимание и осуждение у монголов, проживающих в городах (эксперт 2). (Дээли – монгольский национальный костюм – *Прим. авт.*).

Эксперты оценили последствия дзуда, ответив на вопрос следующей формулировки: "Зима 2023–2024 г. выдалась суровой, был дзуд. В связи с этим, как Вы оцениваете его последствия?". Абсолютное большинство экспертов (96,3%) считают, что "последствия и ущерб ощутимы, без помощи со стороны государства не справиться", 6,7% – "последствия и ущерб ощутимый, но можно справиться собственными силами".

Адаптационные стратегии кочевых скотоводов. Под адаптационной стратегией понимается социально обусловленный выбор кочевыми скотоводами траектории поведения, который соотносится с их возможностями и интересами, ориентирован на достижение желаемого качества жизни исходя из имеющихся у них представлений о жизненных нормах и характеристиках жизненного пространства. Адаптационная активность направлена на повышение или удержание имеющегося качества жизни, т. е. готовность действовать определённым образом в случае его ухудшения или угрозы ухудшения благосостояния в условиях современных вызовов.

Планы кочевых скотоводов на ближайшие 1–3 года свидетельствуют о намерениях большинства номадов реализовывать практики климатической адаптации ("заготавливать / покупать корма для своих животных" – 60%, "за-

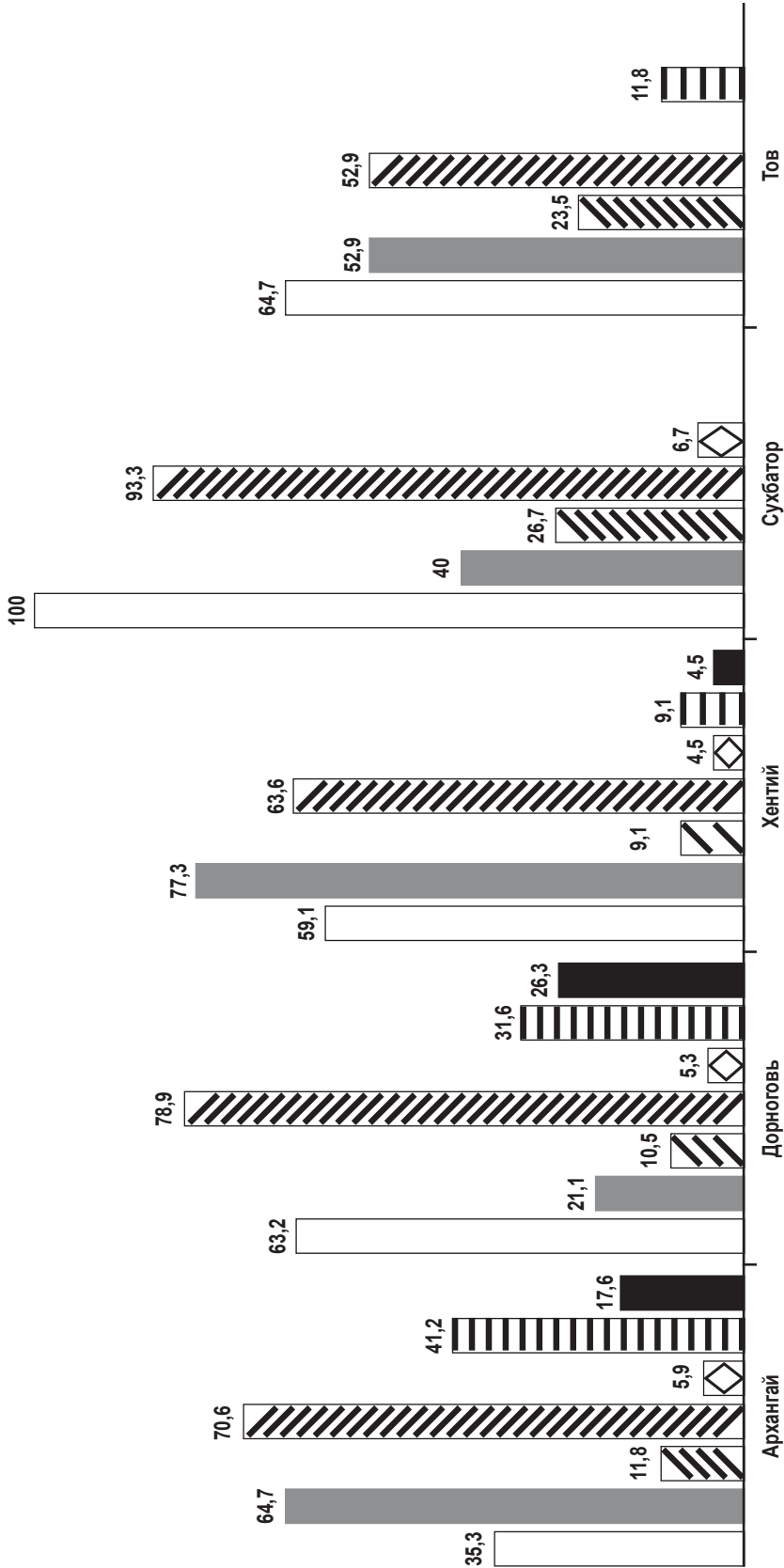

Рис. 1. Распределение ответов кочевых скотоводов на открытый вопрос: "С какими проблемами и последствиями Вы столкнулись этой зимой? Как ваша семья её пережила?"
 Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Fig. 1. Distribution of responses of nomadic pastoralists to the open question: "What problems and consequences have you encountered this winter? How did your family cope with it?"
 Source: compiled by the authors based on the research results.

Условные обозначения:					
	Потеря скота		Непредвиденные расходы		Финансовые проблемы
	Природно-климатический фактор, форс-мажор		Риск потери культуры традиционного кочевого хозяйства		
	Успешная климатическая адаптационная практика		Нехватка рабочей силы, чтобы справиться с последствиями дзуда		

готовавливать сено / корма на продажу" – 15,6%). Можно предположить, что популярность этих практик связана с тем, что в условиях участвовавших погодных бедствий они показали себя как эффективные. Более трети придерживаются традиционной практики ("держат больше скота" (36,7%) (табл. 2). Учитывая последствия последнего дзуда, удивительно, что данную стратегию выбрало большинство номадов аймаков Хентий, Дорноговь и Сухбатор, планирующих и в дальнейшем традиционную практику ("держат больше скота"). Скорее всего, это связано с упоминавшейся ранее социокультурной причиной, также подтвержденной экспертом: "избыточное поголовье скота воспринимается как некая "подушка безопасности", способная быстро восстановить стадо и нивелировать негативные последствия дзуда (эксперт 3).

О том, что в настоящее время кочевым скотоводством становится всё "сложнее прокормить семью", свидетельствует то, что в качестве адаптационной стратегии выбирают практики, не связанные с традиционной кочевой культурой. Поиск дополнительных источников дохода планируют заняться 70,6% номадов с Архангай; 64,7% – с Тов; 52,6% – с Дорноговь; 46,7% – с Сухбатор; 22,7% – с Хентий. Думают о переезде 40 и более процентов номадов с Архангай и Сухбатор; каждый третий – с Хентий; каждый пятый – с Тов и каждый десятый – с Дорноговь. Реальность использования миграционной стратегии подтверждается исследованиями других авторов, в которых описано, что "после дзуда 2009–2010 гг. более трети домохозяйств из числа обследованных отказались от скотоводства и переехали в городские или пригородные районы" [3]. Полученные результаты свидетельствуют о наличии риска потери культуры кочевого скотоводства.

Адаптационная политика. Распределение ответов экспертов на вопрос: "Укажите, пожалуйста, какие меры следует предусмотреть для сохранения и развития кочевого скотоводства?" позволяет сделать выводы о том, что основными являются меры адаптационной политики, включающие мероприятия по предотвращению стихийных бедствий и смягчению их последствий. Информирование о технологиях заготовки и хранения сена и других кормов, а также подготовка животных к зиме, санитарный контроль животных (73,3%); мероприятия по уходу за состоянием природных источников воды (60,0%); заготовка кормов, сена, витаминных добавок (46,7%); информирование о прогнозируемой и текущей погоде (40,0%).

Эксперты подчеркнули важность информационного сопровождения процесса заготовок и хранения сена, поскольку "...часть скотоводов не знает, как правильно заготовить сено, поэтому в процессе нарушаются важные этапы резки, сушки, сгребания, тюкования и хранения...поэтому зачастую сено оказывается непригодным для скота..." (эксперт 4).

Анализ ответов домохозяйств номадов на открытый вопрос: "На Ваш взгляд, какие меры необходимо предпринять со стороны общества, государства, чтобы сохранять и развивать традиционное кочевое скотоводство?" позволил условно выделить 4 группы мер адаптационной политики.

1. Нормативные инструменты (62,3%): регулирование поголовья скота в соответствии с пастбищной нагрузкой и селекционная работа (30,0%), регулирование цен на продукцию животноводства (16,7%), пастбищная политика (10,0%), природоохранные мероприятия (5,6%).

2. Экономические инструменты (60,0%): субсидирование номадов (18,9%), льготное кредитование номадов (12,2%), государственная поддержка объединений, кооперативов номадов (10,0%), рефинансирование кредитов но-

Табл.2. Распределение ответов кочевых скотоводов на вопрос: "Что Вы планируете делать в ближайшие 1–3 года?"

Table 2. Distribution of responses of nomadic pastoralists to the question: "What do you plan to do in the next 1-3 years?"

Варианты ответов	В целом	Архангай	Дорноговь	Хентий	Сухбатор	Тов
Держать больше скота	43,3	17,6	78,9	50,0	53,3	11,8
Заготавливать / покупать корма для своих животных	60,0	47,1	78,9	68,2	60,0	41,2
Заготавливать сено / корма на продажу	15,6	0,0	10,5	31,8	26,7	5,9
Искать дополнительные источники дохода	50,0	70,6	52,6	22,7	46,7	64,7
Повысить уровень образования, квалификацию	8,9	5,9	15,8	9,1	6,7	5,9
Думаем о переезде	28,9	41,2	10,5	36,4	40,0	17,6
Другое	8,9	17,6	10,5	13,6	0,0	0,0
Ничего не делать	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Source: compiled by the authors based on the research results.

мадов (10,0%), формирование мясных кластеров и развитие торговли (5,6%), освобождение от налогообложения сельскохозяйственной техники для заготовки кормов (3,3%).

3. Социальные инструменты (34,4%): социальная защита nomadov (22,2%), обучение молодежи скотоводству (7,8%), поощрение лучших скотоводов, тиражирование лучших практик (4,4%).

4. Государственные инвестиции (23,1%): строительство кормохранилищ (6,6%), создание ирригационной системы, расчистка колодцев (3,3%), строительство объектов некапитального строительства для животноводства (стаек, загонов и др.) (3,3%), продажа мобильных (модульных) домов (3,3%), развитие переработки продукции животноводства (3,3%).

Более 60% ответов респондентов указывают на необходимость принятия нормативных и экономических мер.

Среди нормативных мер треть ответов касается регулирования численности скота в соответствии с пастбищной нагрузкой и селекционной работы по созданию высокопродуктивных стад. Обоснованность таких мер подтверждается исследованием других авторов [5], в котором подчеркивается, что "эффективное управление пастбищными угодьями для скота открытого кочевого типа должно рассмотреть разработку и реализацию плана управления пастбищными угодьями, который учитывает сезонный и ротационный выпас в разных районах, чтобы избежать давления выпаса". Актуальность мер пастбищной политики подтверждается исследованиями других авторов ("сообщества, которые хорошо подготовлены к дзуду на уровне домохозяйств, могут понести непропорциональные потери, если воздействие увеличится за счёт притока скота из других районов") [2] и экспертами ("приток скота из других аймаков приводит к чрезмерной нагрузке на пастбища и провоцирует конфликты между скотоводами" (эксперт 6).

Что касается экономических мер поддержки, свыше 30% ответов связаны с совершенствованием механизмов субсидирования nomadov и льготным кредитованием nomadov. В работе [5] также отмечается, что следует обратить внимание на снижение процентной ставки по кредитам для скотоводов с 21,6% до ставки в 16% для кредитов для домашнего хозяйства в 2023 г.

Кроме традиционных мер социальной поддержки nomadov, которые указали 22,2 % респондентов, опрашиваемыми кочевниками были отмечены

такие меры, как тиражирование лучших практик и обучение молодежи, причем, как отмечается в работе [1], "традиционные экологические знания скотоводов играют важную роль в разработке адаптивных к местным условиям решений". Лучшие практики с использованием традиционных экологических знаний собраны в работе [6]. Обоснованность таких мер, как создание ирригационной системы, расчистка колодцев, подтверждается в работе [7].

В разрезе модельных территорий, приоритетными и ожидаемыми мерами для Дорноговь и Хентий являются политика в отношении пастбищ и регулирование численности скота в соответствии с пастбищной нагрузкой; Архангай – социальная защита кочевников; Тов – поддержка объединений, кооперативов; Сухбатор – государственная поддержка в тяжелые времена в части субсидирования и рефинансирования кредитов кочевников (*табл. 3*). Далее по значимости для Хентий и Тов выступают льготное кредитование кочевников, освобождение от налогообложения сельскохозяйственной техники для заготовки кормов; Дорноговь и Сухбатор – обучение молодежи скотоводству, селекционная работа по созданию высокопродуктивных стад; Архангай – регулирование цен на продукцию животноводства.

Заключение

Выявлены и оценены масштабы проблем, с которыми сталкиваются в повседневной жизни современные кочевые скотоводы. После суровой зимы кочевники столкнулись с имущественными и финансовыми проблемами, нехваткой рабочей силы, а также с рисками потери культуры традиционного кочевого хозяйствования. Использование социологических методов позволило сделать более расширенные выводы и рекомендации. Для снижения социально-экономических рисков необходима подготовка эколого-ориентированной политики, разработка механизмов сохранения ландшафта и реализации программ и проектов для кочевого хозяйства. В отличие от "внезапных" стихийных бедствий, таких как землетрясения и цунами, дзуд обычно представляет собой "медленно возникающее" стихийное бедствие, что даёт возможность для реализации адаптационной политики – подготовки и реализации мер по предотвращению стихийных бедствий и смягчению их последствий. Для улучшения управления пастбищами местным властям необходимо разработать политику устойчивой урожайности пастбищ, основанную на пропускной способности пастбищ. В качестве вариантов политики предлагается использование общинной системы управления пастбищами, взимание платы за пользование пастбищами, использование подоходного налога и установление квот на выпас скота.

Определены приоритетные меры поддержки кочевого животноводства в разрезе различных аймаков. По результатам работы даны рекомендации, которые могут быть использованы различными органами законодательной и исполнительной власти при разработке программ социально-экономического развития территорий и поддержки кочевого скотоводства. Решение проблем бедности, безработицы, демографического развития и повышение ресурсной обеспеченности системы здравоохранения определены в качестве приоритетных направлений для повышения социальной устойчивости для всех аймаков Монголии, в том числе модельных.

Материальное благополучие кочевников во многом зависит от хорошего состояния пастбищ. В основе этого было накопление экологических знаний и сложная система мер, поддерживающих устойчивость и ёмкость пастбищ. Современные кочевники начинают утрачивать знания по экологии пастбищ и хозяйственным особенностям животных, которыми их предки владели в совершенстве. Анализ проблем и перспектив развития традиционного кочевого хозяйствования в условиях климатических изменений позволяет сделать вывод о том, что эта проблема актуальна и требует дальнейшего изучения для сохранения и развития кочевого животноводства – традиционной основы благополучия монголов и бурят.

Табл. 3. Ранжирование мер по сохранению и развитию традиционного кочевого скотоводства по аймакам
 Table 3. Ranking of measures for the preservation and development of traditional nomadic cattle breeding by aimag

Ранг	Архангай	Дорноговь	Хентий	Тов	Сухбатор	
1.	Социальная защита номадов	Пастбищная политика; Регулирование поголовья скота в соответствии с пастбищной нагрузкой	Регулирование поголовья скота; Регулирование поголовья скота в соответствии с пастбищной нагрузкой		Государственная поддержка объединений, кооперативов номадов	Субсидирование номадов; рефинансирование кредитов номадов
2.	Регулирование цен на продукцию животноводства	Обучение молодежи скотоводству; селекционная работа по созданию высокопродуктивных стад	Льготное кредитование номадов; освобождение от налогообложения сельскохозяйственной техники для заготовки кормов		Селекционная работа по созданию высокопродуктивных стад	
3.	Регулирование поголовья скота в соответствии с пастбищной нагрузкой; льготное кредитование номадов субсидирование номадов	Развитие переработки продукции животноводства селекционная работа	Регулирование цен на продукцию животноводства	Социальная защита номадов	Регулирование цен на продукцию животноводства	
4.	Обучение молодежи скотоводству; формирование мясных кластеров и развитие торговли	Социальная защита номадов; поддержка объединений, кооперативов номадов; строительство загонов, сеновалов, изгородей.	Субсидирование номадов, рефинансирование кредитов номадов		Льготное кредитование номадов; льготное налогообложение сельскохозяйственной техники для заготовки кормов	
5.	Селекционная работа по созданию высокопродуктивных стад; поддержка объединений, кооперативов номадов строительство кормохранилищ	Формирование мясных кластеров; развитие торговли и экспорта; природоохранные мероприятия	Селекционная работа по созданию высокопродуктивных стад	Регулирование цен на продукцию скотоводства / животноводства; увеличение числа ветеринаров и зоотехников	Развитие переработки продукции животноводства; поощрение лучших скотоводов; тиражирование лучших практик	
6.			Поддержка объединений, кооперативов номадов; обучение молодежи скотоводству; развитие переработки продукции животноводства; продажа мобильных (модульных) домов; селекционная работа; строительство загонов, сеновалов, изгородей.		Развитие торговли, экспорта; создание ирригационной системы, расчистка колодцев	
7.					Увеличение числа ветеринаров и зоотехников	

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Source: compiled by the authors based on the research results.

Литература/References

1. Batdelger G., Oborny B., Batjav B., Molnár Z. The relevance of traditional knowledge for modern landscape management: Comparing past and current herding practices in Mongolia. *People and Nature*. 2025. Vol. 00. P. 1–17. <https://doi.org/10.1002/pan3.10784>
2. Fernández-Giménez M. E., Batkhisig B., Batbuyan B. Cross-boundary and cross-level dynamics increase vulnerability to severe winter disasters (dzud) in Mongolia. *Global Environmental Change*. 2012. Vol. 22. No. 4. P. 836–851. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2012.07.001>
3. Kakinuma K., Tamura K., Takikawa H., Nakamura H. An extreme weather event has intensified economic disparity in Mongolia. *AGU Fall Meeting Abstracts*. 2019. GC21C-1262.
4. National Remote Sensing Center of Mongolia. URL: <https://icc.mn/index.php?menuitem=5&datatype=msnow&page=6> (accessed 05.02.2025)
5. Ochir A. Assessment of nomadic pastoralists' livelihood vulnerability to the changing climate in the Third Pole region: Case study in the Altai Mountains of western Mongolia. *Ecological Informatics*. 2024. Article 102835. <https://doi.org/10.1016/j.ecoinf.2024.102835>
6. Sambo J. Advice to the People on How to Manage Animal Husbandry. State Publishing House, 1945.
7. Sugita M., Yoshizawa S., Byambakhuu I. Limiting factors for nomadic pastoralism in Mongolian steppe: A hydrologic perspective. *Journal of Hydrology*. 2015. Vol. 524. P. 455–467. <https://doi.org/10.1016/j.jhydrol.2015.02.050>
8. The number of livestock loss reached 7.4 million heads at the national level. *News release National Statistics Office*. URL: <https://www.nso.mn/en/dissemination/73092651> (accessed 17.10.2024).

Информация об авторах

Сембрика Нимаевна Иванова, д-р соц. наук, старший научный сотрудник Байкальского института природопользования СО РАН, Улан-Удэ, Россия, e-mail: sambrika@binm.ru

Оюунханд Бямба, преподаватель кафедры географии Монгольского государственного университета, Улан-Батор, Монголия, e-mail: oyunkhand.b@num.edu.mn

Information about the authors

Sembrika N. Ivanova, Doctor of Sociology, Senior Researcher, Baikal Institute of Nature Management, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia, e-mail: sambrika@binm.ru

Oyunhand Byamba, Lecturer, Department of Geography, Mongolian State University, Ulaanbaatar, Mongolia, e-mail: oyunkhand.b@num.edu.mn

Поступила в редакцию 27.12.2024

Received 27.12.2024

Одобрена после рецензирования 18.02.2026

Approved 18.02.2026

Принята к публикации 27.05.2026

Accepted 27.05.2026

Научная статья
УДК 316.432
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/88-99>

**Искусственный интеллект и активное долголетие:
методологические основания цифровой андрагогики**

Ольга Александровна Волкова
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, volkovaoa@rambler.ru
Полина Игоревна Ананченкова
Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко, Москва, Россия, ananchenkova@yandex.ru
Евгения Викторовна Малинович
Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко, Москва, Россия, malinovich1985@mail.ru

Аннотация. В условиях глобального демографического старения возрастает значимость концепции активного долголетия. В качестве перспективного инструмента ее реализации предлагается использовать искусственный интеллект (ИИ), способный кардинально преобразовать традиционные подходы к пролонгированию активной социальной жизни людей. В статье рассматриваются отдельные аспекты внедрения цифровых решений в образовательную среду представителей старшей возрастной когорты. Сделан акцент на необходимости междисциплинарного подхода к разработке инклюзивных ИИ-платформ, учитывающих психофизиологические особенности восприятия, воспроизведения и практического применения поступающей информации, уровень цифровой грамотности, потребности в индивидуализации обучения и предотвращении возрастной дискриминации.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, активное долголетие, цифровая андрагогика, непрерывное образование, пожилые люди, цифровая инклюзия, машинное обучение, этика искусственного интеллекта*
Для цитирования: Волкова О. А., Ананченкова П. И., Малинович Е. В. Искусственный интеллект и активное долголетие: методологические основания цифровой андрагогики // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 2. С. 88–99. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/88-99>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/88-99>

**Artificial Intelligence and Active Longevity:
Methodological Foundations of Digital Andragogy**

Olga A. Volkova
Institute of Demographic Research, Federal Research Center, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, volkovaoa@rambler.ru
Polina I. Ananchenkova
National Scientific Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko,
Moscow, Russia, ananchenkova@yandex.ru
Evgenia V. Malinovich
National Scientific Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko,
Moscow, Russia, malinovich1985@mail.ru

Abstract. In the context of global demographic aging, the concept of active longevity is becoming increasingly important. One of the promising tools for its implementation is artificial intelligence (AI), which can radically transform traditional approaches to prolonging the active social life of senior citizens. The article discusses certain aspects of the introduction of digital solutions into the educational environment of older people. The emphasis is placed on the need for an interdisciplinary approach to the development of inclusive AI platforms that take into account the psychophysiological features of perception, reproduction and practical application of incoming information, the level of digital literacy, the need for individualization of education and the prevention of age discrimination.

Key words: *artificial intelligence, active longevity, digital andragogy, continuing education, the elderly, digital inclusion, machine learning, AI ethics.*

For citation: Volkova O.A., Ananchenkova P.I., Malinovich E.V. Artificial Intelligence and Active Longevity: Methodological Foundations of Digital Andragogy // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 88–99.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/88-99>

Введение

Глобальные демографические сдвиги XXI в., характеризующиеся устойчивым ростом доли населения старше 60 лет, вызывают потребность в переосмыслении роли пожилых людей в социально-экономических процессах. Согласно данным ООН, к 2050 г. численность лиц старшего возраста превысит 2,1 млрд человек, а в большинстве развитых стран доля населения 65+ составит свыше 25% [3]. В этом контексте особое значение приобретает концеп-

ция активного долголетия, предполагающая участие пожилых в образовании, труде, социальной и культурной жизни.

Одним из факторов, обеспечивающих реализацию этой концепции, становится доступ к качественному и адаптированному образованию на протяжении всей жизни, которое в условиях цифровой трансформации все чаще реализуется с использованием технологий *искусственного интеллекта* (ИИ) [11, с. 486]. В этой связи возникает потребность в формировании новой парадигмы – цифровой андрагогики, основанной на применении интеллектуальных алгоритмов в обучении людей старших возрастов, с учетом их психофизиологических особенностей восприятия, воспроизведения и практического применения усваиваемой информации, уровня цифровой грамотности, потребности в индивидуализации обучения и предотвращении возрастной дискриминации.

Научная проблема исследования заключается в отсутствии методологически обоснованных подходов к применению ИИ в обучении пожилых людей, учитывающих их психофизиологические особенности, уровень цифровой грамотности и потребность в индивидуализации. Недостаточно изучены механизмы адаптации ИИ-технологий для преодоления когнитивных, мотивационных и технологических барьеров, не решены вопросы этики и инклюзивности в цифровой андрагогике.

Цель исследования состоит в определении методологических оснований цифровой андрагогики, основанной на применении ИИ, для обучения людей старшего возраста с учетом их психофизиологических особенностей, уровня цифровой грамотности и потребностей, с целью содействия активному долголетию.

Обзор литературы

В данном исследовании долголетие рассматривается как социально-биологическое явление, характеризующееся доживаемостью человека до возраста, значительно превышающего среднюю продолжительность жизни [4, p. 430]. Теоретическую основу составляют положения андрагогики, раскрывающие особенности обучения взрослых людей [6, с. 49]. При этом в научной литературе недостаточно разработаны методологические аспекты цифрового обучения лиц старших возрастов.

Анализ литературы позволяет выделить несколько групп факторов долголетия: биологические и генетические; социально-экономические, связанные с уровнем дохода, образованием и доступом к медицине; поведенческие, включающие физическую активность, питание и отказ от вредных привычек; психологические и когнитивные; средовые и медицинские [12; 15; 17; 18; 21; 24]. Современные исследования также рассматривают долголетие как междисциплинарную проблему, изучаемую на стыке генетики, социологии и медицины [14].

Теория андрагогики М. Ноулза исходит из того, что взрослые обучаются иначе, чем дети, поскольку опираются на жизненный опыт, внутреннюю мотивацию и практическую направленность обучения. Адаптация принципов андрагогики к цифровой среде позволяет обосновать необходимость персонализированного подхода при разработке ИИ-решений для возрастных обучающихся [16]. Концепция преобразующего обучения Дж. Мезирова рассматривает обучение взрослых как процесс критического переосмысления опыта и изменения картины мира [20].

Несмотря на растущий интерес к использованию ИИ в образовании [1; 10; 13; 22], в научной литературе практически отсутствуют исследования, раскрывающие методологические основания цифровой андрагогики во взаимосвязи с ИИ и активным долголетием [19]. Важное значение для исследования имеет концепция цифровой компетентности, рассматривающая способность пожилых людей осваивать технологии через совокупность знаний, навыков и мотивации [3, с. 129]. Вместе с тем внедрение ИИ в практики активного долголетия должно учитывать этические аспекты андрагогики.

Методы

При формулировании выводов авторы опирались на результаты ранее проведённых исследований, официально зарегистрированных в качестве

баз данных, посвящённых возрастной дискриминации в трудовой сфере [2] и жизнедеятельности пожилых мигрантов, исключённых из цифровой среды [7]. Накопленный исследовательский опыт позволил выдвинуть предположение о том, что внедрение ИИ в образовательные программы для пожилых способно существенно трансформировать подходы к пролонгированию активной и здоровой жизни.

Объектом исследования выступили люди в возрасте 60–74 лет, относимые, согласно классификациям ВОЗ и российской возрастной периодизации, к категории пожилых [9; 25]. Лица старше 75 лет в рамках исследования рассматривались как категория долголетия.

Эмпирическую основу составили материалы исследования "Использование технологий ИИ в обучении пожилых", проведённого авторами в январе–феврале 2025 г. Использовались методы полуструктурированного интервью пожилых слушателей и глубинного интервью экспертов. Интервью проводились онлайн на платформе Яндекс Телемост.

Информантами выступили 214 пожилых слушателей программ активного долголетия и 26 экспертов из Новосибирска, Москвы, Санкт-Петербурга, Рязани, Ростова-на-Дону, Астрахани, Тюмени и Хабаровска. Критериями отбора пожилых информантов являлись возраст 60–74 лет и участие в образовательных программах активного долголетия. В экспертную группу вошли специалисты с опытом не менее пяти лет в сфере разработки и реализации цифровых образовательных программ для пожилых, включая применение ИИ-технологий.

Интервью были направлены на выявление опыта использования ИИ, восприятия цифровых инструментов, барьеров их внедрения и оценки эффективности различных образовательных форматов. Анализ данных осуществлялся методом тематического кодирования с выделением ключевых паттернов и интерпретацией контекстуальных особенностей высказываний.

Для обработки и систематизации данных использовалась нейросеть GigaChat 2.0. Расчёт коэффициента конкордации Кендалла показал высокий уровень согласованности мнений информантов: 0,85 – среди экспертов и 0,75 – среди пожилых участников, что подтверждает достоверность полученных результатов.

Экспертная оценка возможностей использования технологий ИИ при обучении пожилых граждан

Рассмотрим результаты проведенного эмпирического исследования. Проинтервьюированные пожилые слушатели курсов активного долголетия продемонстрировали разную степень использования технологий ИИ в рамках учебных занятий (рис. 1).

Пожилые люди в своих интервью назвали три ИИ-инструмента, наиболее востребованных в обучении: голосовые помощники, адаптивные платформы и чат-боты. Как отмечают опрошенные нами эксперты, их популярность обусловлена практической полезностью и низким порогом входа для возрастной аудитории.

Голосовые помощники минимизируют сложности, связанные с мелкой моторикой и интерфейсами, переводя взаимодействие в устный формат. Адаптивные системы, такие как Moodle с ИИ-модулями, учитывают индивидуальные особенности обучающихся. Например, один слушатель привел пример: для него, как бывшего учителя, подбирались примеры из школьной практики, что облегчало усвоение информации.

Чат-боты в мессенджерах решают организационные вопросы, предоставляя мгновенные ответы и напоминая о расписании, что снижает когнитивную нагрузку. Эксперты отмечают их роль в обеспечении непрерывной поддержки, особенно для слабовидящих пользователей, для которых голосовые технологии становятся ключом к цифровой среде.

Предпочтение пожилыми людьми данных инструментов отражает запрос на технологии, компенсирующие возрастные ограничения через простоту использования, персонализацию и встроенную помощь. Это определяет приоритеты в разработке ИИ-решений для старшего поколения.

Показателен пример, приведённый экспертом из Новосибирска: для курса "Смартфон для жизни" был разработан специализированный чат-бот,

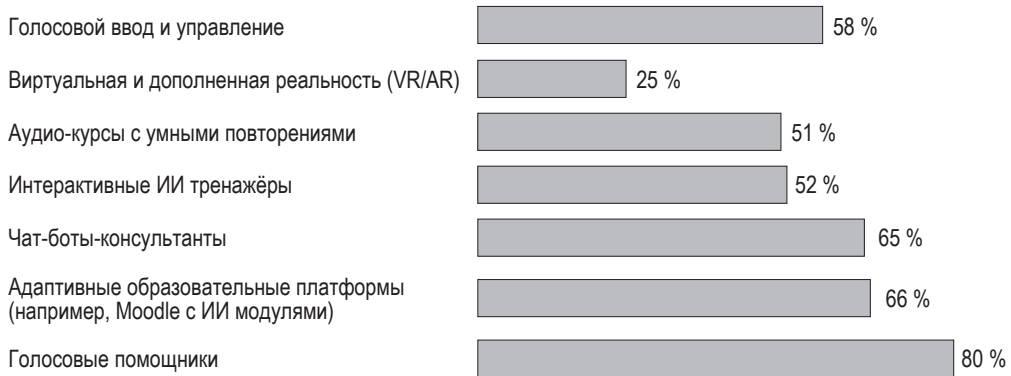

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос "Какие ИИ-инструменты чаще всего Вы используете на занятиях?".

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований.

Fig. 1. Distribution of answers to the question "Which AI tools do you use most often in your classes?".

Source: compiled by the authors based on their own research.

который пошагово объясняет процесс установки приложения "Госуслуги". При этом в алгоритм работы встроены сценарии, учитывающие наиболее частые ошибки пользователей (путаницу при выборе магазинов приложений).

Распределение слушателей по степени готовности к использованию ИИ демонстрирует неоднородность аудитории. Наличие относительно небольшой, но активной группы "новаторов" (30%) открывает возможности для апробации новых инструментов и формирования внутри сообщества неформальных лидеров, способных передавать опыт остальным. Наибольшую долю (50%) составляют "осторожные" пользователи, которые потенциально готовы к освоению технологий, но требуют сопровождения – именно они являются основной целевой группой для методик постепенного вовлечения. При этом 20% "сопротивляющихся" указывают на существование устойчивого психологического и мотивационного барьера восприятия ИИ.

Препятствия к использованию ИИ-инструментов выходят за рамки технической подготовки. Слушателей в рамках проводимых интервью попросили предположить, как высоко или низко (по 10-балльной шкале, где 10 – наиболее значимо, 1 – наименее значимо) их одноклассники оценивают психологические, когнитивные, физиологические и социально-мотивационные барьеры, мешающие им использовать ИИ-технологии. Результаты представлены на *рисунке 2*.

Наиболее значимым оказался пласт психологических барьеров (средний балл – 9,4). Пожилые люди нередко испытывают тревогу перед самим фактом работы с цифровыми системами, опасаясь совершить ошибку, "слопать" устройство или навредить его работе. К этому добавляется недоверие к технологиям, подпитываемое информационным фоном о киберугрозах и мошенниках.

Еще один блок препятствий связан с когнитивными особенностями (средний балл 8,6). Даже при наличии интереса к новым технологиям понятия вроде "интерфейс" или "чат-бот" для части аудитории остаются абстрактными, а отсутствие опыта систематического обучения усугубляет проблему.

Не менее значимы физиологические ограничения (средний балл 8,4). Ухудшение зрения делает мелкий шрифт и низкоконтрастные элементы интерфейса практически невоспринимаемыми, тремор рук затрудняет точное нажатие кнопок, а снижение слуха ограничивает использование голосовых функций без текстовой альтернативы.

Социально-мотивационные факторы также оказывают существенное влияние (средний балл – 7,9). Отсутствие внутренней мотивации ("зачем мне это, если я всю жизнь обходился без") часто сочетается с нехваткой поддержки со стороны семьи или друзей, а также с отсутствием положительных примеров среди окружения.

Рис. 2. Барьеры использования ИИ-технологий и оценка их значимости, баллов.

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований.

Fig. 2. Barriers to the use of AI technologies and their significance assessment.

Source: compiled by the authors based on their own research.

Наконец, техническо-организационные барьеры проявляются в сложных, перегруженных интерфейсах, недостатке адаптации под возрастные особенности и слабой инфраструктурной поддержке – от неустойчивого интернета до отсутствия постоянного "живого" сопровождения. Эта группа барьеров оценена на 7,2 балла.

В совокупности эти барьеры формируют сложную среду, где отказ от ИИ-инструментов обусловлен не только отсутствием навыков, но и психологическим дискомфортом, физическими ограничениями и низкой социальной вовлеченностью. Для эффективного внедрения технологий в обучение пожилых необходимо учитывать весь этот спектр факторов.

Что касается экспертов, то, по их мнению, наиболее значимыми для пожилых слушателей являются когнитивные, связанные со страхом сделать что-то не так ("А если я сломаю виртуального помощника?"), физиологические ограничения (плохое зрение – невосприимчивость к мелким элементам интерфейса, тремор рук – трудности с вводом данных), непонимание терминов ("Что значит интерфейс и чат-бот?") и отсутствие мотивации: "Зачем мне это, если я 70 лет без этого жил?".

Говоря о страхах и недоверии пожилых слушателей к технологиям ИИ, эксперты выделили типичные страхи обучающихся: "Машина меня подслушивает" (особенно после новостей о мошенниках)", "Робот заменит живых преподавателей", "Я не смогу понять, кто со мной говорит – человек или программа").

Анализ экспертных комментариев показывает, что преодоление страхов и недоверия пожилых слушателей к ИИ требует не только технических, но и психологически выверенных педагогических приёмов. Эффективность работы с барьерами во многом зависит от того, насколько обучение превращается из абстрактного "общения с машиной" в понятный и предсказуемый процесс.

Когда преподаватель объясняет работу ИИ через сравнение с бытовыми приборами (например, мультиварка "думает", выбирая режим), а также показывает, как выглядит дата-центр или кто такие модераторы, абстрактный и пугающий образ заменяется конкретным и понятным представлением.

Градualное внедрение ИИ-инструментов – ещё один важный приём, позволяющий снизить когнитивную и эмоциональную нагрузку. Поэтапное освоение (первый месяц – только голосовые напоминания, второй – простые чат-боты, третий – адаптивные тренажёры) даёт возможность слушателям сначала привыкнуть к базовым функциям, а затем постепенно расширять их использование.

Персонификация ИИ играет особую роль в создании эмоционального контакта с системой. Использование голоса знакомого радиоведущего или образа добродушного профессора формирует ощущение "живого" взаимодействия, снижает восприятие технологии как холодной и отчуждённой.

В совокупности эти приёмы демонстрируют, что успешное внедрение ИИ в обучение пожилых людей возможно лишь при комплексном подходе, где технологическая составляющая тесно переплетается с психологической поддержкой и педагогической чуткостью.

Анализ экспертных интервью показывает, что подходы к оценке эффективности внедрения ИИ в обучение пожилых граждан заметно различаются, отражая как технические, так и психологические и практические аспекты процесса.

Так, эксперт из Краснодара делает акцент на измерении технической адаптивности слушателей, рассматривая динамику ключевых метрик. Его данные свидетельствуют о том, что использование ИИ-инструментов способно существенно повысить результативность обучения: процент завершённых уроков возрастает с 60% до 85%, время выполнения заданий сокращается на треть, а потребность в обращении за помощью к живым консультантам падает более чем втрое.

Эксперт из Рязани, напротив, сосредоточен на психологическом комфорте слушателей. Его практика экспресс-анкетирования и наблюдения за эмоциональными реакциями демонстрирует, что субъективное восприятие удобства и снижение стресса при взаимодействии с ИИ – не менее важные индикаторы успешности внедрения технологий, чем формальные показатели успеваемости. Например, положительные эмоции, возникающие при "разговоре" с ИИ, можно рассматривать как маркер вовлечённости и принятия технологии.

Эксперт из Тюмени использует прикладные показатели как критерий эффективности, фокусируясь на том, как обучение с ИИ меняет реальное поведение слушателей. Примеры из её практики (рост навыков распознавания мошеннических писем с 16% до 75% или использование ИИ-напоминаний о приёме лекарств у 40% слушателей) демонстрируют, что цифровые инструменты могут оказывать непосредственное влияние на повседневную безопасность и качество жизни пожилых людей.

В совокупности эти данные подтверждают, что ключевыми условиями успешной интеграции ИИ в образовательные программы для пожилых являются: простота интерфейсов, постоянная поддержка со стороны живых консультантов и внимание к человеческим барьерам – психологическим, когнитивным и мотивационным. Без комплексного учёта этих факторов потенциал ИИ в обучении возрастных слушателей будет реализован лишь частично.

Для эффективности обучения пожилых граждан большое значение имеет адаптация интерфейсов ИИ под возрастные особенности. Опрошенные нами эксперты указали на применение многоуровневой адаптации (рис. 3).

Анализ экспертных данных показывает, что успешное внедрение ИИ-технологий в обучение пожилых людей напрямую зависит от качества адаптации интерфейсов под возрастные и когнитивные особенности пользователей. Многоуровневая адаптация интерфейсов ИИ не является факультативной опцией, а выступает ключевым условием эффективности цифрового обучения пожилых граждан.

Визуальная адаптация (укрупнённые шрифты, контрастные цветовые схемы, крупные кнопки) решает проблему снижения остроты зрения и облегчает восприятие информации. Изменения в управлении и моторике (голосовой ввод, упрощённая навигация, минимизация сложных жестов) позволяют преодолеть ограничения, связанные с нарушениями мелкой моторики и координации. Когнитивная поддержка (пошаговые инструкции, автоматическое сохранение прогресса, повторение ключевых моментов) помогает компенсировать снижение памяти и повышает устойчивость навыков. В долгосрочной перспективе такой подход повышает мотивацию к обучению и формирует положительное отношение к цифровой среде.

Анализ высказываний экспертов показывает, что при обучении пожилых слушателей наибольший эффект дают гибридные форматы, где сочетаются технологическая простота и высокий уровень интерактивности. Эти решения не только повышают вовлечённость, но и обеспечивают устойчивое закрепление навыков за счёт персонализации и эмоционального отклика.

Так, аудио-курсы с элементами "умного" повторения позволяют ИИ-системе адаптировать напоминания к индивидуальному темпу забывания материала. Пример из практики – курс "История Петербурга", где даты и события закрепляются через интеграцию с любимыми мелодиями слушателей (вальсы, военные песни).

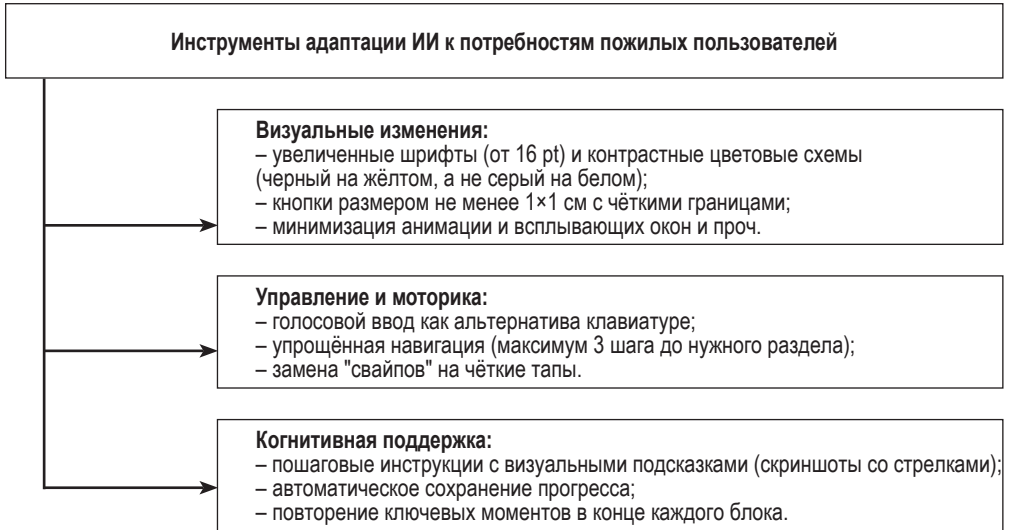

Рис. 3. Инструменты адаптации ИИ-технологий к потребностям пожилых пользователей.

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований.

Fig. 3. Tools for adapting AI technologies to the needs of older users.

Source: compiled by the authors based on their own research.

Интерактивные тренажёры, имитирующие реальные бытовые сценарии ("видеозвонок внуку", "оплата коммунальных услуг"), дают возможность безопасно отрабатывать действия, которые в реальной жизни могут быть сопряжены с рисками – например, столкновением с мошенниками. По наблюдению эксперта из Тюмени, 78% слушателей ценят этот формат именно за ощущение поддержки, сравнимое с помощью близких ("как будто рядом внук подсказывает").

Групповые VR-сеансы с участием тьютора, хотя и подходят лишь для более подготовленных пользователей, демонстрируют значимый эффект в преодолении технологических страхов и развитии моторно-зрительной координации. Виртуальные экскурсии и мастер-классы ("лепка пельменей") создают эффект присутствия и вовлечённости, что, по данным эксперта из Ростова-на-Дону, снижает тревожность перед новыми технологиями у 60% участников и улучшает координацию движений у 45%.

Результаты анализа эмпирических данных подтверждают, что в рамках учебных занятий с пожилыми слушателями необходимо сочетание ИИ и человеческого сопровождения. *Автономное обучение недопустимо, поскольку в 89% случаев после 2 недель "без человека" слушатели перестают доверять системе, теряют мотивацию и делают некорректные выводы (например, "Бот меня игнорирует – я слишком стар")*.

Анализ данных, полученных от эксперта из Новосибирска, показывает, что использование ИИ в обучении пожилых слушателей может давать ощутимый когнитивный эффект при соблюдении определённых условий организации занятий. Результаты замеров в учебном центре демонстрируют положительную динамику сразу по нескольким ключевым параметрам. Так, после 20 сеансов с ИИ-нагрузкой рабочая память слушателей улучшилась в среднем на 37% (по тесту "Повтори ряд цифр"), причём эффект сохранялся на протяжении 3–6 месяцев.

Избирательное внимание также показало заметный прогресс: 68% участников стали лучше фильтровать рекламный контент и на 25% реже попадались на мошеннические уловки в интернете. Такой результат указывает на то, что ИИ-инструменты, интегрированные в тренажёры и симуляции, могут эффективно формировать навыки критической оценки информации.

Не менее показателен рост скорости обработки информации: время реакции на распознавание знакомых образов (например, дорожных знаков) со-

кратилось с 3,2 секунды до 2,1 секунды. Это свидетельствует о повышении когнитивной гибкости и быстроты мышления в условиях цифровой среды. Улучшения наблюдались и в эпизодической памяти – у 55% слушателей повысились результаты теста "Расскажи о важном событии" при просмотре фотоальбомов, что можно связать с усилением ассоциативных связей благодаря мультимедийным элементам обучения.

При этом эксперт подчёркивает, что наибольшая эффективность наблюдалась у слушателей, которые занимались три раза в неделю по 15–20 минут, получали живые устные пояснения педагога параллельно с работой в ИИ-среде и имели "цифрового партнёра" (чаще всего – внука или другого члена семьи), использующего ту же систему.

На основании полуформализованного интервью слушателей образовательных курсов в рамках региональных программ "Активного долголетия" и экспертного опроса, проведённого среди преподавателей, ведущих эти курсы, можно сформулировать следующие ключевые выводы о потенциале и ограничениях использования технологий ИИ в обучении пожилых людей:

1. ИИ-инструменты успешно интегрируются в образовательные практики для пожилых. Эксперты активно используют разнообразные ИИ-инструменты: голосовые помощники, снижающие порог входа и адаптированные для слабовидящих; адаптивные платформы, автоматически подстраивающие сложность и форму подачи материала; чат-боты-консультанты, решающие организационные вопросы и поддерживающие обучающегося 24/7.

2. Целевая аудитория неоднородна по отношению к ИИ. Эксперты выделили три основные группы слушателей: "новаторы", готовые активно использовать ИИ; "осторожные", нуждающиеся в поддержке; "сопротивляющиеся", испытывающие страх или отказ от новых технологий. Эта структура подчёркивает необходимость дифференцированной методики обучения и поддержки.

3. Основные барьеры – не технологические, а психологические и когнитивные. К числу наиболее значимых препятствий относятся страх "сломать систему" или быть осмеянным; незнание цифровой терминологии; физиологические ограничения (зрение, моторика, слух); низкая мотивация. Это требует эмпатичного подхода, пояснения пользы и создания эмоционального комфорта в обучении.

4. Простота интерфейса и визуальная доступность – обязательные условия применения технологий ИИ при обучении пожилых. Наиболее востребованные элементы адаптации ИИ-продуктов включают в себя увеличенные шрифты и контрастные цвета; крупные кнопки и упрощённую навигацию; голосовой ввод и минимум шагов до нужной функции. ИИ-интерфейсы должны быть интуитивными и "считываемыми" для пожилого пользователя, иначе – теряется доверие и мотивация.

5. Гибридные форматы обучения наиболее эффективны. На практике лучшими форматами оказались аудио-курсы с персонализированными повторениями; интерактивные тренажёры с обратной связью; групповые VR-сеансы, развивающие не только навыки, но и координацию, доверие к технологиям. Важен не просто ИИ-сервис, а интерактивное, осмысленное и эмоционально насыщенное обучение.

6. Автономные ИИ-системы не заменяют живого взаимодействия. По мнению всех экспертов, полностью автоматизированное обучение неэффективно, поэтому обязательным условием внедрения ИИ должно быть человеческое сопровождение – педагог, тьютор, консультант.

7. Применение ИИ-технологий даёт положительные когнитивные и поведенческие эффекты. Фиксируются улучшения в памяти, внимании, скорости обработки информации; повышение уровня цифровой грамотности; развитие самостоятельности и уверенности в использовании гаджетов. Эффект особенно выражен при регулярной практике, умеренных нагрузках и поддержке родных или педагогов.

8. Преодоление страха использования ИИ-технологий пожилыми обучающимися требует педагогического опыта. Наиболее эффективные методы для этого – "прозрачность" ИИ и разъяснение принципов работы на понятных аналогиях; постепенное вовлечение и поэтапное внедрение от простого к

сложному; персонификация ИИ и использование знакомых голосов, образов, эмоционального тепла.

Цифровая андрагогика и технологии искусственного интеллекта в контексте активного долголетия

Андрагогика приобретает новое содержание в эпоху цифровизации. Как показал анализ материалов интервью опрошенных нами экспертов, пожилые обучающиеся сталкиваются с комплексом барьеров: когнитивных, физических, мотивационных, технологических и социальных. Эксперты отмечают, что для поддержания здоровья, социальной инклюзии и профессиональной адаптации обучение становится ключевым элементом в реализации стратегии активного долголетия.

В контексте теории андрагогики М. Ноулза и на основе анализа материалов интервью отметим, что цифровая андрагогика предполагает использование таких приемов: индивидуализация траектории обучения, адаптация контента к когнитивным и психологическим особенностям пожилых, использование мультимодальных интерфейсов (голосовые помощники, визуальные метафоры, тактильная обратная связь), учет мотивационного и культурного контекста обучения. То есть ИИ выступает здесь как инструмент анализа, адаптации и инклюзии, способный радикально трансформировать сферу обучения и самообучения, обеспечивая гибкость, доступность и интерактивность образовательных программ.

Как отмечают в своих интервью эксперты, современные ИИ-системы (машинное обучение, обработка естественного языка, рекомендательные алгоритмы) находят все большее применение в образовании. В результате систематизации материалов экспертных интервью отметим, что ключевыми компонентами цифровой андрагогики становятся следующие:

- 1) адаптивные образовательные платформы, формирующие персонализированный маршрут на основе поведения пользователя (напр., Coursera, EdApp, Learnosity);
- 2) голосовые интерфейсы и виртуальные тьюторы, снижающие барьеры цифровой грамотности (напр., использование голосовых помощников типа Alexa или Алиса в Яндекс Браузере в обучении базовым цифровым навыкам);
- 3) аналитика обучаемости с возможностью диагностики физического, когнитивного и психологического утомления, мотивации и уровня вовлеченности;
- 4) ИИ-модули распознавания речи и эмоций, адаптирующие темп, сложность и объем подачи учебного материала в зависимости от состояния пользователя.

Согласимся с мнением, что цифровое обучение взрослых базируется с учетом как современных достижений в науке и технике, так и индивидуальной его направленности [8, с. 137]. Однако эксперты предполагают, что внедрение ИИ в образование людей пожилого возраста сопряжено и с рядом серьезных ограничений, в частности: низкий уровень цифровой грамотности; распространенность в отношении технологий ИИ; ограниченный доступ к цифровым устройствам и к сети Интернет (особенно в сельских и отдаленных регионах); недостаточная адаптация интерфейсов под индивидуальные особенности обучающихся; необходимость организационной и финансовой государственной поддержки и частных инвестиций. Причём для эффективного применения ИИ в обучении пожилых необходима гуманистическая опора педагогического процесса на ценности равенства, инклюзии, эмпатии и поддержки.

Перспективы применения ИИ при обучении пожилых граждан

Технологии машинного обучения (ML), обработки естественного языка (NLP) и компьютерного зрения (CV) обладают значительным потенциалом в сфере образования пожилых людей.

- 1) Индивидуализация обучения с использованием ML: интеллектуальные образовательные платформы способны адаптировать содержание и структуру курсов с учётом когнитивных особенностей, темпа усвоения информации и интересов пожилых обучающихся; рекомендательные системы могут подбирать наиболее подходящие образовательные программы на основе предыдущего опыта пользователя.

2) Технологии обработки естественного языка (NLP): использование голосовых ассистентов и чат-ботов для сопровождения обучающихся; автоматическое упрощение учебных материалов; перевод и озвучивание контента для людей с возрастными ограничениями слуха и зрения.

3) Компьютерное зрение (CV): распознавание активности обучающихся и контроль выполнения заданий; применение дополненной реальности (AR) при освоении практических навыков; анализ эмоциональной вовлеченности для корректировки сложности и темпа обучения.

4) Социальные и психологические аспекты: создание интерактивных образовательных сообществ; использование цифровых инструментов для тренировки памяти, внимания и профилактики снижения когнитивных функций.

5) Доступность и инклюзия: разработка специализированных интерфейсов для людей с ограничениями здоровья, включая голосовое управление, масштабирование визуального контента, автоматическую генерацию субтитров и аудиоописаний.

Технологии ML, NLP и CV способны сделать образование для старшего поколения более доступным, персонализированным и интерактивным. Вместе с тем эффективность их внедрения зависит от адаптации интерфейсов и контента к возрастным особенностям обучающихся, а также от преодоления цифрового скепсиса среди пожилых пользователей. В ближайшие годы можно ожидать роста специализированных EdTech-решений для данной возрастной группы.

Разработка цифровых образовательных сред для людей предпенсионного и пенсионного возраста должна основываться на принципах антропоцентризма, инклюзивности, интерактивности, обратной связи, этики и безопасности персональных данных.

Заключение

Глобальное старение населения актуализирует необходимость пересмотра образовательных подходов, направленных на поддержание активного долголетия. Исследование подтверждает потенциал ИИ-технологий в обучении пожилых, однако их эффективность зависит от адаптации к возрастным особенностям, включая когнитивные и психологические барьеры. Голосовые помощники и адаптивные платформы демонстрируют успех, но требуют гуманистической настройки алгоритмов, ориентированных на эмоциональный комфорт пользователей. Ключевыми препятствиями остаются низкая цифровая грамотность и ограниченный доступ к технологиям, что требует междисциплинарных решений и государственной поддержки. Перспективы цифровой андрагогики связаны с созданием инклюзивных сред, сочетающих технологические возможности с живым взаимодействием.

Практическая значимость работы заключается в разработке методологических основ для адаптивных образовательных платформ, способствующих социальной инклюзии пожилых. Результаты могут быть использованы при формировании программ, направленных на сокращение цифрового неравенства и поддержку непрерывного обучения. Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на долгосрочном влиянии ИИ на когнитивные функции, этических аспектах его применения, а также региональных особенностях внедрения цифровых образовательных практик.

Литература / References

1. Абросимова Е. Е., Филипова А. Г. Искусственный интеллект: вызовы и возможности использования в образовательном процессе. *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета*. 2025. Т. 17. № 2. С. 203–211. <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/203-211> (дата обращения: 31.07.2025).
Abrosimova E. E., Filipova A. G. Artificial intelligence: challenges and opportunities for use in the educational process. *Territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University*. 2025. Vol. 17. No. 2. P. 203–211. <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/203-211> (accessed 31.07.2025). (In Russ.)
2. Ананченкова П. И., Васильева Н. В., Николаев М. С. [и др.]. Эйджизм в социально-трудовых отношениях. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2025621767. Вологда: Вологодский государственный университет, 2025.

- Ananchenkova P. I., Vasilyeva N. V., Nikolaev M. S. [and others]. Ageism in social and labor relations. Certificate of state registration of the database No. 2025621767. Vologda: Vologda State University, 2025. (In Russ.)
3. Голянова А. С., Давыдова Ю. А. Формирование цифровой грамотности у людей старшего поколения. *ЦИТИСЭ*. 2023. №3 (37). С. 127–138.
Golyanova A.S., Davydova Yu.A. Formation of digital literacy among the older generation. *CITIS*. 2023. No. 3 (37). P. 127–138. (In Russ.)
 4. Долголетие. *Краткая Медицинская Энциклопедия* / Гл. ред. Б. В. Петровский. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т.1.
Longevity. *Short Medical Encyclopedia* / Chief editor B. V. Petrovsky. 2nd ed. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1989. Vol. 1.
 5. К 2050 году пожилых людей в развитых странах будет вдвое больше, чем детей. URL: <https://news.un.org/ru/story/2013/10/1230211> (дата обращения: 12.05.2025 г.)
By 2050, there will be twice as many elderly people in developed countries as children. URL: <https://news.un.org/ru/story/2013/10/1230211> (accessed 12.05.2025). (In Russ.)
 6. Неизвестный С. И., Славин Б. Б., Кучмезов Х. Х. Андрагогика трансформации мышления в менеджменте в цифровую эпоху. *Открытое образование*. 2023. Т. 27. № 5. С. 45–56.
Neizvestnyy S. I., Slavin B. B., Kuchmezov H.H. Andragogy of the transformation of thinking in management in the digital age. *Open education*. 2023. Vol. 27. Issue 5. P. 45–56. (In Russ.)
 7. Осадчая Г. И., Киреев Е. Ю., Вартанова М. Л. [и др.]. Социальное самочувствие мигрантов из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, находящихся в Москве и Московской области. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024624655. М.: ФГБУН Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2025.
Osadchaya G. I., Kireev E. Yu., Vartanova M. L. [et al.]. The social well-being of migrants from Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan residing in Moscow and the Moscow region. Certificate of State registration of the database No. 2024624655. Moscow: Federal State Budgetary Institution Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, 2025. (In Russ.)
 8. Останина Е. А. Подход к оценке уровня обученности взрослых обучающихся в формате электронного обучения. *Проектирование. Опыт. Результат*. 2024. № 5. С. 135–140.
Ostanina E. A. An approach to assessing the level of learning of adult learners in the e-learning format. *Design. Experience. Result*. 2024. Vol. 5. P. 135–140. (In Russ.)
 9. Приказ Министерства здравоохранения РФ Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю "гериатрия" № 38н от 29.01.2016 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420339190> (дата обращения: 31.07.2025).
Order of the Ministry of Health of the Russian Federation on Approval of the Procedure for Providing medical care in the Geriatrics profile No. 38n dated 29.01.2016 // Electronic fund of legal and regulatory documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420339190> (accessed 31.07.2025). (In Russ.)
 10. Филипова А. Г., Скрыпникова Е. М. Цифровые педагогические средства в образовательном видеоблогинге: кейсы, особенности и ограничения использования. *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2024. № 4(16). С. 78–87.
<https://doi.org/10.24412/1994-3776-2024-4-78-87> (дата обращения: 31.07.2025).
Filipova A. G. Skrypnikova E. M. Digital pedagogical tools in educational video blogging: cases, features and limitations of use. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. 2024. No. 4(16). P. 78–87. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2024-4-78-87> (accessed 31.07.2025). (In Russ.)
 11. Цветкова Е. А., Цветков В. Ж. Цифровая андрагогика. *Евразийское Научное Объединение*. 2020. № 5–6 (63). С. 486–488.
Tsvetkova E. A., Tsvetkov V. J. Digital andragogy. *Eurasian Scientific Association*. 2020. Vol. 5-6 (63). P. 486–488. (In Russ.)
 12. Ambient Air Pollution: A Global Assessment of Exposure and Burden of Disease. 2016. WHO. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/250141> (accessed 31.07.2025).
 13. Dovrangelidzev Y. D., Gadamova M. G., Gulchayev D. T. Ai in education: transforming the future of learning. *Cognitio Rerum*. 2025. №3. P. 138–140.
 14. Gavrilov L. A., Gavrilova N. S. The Biology of Life Span // Springer. 2020. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-20762-5> (accessed 31.07.2025).
 15. Holt-Lunstad J. et al. Loneliness and Social Isolation as Risk Factors for Mortality. *Perspectives on Psychological Science*. 2015. № 10 (2). P. 227–237. <https://doi.org/10.1177/1745691614568352> (accessed 31.07.2025).
 16. Knowles M. S. The Modern Practice of Adult Education: From Pedagogy to Andragogy. Englewood Cliffs, NJ : Cambridge Adult Education, 1980. 400 p.
 17. López-Otín C., Blasco M. A., Partridge L. et al. The Hallmarks of Aging. *Cell*. 2013. №153 (6). P. 1194–1217. <https://doi.org/10.1016/j.cell.2013.05.039> (accessed 31.07.2025).
 18. Marmot M. Social Determinants of Health Inequalities. *The Lancet*. 2005. № 365(9464). P. 1099–1104. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(05\)71146-6](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(05)71146-6) (accessed 31.07.2025).

19. Merriam S. B. Adult Learning Theory: Evolution and Future Directions. *PAACE Journal of Lifelong Learning*. 2017. No. 26. P. 21–37.
20. Mezirow J. Learning as Transformation: Critical Perspectives on a Theory in Progress. Jossey-Bass. 2000. URL: <https://scispace.com/papers/learning-as-transformation-critical-perspectives-on-a-theory-5aly0xsfx3> (accessed 31.07.2025).
21. Olshansky S. J. et al. Has the Rate of Human Aging Already Been Modified? *Cold Spring Harbor Perspectives in Medicine*. 2018. № 8 (12). P. a025965. <https://doi.org/10.1101/cshperspect.a025965> (accessed 31.07.2025).
22. Sharma R. Ch., Panja S. K. Exploring the Potential of Generative Artificial Intelligence in Education: A Bibliometric Analysis. *Education and Self-Development*. 2025. Vol. 20. No. 1. P. 71–88. <https://doi.org/10.26907/esd.20.1.06> (accessed 31.07.2025).
23. Tscymbalystov A. V., Volkova O. A., Kopytov A. A. [et al.] Activating technologies of social service as a factor of improving social self-personality of elderly and disabled people in Russia. *International Journal of Pharmaceutical Research*. 2018. Vol. 10. Issue 4. P. 346–349. <https://doi.org/10.31838/ijpr/2018.10.04.035>.
24. Willcox B. J., Willcox D. C. Caloric Restriction and Human Longevity: What Can We Learn from the Okinawans? *Biogerontology*. 2014. № 7 (3). P. 173–177. <https://doi.org/10.1007/s10522-006-9008-z> (accessed 31.07.2025).
25. World health organization. URL: <https://www.who.int/home> (accessed 31.07.2025).

Информация об авторах

Ольга Александровна Волкова, д-р соц. наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия, e-mail: volkovaoa@rambler.ru

Полина Игоревна Ананченкова, канд. соц. наук, заведующий кафедрой экономики и социологии здравоохранения Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко, Москва, Россия, e-mail: ananchenkova@yandex.ru

Евгения Викторовна Малинович, аспирант кафедры экономики и социологии здравоохранения Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко, Москва, Россия, e-mail: malinovich1985@mail.ru

Information about the authors

Olga A. Volkova, Doctor of Sociology, Senior Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: volkovaoa@rambler.ru

Polina I. Ananchenkova, Candidate of Sociology, Head of the Department of Economics and Sociology of Healthcare, N.A. Semashko National Research Institute of Public Health, Moscow, Russia, e-mail: ananchenkova@yandex.ru

Evgenia V. Malinovich, Postgraduate Student, Department of Economics and Sociology of Healthcare, N.A. Semashko National Research Institute of Public Health, Moscow, Russia, e-mail: malinovich1985@mail.ru

Поступила в редакцию 01.07.2025

Одобрена после рецензирования 12.05.2026

Принята к публикации 27.05.2026

Received 01.07.2025

Approved 12.05.2026

Accepted 27.05.2026

Электоральная трансформация "Ржавого пояса" США: от демократического доминирования к республиканскому преимуществу (1990-е – 2020-е гг.)

Евгений Викторович Журбей
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, zhurbey.ev@dvfu.ru
Константин Сергеевич Петухов
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, petuhov.ks@dvfu.ru

Аннотация. В статье анализируется электоральная трансформация "Ржавого пояса" США – традиционно индустриального региона, на протяжении десятилетий служившего опорой Демократической партии, – в период с 1990-х по 2020-е гг. Цель исследования заключается в выявлении причин, динамики и механизмов перехода от устойчивого демократического доминирования к формированию республиканского преимущества в ключевых штатах региона (Пенсильвания, Мичиган, Огайо, Висконсин). Методологическую основу работы составляют анализ электоральной статистики президентских, промежуточных и региональных выборов, сравнительный региональный анализ, а также интерпретация данных в рамках теории партийного переустройства (realignment), концепции "культурного бэклэша" и теории экономического голосования. Результаты исследования показывают, что электоральный сдвиг в "Ржавом поясе" носит асимметричный и незавершённый характер. Деиндустриализация и связанные с ней социально-экономические изменения сформировали базу для роста политического недовольства, однако его трансформация в устойчивые партийные предпочтения стала возможной благодаря культурно-идентичностным и институциональным факторам, включая ослабление профсоюзов и изменение партийных стратегий. Научный вклад статьи заключается в интерпретации электоральной трансформации "Ржавого пояса" как динамичного процесса перестройки партийных коалиций, обусловленного взаимодействием экономических, культурных и институциональных механизмов, а не как завершённого партийного переустройства.

Ключевые слова: "Ржавый пояс", электоральная трансформация, электоральное поведение, партийная конкуренция, деиндустриализация, культурный бэклэш, региональная поляризация, США

Для цитирования: Журбей Е. В., Петухов К. С. Электоральная трансформация "Ржавого пояса" США: от демократического доминирования к республиканскому преимуществу (1990-е – 2020-е гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 2. С. 100–111. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/100-111>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/100-111>

The Electoral Transformation of the U.S. Rust Belt: From Democratic Dominance to Republican Advantage, 1990s–2020s

Evgeny V. Zhurbey
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, zhurbey.ev@dvfu.ru
Konstantin S. Petukhov
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, petuhov.ks@dvfu.ru

Abstract. This article examines the electoral transformation of the U.S. Rust Belt—a traditionally industrial region that for decades constituted a core component of the Democratic Party's electoral coalition—over the period from the 1990s to the 2020s. The aim of the study is to identify the causes, dynamics, and mechanisms underlying the shift from stable Democratic dominance to the emergence of a Republican advantage in key states of the region (Pennsylvania, Michigan, Ohio, and Wisconsin). The methodological framework combines an analysis of electoral data from presidential, midterm, and state-level elections with comparative regional analysis, interpreted through the lenses of party realignment theory, the concept of cultural backlash, and economic voting theory. The findings demonstrate that the electoral shift in the Rust Belt is asymmetric and incomplete. Deindustrialization and related socioeconomic changes created the structural foundation for rising political discontent; however, the conversion of this discontent into durable partisan preferences was mediated by cultural-identitarian and institutional factors, including the decline of labor unions and transformations in party strategies. The article's scholarly contribution lies in conceptualizing the electoral transformation of the Rust Belt not as a completed party realignment, but as a dynamic process of coalition restructuring driven by the interaction of economic shocks, cultural conflict, and institutional change.

Key words: Rust Belt; electoral transformation; electoral behavior; party competition; deindustrialization; cultural backlash; regional polarization; United States of America

For citation: Zhurbey E. V., Petukhov K. S. The Electoral Transformation of the U.S. Rust Belt: From Democratic Dominance to Republican Advantage, 1990s–2020s // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 100–111. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/100-111>

Введение

В конце XX – начале XXI вв. "Ржавый пояс" Соединённых Штатов Америки – традиционно индустриальный макрорегион, включающий Пенсильванию, Огайо, Мичиган и Висконсин, – стал ареной существенных поли-

тико-электоральных изменений. На протяжении десятилетий данные штаты рассматривались как ключевая часть демократической коалиции, опиравшейся на профсоюзное движение, промышленный рабочий класс и городские слои среднего достатка. Демократическое доминирование в регионе было тесно связано с наследием политики "Нового курса", ориентацией на социальную защиту, государственные инвестиции и перераспределительные механизмы.

Однако начиная с 2000-х гг., а особенно в 2010–2020-е гг., электоральная динамика в "Ржавом поясе" приобрела принципиально иной характер. Регион превратился в зону острой партийной конкуренции с заметным усилением позиций Республиканской партии, что наиболее ярко проявилось в результатах президентских выборов 2016 и 2024 гг., а также в ряде выборов на уровне штатов. Эти изменения свидетельствуют о трансформации прежней социальной базы партий и об ослаблении традиционных форм политической лояльности, ранее обеспечивавших устойчивое демократическое преимущество.

Актуальность настоящего исследования обусловлена кризисом традиционной модели демократического доминирования в индустриальных штатах США и необходимостью объяснения механизмов этого кризиса. Процессы деиндустриализации, сопровождавшиеся сокращением рабочих мест в металлургии, автомобилестроении и добывающих отраслях, привели к эрозии социально-экономических оснований профсоюзной политики. Ослабление профсоюзного движения, рост нестабильной занятости и территориальная поляризация усилили чувство экономической уязвимости среди значительной части населения региона.

Одновременно с этим в "Ржавом поясе" происходили глубокие культурные и идентичностные сдвиги. Рост обеспокоенности миграционной политикой, последствиями глобализации и трансформацией традиционных ценностей способствовал формированию новых линий политического размежевания. В этих условиях электоральное поведение всё в меньшей степени определялось исключительно классовой принадлежностью и всё в большей – культурными и символическими факторами, что создало благоприятную среду для пересборки партийных коалиций.

На рубеже веков в американской политике обозначился процесс перераспределения электоральных коалиций, в рамках которого Республиканская партия начала целенаправленно апеллировать к социальным группам, ранее воспринимавшимся как традиционная опора демократов. Белые рабочие, жители малых городов и сельских районов, а также представители старших возрастных когорт стали объектом новой политической мобилизации, основанной на риторике экономического национализма, защиты традиционных ценностей и критике глобальных торговых режимов.

Важно подчеркнуть, что данный сдвиг не может быть сведен к простому "переходу" электората от одной партии к другой. Речь идёт о более сложном процессе, включающем как селективную мобилизацию консервативных групп, так и демобилизацию части прежнего демократического электората. В результате партийная конкуренция в "Ржавом поясе" всё чаще строится вокруг вопросов идентичности, культурных различий и доверия к политическому истеблишменту, а не исключительно вокруг экономических программ.

Ключевая *проблема* настоящего исследования заключается в объяснении причин и механизмов электоральной трансформации индустриальных штатов США – от устойчивого демократического доминирования конца XX в. к асимметричной и фрагментированной перестройке партийных предпочтений в 2010–2020-е гг. Вопрос о том, каким образом и по каким причинам традиционно демократические территории "Ржавого пояса" превратились в один из центров электорального усиления Республиканской партии, выходит за рамки анализа отдельных электоральных циклов и требует комплексного социально-экономического и культурно-политического рассмотрения.

Цель исследования – выявить причины, динамику и последствия партийной переориентации избирателей индустриальных штатов США в 1990–2020-х гг., а также определить роль социально-экономических и культурных факторов в процессе утраты демократами устойчивого электорального преимущества. Для достижения поставленной цели в работе предполагается решение следующих *задач*: проанализировать исторические основания де-

мократического доминирования в индустриальных штатах США и его социальную структуру; исследовать влияние деиндустриализации, глобализации и технологических сдвигов на экономику и социальный состав региона; охарактеризовать эволюцию электоральных стратегий Демократической и Республиканской партий в отношении избирателей "Ржавого пояса"; выявить роль культурных и идентичностных факторов, включая кризис доверия к демократическому истеблишменту, в изменении партийных предпочтений.

Объект исследования – электоральное поведение населения индустриальных штатов США (Пенсильвания, Огайо, Мичиган, Висконсин) в период с 1990-х по 2020-е гг. *Предмет исследования* – динамика партийных предпочтений и механизмы влияния социально-экономических и культурно-идентичностных факторов на электоральную трансформацию "Ржавого пояса".

Гипотеза исследования заключается в том, что электоральный сдвиг в "Ржавом поясе" обусловлен не только экономическими последствиями деиндустриализации, но и углублением культурно-идентификационного раскола американского общества. Сочетание экономической неуверенности, роста недоверия к федеральным элитам и ощущения маргинализации традиционных сообществ способствовало тому, что Республиканская партия сумела мобилизовать часть электората региона, предложив символическую и идеологическую альтернативу постиндустриальному либеральному мейнстриму.

Обзор литературы

Анализ электоральной трансформации "Ржавого пояса" США опирается на классические подходы к изучению долговременных изменений партийной системы, прежде всего на теорию партийного переустройства (party realignment). В рамках данного подхода устойчивые сдвиги электоральных коалиций интерпретируются как результат структурных социально-экономических изменений, сопровождающихся переопределением ключевых линий политического конфликта и формированием новых партийных идентичностей. Концепция realignment, разработанная в трудах В. Д. Бёрнхэма, рассматривает американскую партийную систему как подверженную периодическим структурным сдвигам, связанным с изменением социальной базы партий и их идеологической повестки [7].

В то же время современная литература подчёркивает ограниченность классического понимания realignment применительно к политике США конца XX – начала XXI вв. Ряд исследователей указывает на сочетание элементов частичного переустройства, dealignment (ослабления партийной идентичности) и роста электоральной волатильности. В этом контексте "Ржавый пояс" всё чаще рассматривается не как пример завершённого партийного переустройства, а как зона асимметричной и фрагментированной трансформации электоральных коалиций, где структурные изменения не приводят к формированию новой стабильной партийной доминанты.

Значительный массив исследований объясняет электоральный сдвиг в индустриальных штатах через призму экономических факторов, прежде всего деиндустриализации и воздействия глобальной торговли на локальные рынки труда. В этих работах подчёркивается, что утрата рабочих мест в обрабатывающей промышленности, стагнация доходов и рост регионального неравенства подрывали социально-экономические основания демократической коалиции, исторически связанной с рабочим классом и профсоюзам.

Особое место в этой исследовательской традиции занимают работы, анализирующие последствия торговой конкуренции с импортом, прежде всего из Китая. В статье Д. Аутора, Д. Дорна, Г. Хэнсона и К. Майлеси показано, что округа с высокой степенью торговой экспозиции демонстрировали рост политической поляризации и усиление поддержки Республиканской партии задолго до президентских выборов 2016 г. [1]. Эти результаты позволяют рассматривать экономические шоки как важный, но не автономный фактор электоральных изменений. Вместе с тем экономические интерпретации подвергаются критике за склонность к структурному детерминизму, поскольку экономическое неблагополучие само по себе не определяет партийный выбор без участия политических и символических посредников.

Для анализа политических изменений в "Ржавом поясе" существенное значение имеют исследования, посвящённые упадку профсоюзного движения

и его политическим последствиям. Профсоюзы на протяжении десятилетий выполняли не только функцию защиты экономических интересов работников, но и играли ключевую роль в политической мобилизации, социализации партийной лояльности и поддержании устойчивого электорального преимущества Демократической партии на местном уровне.

Сокращение профсоюзного членства, подробно проанализированное Дж. Розенфелдом, привело к ослаблению организационной инфраструктуры демократов и росту индивидуализации электорального поведения [14]. В условиях "Ржавого пояса" это означало утрату механизмов коллективной политической артикуляции, что повысило восприимчивость избирателей к альтернативным идеологическим и идентичностным нарративам. Таким образом, институциональная эрозия профсоюзов выступает важным связующим звеном между экономическими изменениями и трансформацией партийных предпочтений.

Наряду с экономическими и институциональными интерпретациями в литературе сформировалась влиятельная линия исследований, связывающая рост поддержки Республиканской партии с культурно-идентичностными факторами. В рамках концепции "культурного бэкбэша" П. Норрис и Р. Инглихарт утверждают, что ускоренные процессы культурной либерализации, рост мультикультурализма и изменение ценностных ориентиров вызвали реакцию со стороны социально-консервативных групп, воспринимающих данные изменения как угрозу своему статусу и культурной идентичности [11].

Эмпирические исследования президентских выборов 2016 г. также указывают на значимость факторов статусной тревожности и символической маргинализации. Так, Д. Мутц показывает, что поддержка Д. Трампа в большей степени коррелировала с ощущением угрозы социальному статусу, нежели с прямыми показателями экономического неблагополучия [10]. Вместе с тем данный подход подвергается критике за недостаточное внимание к структурным условиям, формирующим восприимчивость к идентичностной мобилизации, что требует его сочетания с экономическими и институциональными объяснениями.

В последние годы всё большее внимание уделяется пространственному измерению электоральной трансформации. Исследования показывают, что политическое поведение в США всё в большей степени определяется территориальным положением – принадлежностью к крупным городским агломерациям или периферийным регионам. Для "Ржавого пояса" это означает углубление разрыва между городскими центрами и малыми городами, а также сельскими районами.

Качественные исследования, посвящённые феномену "провинциального сознания", демонстрируют, каким образом ощущение несправедливого распределения ресурсов и внимания со стороны федеральных элит трансформируется в устойчивые антиэлитные и антилиберальные установки. Работа К. Крамер, посвящённая политике *ressentiment* в Висконсине, иллюстрирует, как территориальные нарративы становятся самостоятельным фактором электоральной мобилизации и дополняют экономические и культурные объяснения политического сдвига [9].

Современные синтетические исследования стремятся объединить экономические, культурные и институциональные объяснения электоральных изменений, уделяя внимание не только переключению голосов между партиями, но и асимметрии электоральной мобилизации. В частности, подчёркивается, что решающим фактором трансформации электоральной карты "Ржавого пояса" становится сочетание ограниченного числа "переключившихся" избирателей с демобилизацией части традиционного демократического электората [15].

Таким образом, анализ литературы показывает, что электоральная трансформация индустриальных штатов США не может быть объяснена в рамках единственной теоретической модели. Это создаёт исследовательскую нишу для комплексного подхода, рассматривающего "Ржавый пояс" как пространство асимметричной и незавершённой перестройки партийных коалиций, обусловленной взаимодействием экономических, институциональных, культурных и территориальных факторов.

Теоретические основания исследования

Теоретической основой исследования является теория партийного переустройства (party realignment), разработанная в трудах В. Д. Бёрнхэма, позволяющая анализировать долгосрочные структурные изменения в партийной системе США и формирование новых электоральных коалиций. В рамках данной теории трансформация "Ржавого пояса" интерпретируется как незавершённый и асимметричный процесс перестройки партийных предпочтений, а не как завершённый realignment в классическом понимании.

В качестве дополняющих объяснительных рамок используются концепция "культурного бэкклэша" П. Норрис и Р. Инглхарта, позволяющая интерпретировать рост консервативной мобилизации как реакцию на ускоренные культурные изменения, а также теория экономического голосования, акцентирующая связь между материальным положением избирателей и их политическим выбором. Совокупное применение данных подходов обеспечивает комплексное понимание электоральной трансформации "Ржавого пояса" как результата взаимодействия экономических, институциональных и культурно-идентичностных факторов.

Методология и методы исследования

Исследование основано на сочетании количественных и качественных методов анализа. Эмпирическую базу составляют официальные данные о результатах президентских и промежуточных выборов в США в 1992–2024 гг., а также материалы опросов общественного мнения. Для выявления региональной специфики используется сравнительный анализ электоральной динамики "Ржавого пояса" и других макрорегионов США. Дополнительно применяется контент-анализ политической риторики и партийных платформ, направленных на избирателей индустриальных штатов.

Результаты исследования

Анализ электоральных данных по штатам Пенсильвания, Мичиган, Висконсин и Огайо в 2010-е гг. фиксирует начало устойчивых изменений в структуре голосования. В этот период наблюдается снижение электоральной поддержки Демократической партии в ряде округов с высокой долей промышленной занятости и одновременный рост поддержки Республиканской партии среди белых избирателей без высшего образования.

Согласно данным exit polls президентских выборов 2016 г., Дональд Трамп получил более 50 % голосов среди белых избирателей без высшего образования – социальной группы, традиционно игравшей значимую роль в электоральной коалиции демократов (CNN Exit Polls, 2016) [8]. На уровне штатов это сопровождалось победами Республиканской партии в Мичигане, Висконсине и Пенсильвании – впервые с конца 1980-х гг.

Эти результаты указывают на перераспределение голосов в индустриальных округах, ранее стабильно голосовавших за демократов, а также на рост электоральной активности в сегментах населения, ранее характеризовавшихся более низкой явкой.

Сравнительный анализ президентских выборов 2016 г. и 2020 г. показывает, что электоральные изменения в "Ржавом поясе" носили неоднородный характер. В 2016 г. Дональд Трамп одержал победу в Мичигане (+0,23 %), Висконсине (+0,7 %) и Пенсильвании (+1 %), что обеспечило Республиканской партии перевес в ключевых индустриальных штатах [16].

На выборах 2020 г. Джо Байден вернул поддержку демократов в этих штатах, однако разрывы оставались относительно узкими: Мичиган (+2,8 %), Пенсильвания (+1,2 %), Висконсин (+0,6 %) [17]. Эти данные свидетельствуют о сохранении высокой конкурентности и отсутствии восстановления устойчивого демократического доминирования.

Дополнительный анализ exit polls и официальных результатов указывает на контрмобилизацию городского и пригородного электората в 2020 г., в то время как поддержка республиканцев в сельских и малых промышленных округах оставалась высокой. Результаты промежуточных выборов 2022 г. и президентских выборов 2024 г. позволяют зафиксировать дальнейшее развитие выявленных тенденций. На выборах 2022 г. Республиканская партия укрепила позиции в сельских и периферийных округах "Ржавого пояса", не

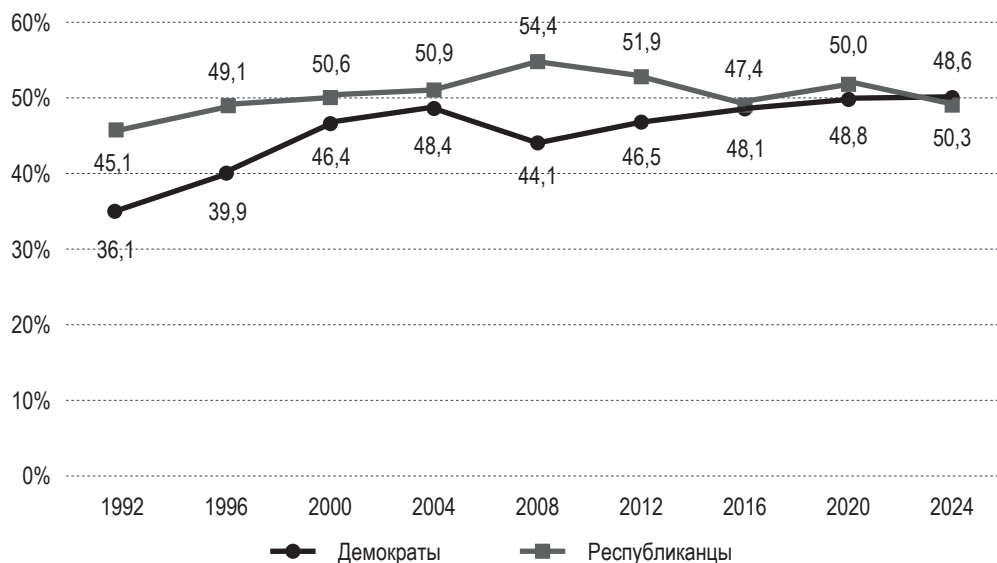

Рис. 1. Динамика голосования на президентских выборах в штате Пенсильвания (1992–2024 гг.)

Источник: составлено авторами на основе официальных результатов президентских выборов США в Пенсильвании [16–24].

Fig. 1. Voting Trends in Presidential Elections in Pennsylvania (1992–2024)

Source: compiled by the authors based on official U.S. presidential election results in these Pennsylvania [16–24].

смотря на сохранение поддержки демократов в крупных городских центрах (Детройт, Питтсбург, Милуоки, Филадельфия). По предварительным итогам президентских выборов 2024 г. Дональд Трамп вновь одержал победу в ключевых штатах региона: Мичиган – 49,73 % против 48,31 % (+1,42 %); Висконсин – 49,60 % против 48,74 % (+0,86 %); Пенсильвания – 50,37 % против 48,66 % (+1,71 %) [18]. Эти результаты указывают на сохранение высокой электоральной поляризации и минимальных разрывов между кандидатами, а также на устойчивость республиканской поддержки в значительной части индустриальных и периферийных округов региона.

В целом динамика электоральной поддержки двух ведущих партий США в штате Пенсильвания в период с 1992 по 2024 гг. отражает постепенную трансформацию партийной конкуренции и усиление политической поляризации. Как показано на рис. 1, доли голосов, поданных за кандидатов Демократической партии и Республиканской партии, демонстрируют тенденцию к долгосрочному сближению.

Если в 1990-е гг. наблюдались относительно более выраженные различия в уровне поддержки партий, то в последующие десятилетия электоральные показатели постепенно выравнивались, что привело к формированию устойчивой конкурентной модели. Пенсильвания, традиционно характеризующаяся развитым промышленным сектором и социально разнородной структурой электората, стала одним из ключевых "колеблющихся" штатов. Высокая значимость штата в президентских выборах определяется и его весом в коллегии выборщиков (19 голосов в 2024 г.), что усиливает стратегическое внимание партий к данному штату.

Также можно увидеть, что динамика электоральной поддержки двух ведущих партий США в Огайо в период с 1992 по 2024 гг. также отражает существенные изменения в характере партийной конкуренции. Как показано на рис. 2, доли голосов, поданных за кандидатов от демократов и республиканцев, на начальном этапе рассматриваемого периода демонстрировали тенденцию к сближению. Однако в дальнейшем наметилась устойчивая тенденция к укреплению позиций республиканцев. Постепенное увеличение разрыва в

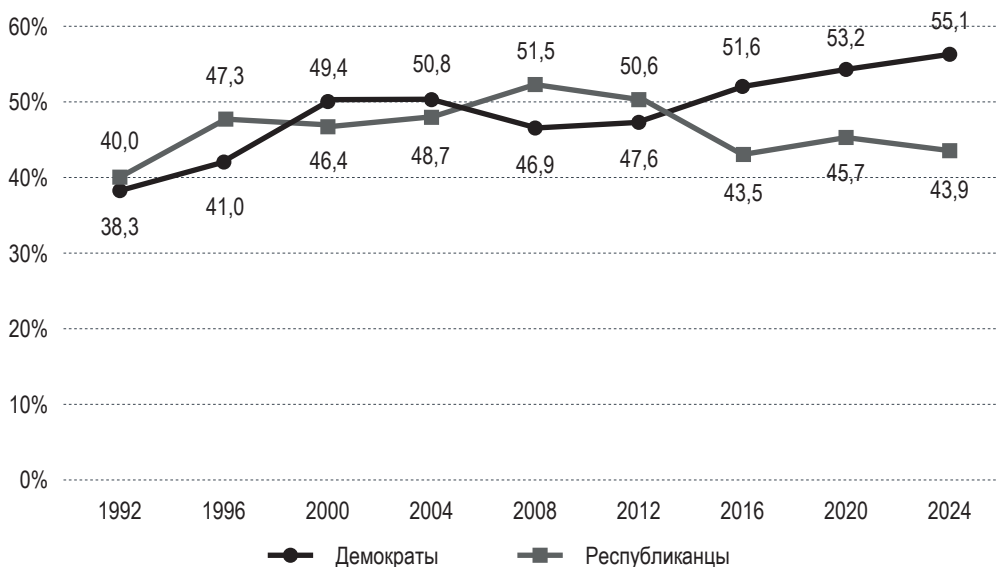

Рис. 2. Динамика голосования на президентских выборах в штате Огайо (1992–2024 гг.)

Источник: составлено авторами на основе официальных результатов президентских выборов США в Огайо [16–24].

Fig. 2. Voting Trends in Ohio Presidential Elections (1992–2024)

Source: compiled by the authors based on official U.S. presidential election results in Ohio [16–24].

их пользу свидетельствует о трансформации электоральных предпочтений и изменении партийного баланса в регионе.

Тем не менее важно обозначить, что разрыв между результатами кандидатов президентских выборов 2016–2024 гг. в штатах Мичиган, Висконсин и Пенсильвания оставался минимальным, что свидетельствует о высокой степени конкурентности и нестабильности электорального баланса в данных регионах (см. табл. 1).

Анализ выборов в Сенат США и органы власти штатов подтверждает неоднородность электоральной динамики в "Ржавом поясе". В Пенсильвании сенатор-республиканец Пэт Туми занимал пост до 2022 г., неоднократно побеждая в конкурентных гонках, включая выборы 2016 г. [5].

А в 2022 г. умеренный демократ Джон Феттерман одержал победу над республиканцем Мехметом Озом (примерно 51% против 46%), что стало одним из немногих случаев успеха демократов в жёстко конкурентном штате. [13].

На выборах 2024 г. республиканец Дэйв МакКормик одержал узкую победу над действующим сенатором-демократом Бобом Кейси (около 48,8 % против 48,6 %) [6], а в Огайо Берни Морено выиграл сенатскую гонку у Шеррода Брауна, укрепив позиции Республиканской партии (50,1% против 46%) [4]. В Висконсине республиканец Рон Джонсон сохранял сенатский мандат в 2010, 2016 и 2022 гг., тогда как демократ Тэмми Болдуин смогла переизбраться в 2024 г. с минимальным перевесом [18].

На уровне Палаты представителей и законодательных собраний штатов также фиксируется устойчивое разделение: в Мичигане по итогам выборов 2024 г. республиканцы получили 7 мест, демократы – 6. В том же 2024 г. от Пенсильвании республиканцы взяли 10 мест, демократы – 7 [18]. На этом фоне нельзя не упомянуть такого политика, как Брайан Фицпатрик. Он известен как один из умеренных республиканцев, регулярно переизбиравшихся в Палату представителей из пригородов Филадельфии. В праймериз он побеждал GOP-кандидатов-популистов и выиграл место в Палате представителей, даже когда его округ поддерживал демократов на президентских выборах [3] (в 2024 г. он выиграл выборы с результатом 54,8%) [12]. Это пример республиканца, который выигрывал праймериз и выборы в условиях растущей поляризации.

Табл. 1. Результаты президентских выборов в штатах "Ржавого пояса" США (2016–2024 гг.)
Table 1. Presidential Election Results in the U.S. Rust Belt States (2016–2024)

Штат	2016 г. (победитель, разрыв в %)	2020 г. (победитель, разрыв в %)	2024 г. (победитель, разрыв в %)
Мичиган	Республиканцы (+0,2)	Демократы (+2,8)	Республиканцы (+1,4)
Висконсин	Республиканцы (+0,7)	Демократы (+0,6)	Республиканцы (+0,9)
Пенсильвания	Республиканцы (+0,7)	Демократы (+1,2)	Республиканцы (+1,7)

Примечание: разрыв рассчитывается как разница между двумя ведущими кандидатами.

Note: The margin is calculated as the difference between the two leading candidates.

Источник: составлено авторами на основе официальных результатов президентских выборов США в данных штатах [16; 17; 18].

Source: compiled by the authors based on official U.S. presidential election results in these states [16; 17; 18].

На уровне губернаторов наблюдается аналогичная картина: демократы удерживают позиции в отдельных штатах (например, Джош Шапиро в Пенсильвании в 2022 г. с результатом 56,4%) [13], тогда как республиканцы демонстрируют уверенные победы в других (Майк ДеВайн в Огайо в 2022 г. с результатом около 62,4 %) [2].

Можно также попробовать проследить связь на уровне городов. Например, избрание Кори О'Коннора на демократических праймериз на пост мэра Питтсбурга в 2025 г., главного города Пенсильвании. Многие воспринимают как символическую и вполне реальную победу умеренных или по крайней мере, прагматичных демократов над более идеологизированным "прогрессивно-воукистским" крылом партии.

Прежде всего, кампания О'Коннора строилась вокруг приземлённых управленческих тем: общественной безопасности, состояния городских финансов, экономического развития, инфраструктуры и качества муниципальных услуг. Он сознательно делал ставку не на громкие лозунги о системных трансформациях или культурных войнах, а на обещание "нормального управления городом" – с акцентом на эффективность, сотрудничество с бизнесом и реальное улучшение повседневной жизни жителей.

На этом фоне его победа над действующим мэром Эдом Гейни, которого ассоциировали с крайне левым крылом демократов, выглядит как явный сигнал со стороны избирателей. Значительная часть электората дала понять, что устала от идеологического активизма и хочет видеть у руля "менеджера", а не "активиста" – человека, сосредоточенного на практических результатах.

Конечно, было бы упрощением сводить всё только к идеологическому конфликту. Для многих избирателей решающим фактором стало разочарование конкретным качеством управления при прежней администрации. Но именно то, что альтернативой оказался кандидат с умеренной, "технократической" повесткой, может сделать этот результат показательным.

Сравнительный анализ электоральных данных по типам территорий выявляет устойчивую пространственную поляризацию. Крупные города "Ржавого пояса" сохраняют стабильную поддержку Демократической партии, что коррелирует с высокой долей этнических меньшинств и более высоким уровнем образования. Пригородные зоны демонстрируют электоральную вариативность и остаются ключевыми "колеблющимися" территориями.

Сельские и периферийные округа характеризуются устойчивым ростом поддержки Республиканской партии. В совокупности это указывает на формирование неоднородного электорального пространства, в котором результаты выборов определяются не только партийной принадлежностью, но и территориальной структурой региона.

Результаты исследования свидетельствуют о глубокой трансформации электорального ландшафта "Ржавого пояса" США в 2010–2020-е гг. Если ранее этот регион воспринимался как относительно цельное политическое пространство, с устойчивой ориентацией на Демократическую партию (часть Blue Wall), то в последнее десятилетие он всё отчетливее демонстрирует признаки фрагментации и внутренней неоднородности. Анализ президентских, промежуточных и региональных выборов показывает, что здесь заметно возросла конкурентность: разрыв между основными партиями во многих штатах и округах сократился, а исход кампаний всё чаще определяется узким кругом "колеблющихся" территорий и групп избирателей.

Одновременно усилилась территориальная поляризация. Крупные агломерации в целом сохраняют устойчивое доминирование Демократической партии, опирающиеся на более молодое, этнически разнообразное и образованное население, а также на занятость в сфере услуг, образования и высоких технологий. Эти городские ядра становятся "островами" демократической поддержки, контрастирующими с окружающими их территориями.

В то же время индустриальные, малые городские и периферийные округа демонстрируют стабильную или даже усиливающуюся ориентацию на Республиканскую партию. Здесь электоральные предпочтения во многом формируются под влиянием деиндустриализации, сокращения рабочих мест в традиционных отраслях, стагнации доходов и чувства социально-экономической маргинализации. Республиканская риторика, апеллирующая к защите "традиционной" экономики, национального производства и культурной идентичности, находит в этих сообществах особенно благодатную почву.

В совокупности эти процессы указывают на утрату "Ржавым поясом" статуса электорально однородного региона. Регион всё больше напоминает арену противостояния между урбанизированными центрами и пригородными сообществами и перифериями. Это не только повышает общую непредсказуемость выборов, но и делает "Ржавый пояс" ключевой зоной стратегической борьбы партий, где локальные социально-экономические различия напрямую конвертируются в устойчивые электоральные разломы.

Обсуждение результатов

Полученные результаты свидетельствуют о том, что электоральные изменения в "Ржавом поясе" в 2010–2020-е гг. не могут быть интерпретированы как краткосрочная электоральная аномалия, связанная исключительно с отдельными кампаниями или персоналиями кандидатов. Напротив, совокупность данных президентских, промежуточных и региональных выборов указывает на более глубокий и многоэтапный процесс перестройки электоральных коалиций, соответствующий логике теории партийного переустройства, предложенной В. Д. Бёрнхэмом [7].

В то же время результаты исследования не подтверждают наличие завершённого *realignment* в классическом понимании. Узкие разрывы на президентских выборах 2020 и 2024 гг., а также сохранение демократического доминирования в крупных городских центрах региона указывают на асимметричный и фрагментированный характер трансформации. Это позволяет интерпретировать "Ржавый пояс" как пространство незавершённого партийного переустройства, в котором элементы реориентации сосуществуют с сохраняющейся электоральной конкуренцией и территориальной поляризацией.

Результаты подтверждают значимость экономических факторов – прежде всего деиндустриализации и снижения промышленной занятости – как фона электоральной трансформации. Перераспределение голосов в индустриальных и периферийных округах, зафиксированное на выборах 2016–2024 гг., согласуется с выводами эмпирических исследований о влиянии торговых и производственных шоков на политическое поведение избирателей [1].

Однако сами по себе экономические изменения не позволяют полностью объяснить зафиксированные электоральные сдвиги. Как показывают данные *exit polls* (CNN Exit Polls, 2016) [8], поддержка Республиканской партии среди белых избирателей без высшего образования не является прямым отражением экономического неблагополучия, а требует дополнительной интерпретации через культурные и идентичностные рамки. Это согласуется с критикой

экономического детерминизма в исследованиях электорального поведения и подчёркивает необходимость комплексного подхода.

Интерпретация результатов в рамках концепции "культурного бэкбэша" П. Норрис и Р. Инглхарта позволяет объяснить, каким образом экономическая уязвимость трансформировалась в устойчивые политические предпочтения [11]. Зафиксированная в "Ржавом поясе" мобилизация белых избирателей без высшего образования, а также рост поддержки республиканцев в сельских и малых промышленных округах указывают на значимость факторов статусной тревожности, культурного отчуждения и недоверия к политическим элитам.

Данные исследования подтверждают выводы Д. Мутц о том, что культурные и статусные угрозы могут играть более значимую роль в электоральном выборе, чем непосредственные показатели экономического неблагополучия [10]. При этом результаты позволяют уточнить данный тезис: культурная мобилизация оказывается наиболее эффективной в условиях уже существующей экономической нестабильности и институциональной эрозии, что делает культурный фактор не автономным, а встроенным в более широкий социально-экономический контекст.

Одним из ключевых результатов исследования является выявление институционального измерения электоральной трансформации. Ослабление профсоюзного движения и утрата организационной инфраструктуры Демократической партии в индустриальных округах создали условия для индивидуализации политического выбора и повышения восприимчивости к альтернативным политическим посланиям, что соответствует выводам Дж. Розенфелда [14].

На этом фоне Республиканская партия сумела адаптировать свои электоральные стратегии к специфике "Ржавого пояса", сочетая экономическую риторику с апелляциями к идентичности и антиэлитным настроениям. В то же время успех демократов в отдельных избирательных циклах (2020 г., отдельные сенатские и губернаторские кампании) демонстрирует, что институциональный разрыв не является необратимым и может быть частично компенсирован за счёт контрмобилизации и адаптации партийной риторики.

Результаты исследования подтверждают формирование устойчивой модели пространственной поляризации по линии "город – пригород – периферия". Крупные городские центры "Ржавого пояса" сохраняют демократическую ориентацию, тогда как сельские и периферийные округа демонстрируют устойчивую и растущую поддержку Республиканской партии. Пригородные территории остаются наиболее электорально вариативными и играют ключевую роль в формировании итоговых результатов выборов.

Сравнение "Ржавого пояса" с динамикой в "Солнечном поясе" подчёркивает различие траекторий адаптации регионов к глобализации и технологическим изменениям. В отличие от Sun Belt, где экономический рост и миграция смягчали социальные последствия структурных сдвигов, "Ржавый пояс" столкнулся с более жёсткой формой экономической адаптации, что усилило политическую поляризацию и протестную мобилизацию.

Сравнение "Ржавого пояса" с европейскими постиндустриальными регионами, включая кейсы Brexit в Великобритании и север Франции, позволяет выявить общие механизмы политической трансформации. В обоих случаях экономическая депривация, культурное отчуждение и институциональное недоверие формируют благоприятную среду для поддержки политических сил, апеллирующих к национальной идентичности и антиэлитной риторике [11; 9].

Вместе с тем прямые аналогии между США и европейскими странами ограничены различиями в партийных системах и институциональных контурах. Если в США электоральные сдвиги реализуются преимущественно через перераспределение поддержки между двумя крупными партиями, то в Европе они часто приводят к росту новых или маргинальных политических сил. Это различие подчёркивает контекстуальный характер электоральной трансформации и необходимость аккуратного сравнительного анализа.

В совокупности результаты и их обсуждение подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что электоральная трансформация "Ржавого пояса" обусловлена взаимодействием экономических, культурно-идентичностных и институциональных факторов. Экономические изменения создают основу для

социальной уязвимости, культурные механизмы придают ей политическую форму, а институциональные сдвиги определяют устойчивость новых электоральных конфигураций.

Таким образом, трансформация "Ржавого пояса" представляет собой не завершённый партийный переход, а динамичный и контекстуально обусловленный процесс, результаты которого зависят от сочетания структурных условий и политических стратегий.

Заключение

Электоральная трансформация "Ржавого пояса" США представляет собой многомерный и поэтапный процесс, в основе которого лежит взаимодействие экономических, культурно-идентичностных и институциональных факторов. Результаты исследования показывают, что деиндустриализация и связанные с ней структурные изменения сформировали социально-экономическую базу для роста недовольства, однако превращение этого недовольства в устойчивые электоральные сдвиги стало возможным лишь при наличии культурных и политико-институциональных механизмов его артикуляции.

Ключевой механизм переориентации электората "Ржавого пояса" заключается в синергии экономической уязвимости и культурной интерпретации социальных изменений. Экономическое давление усиливало восприимчивость части избирателей к политическим посланиям, апеллирующим к вопросам идентичности, статусной тревожности и недоверия к элитам, в то время как ослабление традиционных институтов политической мобилизации, прежде всего профсоюзов, снижало устойчивость демократической электоральной коалиции.

Полученные данные свидетельствуют о том, что зафиксированный электоральный сдвиг не может быть охарактеризован как завершённое партийное переустройство в классическом понимании. Напротив, "Ржавый пояс" формирует новую, асимметричную конфигурацию партийной конкуренции, сочетающую устойчивую республиканскую поддержку в периферийных и индустриальных округах с сохранением демократического доминирования в крупных городских центрах и высокой конкурентностью на уровне "колеблющихся" территорий.

Научный вклад исследования заключается в интерпретации электоральной трансформации "Ржавого пояса" не как одномоментного политического перелома, а как динамичного процесса перестройки партийных коалиций, обусловленного взаимодействием экономических шоков, культурно-идентичностных конфликтов и институциональных изменений. Такой подход позволяет преодолеть односторонние объяснения, основанные исключительно на экономических или культурных факторах, и расширяет аналитические возможности теории партийного переустройства применительно к постиндустриальным регионам.

В более широком контексте выявленные тенденции отражают углубление региональной поляризации американской политики и трансформацию механизмов политической репрезентации в условиях постиндустриальной экономики. Понимание этих процессов имеет значение не только для анализа политической динамики США, но и для сравнительных исследований электоральных трансформаций в других развитых демократиях, сталкивающихся с аналогичными вызовами социально-экономической и культурной перестройки.

Литература / References

1. Autor D., Dorn D., Hanson G., Majlesi K. Importing Political Polarization? The Electoral Consequences of Rising Trade Exposure. *American Economic Review*. 2020. Vol. 110. No. 10. P. 3139–3183.
2. Ballotpedia. Ohio gubernatorial and lieutenant gubernatorial election, 2022 // Encyclopedia of American Politics. URL: https://ballotpedia.org/Ohio_gubernatorial_and_lieutenant_gubernatorial_election_2022 (accessed 14.02.2026).
3. Ballotpedia. Pennsylvania's 1st Congressional District // Encyclopedia of American Politics. URL: https://ballotpedia.org/Pennsylvania%27s_1st_Congressional_District (accessed 14.02.2026).
4. Ballotpedia. United States Senate election in Ohio, 2024 // Encyclopedia of American Politics. URL: https://ballotpedia.org/United_States_Senate_election_in_Ohio_2024 (accessed 14.02.2026).

5. Ballotpedia. United States Senate election in Pennsylvania, 2016 // Encyclopedia of American Politics. URL: https://ballotpedia.org/United_States_Senate_election_in_Pennsylvania,_2016 (accessed 14.02.2026).
6. Ballotpedia. United States Senate election in Pennsylvania, 2024 // Encyclopedia of American Politics. URL: https://ballotpedia.org/United_States_Senate_election_in_Pennsylvania,_2024 (accessed 14.02.2026).
7. Burnham W. D. Critical Elections and the Mainsprings of American Politics. New York: W. W. Norton, 1970. 320 p.
8. CNN. Election 2016: Exit polls. 2016. URL: <https://edition.cnn.com/election/2016/results/exit-polls> (accessed 14.02.2026).
9. Cramer K. J. The Politics of Resentment: Rural Consciousness in Wisconsin and the Rise of Scott Walker. Chicago: University of Chicago Press, 2016. 288 p.
10. Mutz D. C. Status Threat, Not Economic Hardship, Explains the 2016 Presidential Vote. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2018. Vol. 115. No. 19. P. E4330–E4339.
11. Norris P., Inglehart R. Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 540 p.
12. Pennsylvania Department of State. Official returns. Representative in Congress. URL: https://www.electionreturns.pa.gov/_ENR/General/OfficeResults?OfficeID=11&ElectionID=94&ElectionType=G&IsActive=0 (accessed 14.02.2026).
13. Pennsylvania Department of State. Official returns. United States Senator, Governor. URL: https://www.electionreturns.pa.gov/_ENR/General/SummaryResults?ElectionID=94&ElectionType=G&IsActive=0 (accessed 14.02.2026).
14. Rosenfeld J. What Unions No Longer Do. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014. 320 p.
15. Sides J., Tesler M., Vavreck L. Identity Crisis: The 2016 Presidential Campaign and the Battle for the Meaning of America. Princeton: Princeton University Press, 2018. 376 p.
16. USA.gov. Congressional and Presidential Election Results: 2016 Election Statistics. 2016. URL: <https://www.fec.gov/resources/cms-content/documents/federaelections2016.pdf> (accessed 14.02.2026).
17. USA.gov. Congressional and Presidential Election Results: 2020 Election Statistics. 2020. URL: <https://www.fec.gov/resources/cms-content/documents/federaelections2020.pdf> (accessed 14.02.2026).
18. USA.gov. Congressional and Presidential Election Results: 2024 Election Statistics. 2024. URL: https://clerk.house.gov/member_info/electionInfo/2024/statistics2024.pdf (accessed 14.02.2026).

Информация об авторах

Евгений Викторович Журбей, канд. ист. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Константин Сергеевич Петухов, студент Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: petuhov.ks@dvfu.ru

Information about the authors

Evgeny V. Zhurbey, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Konstantin S. Petukhov, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: petuhov.ks@dvfu.ru

Поступила в редакцию 12.03.2026

Одобрена после рецензирования 08.05.2026

Принята к публикации 27.05.2026

Received 12.03.2026

Approved 08.05.2026

Accepted 27.05.2026

Научная статья
УДК 316.77:004738.5 (571.1)
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/112-122>

Триггерные тематики сетевых групп и "реальных" форматов социально-политической коммуникации в сибирских регионах

Евгений Васильевич Головацкий
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, xomaik@rambler.ru
Анна Владимировна Орлова
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, anniov@bk.ru

Аннотация. Обращение социологов к проблематике триггерных тематик является относительно новым и недостаточно концептуализированным направлением фундаментальных и прикладных исследований. Региональная привязка сетевых социально-политических коммуникаций позволяет зафиксировать общие и уникальные форматы и способы организации и восприятия сетевыми пользователями определенных триггерных тематик. Цель статьи – рассмотреть социологические подходы к определению триггерных тематик реальных и сетевых социально-политических коммуникаций сибирских регионов. Задачами исследования являются описание социальных признаков триггерных тематик в сетевых сообществах, а также сравнение виртуальных и реальных социально-политических коммуникаций сибирских сообществ в триггерной повестке. В статье предлагается анализировать триггерные повестки с учётом акторной направленности в масштабах региональной социально-политической коммуникации. Сохраняя деструктивную направленность триггерных состояний, сетевое исследование позволяет рассмотреть свободу популяризации повесток, создания фейк-форматов, виртуальных объединений конструктивного и деструктивного значения. Триггерная повестка имеет не всегда очевидные результаты и последствия в зависимости от принимаемых во внимание субъектности, уровня значимости и конкретных коммуникативных практик, реализуемых (потенциальных) в результате подключения триггерных тематик.

Ключевые слова: *социально-политическая коммуникация, триггерные тематики (повестки), сетевые группы, регион, Сибирь*

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания № FZSR-2024-0017 "Акторы социально-политической мобилизации в сибирских регионах ресурсного типа: сетевой анализ и прогнозирование с использованием алгоритмов искусственного интеллекта" (руководитель – д. соц. наук, доцент Е. А. Кранзеева).

Для цитирования: Головацкий Е. В., Орлова А. В. Триггерные тематики сетевых групп и "реальных" форматов социально-политической коммуникации в сибирских регионах // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 2. С. 112–122. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/112-122>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/112-122>

Trigger topics of network groups and "real" formats of socio-political communication in Siberian regions

Evgeny V. Golovatsky
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, xomaik@rambler.ru
Anna V. Orlova
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, anniov@bk.ru

Abstract. The appeal of sociologists to the problems of trigger topics is a relatively new and insufficiently conceptualized area of fundamental and applied research. The regional alignment of network socio-political communications allows us to capture common and unique formats and ways of organizing and perceiving certain trigger topics by network users. The purpose of the article is to consider of sociological approaches to determining trigger topics of real and network socio-political communications in Siberian regions. The objectives of the study are to describe the social characteristics of trigger topics in online communities, as well as a comparison of virtual and real socio-political communications of Siberian communities in the trigger agenda. The article proposes to analyze trigger agendas, taking into account the actor orientation on the scale of regional socio-political communication. While maintaining the destructive orientation of trigger states, network research allows us to consider the freedom to popularize agendas, create fake formats, and virtual associations of constructive and destructive significance. The trigger agenda does not have strictly obvious results and consequences depending on the subject, taking into account the subjectivity, level of significance and specific communicative practices implemented (potential) as a result of the inclusion of trigger topics.

Key words: *socio-political communication, trigger topics (agendas), network groups, region, Siberia*

The article was prepared as part of the implementation of the state task No. FZSR-2024-0017 "Actors of socio-political mobilization in Siberian regions of resource type: network analysis and forecasting using artificial intelligence algorithms" (head, Doctor of Sociology, Associate Professor E. A. Kranzeeva).

For citation: Golovatsky E. V., Orlova A. V. Trigger topics of network groups and "real" formats of socio-political communication in Siberian regions // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 112–122. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/112-122>

Введение

Современные цифровые коммуникации характеризуются высокой скоростью распространения информации и практически непрерывным харак-

тером взаимодействия (24/7), что способствует формированию реактивных тематических контентов в сетевом пространстве. В условиях фактического коммуницирования "всех со всеми" социальные сети становятся важнейшими площадками концентрации социально-политических интересов как представителей власти, так и граждан – участников виртуального пространства. Сетевая коммуникация ускоряет процессы взаимодействия, а триггерные темы становятся значимым элементом виртуальных коммуникаций и реактивных отношений. Как отмечается в исследованиях, граждане в условиях реактивности получают возможность формировать параллельные сетевые и облачные коммуникации, создающие новые пространства взаимодействия с органами власти [6, с. 97].

По сравнению с коммуникацией конца XX в. современное взаимодействие характеризуется существенным ростом объёмов доступной информации и изменением механизмов её восприятия пользователями. Одни типы контента быстро усваиваются и распространяются в сетевой среде, тогда как официальная или служебная информация зачастую воспринимается значительно слабее.

В условиях региональной коммуникативной политики триггерность сетевых коммуникаций становится дополнительным фактором мобилизации общественного внимания. Триггерные темы формируются вокруг определённых маркеров – слов, символов, образов и событий, актуализируемых в сетевых сообществах и реальных практиках взаимодействия жителей сибирских регионов. При этом наличие обсуждаемой проблематики и коммуникативных маркеров не всегда приводит к превращению информационной повестки в полноценный триггерный дискурс.

Исследование рассматривает триггерные тематики в контексте социально-политической коммуникации участников реальных и сетевых взаимодействий на региональном уровне.

Цель статьи – рассмотреть социологические подходы определения триггерных тематик реальных и сетевых социально-политических коммуникаций сибирских регионов. Задачами исследования являются описание социальных признаков триггерных тематик в сетевых сообществах, а также сравнение виртуальных и реальных социально-политических коммуникаций сибирских сообществ в триггерной повестке.

Теоретическая рамка исследования

В социологическом прочтении современные сетевые коммуникации во многом продолжают логику концепции коллективного поведения Г. Лебона, согласно которой участники совместной коммуникации приобретают ощущение коллективной безнаказанности, а их действия нередко характеризуются эмоциональностью и упрощёнными моделями реагирования [7]. В условиях повторяющейся сетевой социальности общественные решения могут восприниматься пользователями как триггеры социального напряжения, конфликта и протестной мобилизации [18; 24].

Интернет-диалог между властью и гражданами представляет собой форму интересубъектной цифровой коммуникации между органами власти, гражданами и сетевыми сообществами. Такая коммуникация осуществляется в виртуальной публичной сфере и обеспечивает обратную связь между управляющей и управляемой подсистемами политической системы информационного общества [8, с. 219]. При этом субъективная вовлечённость участников сетевого взаимодействия усиливает влияние триггеров, способных провоцировать конфликтные реакции и переводить социальную проблематику в политическую плоскость.

Важной исследовательской задачей становится анализ структуры и плотности социальных связей в цифровых сообществах. Изучение внутренних взаимосвязей пользователей позволяет выявлять регионы с высоким потенциалом мобилизации социального недовольства и определять факторы возникновения конфликтных ситуаций [1, с. 17].

Исследователи выделяют два взаимосвязанных коммуникативных формата – официальный и сетевой дискурс. В цифровом взаимодействии формируются различные стратегии дискурсивного воздействия: провластные и оппозиционные модели коммуникации, стратегии вовлечения пользовате-

лей, нагнетания напряжённости, дискурсивной диффузии и информационно-го опережения [17, с. 23–24]. В рамках этих коммуникационных пространств граждане, представители власти и сетевые акторы реализуют собственные практики социально-политического взаимодействия.

Отечественные исследования показывают, что для большинства российских регионов характерно формирование устойчивого социального недовольства органами власти различного уровня. В этой связи особое значение приобретают темы-триггеры, способные усиливать конфликтный потенциал региональных сообществ [10, с. 105]. Современные исследования ориентированы на анализ динамически обновляемых информационных массивов, позволяющих выявлять триггерные тематики сетевой коммуникации [3].

С точки зрения концепции "подталкивания" Р. Талера и К. Санстейна, воздействие на поведение пользователей возможно посредством направленного информационного влияния [16]. В условиях цифровой среды триггерная повестка способна усиливать протестные настроения и трансформировать локальное недовольство в более масштабные формы политической мобилизации. Дополнительным фактором выступает рост объёмов манипулятивного контента и развитие технологий информационного воздействия, повышающих риски массовой дезориентации в сетевом пространстве [11, с. 42].

Понятие триггера в социологическом контексте одним из первых использовал Ч. Х. Кули [22]. В дальнейшем проблематика триггерности получила развитие в исследованиях межличностных, локальных и политических коммуникаций. Р. Парк рассматривал локальные сообщества как структуры выражения коллективных чувств и реакций [23], а Р. Вудс подчёркивал способность соседских сообществ продуцировать триггерные реакции [25]. В современной социологии триггер рассматривается как междисциплинарное явление, наиболее активно проявляющееся в политических и экономических дискурсах [4].

Особое внимание уделяется молодёжному сетевому участию, поскольку именно молодые пользователи обладают высоким мобилизационным потенциалом и одновременно подвержены как конструктивным, так и деструктивным формам цифровой коммуникации [12]. Несмотря на высокую актуальность исследований триггерной проблематики, сохраняется методологическая неопределённость подходов к её изучению, особенно в контексте региональной специфики социально-политических коммуникаций.

Российские исследования показывают, что реакция на триггер нередко определяет сам характер развития социального конфликта. Анализ механизмов формирования триггерных ситуаций позволяет выявлять логику региональных противоречий и прогнозировать сценарии дальнейшего развития социально-политических отношений [14, с. 213].

Методология и методы исследования

Анализ триггерных состояний в сетевой структуре предполагает использование кросс-дисциплинарных исследовательских подходов. В качестве основной методологической рамки применяется grounded theory, рассматриваемая как гибридная методология, основанная на сборе и интерпретации качественных эмпирических данных. Данный подход позволяет выявлять повторяющиеся маркеры, идеи и тематические элементы сетевой коммуникации с последующей их концептуализацией и объединением в аналитические категории [20]. При этом исследовательский подход ориентирован на развитие новых объяснительных моделей социальных процессов по отношению к уже существующим теоретическим интерпретациям [21].

Методология grounded theory предусматривает одновременный сбор и анализ данных, что обеспечивает гибкость исследовательских процедур и возможность корректировки аналитических категорий непосредственно в процессе исследования. В рамках подхода используются процедуры кодирования, анализа мемо и теоретической выборки, позволяющие переходить от неструктурированных эмпирических данных к построению объяснительных моделей социального взаимодействия [13, с. 107]. Подобный подход делает возможным сопоставление offline- и online-коммуникативных практик, а также анализ длительных триггерных коммуникативных треков, сохраняющихся в региональной повестке продолжительное время.

В исследовании применяется теоретическая выборка (theoretical sampling), ориентированная не на статистическую репрезентативность, а на выявление содержательно значимых коммуникативных паттернов и триггерных тематик в региональной сетевой среде. Такой подход позволяет анализировать актуальное содержание цифрового контента пользователей, выражающих отношение к социально-политическим проблемам. При этом современные отечественные концепции информационного общества и сетевых потоковых структур акцентируют внимание на необходимости изучения конкретных коммуникативных пространств и сетевых взаимодействий [5].

Логика исследования предполагала сопоставление результатов традиционных полевых методов и анализа цифровых следов пользователей сетевых сообществ. В статье использованы данные мониторингового исследования "Кузбасс-Политика", проводимого кафедрой социологических наук Кемеровского государственного университета с 1994 г. Анализировались ответы респондентов Кемеровской области за 2015, 2017, 2018, 2023 и 2024 гг., посвящённые актуальным рискам и угрозам регионального развития. Выявленные проблемы рассматривались как потенциальные триггеры сетевой социально-политической коммуникации.

Для сопоставления офлайн- и онлайн-повесток был проведён анализ сетевых сообществ "ВКонтакте", включающих как официальные региональные группы, так и сообщества, созданные жителями региона. Всего вручную было отобрано 1183 сообщества по критериям региональной привязки, пользовательской активности и наличия социально-политической проблематики (октябрь 2024 г.). Анализировались публикации с наибольшим количеством реакций и комментариев пользователей, а также триггерные тематики, характерные для регионов ресурсного типа.

Таким образом, методология исследования основывается на сочетании традиционных социологических методов, анализа цифровых следов пользователей, сетевого анализа и автоматизированного мониторинга тематических коммуникаций в региональном сегменте Рунета.

Результаты исследования

В рамках исследовательских процедур на примере Кемеровской области представлены основания для формирования / сочетания триггерных повесток в коммуникативном поле региона. Дальнейшие исследования в рамках грантового проекта позволили проанализировать триггерные повестки региональных сообществ сибирских территорий ресурсного типа. Региональное жанровое разнообразие (т. е. особенности местной коммуникации) может демонстрировать присущую проблемную повестку, показывает набор близких триггерной тематике повесток, маркеров определённых триггерных тем, что иллюстрируют результаты сетевого поиска, запроса данных и оценки рисков тематик респондентами по следам мониторингового социологического опроса. Причём, использование в сетевой коммуникации триггерных тем заключается в том, что они, как правило, не способны верифицироваться (проблема доказательства первоисточника, авторства) и принимаются значительной частью пользователей к сведению. Итак, запущенная триггерная повестка (острое актуальное для пользовательского сообщества сочетание текстографического и визуального материала, транслируемое в масштабах множества сетевых групп) фактически способна самостоятельно собирать пользовательские оценки, лайки, комментарии и суждения. Так как, попадая в социально-политическую коммуникацию пользователей, триггеры в силу своей информационной раздражительности, одними из первых становятся темами для активного обсуждения.

Исследователями отмечается несколько триггерных тематик городской публичной сферы (т. е. популярных информационных сетевых городских платформ, например, "Кемерово42", "Типичный Кемерово", "Вся Тыва"): инвестиционный, институциональный, нормативный и ценностный. Считается значимым, что в современном городе наиболее триггерным выступают триггеры инвестиционного типа, а наибольшим триггерным потенциалом по текущим свойствам являются первые шаги по реализации проектов в публичной сфере [14, с. 191].

Мы выделяем триггерные повестки, запускаемые разными акторами в масштабах региональной коммуникативной сети. Триггерные повестки представляют собой сочетание измерений определенных информационных событий, способных запускать в процессе коммуникации между сторонами-участниками определенную (чаще негативно окрашенную) реакцию (от образов, идей, оценочных суждений до конкретных высказываний, фиксированных сообщений и проч.). Например, триггерные темы могут использоваться властью в интересах "оттенения", переноса запросов "сложных" тем на острые повестки в уже сложившейся социальной практике (аварии, ЖКХ, транспорт, уличная преступность и т. п.). Существенным полем для поддержки триггерных повесток выступает маркетинговая сфера деятельности (PR- и GR-деятельность). "Топ" запросов по триггерной тематике в Рунете составляет именно маркетинг, перспективное управление бизнесом, PR-деятельность. Противоположной стороной с точки зрения ресурсов раскрутки триггерной повестки является многомиллионное пользовательское сообщество, которое способно запускать самостоятельные либо "зеркалить" сформированные темы-риски для обсуждения в виртуальном сообществе и за его пределами. Полагаем, что уместно также учитывать развитие надтерриториальных, глобальных триггерных повесток (например, "ваксеры" и "антиваксеры" в период Covid-19, фрилансеры, прекариат, асексуальность и проч.).

Из очевидных триггерных тем, которые быстро запускают процессы сетевого обсуждения и способны выходить на физические территории регионов, можно назвать оценку деятельности жилищно-коммунальных хозяйств, личную безопасность граждан (и отдельных категорий, в частности), чрезвычайные происшествия (разного рода, ДТП, транспорт), риски и угрозы, связанные с проведением специальной военной операции, угрозы преступной деятельности. Среди прочих тематических определений сетевые пользователи и реальные участники социально-политической коммуникации обозначают гарантов развития и точки тревожности, обозначают деятельность "ключевых акторов региона" (фамилии известных и влиятельных, либо наоборот скандальных политиков, представителей регионального бизнеса, блогеров и прочих инфлюенсеров активного участия).

Иллюстрация тем-повесток, демонстрирующих напряженные ожидания населения региона, и возможность проследить смещение триггерных тематик на фоне официальной информации в силу кумулятивности массовой и служебной информации в рамках социально-политической коммуникации в сибирских регионах (*табл. 1*).

Продолжительный исследовательский пул инициативного мониторингового исследования демонстрирует наличие некоторых "протяженных рисков и угроз", ставших для кузбассовцев практической триггерной повесткой. На примере замера 2015 г. показаны группировки тем для построения триггеров. Сюда относятся: жилищно-коммунальная и материально-финансовая связка региональных рисков; системы обеспечения жизни и преимущественно городской инфраструктуры в сочетании с низким уровнем жизни населения; работоспособность власти и угроза преступности; экологическая повестка; национально-этнические и религиозные проблемы (последняя условная пара имеет малые упоминания респондентов, но всегда присутствует в ответах жителей). Отметим, что даже появление военной повестки СВО не нарушило данных оценок. Стоит предположить, что для удаленного от геополитических центров региона некоторые информационные повестки, вероятно, имеют специфическую практику "срабатывания" в сибирских территориях.

Среди неочевидных тематик-раздражителей можно, например, отметить стабильное присутствие во всех мониторинговых замерах тематик, посвященных угрозам распространения наркотических веществ и употреблению алкоголя (варианты прямых ответов респондентов: "Наркомания", "Дороги и наркоманы в каждом дворе" и т. д.), и в то же время не столь значительное опасение межнациональных и межрелигиозных противоречий.

Сравнительный формат выделения приоритетных рисков и угроз демонстрирует вероятные триггерные повестки в реальной жизни сибирского региона (*табл. 2*).

Экологические угрозы и основания для формирования триггерной повестки предсказуемо высоки в регионе ресурсного типа. Проблемы здоровья

и угрозы пандемических заболеваний – один из флагманов информационной повестки нашего времени, равно как и экономические напряжения. В свою очередь, угроза военных конфликтов и террористические угрозы – перманентный формат угроз современности (причем снижение в оценках граждан опасений террористической угрозы в 2024 г. на фоне проводимой спецоперации, вероятно, позволяет предполагать различие общественного восприятия условно внутренней террористической опасности и внешней военной угрозы).

Подтверждением переключения рисков и проблем демонстрируют оценки респондентами ключевых тем (оснований), формирующих триггерные повестки:

"Технологические опасности и аварии" (угроза снижается с 32,1 % в 2017 г. до 24,5 % в 2024 г. – освоение технологий и система страхования рисков);

"Проблемы снабжения чистой питьевой водой" (20,6 % в 2017 г. и 22,4 % в 2024 г. – на фоне изоляций и мобилизации повышение угрозы);

"Политические мятежи и захваты власти" (17,3 % в 2017 г. и 19,7 % в 2024 г. – рост международной политической напряженности и военно-политические угрозы);

"Снижение качества образования населения в России" (23,2 % в 2017 г. и 11,5 % в 2024 г. – замещение проблем на более насущные);

"Деформация и разрушение российской культуры" (12,5 % в 2017 г. и 9,4 % в 2024 г. – в активе респондентов в условиях санкций и мобилизации простые и функциональные запросы и ожидания).

Менее значительные изменения претерпели оценки "Угрозы расширения миграционных процессов и притока эмигрантов и беженцев", "Увеличение пенсионного возраста, изменения в пенсионной реформе", "Продовольственные проблемы", "Научно-технологическое отставание". Среди предложенных тем статистически незначимы в оценках респондентов формы протестного политического поведения (манifestации, митинги, пикеты и пр.).

Среди "современных" рисков для формирования триггерных тем респонденты отметили "Непредвиденные последствия Интернет-зависимости" (10,7 % – 2017 г.; 12,5 % – 2018 г.), а также "Угроза фальшивой, недостоверной, фейковой информации" (22 % – 2023 г.; 13,9 % – 2024 г.).

Результаты обсуждения околотриггерных тематик в сибирских сетевых сообществах позволяют предположить влияние местного / регионального фактора формирования триггерной повестки. Так, среди официальных сообществ в ряде сибирских регионов ресурсного типа (ЯНАО, ХМАО, Тюменская и Томская области) по количеству подписчиков доминируют областные сообщества. В Кемеровской, Иркутской областях и Красноярском крае наиболее популярными оказались паблики администраций самых крупных городов. В Республике Тыва – сообщество Правительства. Сборка массива данных осуществлялась по результатам анализа отобранных (вручную) сетевых сообществ сибирских пользователей "ВКонтакте" в октябре 2024 г.

Примечательным является тот факт, что в Республике Хакасия (РХ) самым популярным, среди рассмотренных, стала личная страница Главы РХ, тогда как на паблик Правительства республики подписано в три раза меньше пользователей. Это может свидетельствовать о важности персональности в обращениях к органам власти в данном регионе, тем более что на странице главы РХ фиксируется большее количество лайков и комментариев в сравнении с пабликом Правительства РХ (рис. 1).

На официальные сообщества, в сравнении с неофициальными, подписано намного меньше людей (при этом сам новостной фон, стиль сообщений и характер подачи информации заимствуется у официальных источников множественностью социальных сообществ, тематических групп и отдельных пользователей). Выделяющимися здесь можно назвать Тюменскую область и ХМАО, областные паблики которых насчитывают 177 201 и 128 904 человек (на 30.11.2024 г.) соответственно. Заимствованная тематика оперативно переносится в местные сообщества и окрашивается триггерными повестками (угроза мобилизации различных категорий граждан, ожидание повышения цен, контроль качества и безопасности, включая детскую и проч.).

Среди особенностей взаимодействия региональной и местной властей Кемеровской области – Кузбасса с населением можно отметить, что, являясь

Табл. 1. Ответы респондентов на вопрос: "Какие из имеющихся острых проблем Вашего города могут вызвать недовольство, массовые протесты местного населения в обозримом будущем, по Вашему мнению?" (мониторинговый опрос населения "Кузбасс-Политика", г. Березовский, Кемерово, Ленинск-Кузнецкий, Новокузнецк, Юрга, n=600 чел., 2015 г., допускалось несколько вариантов ответов)

Table 1. Respondents' answers to the question: "Which of the existing acute problems of your city may cause discontent, mass protests of the local population in the foreseeable future, in your opinion?" (monitoring survey "Kuzbass-Politika" of the population of Berezovsky, Kemerovo, Leninsk-Kuznetsky, Novokuznetsk, Yurga, n=600 people, 2015, several possible answers)

Варианты ответов	%
1. Рост тарифов ЖКХ	77,4
2. Рост цен, инфляция	61,8
3. Безработица	60,3
4. Плохая работа коммунальных служб	44,2
5. Низкий уровень жизни населения	41,5
6. Безответственность властей, коррупция	37,5
7. Внутридворовые дороги, проезды	32,5
8. Рост преступности, угроза личной безопасности	28,3
9. Социальная незащищенность	25,8
10. Ухудшение экологической ситуации	24,1
11. Отсутствие условий для проведения свободного времени	12,9
12. Межнациональные противоречия	8,5
13. Межрелигиозные столкновения	8,4

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

урбанизированным регионом, он имеет характерную черту: в основном граждане оставляют сообщения с общественными запросами в комментариях под постами глав муниципальных образований, а ответ на них в комментариях предоставляют сообщества администраций муниципальных образований, пользовательская активность в которых практически отсутствует.

Стоит отметить, что реакция гражданина, обозначившего проблему в комментариях, на внимание со стороны органов местного самоуправления может быть и негативной, что ставит вопрос об уровне доверия граждан к органам местного самоуправления, а также вероятно демонстрирует зоны лояльности. Эта практика коммуникативного поведения также показывает триггерную атаку активного интереса участников (операторы центров управления регионами и Социального фонда России ежедневно сталкиваются с подобными обращениями граждан, вплоть до "вирусных" форм коммуникации). Можно полагать, что это один из примеров обратной триггерной повестки, когда представители власти и управленцы на территориях ожидают "триггеры недоверия" (заявления пользователей о недоверии инструментам социально-политического взаимодействия).

В 2024 г. исследовательским коллективом проекта были вручну отобраны пользовательские сообщества в социальной сети "ВКонтакте" для каждого региона ресурсного типа Сибири. В частности, Республика Тыва представлена 56 сетевыми сообществами. Примером подтверждения национального звучания служат многочисленные национальные сетевые сообщества, связанные как с официальными сообществами органов власти ("Правительство Республик Тыва") и новостными группами ("Новости Тувы"), а также с дискуссионными группами "Подслушано" (Тувинские откровения | Тыва | Тува), "ОТКРОВЕНИЯ ЖЕНЫ. ТЫВА 18+", "НОВОСТИ С РОДИНЫ ШОЙГУ", "ТЫВА ПОДСЛУШАНО В НОВОСИБИРСКЕ", "Мамочки Кызыл", а также

Табл. 2. Сводная таблица наиболее значимых по мнению респондентов рисков и угроз
Table 2. Summary table of the most significant risks and threats according to the respondents

Какие риски и угрозы вы рассматриваете в качестве наиболее вероятных в наше время?	%, 2017, n=384 Ленинск-Кузнецкий, Кемерово, Яя, Новокузнецк	%, 2018, n=600 Мариинск, Прокопьевск, Юрга, Кемерово	%, 2023, n=524 Междуреченск, Юрга, Кемерово	%, 2024, n=572 Кемерово, Белово, Анжеро-Судженск
Экологические угрозы и опасности	49,9	46,4	44,4	53,3
Заболевания, вирусы и эпидемии	54,2	36,6	39,0	42,5
Экономические кризисы	47,1	48,4	38,2	30,4
Угроза новой мировой войны	30,5	25,6	46,8	39,3
Опасность террористических актов	48,1	29,6	27,7	37,5

Источник: составлено авторами.

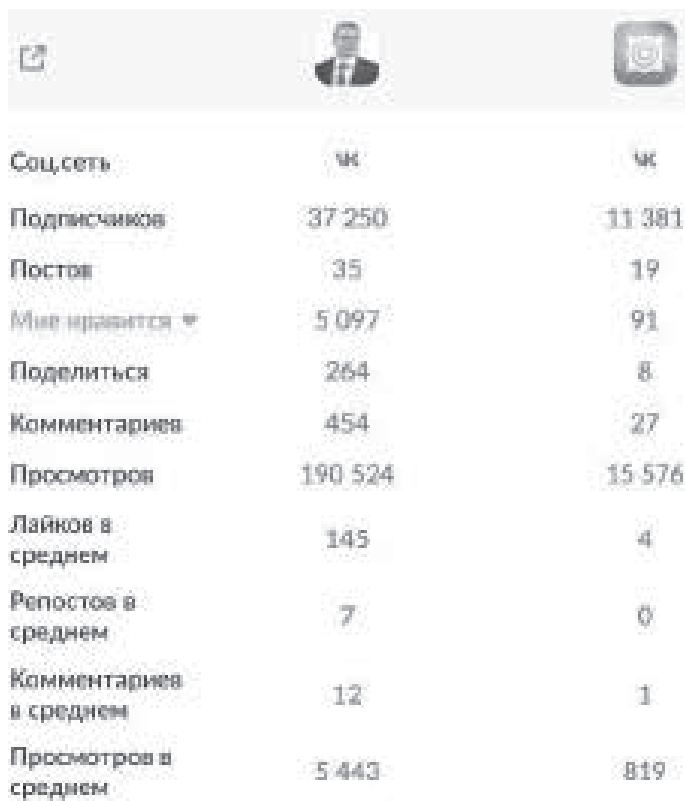
Source: compiled by the authors.

темы, написанные на тувинском языке ("ТЫВА КОРГУНЧУГ ААЛАР" и др.), которых достаточно много в сетевом сообществе. Триггерной повесткой здесь может служить разделение участников сообществ на "своих" и "чужих (приезжих)". Выражение этнической идентичности в виртуальном пространстве может привести как к конструктивным последствиям (расширение круга общения, демонстрация и ознакомление с другими культурами и проч.), так и деструктивным (сетевое информирование и мобилизация населения для агрессивных действий, например, инцидент в Республике Тыва в декабре 2024 г. [2]). Перспективной темой усложнения исследовательских задач могут являться национальные или этноязыковые группы региональных сообществ, когда участники сетевой коммуникации обозначают ассоциативную принадлежность пользовательских сообществ посредством языковой либо иной этнокультурной принадлежности, будь то элементы одежды на аватаре или в материалах сообщества, демонстрации обрядов или соответствующих артефактов – орудий промысла, музыкальных инструментов и т. п. (чаще встречается в сетевых сообществах ХМАО, ЯНАО и республики Тыва). В семантике названий сообществ также обнаруживаются триггерные повестки (топонимы, известные имена, персоналии и территории, проблемная формулировка, "популярные темы", функциональное обозначение сообществ или узко специфичные, например, национальные определения). Такое разнообразие потенциальных триггерных повесток обусловлено кумулятивной природой сетевой коммуникации вообще и возможностей распространения деструктивной тематики в виртуальном сообществе, в частности.

Заключение

Триггерные повестки в сетевых социально-политических коммуникациях обладают преимущественно деструктивным потенциалом, однако цифровая среда одновременно предоставляет пользователям возможность более оперативного и открытого выражения общественных настроений и реакций. Высокая динамика виртуальной коммуникации способствует быстрому распространению триггерных тематик, включая фейковые сообщения и деструктивный контент.

Исследование показывает, что значимость триггерной повестки определяется субъектами коммуникации (власть, население, бизнес и др.), содержанием рискованной информации, а также направленностью и масштабом коммуникативного взаимодействия. В зависимости от территориального и тематического уровня коммуникации триггерные повестки могут реализовываться

Соц.сеть	чк	чк
Подписчиков	37 250	11 381
Постов	35	19
Мне нравится ♡	5 097	91
Поделиться	264	8
Комментариев	454	27
Просмотров	190 524	15 576
Лайков в среднем	145	4
Репостов в среднем	7	0
Комментариев в среднем	12	1
Просмотров в среднем	5 443	819

Рис. 1. Сравнение официальных сообществ Главы и Правительства Республика Хакасия "ВКонтакте" (период 10.11–10.12.2024 г., проведено с помощью сервиса для анализа сообществ в социальных сетях – Popsters <https://popsters.ru/>)

Источник: составлено авторами.

Fig. 1. Comparison of the official communities of the Head and the Government of the Republic of Khakassia "VKontakte" (period 10.11–10.12.2024, conducted using the service for the analysis of communities in social networks – Popsters <https://popsters.ru/>)

Source: compiled by the authors.

ваться на нескольких уровнях: социетальном (глобальные риски и кризисы), уровне взаимодействия власти и населения (санкции, протестные ожидания, кризисные ситуации), а также в рекламно-информационной сфере, связанной с финансовыми, инвестиционными и иными формами цифровой мобилизации внимания.

Анализ цифрового информационного поля показал приоритет социальной проблематики над политической. При этом политические и околополитические дискурсы нередко распространяются через неполитические сетевые сообщества, включая локальные группы, посвящённые бытовым и потребительским вопросам. Подобная модель коммуникации представляется закономерной в условиях существующих ограничений публичного политического взаимодействия.

Перемещение триггерных повесток между online- и offline-средой формирует взаимосвязанный контур современных социально-политических коммуникаций. Вместе с тем преждевременно говорить о полном переходе коммуникативных практик исключительно в цифровую среду. Более обоснованным представляется подход, рассматривающий современные сетевые коммуникации как инструмент целевой и адресной работы с различными аудиториями через электронные медиа, сетевые сообщества и лидеров цифрового мнения.

Литература / References

1. Бродинская Е. В., Домбровская А. Ю., Лукушин В. А. Доминирующие типы и стратегии управления сетями недовольства в субъектах России: опыт анализа социальных графов. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2022. Т. 17. № 4. С. 15–30.
Brodinskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Lukushin V. A. Dominant types and strategies of discontent networks management in the subjects of Russia: experience in analyzing social graphs. *Srednerusskiy vestnik of Social Sciences*. 2022. No 17 (4). P. 15–30. (In Russ.)
2. В Кызыле произошли нападения на мигрантов после фейков о ВИЧ // Богатыри земли Русской. URL: https://vk.com/wall-16279264_863864 (дата обращения: 15.12.2024).
In Kyzyl, attacks on migrants occurred after fakes about HIV // Heroes of the Russian land. URL: https://vk.com/wall-16279264_863864 (accessed 15.12.2024). (In Russ.)
3. Гребенюк А. А., Максимова А. С., Лемэр Л. Г. Исследование социальной напряженности на основе больших данных социальных сетей. *Цифровая социология / Digital Sociology*. 2021. Т. 4. № 4 (4). С. 4–12. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-4-12>
Grebenyuk A. A., Maksimova A. S., Lemaire L. G. Research of social tension based on big data of social networks. *Digital Sociology*. 2021. No 4 (4). P. 4–12. (In Russ.)
<https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-4-12>
4. Дейк Т. Ван Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Аманова. М.: Книжный дом "Либроком", 2013. 344 с.
Dijk T. Van Discourse and power: representation of dominance in language and communication / translated from English by E. A. Kozhemyakina, E. V. Pereverzeva, A.M. Amatova. Moscow: Librocom Book House, 2013. 344 p. (In Russ.)
5. Иванов Д. В. К теории потоковых структур. *Социологические исследования*. 2012. № 4. С. 8–16.
Ivanov D. V. On the theory of flow structures. *Sociological research*. 2012. No. 4. P. 8–16. (In Russ.)
6. Кранзеева Е. А., Головацкий Е. В., Орлова А. В., Нятина Н. В., Бурмакина А. Л. Реактивные социальные и политические взаимодействия в инновационных процессах регионов России. *Власть и управление на Востоке России*. 2021. № 2 (95). С. 86–102.
Kranzeeva E. A., Golovatsky E. V., Orlova A. V., Nyatina N. V., Burmakina A. L. Reactive social and political interactions in innovation processes of Russian regions. *Power and management in the East of Russia*. 2021. No. 2 (95). P. 86–102. (In Russ.)
7. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический проект, 2011. 238 с.
Lebon G. Psychology of peoples and masses. Moscow: Academic Project, 2011. 238 p. (In Russ.)
8. Максименко А. А., Зайцев А. В., Дейнека О. С., Зябликов А. В., Ахунзянова Ф. Т. Оценка населением эффективности цифровой коммуникации глав регионов в интернет-диалоге "власть – общество". *Регионоведение*. 2024. Т. 32. № 2. С. 217–241.
Maksimenko A. A., Zaitsev A. V., Deineka O. S., Zyablikov A. V., Akhunzyanova F. T. Assessment by the population of the effectiveness of digital communication of heads of regions in the online dialogue "government – society". *Regionology*. 2024. No. 32 (2). P. 217–241. (In Russ.)
9. Монахова Э., Городничева Ю. М., Морозова А. Н., Шестакова А. Н., Моисеева В. В., Ключарев В. А. Доверие к манипулятивной информации: от восприятия к принятию решений. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2024. № 3. С. 42–66.
<https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2544>
Monakhova E., Gorodnicheva Yu. M., Morozova A. N., Shestakova A. N., Moiseeva V. V., Klyucharev V. A. Trust in manipulative information: from perception to decision-making. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2024. No 3. P. 42–66. (In Russ.)
<https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2544>
10. Огнев А. С., Бродовская Е. В., Давыдова М. А. Выделение триггеров усиления сетей социально-недовольства в субъектах РФ. *Власть*. 2022. № 30 (5). С. 98–106.
Ognev A. S., Brodovskaya E. V., Davydova M. A. Identification of triggers for strengthening social discontent networks in the subjects of the Russian Federation. *Power*. 2022. No. 30 (5). P. 98–106. (In Russ.)
11. Парма Р. В., Давыдова М. А. Триггеры политической мобилизации массовых протестов в социальных медиа Российской Федерации и Республики Беларусь в 2020–2021 гг. *Власть*. 2022. № 30 (3). С. 97–103.
Parma R. V., Davydova M. A. Triggers of political mobilization of mass protests in the social media of the Russian Federation and the Republic of Belarus in 2020–2021. *Power*. 2022. No. 30 (3). P. 97–103. (In Russ.)
12. Розенберг Н. В. Социальные сети как основной вид коммуникативных практик современной молодежи: социологический анализ. *Наука. Общество. Государство*. 2022. Т. 10. № 4. С. 90–98.
Rosenberg N. V. Social networks as the main type of communicative practices of modern youth: a sociological analysis. *Science. Society. State*. 2022. No. 10 (4). P. 90–98. (In Russ.)
13. Семенова В. В. ИНТЕР-энциклопедия: Grounded theory. Устная история. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2021. Т. 13. № 1. С. 106–119. <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.1.5>

- Semenova V. V. INTER-encyclopedia: Grounded theory. Oral history. *Interaction. Interview. Interpretation*. 2021. Т. 13. No. 1. P. 106-119. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.1.5>
14. Скалабан И. А., Лобанов Ю. С., Сергеева З. Н., Волченко С. Ю. "Уровень опасений зашкаливает!": как изменения становятся триггерами городских конфликтов. Кейс г. Новосибирска. *Социология власти*. 2023. № 35 (1). С. 190–218. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-1-190-218>
 - Skalaban I. A., Lobanov Yu.S., Sergeeva Z. N., Volchenko S. Y. "The level of fears is off the scale!": how changes become triggers of urban conflicts. The case of Novosibirsk. *Sociology of Power*. 2023. No. 35 (1). P. 190–218. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-1-190-218>
 15. Скалабан И. А., Сергеева З. Н., Лобанов Ю. С., Волченко С. Ю. Курок конфликта. Триггер: опыт концептуализации и категоризации. *Society and Security Insights*. 2022. № 5 (3). С. 66–86.
 - Skalaban I. A., Sergeeva Z. N., Lobanov Yu.S., Volchenko S. Yu. The trigger of the conflict. Trigger: the experience of conceptualization and categorization. *Society and Security Insights*. 2022. No 5 (3). P. 66–86. (In Russ.)
 16. Талер Р., Санстейн К. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благополучии и счастье. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 240 с.
 - Thaler R., Sunstein K. Architecture of choice. How to improve our decisions about health, well-being and happiness. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2017. 240 p. (In Russ.)
 17. Тимофеева Л. Н., Рябченко Н. А., Малышева О. П., Гнедаш А. А. Цифровая социально-политическая повестка дня: апробация новой модели исследования на российском кейсе "Коронавирус-2020". *Политические исследования*. 2022. № 5. С. 23–39. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.03>
 - Timofeeva L. N., Ryabchenko N. A., Malysheva O. P., Gnedash A. A. The digital socio-political agenda: testing a new research model based on the Russian Coronavirus 2020 case. *Political Studies*. 2022. No 5. P. 23–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.03>
 18. Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб.: Изд-во Алетейя, 2008. 248 с.
 - Tocqueville A. The Old order and revolution. St. Petersburg: Alethea Publishing House, 2008. 248 p. (In Russ.)
 19. Юдалевич Н. В. Информационный мусор как феномен современного общества. *Бизнес-образование в экономике знаний*. 2016. № 2 (4). С. 119–122.
 - Yudalevich N. V. Information garbage as a phenomenon of modern society. *Business education in the economy of knowledge*. 2016. No. 2 (4). P. 119–122. (In Russ.)
 20. Allan G. A critique of using grounded theory as a research method. *Electronic Journal of Business Research Methods*. 2003. Vol. 2. No. 1. P. 1–10.
 21. Charmaz K. Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis. London; Thousand Oaks, Calif. SAGE, 2006. 208 p.
 22. Cooley C. H. Genius, Fame and the Comparison of Races. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1897. No. 9. P. 317–358. URL: <https://archive.org/details/jstor-1009668/page/n7/mode/2up> (accessed 15.12.2024)
 23. Park R. E. The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the City Environment. *American Journal of Sociology*. 1915. No. 20 (5). P. 577–612. URL: <https://archive.org/details/jstor-2763406> (accessed 15.12.2024)
 24. Tarrow S. Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 271 p.
 25. Woods R. The Neighborhood in Social Reconstruction. *American Sociological Society*. 1914. No. 19. P. 577–591. URL: <https://archive.org/details/jstor-2763126> (accessed 15.12.2024)

Информация об авторах

Евгений Васильевич Головацкий, д-р соц. наук, профессор кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия, e-mail: xomaik@rambler.ru

Анна Владимировна Орлова, канд. соц. наук, доцент кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия, e-mail: anniov@bk.ru

Information about the authors

Evgeny V. Golovatsky, Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, e-mail: xomaik@rambler.ru

Anna V. Orlova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, e-mail: anniov@bk.ru

Проблемные нарративы во внешнеполитическом дискурсе Председателя КНР Си Цзиньпина

Сергей Витальевич Севастьянов
Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
Санкт-Петербург, Россия, ssevastyanov@hse.ru
Анастасия Андреевна Милькова
Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
Санкт-Петербург, Россия, a.milkova@hse.ru

Аннотация. Целью статьи является классификация и характеристика проблемных нарративов, используемых в официальном внешнеполитическом дискурсе Председателя КНР Си Цзиньпина для обоснования внешнеполитического курса, реакции на международные вызовы и укрепления позиций страны на международной арене. На основе метода контент-анализа авторы выявляют в этом дискурсе восемь наиболее часто встречающихся проблемных нарративов, из числа которых, на основе эмпирических данных тематической кластеризации и критического дискурс-анализа, выделяют три ключевых: технологический, сотрудничества в целях развития, и безопасности и стабильности, а также анализируют их особенности и изменения за 2013–2024 гг. Полученные результаты работы свидетельствуют о том, что с помощью формирования и продвижения стратегических проблемных нарративов Китай не только реагирует на внешние вызовы, но и конструирует собственную идентичность, как ответственного мирового лидера, способного предложить альтернативное западному видение глобального порядка и новые подходы к решению его проблем.

Ключевые слова: стратегические нарративы, проблемный нарратив, развитие и сотрудничество, технологический нарратив, глобальный Юг, суверенитет, секьюритизация, внешняя политика Китая

Для цитирования: Севастьянов С. В., Милькова А. А. Проблемные нарративы во внешнеполитическом дискурсе Председателя КНР Си Цзиньпина // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 2. С. 123–133. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/123-133>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/123-133>

Issue narratives in Chinese President Xi Jinping's foreign policy discourse

Sergei V. Sevastianov
National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia, ssevastyanov@hse.ru
Anastasia A. Milkova
National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia, a.milkova@hse.ru

Abstract. This article aims to classify and characterize problematic narratives used in the official foreign policy discourse of Chinese President Xi Jinping to justify his foreign policy, respond to international challenges, and strengthen the country's position on the international stage. Using content analysis, the authors identify eight of the most frequently occurring problematic narratives in this discourse. Based on empirical data from thematic clustering and critical discourse analysis, they identify three key ones: technological, development cooperation, and security and stability. They analyze the nature of their changes from 2013 to 2024. Based on this, they characterize China's increased role in the search for answers to foreign policy challenges and the formation of an image of a responsible actor capable of offering an alternative to the Western vision of the global order and new approaches to solving its problems.

Key words: strategic narratives, issue narrative, development and cooperation, technological narrative, global South, sovereignty, securitization, Chinese foreign policy

For citation: Sevastianov S. V., Milkova A. A. Issue narratives in Chinese President Xi Jinping's foreign policy discourse // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 123–133. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/123-133>

Активно применяемая в современных политических исследованиях теория стратегических нарративов утверждает, что государства целенаправленно конструируют и продвигают связанные сюжетные структуры для придания смысла прошлому, осмысления настоящего и проектирования желаемого будущего в мировой политике [12, p. 78]. В этой системе координат проблемный нарратив выступает важным операциональным элементом. Он не просто фиксирует возникшие сложности или конфликты, а представляет собой структурированное повествование, выполняющее ряд основных функций: 1) идентифицирует и драматизирует конкретную проблему (угрозу, вызов, несправедливость); 2) устанавливает причинно-следственные связи; 3) определяет акторов ("жертв", "виновников", "спасителей"); 4) предлагает легитим-

ный сценарий её решения, закрепляя тем самым определенную иерархию ценностей и оправдывая конкретную политику [3, с. 12–34].

В то же время выявление и анализ стратегических нарративов, особенно в рамках авторитарных политических систем, сопряжены с существенными методологическими сложностями. Во-первых, существует проблема реконструкции имплицитных смыслов. Официальный дискурс, как правило, избегает открытой конфронтационной риторики в пользу закодированных, исторически и культурно нагруженных формул, требующих интерпретации. Во-вторых, стратегические нарративы существуют не изолированно, а в сложном поле взаимопересекающихся и конкурирующих дискурсов, где продвигаемая государством доминирующая версия взаимодействует с альтернативными прочтениями [16, р. 90–92].

Китайский кейс и, в частности, официальный дискурс Си Цзиньпина демонстрируют свою специфику в использовании проблемных нарративов. С одной стороны, он активно инкорпорирует элементы глобального критического языка, артикулируя проблемы неравенства, дефицита глобального управления и негативных последствий глобализации [2, с. 138–160]. С другой – этот дискурс глубоко укоренен в уникальном историко-политическом контексте. Ключевой точкой кристаллизации здесь выступает нарратив о "вековом национальном унижении", который, будучи реактуализирован, служит основой для конструирования современных угроз в формате "внешнего вмешательства", "подрывной деятельности" или "сдерживания развития" Китая [5, р. 89]. Эта историческая травма трансформируется в нарратив о необходимости восстановления справедливости и законного места Китая в мире, что позволяет представить любые внешние ограничения или критические высказывания в его адрес как продолжение исторической несправедливости.

Таким образом, проблемный нарратив способствует легитимации действий государств и их политических лидеров на международной арене, мобилизации внутренней поддержки и структурированию восприятия внешней аудитории. При этом настоятельная необходимость выявления основной тематической направленности, механизмов формирования и продвижения этих нарративов, выступающих системообразующим элементом политического дискурса Китая, определяет актуальность настоящего исследования. С учётом этого целью статьи является классификация и характеристика проблемных нарративов, используемых в официальном внешнеполитическом дискурсе Председателя КНР Си Цзиньпина для обоснования внешнеполитического курса, реакции на международные вызовы и укрепления позиций страны на международной арене.

Теоретические и методологические основы исследования

Проблемные нарративы во внешнеполитическом дискурсе¹ Си Цзиньпина занимают важное место в анализе современной китайской внешней политики. В рамках теории стратегических нарративов они, по определению Л. Розелль, А. Мискиммона и Б. О'Локлина, направлены на артикуляцию конкретной международной проблемы, формирование интерпретации её причин и последствий, а также демонстрацию способности государства предложить легитимное и эффективное решение [12, р. 79–81]. Не останавливаясь подробно на генезисе теории стратегических нарративов и типологии исследовательских традиций (этот аспект получил развернутое освещение в нашей более ранней работе [1, с. 82–92]), сосредоточим внимание на операциональном анализе проблемных нарративов, имеющих во многом прикладной характер и связанных с актуальной повесткой дня международных отношений, включая вопросы безопасности, развития, сотрудничества, технологий, глобального управления и кризисного реагирования.

Теоретически проблемные нарративы укоренены в конструктивистском понимании международной политики, согласно которому сами "проблемы" не заданы объективно, а конструируются через дискурсивные практики и интер-

¹ Внешнеполитический дискурс – это динамическая система коммуникативных практик (речей, заявлений, официальных выступлений), посредством которых государство артикулирует, обосновывает и легитимирует свои интересы и действия на международной арене, одновременно конструируя смысловые рамки видения мирового порядка.

претации. Как отмечает Дж. Вельдес, артикуляция проблемы в официальном дискурсе² одновременно формирует и национальный интерес, и рамки допустимых политических действий [20, p. 275–318]. Следовательно, проблемные нарративы выступают механизмом, посредством которого внешнеполитический актор не только реагирует на международную повестку, но и участвует в её формировании.

С учётом этого проблемный нарратив не просто фиксирует конфликт или проблему, а структурирует повествование таким образом, чтобы идентифицировать угрозы, установить причинно-следственные связи, определить акторов и предложить легитимный сценарий решения, закрепляя определенную иерархию ценностей и оправдывая политику. Итогом такого подхода является легитимация внешнеполитических действий на международной арене, мобилизация внутренней поддержки и формирование восприятия внешней аудитории [11, p. 17–37].

Материалом для исследования проблемных нарративов послужила репрезентативная выборка из 120 текстов выступлений и статей Си Цзиньпина, опубликованных на английском языке в журнале "Цюши"³. Выбор англоязычных версий выступлений Председателя КНР обусловлен их функциональным статусом как основного инструмента публичной дипломатии, проецирующего китайские стратегические нарративы в глобальное лингвистическое пространство. Данный подход позволяет интерпретировать тексты как интенциональные⁴ акты стратегической коммуникации, направленные на легитимацию китайской модели миропорядка для внешней аудитории.

Будучи официальным изданием Центрального комитета КПК и ключевым проводником партийной идеологии, журнал "Цюши" является авторитетным источником, характеризующим внешнеполитический дискурс китайского руководства по формируемым и продвигаемым им стратегическим нарративам. Выбор дискурса Председателя КНР как объекта анализа продиктован прежде всего его статусом верховного архитектора внешней политики и идеологического лидера, чьи выступления задают концептуальный вектор для руководства КПК и всей государственной машины страны. При этом, в отличие от руководящих документов ЦК КПК, а также Министерства иностранных дел и других ведомств, выступления Си Цзиньпина характеризуются значительной стилистической свободой и активным привлечением метафорических рядов, идиом и аллегорий. Именно такие лингвистические "вольности" позволяют наиболее полно и глубоко эксплицировать стратегические цели Пекина. Обработка этого корпуса текстов осуществлялась с применением программного комплекса T-LAB, используемого в дискурсивных исследованиях для статистического анализа текстуальных данных.

Методологический дизайн работы включал два последовательных этапа. На первом был проведён количественный контент-анализ, включавший лексико-частотный анализ, что позволило выявить устойчивые тематические кластеры. Выделение нами трех ключевых проблемных нарративов (технологического развития, сотрудничества в целях развития, безопасности и стабильности) обусловлено результатами тематической кластеризации, где данные темы продемонстрировали наибольшую частотность и семантическую связность в структуре корпуса.

Второй, качественно-аналитический этап исследовательского дизайна имплементирует критический дискурс-анализ (КДА), методологически фундированный социокогнитивной парадигмой Т. А. ван Дейка [17]. Фокусом данного подхода выступает деконструкция дискурсивных механизмов производства, легитимации и воспроизводства властных иерархий в сегменте элитарной коммуникации. В данной работе он представлен официаль-

² Официальный дискурс представляет собой институционально санкционированную форму коммуникации высших лиц государства, которая служит для трансляции нормативных установок и идеологем, обеспечивая символическое господство власти и консенсус относительно принимаемых политических решений.

³ Кит. 求是 (Цюши, пиньинь: Qiushi) или "кит. 求是 (Qiushi)

⁴ Интенциональность – свойство языковых конструкций, связанное с устремлённостью, направленностью говорящего к объекту.

Табл. 1. Проблемные нарративы, наиболее часто встречающиеся во внешнеполитическом дискурсе Си Цзиньпина (2013–2024 гг.)

Table 1. The most frequently encountered problematic narratives in Xi Jinping's foreign policy discourse (2013–2024)

Проблемный нарратив	Доля упоминаний (%)
Технологическое развитие и инновации	21,6
Сотрудничество в целях развития	19,7
Безопасность и стабильность	18,3
Глобальное неравенство	15,4
Реформа глобального управления	13,9
Цифровой разрыв	12,5
Изменение климата	11,6
Суверенитет и невмешательство	10,7

Примечание: суммарное значение превышает 100 %, поскольку отдельные тексты речей содержат несколько проблемных нарративов одновременно. Полученные данные округлены до десятых процента.

Источник: составлено авторами по результатам лексико-частотного анализа 120 речей Си Цзиньпина на английском языке с применением программы T-LAB (<https://www.tlab.it/>). Ссылки на наиболее значимые для работы выступления приведены в списке литературы

Source: compiled by the authors based on lexical frequency analysis of 120 speeches by Xi Jinping in English using the T-LAB software (<https://www.tlab.it/>). References to the most relevant speeches are provided in the reference list.

ным внешнеполитическим дискурсом Председателя КНР. Аналитический инструментарий исследования оперирует двумя ключевыми категориями. Во-первых, это "идеологический квадрат": данная стратегия позволяет эксплицитно бинарную оппозицию "свой / чужой", где через гиперболизацию позитивных детерминант КНР конструируется как ответственный лидер и гарант глобальной стабильности при одновременном акцентировании негативных атрибутов западных акторов, маркируемых в качестве дестабилизирующих факторов и источников международной турбулентности. Во-вторых, это стратегия легитимации (по Т. ван Лёвену [18]), согласно которой процесс институционального обоснования внешнеполитического курса Китая верифицируется через механизмы рационализации (прагматическое обоснование инициативы "Пояс и путь"), нарративизации (апелляция к историческому "духу Шёлкового пути") и моральной оценки (дискурс о "справедливости и равенстве").

Количественное распределение данных по выявленным проблемным нарративам во всем корпусе текстов было рассчитано в процентном соотношении, что позволило определить их относительную значимость в общей структуре внешнеполитической риторики Си Цзиньпина (табл. 1).

Представленные данные свидетельствуют о том, что внешнеполитический дискурс Си Цзиньпина структурирован вокруг ограниченного, но устойчивого набора проблем, конструируемых как ключевые вызовы современного мирового порядка. При этом особое место занимает нарратив технологического развития, который не только количественно доминирует, но и функционально связывает между собой, в том числе при продвижении выдвинутой председателем КНР Глобальной инициативы развития цивилизаций, другие проблемные области – развитие, безопасность, глобальное неравенство и реформу международных институтов. Это позволяет рассматривать технологический нарратив как системообразующий элемент китайской внешнеполитической риторики.

Второй по значимости проблемный нарратив в структуре внешнеполитического дискурса Си Цзиньпина – "сотрудничество в целях развития". Он концептуализирует развитие как универсальный инструмент решения широкого спектра международных проблем: от экономических и климатических кризисов до вопросов безопасности и гуманитарных вызовов. Опираясь на этот нарратив, Китай позиционирует свои инициативы (Глобальную инициативу развития, "Пояса и пути") как универсальную платформу, предоставляющую, по сравнению со странами Запада, "более экономичные и адресные решения" для стран Глобального Юга. В его рамках дискурс последовательно смещает фокус на необходимость усиления сотрудничества в целях развития, конструируя образ Китая как ответственного глобального актора, предлагающего не конфронтацию, а созидательную повестку.

Третьим ключевым проблемным нарративом стал нарратив безопасности и стабильности, формирование и продвижение которого, в том числе в формате выдвинутой Си Цзиньпином Глобальной инициативы безопасности, исключительно важно как для внутренней аудитории Китая, так и на внешнеполитическом треке. Далее предложен развернутый анализ предназначения и характеристик этих трёх проблемных нарративов.

Технологический нарратив как ключевой проблемный нарратив во внешнеполитическом дискурсе Си Цзиньпина

В 2013–2024 гг. технологический нарратив в дискурсе Председателя КНР эволюционировал от элемента внутренней модернизационной риторики до более значимого компонента, формирующего реакцию Китая на ряд внешних вызовов. Основные международные проблемы и конфликты в этот период включали усиление геоэкономического соперничества с США и западными странами, блокировку ими доступа Китая к передовым технологиям, рост угроз кибербезопасности и суверенитету в критически важных технологических сферах. Эти действия стран Запада превратили технологический нарратив для Пекина в проблемный, связанный с безопасностью, стратегической автономией и глобальным влиянием.

Одним из первых ключевых эпизодов в его рамках стал санкционный кризис вокруг корпорации ZTE⁵ в 2018 г., когда запрет США на поставки чипов и программного обеспечения продемонстрировал уязвимость национального развития перед внешним технологическим контролем. В выступлении в мае 2018 г. на ежегодной ассамблее членов Китайской академии наук и Китайской инженерной академии Си Цзиньпин отметил, что "практика неоднократно показывала, что мы не можем рассчитывать получить ключевые базовые технологии через просьбы, покупки или подачки..., а должны удерживать инициативу инновационного развития в собственных руках" [29]. Эта формулировка зафиксировала переход Китая к стратегии технологического суверенитета.

Дальнейшее развитие конфликта с США в 2019 г. в этой сфере – включение Вашингтоном компании Huawei в Entity List⁶ и жесткие меры по противодействию китайским компаниям в развитии технологий 5G – придало этому нарративу внешнеполитический характер: технологии стали рассматриваться как инструмент геополитического давления и сдерживания. В ответ на это Си Цзиньпин в международной риторике подчеркивал необходимость деполитизации технологий и критиковал односторонние ограничения со стороны США. Так, на открытии Китайской международной импортной выставки в 2018 г. он заявил: "Мы должны противостоять протекционизму и односторонним действиям и сделать экономическую глобализацию более открытой, инклюзивной и сбалансированной" [28].

Проблемность нарратива усилилась в 2020–2023 гг. на фоне ужесточения экспортного контроля США в сферах полупроводников, искусственного интеллекта (ИИ) и вычислительной техники. Ограничения на поставки чипов и оборудования были восприняты китайским руководством как очевидная

⁵ Zhong Xing Telecommunication Equipment.

⁶ Entity List – список, составляемый Бюро промышленности и безопасности Министерства торговли США в рамках усиления экспортных ограничений.

попытка затормозить долгосрочное развитие страны. В ответ Си Цзиньпин в выступлении в мае 2021 г. на очередной ассамблее членов Китайской академии наук и Китайской инженерной академии подчеркнул, что стратегической опорой развития страны должны быть научно-технологическая самодостаточность и собственное усиление [29].

Акцент на самодостаточность напрямую связан с реакцией на внешние вызовы со стороны США. Торговая и технологическая война, начатая в 2018 г. администрацией Д. Трампа и продолженная при президенте Дж. Байдене, показала сильную уязвимость Китая от западных технологий. В ответ Си Цзиньпин поставил задачу развития собственных критически важных технологий и достижения технологического суверенитета страны. При этом Пекин, реагируя на обвинения в создании угроз безопасности другим странам, отвергает идеологическое давление и настаивает на праве развиваться по своим правилам. В этой связи в речи на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2021 г. Си Цзиньпин отметил важность уважения ключевых интересов и особенностей других стран, и недопущения менталитета "холодной войны" [29]. Сравнение заявлений председателя КНР, сделанных в 2021 г. (на ассамблее учёных в мае и на площадке ООН в сентябре), позволяет увидеть двуединую природу китайского официального дискурса: технологический национализм внутри страны и дипломатический прагматизм на мировой арене.

Данное сопоставление выявляет принципиальный концептуальный разлом в понимании суверенитета разными акторами. Если в западной политической традиции доминирующим остается его узкое определение, сводящееся к территориальному контролю и принципу невмешательства во внутренние дела, то альтернативный дискурс, конструируемый в современном Китае, предлагает существенное расширение данной категории за счет включения в нее технологического измерения. В выступлении Си Цзиньпина в Академии наук технологические цепочки, стандарты и исследовательские данные, по сути, концептуализируются как продолжение государственных границ. Подобная интерпретация наделяет критику в адрес китайских технологических корпораций или модели государственного капитализма в высокотехнологическом секторе статусом посягательства на суверенитет Китая, тем самым выводя ее из плоскости рыночной конкуренции в область межгосударственных конфликтов.

Таким образом, технологический нарратив становится ответом на конкретные вызовы – санкции Запада, технологическую блокаду, кризисы глобального управления и пандемию COVID-19 – и одновременно механизмом переосмысления роли Китая в международной системе. Этот нарратив позволяет конструировать образ государства, которое не только сталкивается с несправедливым распределением технологических ресурсов, но и предлагает альтернативную модель глобального технологического сотрудничества, ориентированную на его инклюзивное развитие и суверенное равенство. С политологической точки зрения технологический нарратив во внешнеполитическом дискурсе Си Цзиньпина выполняет функцию связующего элемента между проблемами развития, безопасности и глобального управления. Он позволяет интерпретировать конкретные кризисные события как симптомы более широкой структурной дисфункции мировой системы и легитимировать активную роль Китая в её трансформации. Именно это сочетание эмпирической обусловленности и нормативных притязаний позволяет рассматривать его как ключевой проблемный нарратив современного китайского внешнеполитического дискурса.

Сотрудничество в целях развития как проблемный нарратив во внешнеполитическом дискурсе Си Цзиньпина

Нарратив сотрудничества в целях развития во внешнеполитическом дискурсе Си Цзиньпина рассматривается как структурный ответ Китая на системные недостатки существующих международных механизмов развития, прежде всего в аспектах глобального неравенства, маргинализации стран Глобального Юга и недостаточной эффективности западной модели помощи в целях развития ("development aid"). Этот нарратив приобретает особую значимость в периоды обострения глобальных проблем, когда традиционные подходы Запада к содействию развитию оказываются недостаточными и подвер-

гаются критике, особенно в контексте Африканского континента, где Китай выступает в качестве альтернативного партнёра стран региона. Так в 2015 г., выступая на Генеральной Ассамблее ООН, Си Цзиньпин подчеркнул, что "развитие является ключом к решению всех проблем" [21]. Эта формула не только определила высокий приоритет развития в данной сфере, но и стала аргументом в поддержку тезиса о том, что традиционные западные модели помощи не способны устранить глубинные проблемы бедности и неравенства.

Проблемный характер нарратива усиливается в контексте деятельности Форума китайско-африканского сотрудничества (ФОКАК), ставшего главным международным институтом продвижения китайской внешнеполитической стратегии в области развития с начала XXI в. Постепенно он приобрёл более высокий статус, и в 2018 г., выступая с докладом на этом форуме, Си Цзиньпин сформулировал ряд инициатив, направленных на преодоление экономического и инфраструктурного отставания Африки, взяв обязательство оказать поддержку континенту в достижении продовольственной безопасности к 2030 г., а также направить пятьсот старших сельскохозяйственных экспертов Китая для обучения молодых исследователей и предпринимателей стран региона [28]. Предложенные форматы практического содействия со стороны Китая были напрямую направлены на решение важнейших структурных проблем стран Африки – низкого уровня продовольственной безопасности, недостатка технических навыков и слабой промышленной базы [14].

Пандемия COVID-19 ярко продемонстрировала ограничения в предоставлении нуждающимся странам помощи Запада. В этот период Китай активно продвигал риторику "солидарности в условиях кризиса" и критиковал узкое целеполагание западной помощи, ориентированной, прежде всего, на финансовые показатели предоставляющих её институтов, а не на потребности населения. Так, в рамках 8-го министерского совещания ФОКАК в 2021 г. Председатель КНР отметил необходимость "ставить людей и их жизни на первое место, поддерживать отказ от прав интеллектуальной собственности на вакцины от COVID-19 и на деле обеспечить их доступность в Африке, чтобы сократить разрыв в уровне вакцинации" [29]. Это высказывание фиксирует переход от общих целей развития к конкретным проблемам здравоохранения и социальной защиты и демонстрирует, как китайский нарратив формулирует структурную проблему необходимости преодоления глобальной социально-экономической несправедливости.

В 2024 г. нарратив сотрудничества в целях развития получил дальнейшее институциональное и функциональное оформление в рамках саммита ФОКАК, где Си Цзиньпин подчёркивал необходимость комплексного подхода, объединяющего экономическое, социальное и инфраструктурное развитие, отметив, что Китай готов вести взаимовыгодное сотрудничество на основе долгосрочных и фундаментальных интересов всех стран и углублять сотрудничество с Африкой в промышленности, сельском хозяйстве, инфраструктуре, торговле и инвестициях [30].

Ключевым конфликтом международного дискурса, реакцией на который стал данный нарратив, было давление и критика со стороны западных государств, оценивающих сотрудничество Китая с Африкой как форму установления "долговой зависимости" или "нового неокOLONиализма". Китайская официальная позиция последовательно отвергает такие оценки. Так, в выступлении в 2024 г. в Пекине на открытии форума ФОКАК Си Цзиньпин подчёркивал принципы невмешательства в поиск африканскими странами пути развития, соответствующего их национальным условиям, и отсутствия каких-либо политических условий [30]. Таким образом Китай стремится представить свою политику в регионе как партнёрство равных и альтернативу западной модели, часто сопровождающейся политическими требованиями к получателям такой помощи.

Особую роль в углублении данного нарратива сыграла инициатива "Пояса и пути", которая в дискурсе Си Цзиньпина всё чаще позиционируется как ответ на дефицит глобальных общественных благ – инфраструктуры, инвестиций и промышленного потенциала [15]. В то же время практика её реализации стала источником проблемных интерпретаций, связанных с обвинениями Китая в формировании "долговых ловушек" и усилении зависимости от него стран-партнёров [10, р. 7–15]. Эти обвинения стали дополнительным

вызовом, потребовавшим внесения изменений в китайский дискурс о сотрудничестве, и в речах Си Цзиньпина усиливается акцент на его добровольности и взаимной выгоде. По мнению У. Каллахана, это стало частью более широкой стратегии символического переопределения китайской роли в мировой системе [7, p. 147–169]. Она выразилась в систематическом подчёркивании в китайской риторике принципов открытости, взаимной выгоды и добровольности сотрудничества в стремлении нейтрализовать интерпретации "Пояса и пути" как инструмента геополитического давления, представляя её в качестве инклюзивной платформы развития [9, p. 9–24].

Проблемный характер нарратива сотрудничества в целях развития также усилился в контексте конкуренции моделей модернизации из-за закрепления в западном дискурсе противопоставления "либеральной" и "авторитарной" моделей развития. Китайская официальная позиция отвергает универсалистские подходы, представляя развитие как процесс, не имеющий единого нормативного шаблона. В этом смысле сотрудничество в целях развития используется для деконструкции нормативного доминирования западной модели и легитимации принципа множественности путей модернизации, что находит отражение в китайских формулировках о "пути развития, соответствующем национальным условиям" [17, p. 263–267].

Ещё одним проблемным узлом, усиливающим значимость данного нарратива, становится обострение социально-экономических последствий глобальных кризисов, включая рост бедности, продовольственную нестабильность и энергетические вызовы в странах Африки и Южной Азии [16]. Китайский дискурс сотрудничества в целях развития реагирует на эти вызовы, интегрируя их в риторику "человекоцентричного развития" и "реального улучшения условий жизни". В отличие от западных программ, ориентированных преимущественно на институциональные реформы и опосредованный характер помощи, китайский подход делает акцент на её материальных результатах (инфраструктуре, занятости, продовольственной безопасности и др.) и потребностях населения [6, p. 209–214].

Важно подчеркнуть, что проблемность этого нарратива проявляется не только во внешнеполитическом измерении, но и в символической функции внутренней легитимации внешней политики Пекина. Через постоянное обращение к проблемам глобального неравенства и несправедливости мировой системы Си Цзиньпин конструирует образ Китая как страны, прошедшей путь от бедности к развитию и поэтому обладающей моральным правом предлагать альтернативные решения. Этот дискурсивный приём усиливает связь между внутренним опытом китайской модернизации и внешней политикой сотрудничества, превращая развитие в элемент международной идентичности Китая [14]. Воспроизводимость этого нарратива в 2013–2024 гг. свидетельствует о том, что развитие в китайском внешнеполитическом дискурсе становится политизированной категорией, посредством которой Китай стремится институционально и дискурсивно трансформировать существующую систему международных отношений.

Нарратив безопасности и стабильности во внешнеполитическом дискурсе Си Цзиньпина

В рамках теории стратегических нарративов проблемные нарративы, как было показано выше, выполняют функцию не только описания угрозы, но и её интерпретации, установления причинно-следственных связей и легитимации предлагаемого государством решения [12, p. 79–81]. Нарратив безопасности и стабильности занимает в этом ряду особое место, поскольку он не просто фиксирует наличие конфликта или риска, но и задаёт нормативную рамку, в которой Китай позиционирует себя как гарант международного порядка и ответственный актор, способный купировать угрозы самой разной природы.

Результаты проведённого нами контент-анализа указывают на ряд лексем семантического поля "безопасности" ("security", "stability", "safe", "protection"), которые в совокупности входят в число наиболее частых в официальном дискурсе Си Цзиньпина, составляя около 18,3 % от общего числа выявленных проблемных нарративов (табл. 1). Важно отметить, что концептуализация безопасности в современном китайском политическом дискурсе

представляет собой сложный нарратив, в котором традиционные представления о государственном суверенитете переплетаются с новыми вызовами глобализованного мира. В этой связи Председатель Си артикулирует видение "всеобъемлющей национальной безопасности", которая выходит далеко за рамки военно-стратегических аспектов, охватывая экономическую, культурную, технологическую и даже экологическую сферы [30].

В выступлении на 19-м съезде КПК в октябре 2017 г. он подчеркнул: государство должно обеспечивать как развитие, так и безопасность, и всегда быть готовым защищаться от "потенциальных опасностей" в мирное время [24]. Данная формулировка раскрывает фундаментальное напряжение в китайской стратегии развития: императив экономической модернизации неизбежно сопряжен с необходимостью контроля над потенциальными дестабилизирующими факторами. Интерпретируя эту максиму, следует отметить, что она отражает не изоляционизм, а скорее прагматическую озабоченность руководства КНР сохранением политической стабильности в условиях социально-экономических трансформаций.

Особенно показательна другая цитата Си из выступления на Центральной конференции по работе в области национальной безопасности в 2014 г. о невозможности обеспечить национальную безопасность без выстраивания инструментов кибербезопасности [8, p. 85–87]. В данном сообщении просматривается расширительная трактовка безопасности, где информационное пространство становится критически важным полем битвы за суверенитет. Эта интерпретация легитимирует масштабные меры по контролю над цифровой сферой, которые западные наблюдатели часто критикуют как авторитарные [4, p. 26; 13]. Однако с точки зрения китайского руководства подобные меры представляют собой необходимую защиту от "идеологической инфильтрации" и "цветных революций", подрывающих государственную стабильность.

Таким образом, суть проблемного нарратива безопасности и стабильности заключается в его внутренней амбивалентности: стремление к "стабильности" часто вступает в противоречие с потребностью в инновационном развитии, требующем определенной степени информационной открытости и социальной мобильности [29]. Вместе с тем режим безопасности, построенный на тотальном контроле, рискует подавить потенциал общества, необходимый для достижения провозглашенных целей "китайской мечты".

Сравнительный анализ проблемных нарративов во внешнеполитическом дискурсе Си Цзиньпина

Несмотря на различия в содержании и риторике, выделенные нами в работе три ключевых нарратива объединяет принципиально важная черта: они не только описывают проблемные аспекты международной среды, но и активно перераспределяют ответственность за их возникновение и решение. В технологическом нарративе вина за уязвимость и риски переносится с внутренних ограничений на внешнее давление и политизацию технологий. В нарративе сотрудничества в целях развития ответственность за отставание и нестабильность развивающихся стран снимается с национальных акторов и возлагается на несправедливое устройство мировой системы. В нарративе безопасности и стабильности ответственность признается государством, но только в контексте необходимости реализации превентивных оборонительных мер и ответов на потенциально возникающие угрозы.

Во всех случаях Китай последовательно исключает себя из числа источников проблем и, напротив, конструирует образ актора, предлагающего более эффективные, альтернативные решения. С политологической точки зрения данные нарративы выполняют взаимодополняющие функции. Технологический нарратив ориентирован преимущественно на мобилизацию, легитимацию внутренней политики и обоснование стратегии технологической автономии в условиях внешнего давления. Нарратив сотрудничества в целях развития, в свою очередь, имеет выраженную внешнюю направленность и служит инструментом формирования международных коалиций, укрепления связей с Глобальным Югом и продвижения альтернативных норм международного взаимодействия. Нарратив безопасности и стабильности сочетает элементы двух других нарративов, подчеркивая превентивную стратегию Китая в ответ на возможные дестабилизирующие факторы, возникающие как во вну-

тренней, так и во внешней среде. В совокупности они формируют целостную картину внешнеполитического дискурса Си Цзиньпина, в которой конфликт и сотрудничество выступают не как взаимоисключающие стратегии, а как разные режимы реагирования на возникающие вызовы мировой политики.

Заключение

Результаты исследования показывают, что различия между проблемными нарративами определяются, прежде всего, их ключевыми задачами. Технологический нарратив характеризуется высокой степенью секьюритизации и ориентирован на внутреннюю консолидацию и мобилизацию в условиях внешнего давления. Нарратив сотрудничества в целях развития, напротив, использует деполитизированный и кооперативный язык, направленный на расширение внешнеполитических связей и формирование коалиций среди стран Глобального Юга. Нарратив безопасности и стабильности аккумулирует механизмы информационного, технологического и военного потенциала страны для оперативных реакций на угрозы широкого спектра во внутренней и внешней среде: от сфер политики и экономики до экологических проблем. При этом каждый нарратив служит элементом более широкой стратегии нормативного позиционирования Китая как актора, способного предложить альтернативное видение мирового порядка.

В целом, проблемные нарративы во внешнеполитическом дискурсе Си Цзиньпина отражают переход Пекина от адаптивной стратегии участия на основе правил, установленных преимущественно западными международными институтами, к более активной роли в формировании правил, норм и интерпретаций мировой политики. С помощью формирования и продвижения стратегических проблемных нарративов Китай не только реагирует на внешние вызовы, но и конструирует собственную идентичность как ответственного лидера, представителя интересов развивающегося мира и альтернативного центра нормативного влияния. Это, в свою очередь, позволяет оценивать рассмотренные нарративы не просто как элемент усиления риторики, а как системообразующий элемент современной китайской внешней политики.

Литература / References

1. Милькова А. А. Возможности теории стратегических нарративов в анализе внешнеполитического дискурса Китая при председателе Си Цзиньпине. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2025. № 2. С. 82–92. <https://doi.org/10.20542/afij-2025-2-82-92>
Milkova A. A. Possibilities of strategic narratives theory in the analysis of China's foreign policy discourse under Chairman Xi Jinping. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal RAN*. 2025. No. 2. P. 82–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/afij-2025-2-82-92>
2. Салицкий А. И. Китайский дискурс глобального управления: эволюция и основные составляющие. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 6. С. 138–160.
Salitskiy A.I. Chinese discourse of global governance: evolution and main components. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. 2019. Vol. 12, No. 6. P. 138–160. (In Russ.)
3. Хархордин О. В. Политика нарратива и нарратив политики: к методологии анализа. *Политическая наука*. 2018. № 3. С. 12–34.
Kharkhordin O.V. Politics of narrative and narrative of politics: toward a methodology of analysis. *Politicheskaya nauka*. 2018. No. 3. P. 12–34. (In Russ.)
4. Arsène S. Internet Domain Names in China: Articulating Local Control with Global Connectivity. *China Perspectives*. 2019, No. 1. P. 25–34.
5. Callahan W. A. *China: The Pessimist Nation*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 261 p.
6. Callahan W. A. National insecurities: Humiliation, salvation, and Chinese nationalism. *Alternatives*. 2004. Vol. 29, No. 2. P. 209–214.
7. Callahan W. A. *China Dreams: 20 Visions of the Future*. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 147–169.
8. Creemers R. Cyber China: Upgrading propaganda, public opinion work and social management for the twenty-first century. *Journal of Contemporary China*. 2017. Vol. 26, No. 103. P. 85–100.
9. Diamond L., Plattner M. *Democracy in Decline?* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015. P. 9–24.
10. Hurley J., Morris S., Portelance G. *Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative*. Washington, DC: Center for Global Development, 2018. P. 7–15.

11. Maines D. R. Narrative's Moment and Sociology's Phenomena - toward a Narrative Sociology. *Sociological Quarterly*. Vol. 34, No. 1. P. 17–37.
12. Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. *Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order*. New York: Routledge, 2013. 176 p.
13. Roberts M. *Censored: Distraction and Diversion Inside China's Great Firewall*. Princeton: Princeton University Press, 2018. 288 p.
14. State Councilor Wang Yi. Keynote Speech at the Coordinators' Meeting on FOCAC implementation. Beijing, 30 May 2024. URL: <https://www.fmprc.gov.cn> (accessed 27.02.2026)
15. UNDP. *Human Development Report 2022: Uncertain Times, Unsettled Lives*. New York: United Nations, 2022. (accessed 06.01.2026)
16. UNDP. *Human Development Report 2022*. New York: United Nations, 2022. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2021-22> (accessed 06.01.2026)
17. Van Dijk T. A. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: SAGE Publications. 1998. P. 6–8, 263–267.
18. Van Leeuwen T. *Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis*. New York: Oxford University Press. 2008. P. 105–123.
19. Wang J. Soft power and the rise of China. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616. P. 257–273.
20. Weldes J. Constructing national interests. *European Journal of International Relations*. 1996. Vol. 2, No. 3. P. 275–318. <https://doi.org/10.1177/1354066196002003001>
21. Wodak R. *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. 2nd ed. London: Palgrave Macmillan, 2011. 102 p.
22. Xi Jinping. Remarks at the Central Conference on Work Relating to National Security. Beijing, 29 November 2014. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjbjzzjg_663340/xws_665282/xgxw_665284/202406/t20240606_11405668.html (accessed 22.02.2026)
23. Xi Jinping. Statement at the General Debate of the 70th Session of the UN General Assembly. New York, 28 September 2015. URL: <https://www.fmprc.gov.cn> (accessed 22.02.2026)
24. Xi Jinping. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era. Report to the 19th National Congress of the Communist Party of China. Beijing, 18 October 2017. URL: <https://www.neac.gov.cn/seac/c103372/202201/1156519.shtml> (accessed 23.02.2026)
25. Xi Jinping. Speech at the 19th Meeting of Academicians of the Chinese Academy of Sciences and Chinese Academy of Engineering. Beijing, 28 May 2018. URL: https://www.xinhuanet.com/english/2018-05/29/c_137213175.htm (accessed 23.02.2026)
26. Xi Jinping. Xi stresses sci-tech self-reliance at higher levels. Beijing, 28 May 2021. URL: https://english.www.gov.cn/news/topnews/202105/28/content_WS60b0f926c6d0df57f98da5e9.html (accessed 23.02.2026)
27. Xi Jinping. Statement at the General Debate of the 76th Session of the UN General Assembly. New York, 21 September 2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn> (accessed 23.02.2026)
28. Xi Jinping. Keynote Speech at the Opening Ceremony of the FOCAC Beijing Summit. Beijing, 3 September 2018. URL: <https://www.fmprc.gov.cn> (accessed 22.02.2026)
29. Xi Jinping. Full text: Xi Jinping's keynote speech at opening ceremony of 8th FOCAC ministerial conference. CGTN. 30 November 2021. URL: <https://news.cgtn.com/news/2021-11-30/Full-Text-Xi-s-keynote-speech-at-8th-FOCAC-ministerial-conference-15ANhxm2UtG/index.html> (accessed 06.01.2026).
30. Xi Jinping. Keynote address by Chinese President Xi Jinping at opening ceremony of 2024 FOCAC summit. Beijing, 5 September 2024. URL: <https://en.chinadiplomacy.org.cn> (accessed 27.01.2026)

Информация об авторах

Сергей Витальевич Севастьянов, д-р полит. наук, профессор Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ssevastyanov@hse.ru

Анастасия Андреевна Милькова, аспирант Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", Санкт-Петербург, Россия, e-mail: a.milkova@hse.ru

Information about the authors

Sergei V. Sevastianov, Doctor of Political Sciences, Professor, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia, e-mail: ssevastyanov@hse.ru

Anastasia A. Milkova, Postgraduate Student, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia, e-mail: a.milkova@hse.ru

Научная статья
УДК 551.41:327+341.655
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/134-144>

Западные санкции против проекта "Арктик СПГ – 2": логика, хронология и роль Китая в их преодолении

Яна Валерьевна Лексютина
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, lexyana@ya.ru
Лю Фанмин
Первый институт океанографии Министерства природных ресурсов Китая,
Циндао, Китай, liufangming@fio.org.cn
Чжоу Гээр
Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, 18742550420@163.com

Аннотация. В статье анализируется санкционная практика США и ЕС в отношении проекта "Арктик СПГ – 2" и реализация проекта в условиях ограничений. Цель статьи – оценка влияния западных санкций на проект "Арктик СПГ – 2" и участие в нём Китая. В статье раскрывается мотивация, логика и алгоритм введения Вашингтон и Брюсселем санкций против проекта, прослеживается процесс его реализации в условиях нарастающего давления и оценивается влияние санкций на сотрудничество России с Китаем по проекту. В качестве концептуальной объяснительной рамки применяется теория международных союзов. Делается общетеоретический вывод об ограниченной эффективности санкций, когда им противостоят прочные геополитические союзы/квасоюзы, и частный вывод о том, что российско-китайское сотрудничество смогло компенсировать последствия введённых против "Арктик СПГ – 2" санкций.

Ключевые слова: Арктика, СПГ, Россия, Китай, "НОВАТЭК", "Арктик СПГ – 2", санкции, энергетическая отрасль, США, природный газ, газозовыArc7

Статья выполнена за счёт гранта по проекту научно-технического сотрудничества в области морской науки и техники в рамках программы "UN Ocean Decade" (GHKJ2024003).

Для цитирования: Лексютина Я. В., Лю Фанмин, Чжоу Гээр. Западные санкции против проекта "Арктик СПГ – 2": логика, хронология и роль Китая в их преодолении // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 2. С. 134–133. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/134-144>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/134-144>

Western sanctions against the Arctic LNG 2 project: logic, chronology, and China's approach

Yana V. Leksyutina
European University in Saint-Petersburg, Saint-Petersburg, Russia, lexyana@ya.ru
Liu Fangming
First Institute of Oceanography, Ministry of Natural Resources of China, Qingdao, China, liufangming@fio.org.cn
Zhou Geer
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, 18742550420@163.com

Abstract. This article analyzes US and EU sanctions against the Arctic LNG 2 project and its development under sanctions. The article aims to assess the impact of Western sanctions on the Arctic LNG 2 project and China's participation in it. It explores the motivation, logic, and algorithm for Washington and Brussels' sanctions against the project, traces project's implementation under increasing sanctions pressure, and assesses the impact of sanctions on Russia's cooperation with China on this project. International alliance theory is used as a conceptual explanatory framework. A general theoretical conclusion is reached regarding the limited effectiveness of sanctions when countered by strong geopolitical alliances/quasi-alliances, and a specific conclusion is reached that Russia-China cooperation has offset the impact of the sanctions imposed on Arctic LNG 2.

Key words: Arctic, LNG, Russia, China, Novatek, Arctic LNG 2, sanctions, energy industry, USA, natural gas, Arc7 LNG tankers

The article is supported by the "UN Ocean Decade" Marine Science and Technology Cooperation Project (GHKJ2024003).

For citation: Leksyutina Ya. V., Liu Fangming, Zhou Geer. Western sanctions against the Arctic LNG 2 project: logic, chronology, and China's approach // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 134–144. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/134-144>

Введение

В российской Арктике одним из наиболее крупных и значимых в контексте комплексного освоения прилегающих территорий является реализуемый компанией "НОВАТЭК" проект "Арктик СПГ – 2" по развитию на Гыданском полуострове крупнотоннажного производства сжиженного природного газа (СПГ) и его доставки зарубежным потребителям. На текущий момент это крупнейший российский проект в области СПГ с запланированной ежегод-

ной мощностью 19,8 млн т. СПГ и 1,6 млн т. стабильного газового конденсата. Проект уникален своими экологическими характеристиками, состоящими в использовании технологических решений, позволяющих минимизировать воздействие на уязвимую окружающую среду Крайнего Севера. Он способствует комплексному освоению территорий и оказывает мультипликативный экономический эффект: под проект создавалось специальное технологическое оборудование и производственные мощности, строится флот газозовов высокого ледового класса, обеспечивая развитие судостроительной отрасли, на Камчатке и в Мурманской области были размещены плавучие хранилища и пр. Проект способен серьезно увеличить мощности России по сжижению газа, что рассматривается в российской энергетической стратегии в качестве важного шага в сохранении за страной конкурентоспособности и лидерства на мировом газовом рынке.

Именно этот проект попал под прицел западных санкций в русле оказания США и ЕС давления на российскую энергетическую отрасль после февраля 2022 г. Против него стала реализовываться агрессивная санкционная политика, включающая санкции против зарубежных технологических партнеров и поставщиков оборудования для реализации этого проекта, против газозовов, загружающих арктический СПГ, судоверфей и операторов, строящих и эксплуатирующих газозовы. Санкции США, опасность попадания под которые состоит в их экстерриториальном характере, были введены против самой компании-оператора проекта "Арктик СПГ – 2", плавучих хранилищ газа "Коряк" и "Саам", строящихся на верфи "Звезда" газозовов ледового класса Arc7, конвенциональных газозовов, подозреваемых в вывозе СПГ с "Арктик СПГ – 2". Такая агрессивная политика поставила под вопрос возможность реализации проекта и полноценной работы завода после ввода его в эксплуатацию, а также, соответственно, планы Правительства РФ по закреплению в мировой "четвёрке" лидеров по экспорту СПГ и развитию Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ).

В силу новизны самого предмета исследования научная литература по рассматриваемой в статье тематике немногочисленна. В российском научном поле это, в большинстве своём, статьи, подготовленные профильными специалистами энергетической или судостроительной отраслей, рассматривающие сугубо технические вопросы производства СПГ и строительства судов высокого ледового класса в России в условиях ужесточающихся санкций, в т.ч. вопросы импортозамещения оборудования и компетенций. Статей, рассматривающих санкции против "Арктик СПГ – 2" с позиции международно-политической перспективы и теоретизации, мало. Это либо статьи по тематике санкций в общем, либо статьи обучающихся в России китайских аспирантов, ведущих исследования по арктической тематике, популярность которой в Китае до сих пор находится на высоком уровне. Статей китайских ученых на китайском языке по рассматриваемой тематике мало, что связано, по всей видимости, с избеганием ими вынесения в публичное поле "деликатной" тематики оказания Китаем поддержки России в вопросах уклонения от санкций. Западные публикации, как правило, практикоориентированы (в формате "policy papers"), в них оценивается влияние санкций на российские СПГ-проекты и жизнеспособность российского энергетического сектора с целью разработки рекомендаций для правительств по совершенствованию санкционной политики. Особое внимание в них уделяется выявлению практик уклонения от санкций, деятельности "теневого флота", "серых схем" и проч. [19; 20]. Примечательно, что в экспертной литературе успешность реализации проекта "Арктик СПГ – 2" в условиях санкций нередко рассматривается как лакмусовая бумага или проверка, с одной стороны, эффективности проводимой Россией политики импортозамещения и, с другой – способности российской СПГ-отрасли развиваться в условиях санкций [9, p. 19; 20].

Отсутствие массива научной литературы по тематике, которая рассматривается в данной статье, связано не только с новизной тематики, но и тем, что, как отмечают М.Л. Энтин, Е.Г. Энтина, С.Б. Давранова и А.М. Наджаров, проблематика санкций почти не вписана в теоретический контекст науки о международных отношениях [9] и, как полагает Б.И. Ананьев, до сих пор находится в серой зоне объяснительного потенциала реализма и либерализма – двух основных парадигм теории международных отношений [1].

Данная статья, рассматривая частный случай преодоления Россией западных санкций против "Арктик СПГ – 2" (используя метод "case studies"), в качестве концептуальной объяснительной рамки использует теорию международных альянсов/союзов и с опорой на неё демонстрирует, как геополитические союзы – в данной статье речь идёт о российско-китайском геополитическом квази-союзе – могут компенсировать последствия санкций в стратегически важных секторах экономики (в данном случае – нефтегазовом) и регионах (таких, как Арктика).

Цель статьи состоит в оценке влияния западных санкций на "Арктик СПГ – 2" – российский флагманский проект в области производства СПГ, расположенный в прирастающем геополитическим значением регионе (Арктике), – и на участие в нём близкого квази-союзника России – Китая. В первом разделе раскрывается мотивация Запада во введении санкций против российского СПГ-сектора и проекта "Арктик СПГ – 2" в частности, при этом фиксируются как общие для европейских стран и США цели, так и различающиеся. Во втором разделе реконструируется ход и хронология западных ограничений на поставку оборудования и оказание услуг для проекта "Арктик СПГ – 2" в контексте их влияния на проект. Третий раздел статьи освещает вопрос организации транспортировки СПГ с арктического завода потребителям в условиях ужесточающихся санкций. Наконец, в последнем, завершающем статью разделе, раскрывается роль Китая в преодолении последствий санкций на российский проект.

Мотивация введения санкций

Официально артикулируемой целью введения Западом санкций против российского энергетического сектора является способствовать снижению доходов, которые Россия получает от реализации нефтегазовых ресурсов и которые рассматриваются западными странами как финансовая база для продолжения СВО на Украине. Примечательно, что за два года, последовавшие после начала СВО, значение СПГ для российской экономики значительно возросло: в 2023 г. на СПГ приходилась треть всего объёма российского газового экспорта [13, p. 2]. Увеличение экспорта СПГ компенсировало падение экспорта трубопроводного газа. В 2022 г. Франция, Бельгия, Испания и Нидерланды закупили рекордные объёмы российского СПГ, компенсируя выпавшие, связанные с прекращением поставок трубопроводного газа из России. При этом, ввиду возросшей рентабельности производства СПГ, российское Правительство в 2022 г. повысило налоговую ставку для экспортёров СПГ с 20 до 34%, что, по некоторым оценкам, принесло государству дополнительные доходы в размере 3,5 млрд долл. [19, p. 12].

Помимо объединяющей западные страны цели снижения российских доходов от экспорта СПГ, у США есть свои частные, коммерческие интересы, заключающиеся в подрыве позиций России на мировых энергетических рынках и в сдерживании развития российских мощностей производства СПГ с его последующим экспортом на мировые рынки. Иными словами, это устранение сильного конкурента на мировом газовом рынке. Так, на европейском рынке уже произошло серьёзное замещение импортных потоков газа: к настоящему времени США удалось стать крупнейшим поставщиком СПГ в ЕС с долей почти 58% от общего объёма импорта СПГ, за период с 2021 по 2025 гг. импорт из США утроился [20].

Связано это с тем, что в мировой энергетике отмечается тенденция опережающего роста мирового рынка СПГ по сравнению с рынком трубопроводного газа. Доля СПГ в мировой торговле газом уже порядка 45% [8], тогда как в 2011 г. она составляла 29%. С 2000 по 2025 гг. мировой экспорт СПГ вырос почти в 4 раза, составив 430 млн т, и, согласно экспертным оценкам, на горизонте 5–10 лет может увеличиться ещё на 50% от уровня 2025 г., достигнув 600–650 млн т [7]. В основе роста – возрастающий импорт СПГ Китая и Индии, на долю которых уже скоро придётся до 40% мирового прироста спроса. Высокий спрос на СПГ связан как с общими характеристиками природного газа как самого экологически чистого ископаемого топлива, так и с его особенностью как наиболее доступного природного газа по способу доставки до потребителя и не требующего заключения долгосрочных контрактов.

Газовый рынок, и особенно рынок СПГ, высококонкурентный. Ведущим мировым экспортёром СПГ сейчас выступают США. Но ситуация может быстро поменяться, поскольку страны-экспортёры вводят в эксплуатацию новые производственные мощности, способные быстро изменить расстановку сил. Если в 2021 г. крупнейшими мировыми экспортёрами СПГ были Австралия (с долей 21,1% мирового экспорта СПГ), Катар (20,7%), США (18%) и Россия (7,9%) [10, p. 36], в 2024 г. ими стали США (21,2%), Катар (19,6%), Австралия (19,6%) и Россия (8,1%) [17, p. 43].

Россия относительно поздно вышла на мировой рынок СПГ, но динамика её вхождения была быстрой. За несколько лет АЗРФ вошла в число мировых центров производства СПГ [4, с. 67]. В 2020–2021 гг. Правительство РФ в ряде документов зафиксировало масштабные планы развития производства и экспорта СПГ, определяющую роль в которых играли арктические проекты. На момент начала СВО на Украине помимо уже действовавших СПГ-заводов ("Сахалин – 2" и "Ямал СПГ"), был запланирован ещё целый ряд крупных проектов: "Арктик СПГ – 2", "Обский СПГ", "Дальневосточный СПГ", "Арктик СПГ – 1" и "Арктик СПГ – 3", "Владивосток СПГ", "Якутск СПГ", "Кара СПГ" и проч. [6, с. 40]. Их успех позволил бы России занять значительную нишу на мировом рынке, что, вероятно, привело к восприятию России в Вашингтоне как сильного конкурента.

Как открыто обозначил тогдашний помощник госсекретаря США Дж. Пайатта, США стали целенаправленно работать над подрывом статуса России как ведущего поставщика углеводородов, вводя санкции против компаний, участвующих в нефте- и газодобыче. Как он отметил, отказ Европы от российских углеводородов "знаменует собой необратимое изменение на международной энергетической карте", "Россия никогда больше не будет рассматриваться как надёжный поставщик энергии", и "этот сдвиг приведёт к реальным долгосрочным потерям для России как с точки зрения её глобального энергетического влияния, так и будущих доходов от энергетики" [11, p. 10].

С 2022 г. санкции США стали вводиться в отношении российских СПГ-проектов, затронув такие, как "Якутск СПГ", "Криогаз-Высоцк", "Портовая", СПГ-завод в Усть-Луге, "Мурманск СПГ", "Арктик СПГ – 1", "Арктик СПГ – 3", "Обский ГХК" и проч. Наибольшее давление стало оказываться на "Арктик СПГ – 2", что, вероятно, связано с тем, что он рассматривается в Вашингтоне как флагманский проект по производству СПГ, запущенный "с целью превращения России в крупнейшего в мире экспортёра СПГ" [12, p. 32]. США и их союзники начали "агрессивную программу западных санкций" против "Арктик СПГ – 2" с заявленной целью "убить этот проект" посредством санкций [18].

Развитие "Арктик СПГ – 2" в условиях западных ограничений на поставку оборудования и оказание услуг

Организация крупнотоннажного производства СПГ в северных широтах и доставки произведенного СПГ на мировые рынки по Северному морскому пути сама по себе представляет собой сложный процесс, требующий наличия особых технологий, компетенций и огромных финансовых вложений. После февраля 2022 г. ко всем объективно существующим сложностям в процессе реализации "Арктик СПГ – 2" добавилось ещё и санкционное давление.

Сначала западные санкции были нацелены в целом на российский энергетический сектор, включая срыв планов России по развитию СПГ-индустрии. Они не были адресно направлены против "Арктик СПГ – 2", хотя, очевидно, что под удар попадал именно этот проект. В апреле 2022 г. ЕС, чьи компании выступали главными технологическими партнёрами и подрядчиками "Арктик СПГ – 2", ввёл запрет на продажу, поставку, передачу или экспорт в Россию оборудования и технологий, требующихся для производства СПГ. Как следствие, многие европейские сервисные компании прекратили свою деятельность в России, поставки европейского высокотехнологического оборудования для газодобычи и производства СПГ постепенно были прекращены. Между тем, комментируя в октябре 2022 г. влияние на проект введённых санкций, глава "НОВАТЭК" Л. Михельсон указал на то, что компания успела получить от зарубежных поставщиков основное оборудование по всем трём линиям проекта, и Требуется "локализовать или решить вопрос с тремя – че-

тырмья единицами оборудования" [8]. Т. е. влияние санкций оценивалось как не способное сорвать проект. На конец 2021 г. готовность проекта оценивалась в 59%, а строительство 1-й технологической линии по производству СПГ – в 78% [21, р. 6]. К концу 2022 г. более 90% необходимого оборудования было законтрактовано, общая завершённость проекта составляла 73%, 1-я линия была готова на 95%, было пробурено 79 добывающих скважин, обеспечивающих достаточные запасы газа для начала эксплуатации [16, р. 59].

На фоне введённых ЕС ограничений, ключевой задачей для России в русле развития сектора СПГ стала разработка собственных технологических решений и развитие производственного потенциала в области сжижения природного газа. На самом деле, курс на локализацию производства и импортозамещение в России был обозначен ещё с 2014 г. В 2021 г., в частности, был запущен федеральный проект "Прорыв на рынки СПГ", нацеленный на обеспечение проектов по производству СПГ российскими оборудованием и технологиями, а также, в более широком смысле, на достижение долгосрочной технологической независимости СПГ-проектов в России. В январе 2025 г. проект был упразднён, но соответствующее направление работы предусмотрено в рамках реализации нового национального проекта ("Новые атомные и энергетические технологии"), включившего федеральный проект "Оборудование для производства СПГ". По оценкам А. Новака, к концу 2025 г. 21 вид специализированного СПГ-оборудования был импортозамещён [7].

Адаптируясь к уходу западных подрядчиков с проекта (в т.ч. итальянской "Saipem", немецкой "Linde", французской "Technip"), "НОВАТЭК" был вынужден изменить концепцию завода и поменять подрядчиков. Для 2-й и 3-й технологических линий было решено построить электростанцию для обеспечения электроэнергией приводов вместо ранее запланированных газовых турбин для работы компрессоров, насосов и другого оборудования. Это потребовало увеличение стоимости проекта с первоначальных 21,3 до 25 млрд долл. [2].

На место покинувших Россию европейских компаний пришли новые подрядчики, которые стали предоставлять строительные и инжиниринговые услуги, – "Арктик Энерджис" и её дочерние фирмы ("Энерджис" и "Нова Энерджис"), "Велес-Строй". Но уже в сентябре 2023 г. они были включены в SDN List США.

В целом, санкции повлияли, но не сорвали реализацию проекта "Арктик СПГ – 2". Изначально планировалось, что завод будет включать 3 технологические линии общей мощностью 19,8 млн т/год СПГ и графиком ввода в эксплуатацию в 2023 г., 2024 и 2025 гг. соответственно. На начало 2026 г. в работу введены две технологические линии: 1-я начала производство в декабре 2023 г., а 2-я была доставлена к месту работы в августе 2024 г. По неофициальным данным, сроки строительства 3-й линии перенесены по меньшей мере на 2028 г.

С введением в эксплуатацию 1-й линии вопросом, требующим решения, оставалась организация вывоза произведенного СПГ зарубежным покупателям. Основными задачами выступали обеспечение проекта достаточным количеством газозовов высокого ледового класса и выстраивание оптимальной транспортно-логистической цепочки.

Влияние санкций на обеспеченность арктических проектов газозовами высокого ледового класса Arc7, критически необходимых для организации вывоза произведенного СПГ, оказалось ощутимым. Для транспортировки СПГ с "Арктик СПГ – 2" изначально планировалось строительство 21 газозова класса Arc7, из которых 15 должна была построить российская судоверфь "Звезда" (в технологическом партнёрстве с южнокорейской "Samsung Heavy Industries") и 6 – южнокорейская "Hanwha Ocean" (бывшая "DSME"), ранее построившая 15 таких газозовов для "Ямал СПГ". Все 6 газозовов, согласно контракту, были построены "Hanwha Ocean", но их передача заказчикам была заблокирована санкциями.

Со строительством газозовов на верфи "Звезда" возникли задержки, связанные с необходимостью импортозамещения специального мембранного

покрытия, криогенного оборудования¹ и ключевых элементов пропульсивных комплексов. Из проекта вышли французская "GTT", специализирующаяся на производстве газовых мембран, и производитель судовых двигателей "MAN" и "Wärtsilä". "Samsung Heavy Industries" отозвала всех своих рабочих с верфи "Звезда", что вынудило расторгнуть с ней подписанные в 2019 и 2020 гг. контракты.

На текущий момент только 1 из 15 газозовов был построен и передан (в декабре 2025 г.) судоверфью "Звезда" заказчику (Совкомфлоту). "Алексей Косыгин" стал первым газозовом высокого ледового класса Arc7, построенным в России. На "Арктик СПГ – 2" ныне работают 2 газозова высокого ледового класса Arc7 ("Кристоф де Маржери"² и "Алексей Косыгин"), 4 газозова ледового класса Arc4 – "Буран", "Восход", "Ирис", "Заря" – и конвенциональные танкеры – "Arctic Pioneer", "ArcticVostok", "NovaEnergy" и "Arctic Mulan". Все они числятся в санкционных списках Запада.

Нехватка мощных газозовов класса Arc7 ныне сдерживает реализацию проекта "Арктик СПГ – 2". Уже действующие 1-я и 2-я технологические линии работают не на полную мощность ввиду отсутствия необходимых для вывоза производимого СПГ газозовов высокого ледового класса.

Сложности с логистикой в условиях санкций

Необеспеченность проекта необходимым количеством газозовов высокого ледового класса отнюдь не ограничивала весь спектр сложностей, с которыми столкнулся проект. Важно было наладить логистическую схему транспортировки произведённого СПГ конечным покупателям с использованием сложного для навигации Северного морского пути.

Для перевозки СПГ с заводов "НОВАТЭК" на полуостровах Ямал и Гыдан в целях оптимизации логистики и сокращения транспортных расходов была разработана схема, когда произведённый на арктических заводах СПГ газозовами ледового класса Arc7 доставляется для перевалки на плавучие хранилища СПГ³ ("Коряк" ПХГ, расположенный в бухте Бечевинская на Камчатке, и "Саам" ПХГ в Ура-Губе в Мурманской области) для кратковременного хранения, или методом борт-в-борт на конвенциональные суда. Это позволяет частично снизить потребность в судах ледового класса Arc7 [2, с. 159] путём их эффективного использования – лишь там, где в этом есть настоятельная необходимость в силу ледовой обстановки (на отрезке от Баренцева до Охотского моря). С плавучих хранилищ СПГ принимают газозовы более низкого ледового класса Arc4 или вообще без ледового класса для дальнейшей доставки зарубежным покупателям.

Со второй половины 2023 г. вопрос организации логистики стал усугубляться санкциями. В сентябре 2023 г. США ввели санкции против дочерней компании "НОВАТЭК" – "Арктическая перевалка", под управлением которой находятся два плавучих хранилища "Коряк" и "Саам". Под санкции попали и плавучие хранилища, что создало необходимость пересмотра первоначальной логистической схемы продажи и доставки потребителям газа с "Арктик СПГ – 2", предполагавшей продажу СПГ на условиях FOB с его доставкой на перевалочные терминалы и вывозом с терминалов уже непосредственно силами покупателей СПГ. В условиях введённых санкций для танкеров покупателей СПГ возникали риски попадания под вторичные санкции.

В ноябре 2023 г. Вашингтон ввёл санкции против оператора проекта ("Арктик СПГ – 2"), что открывало возможность для введения вторичных санкций для всех, контактирующих с этим оператором. После анонсирования этих санкций иностранные акционеры "Арктик СПГ – 2" – французская "Total

¹ Ушедшая из России французская "Gaztransport & Technigaz" успела оснастить системами хранения СПГ мембранного типа Mark III только два газозова.

² После попадания под санкции ЕС в декабре 2024 г. "Кристоф де Маржери", ранее работавший на проекте "Ямал СПГ", был переориентирован на вывоз СПГ с проекта "Арктик СПГ – 2".

³ Плавучие хранилища "Коряк" и "Саам" были построены по заказу дочерней компании "НОВАТЭК" "Арктическая перевалка" на южнокорейской верфи "DSME" (ныне "Hanwha Ocean") и введены в строй в 2023 г.

Energies", китайские "CNPC" и "CNOOC" и "Japan Arctic LNG", консорциум японских "Mitsui" и "JOGMEC" – объявили форс-мажор, что освобождало их от финансовых обязательств и от обязательств по выполнению контрактов на закупку СПГ.

В феврале 2024 г. санкции США распространились на компании, связанные со строительством технологических линий и газозовов Arc7 для проекта "Арктик СПГ – 2" и их фрахта. Санкции были введены против судоверфи "Звезда", ответственной за строительство газозовов для перевозки СПГ с "Арктик СПГ – 2", против "Смарт СПГ", Совкомфлота и его дочерних компаний, ответственных за эксплуатацию строящихся на верфи "Звезда" газозовов, против "НОВАТЭК-Мурманск", контролирующего Центр строительства крупнотоннажных морских сооружений в пос. Белокаменка Мурманской области, где строились основания гравитационного типа, на которых монтировалось оборудование технологических линий "Арктик СПГ – 2".

Очевидно, США скорректировали применение санкций, сосредоточив внимание на логистической составляющей проекта "Арктик СПГ – 2". Целью стало затруднить сбыт российского СПГ и увеличить транзакционные издержки путём введения санкций против газозовов, заказанных для новых проектов и тех, которые участвовали в транспортировке СПГ с этих новых предприятий [21, р. 3].

В июне 2024 г. под американские санкции попали семь строящихся газозовов Arc7 для проекта "Арктик СПГ – 2", три на тот момент уже почти достроенных газозова "Алексей Косыгин", "Пётр Столыпин" и "Сергей Витте" и четыре строящихся (в т. ч. "Константин Посьет" и "Виктор Черномырдин"). Под санкции США попал "Penglai Jutal" – оператор судостроительной верфи в Китае, которая сконструировала и отгрузила модули для технологических линий "Арктик СПГ – 2".

В мае 2024 г. США приступили к блокированию "теневого флота" газозовов, используемых для вывоза СПГ с "Арктик СПГ – 2". Были введены санкции в отношении 4 компаний и 16 морских судов, имеющих отношение к "Арктик СПГ – 2". В том числе под санкции попали две компании-операторы специализированных судов, участвовавших в перевозке модулей для технологических линий "Арктик СПГ – 2" и их суда (сингапурская "Red Box" и гонконгская "CFU Shipping" и их суда). В августе 2024 г. этот список был расширен. Среди прочих в него вошли газозовы "Pioneer", "Asya Energy", "Everest Energy", "North Way", "North Air", "North Mountain", "North Sky", и компании ими управляющие (среди них были компании из ОАЭ и Индии).

Давление на проект "Арктик СПГ – 2" нарастало. В июне 2024 г. в рамках 14-го пакета санкций ЕС наложил запрет на услуги по перевалке российского СПГ на территории ЕС с целью его отправки в третьи страны, на новые инвестиции, поставку товаров и услуг для завершения реализуемых СПГ-проектов, на импорт российского СПГ через терминалы ЕС, не подключенные к системе газопроводов. 17 декабря 2024 г. в 15-й пакет санкций ЕС попали 7 газозовов, осуществлявших транспортировку произведенного в российской Арктике СПГ: 1 из 15 газозовов Arc7, осуществлявший вывоз СПГ с завода "Ямал СПГ" ("Кристоф де Маржери") и газозовы "Pioneer", "LaPerouse", "North Way", "North Sky", "North Air" и "North Mountain". Это означало запрет на заходы этих судов в порты ЕС и предоставление им услуг, связанных с морскими перевозками, в т. ч. страховыми услугами.

В январе 2025 г. под санкции США попало несколько базирующихся в Китае компаний, включая производственную верфь и оператора судна, участвовавших в строительстве и транспортировке модулей генерации электроэнергии для "Арктик СПГ – 2": "Zhoushan Wison" была внесена в санкционный лист за строительство и поставку модулей для генерации электроэнергии для проекта, а "Hongkong Yaqing Shipping" – как оператор судна, их перевозившего. Санкции были введены и против 8 дочерних компаний "Novatek China", созданной в августе 2023 г. и занимавшейся сбытом СПГ с проекта "Арктик СПГ – 2". Тем самым Вашингтон продемонстрировал вторичные санкции в действии.

23 октября 2025 г. ЕС принял 19-й пакет санкций, включавший запрет на импорт российского СПГ: по краткосрочным контрактам с апреля 2026 г., по долгосрочным – с января 2027 г. Также были введены санкции против 117

судов "теневого флота". Наконец, в январе 2026 г. ЕС официально обнародовал решение о поэтапном отказе от импорта российского трубопроводного газа и СПГ, согласно которому импорт российского СПГ будет полностью запрещен с 1 января 2027 г. [14].

Все указанные сложности и санкции оказывают сильное влияние на вывоз СПГ с завода "Арктик СПГ – 2". Хотя завод начал работать с конца 2023 г., отгрузки СПГ на постоянной основе с него начались только в августе 2025 г. и пока единственным покупателем выступает Китай.

Поход Китая к участию в подсанкционном проекте

Факт взаимодействия Китая с "Арктик СПГ – 2" сложно назвать уникальным. У Китая уже накоплен обширный опыт сотрудничества со странами, находящимися под западными санкциями, в т.ч. по линии импорта углеводородов. Уже нарабатана практика взаимодействия с подсанкционными нефтяными компаниями – Китай выстраивает "ось уклонения", которая позволяет ему получать в краткосрочной перспективе выгоду от дисконтированного импорта нефти и одновременно путём создания альтернативных торговых и платёжных систем защитить поставки от экономических ограничений. Так, в последние годы Китай нарастил импорт иранской и венесуэльской нефти, создав параллельную сеть грузоотправителей, нефтеперерабатывающих заводов и финансовых учреждений, "теневого флота", позволяющих скрыть импорт и обойти санкции. Для Пекина дисконты – определяющий фактор при принятии решений об импорте углеводородов, а нахождение их поставщиков в санкционных списках США – второстепенный.

В случае с проектом "Арктик СПГ – 2" Китай реализует стратегию развития коммерчески выгодного сотрудничества (СПГ идёт с дисконтом) при одновременном хеджировании рисков. Для приёма СПГ с "Арктик СПГ – 2" используется один-единственный китайский регазификационный СПГ-терминал, расположенный в Гуанси-Чжуанском автономном районе Китая, – "Бэйхай СПГ". Выбор этого терминала для приёма подсанкционного СПГ отнюдь неслучаен: "Бэйхай СПГ" работает с низкими коэффициентами использования (около 50%), потребление газа в Гуанси-Чжуанском автономном районе минимально, а транспортировка газа в крупные центры спроса на юге сопряжена с транспортными расходами [12, p. 4]. Влияние на энергетическую безопасность Китая, в случае попадания терминала под санкции, будет ограниченным. Отгрузки СПГ в Китай с "Арктик СПГ – 2" начались в августе 2025 г. На конец 2025 г. были отправлены 23 партии СПГ объёмом 1,3 млн т [5].

Симптоматично, что, несмотря на ужесточение санкций, экспорт российского СПГ в Китай вырос. С 2021 по 2025 гг. он возрос в более чем в 2 раза – с 4,5 до 9,8 млн т [24]. Важно отметить, что отгрузки СПГ в Китай с "Арктик СПГ – 2", хотя и по сниженным ценам, обеспечили жизнеспособность проекта [15].

Вместе с тем, не только возможность покупки дисконтированного СПГ обуславливает продолжение участия Китая в проекте "Арктик СПГ – 2". Китайские учёные обращают внимание на произошедшую после февраля 2022 г. "девестернизацию" политики России в вопросах привлечения зарубежных партнёров к освоению АЗРФ, которая привела к повышению значимости Китая как партнёра на беспрецедентный уровень [22]. Это расширило возможности Китая участвовать в освоении АЗРФ, в арктических делах в целом, тем самым закрепляя за Китаем "арктическую идентичность".

В целом, в отношении "Арктик СПГ – 2" Китай проводит стратегию хеджирования рисков при нацеленности на продолжение сотрудничества. Хеджирование рисков также проявляется в избегании публичности, многие аспекты сотрудничества умышленно ретушируются. Китайские финансовые институты (такие, как Банк развития Китая) стали осторожны в финансировании проекта, что привело к замедлению выплат по кредитным линиям. "CNPC" и "CNOOC" официально объявили форс-мажор в связи с введёнными США санкциями, чтобы юридически защитить себя от возможных претензий и штрафов. Некоторые китайские частные компании, участвовавшие в поставках оборудования для проекта (например, "WisonNewEnergies", отвечавшая за строительство модулей), публично объявили о приостановке деятельности в России после того, как риск санкций возрос.

Демонстрируя осторожность, Китай, тем не менее, не вышел из проекта, и участие Китая на всех этапах его развития было существенным. После ухода западных подрядчиков с проекта китайские инженерные компании и верфи (в т.ч. "Wison New Energies" и "Penglai Jutal") взяли на себя почти все оставшиеся работы по строительству модулей сжижения газа и возведению электростанций, а также сборку тяжёлого оборудования. Хотя "Wison New Energies" формально объявила о приостановке деятельности в России в июне 2024 г., мониторинг данных о судоходстве показывал, что китайские суда по-прежнему перевозили модули по сложным маршрутам. По оценкам специалистов отрасли, китайское оборудование было менее передовым по сравнению с западными аналогами, но для "НОВАТЭК" более важным фактором была оперативность и возможность соблюдения сроков реализации проекта. Для Китая участие китайских компаний в российском крупном СПГ-проекте открывало возможности для развития национальных производственных мощностей и выхода на мировые рынки в сфере производства специального оборудования для СПГ-проектов.

Таким образом, после 2022 г. Китай сохранил приверженность участию в проекте "Арктик СПГ – 2" в части сохранения доли в акционерном капитале, производства модулей и покупки произведённого СПГ. В то же время, ввиду опасений по поводу вторичных санкций США, Китай на официальном уровне продемонстрировал определённую степень уклонения от предоставления дополнительного финансирования для проекта, гарантий на поставку основного запатентованного оборудования и публичного технического сотрудничества.

Заключение

Введённые после февраля 2022 г. антироссийские санкции оказали сильное влияние на международное сотрудничество России с зарубежными партнерами в вопросах реализации арктических СПГ-проектов и, в первую очередь, "Арктик СПГ – 2", который стал основной целью санкционного давления Запада. Сначала санкции были нацелены на ограничение доступа к зарубежному специализированному оборудованию и технологиям, затем – на подрыв логистики с целью снижения загрузки завода и увеличения транзакционных издержек. Успех или неудача "Арктик СПГ – 2" рассматривается на Западе как решающий показатель прогресса российской программы развития производства СПГ. Политика США в вопросах давления на российский СПГ-сектор даже более агрессивна, чем на нефтяной. Связано это с тем, что в США отсутствуют опасения относительно возможного повышения цен на мировом рынке СПГ, поскольку ориентированные на экспорт СПГ США только выиграют от этого [21, p. 11].

Целью вводимых Вашингтоном санкций против "Арктик СПГ – 2" на текущем этапе, когда уже вопреки санкционному давлению две из запланированных трёх технологических линий заработали, и постепенно увеличивается флот газозовов высокого ледового класса, является недопущение попадания произведённого СПГ на мировые рынки и особенно в Европу. Поставки СПГ в Китай хотя и рассматриваются как нежелательные, но в целом пока не попадают под прицел США. Скорее всего, это временное явление, поскольку по мере ввода в эксплуатацию всё большего числа СПГ-заводов в мире конкуренция среди экспортёров СПГ будет возрастать. По некоторым оценкам, экспорт СПГ из США будет расти, но расширение мощностей американских СПГ-заводов будет зависеть от "обеспечения стабильного спроса со стороны Китая" [3, с. 37].

Вопреки санкциям рост российской СПГ-отрасли продолжается, хотя и более медленными темпами, чем те, которые изначально закладывались в стратегию развития отрасли. Нельзя недооценивать роль Китая в этом. Китай последовательно реализует стратегию сохранения своего участия в проекте "Арктик СПГ – 2" при непереносимом хеджировании рисков. Прочный российско-китайский геополитический квази-союз, с китайской стороны объясняющийся целым набором рациональных и прагматичных интересов, значительно снизил эффективность западных санкций против проекта "Арктик СПГ – 2". Завод достроен, две технологические линии работают, флот газозовов высокого ледового класса постепенно увеличивается, отгрузки СПГ идут. Начавшиеся летом 2025 г. поставки СПГ в Китай с подсанкционного проекта дают

чёткий сигнал о намерении Пекина закупать грузы с проекта и о готовности противостоять американскому политическому шантажу с опорой на угрозы введения вторичных санкций или повышения пошлин на китайские товары.

Важно также учитывать то, что полный отказ Европы от российского газа, включая СПГ, уже становится реальностью. Экспортные поставки СПГ будут неизбежно переориентированы на азиатские рынки, а при реализации негативного сценария и вовсе чуть ли не исключительно на китайский рынок. В условиях ужесточающегося санкционного давления и с учётом перспектив сокращения возможностей для экспорта СПГ рациональным представляется адаптация российской стратегии под новые условия – смещение фокуса с приоритета экспорта СПГ на задачи использования развивающегося СПГ-сектора в интересах газификации российских территорий и развития газохимических производств.

Литература / References

1. Ананьев Б.И. Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации. *Вестник международных организаций*. 2019. Т. 14, № 3. С. 136–150. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-07>
Ananyev B.I. Sanctions in IR: understanding, defining, studying. *International organisations research journal*. 2019. Vol. 14, No 3. P. 136–150. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-07>
2. "Арктик СПГ – 2" дорожает. *Коммерсантъ*. 26.06.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6068141?ysclid=ml878qk3iw221690536> (дата обращения: 5.02.2026)
Arctic LNG 2 is getting more expensive. *Kommersant*. 26.06.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6068141?ysclid=ml878qk3iw221690536> (accessed 5.02.2026) (In Russ.)
3. Евсеева О. Влияние геополитического кризиса на мировой газовый рынок и перспективы развития российской газовой отрасли. *Энергетическая политика*. 2025. № 8 (211). С. 24–39. https://doi.org/10.46920/2409-5516_2025_08211_24
Evseeva O. The impact of the geopolitical crisis on the global gas market and development prospects of the Russian gas industry. *Energy policy*. 2025. No. 8 (211). P. 24–39. (In Russ.) https://doi.org/10.46920/2409-5516_2025_08211_24
4. Климентьев А.Ю., Родичкин И.Г., Богданов Е.В. Арктические горизонты российского СПГ. *Газовая промышленность*. 2019. № 8 (788). С. 66–76.
Klimentyev A.Yu., Rodichkin I.G., Bogdanov Ye.V. Arctic horizons of the Russian LNG. *Gas industry*. 2019. No. 8 (788). P. 66–76. (In Russ.)
5. Косыгин – на Гыдане, Буран – в Китае. Зимняя логистическая схема Арктик СПГ – 2 оптимизируется. *Neftegaz.Ru*. 26.01.2026. URL: <https://neftegaz.ru/news/spg-szhzhennyy-prirodnny-gaz/913510-kosygin-na-gydane-buran-v-kitae-zimnyaya-logisticheskaya-skhem-a-arktiki-spg-2-optimiziruetsya/> (дата обращения: 1.02.2026)
Kosygin is in Gydan, Buran is in China. The winter logistics scheme of Arctic LNG 2 is being optimized. *Neftegaz.Ru*. 26.01.2026. URL: <https://neftegaz.ru/news/spg-szhzhennyy-prirodnny-gaz/913510-kosygin-na-gydane-buran-v-kitae-zimnyaya-logisticheskaya-skhem-a-arktiki-spg-2-optimiziruetsya/> (accessed 1.02.2026) (In Russ.)
6. Лексютина Я.В. Производство и экспорт российского СПГ: роль и место Китая. *Геоэкономика энергетики*. 2022. №3 (19). С. 37–52. https://doi.org/10.48137/26870703_2022_19_3_37
Leksyutina Ya.V. Production and export of Russian LNG: the role and place of China. *Geoeconomics of energetics*. 2022. No. 3 (19). P. 37–52. (In Russ.) https://doi.org/10.48137/26870703_2022_19_3_37
7. Новак А.В. Мировой и российский ТЭК в эпоху многополярности: горизонты и итоги 2025 года. *Энергетическая политика*. 22.01.2026. URL: <https://energy-policy.ru/mirovoj-i-rossijskij-tek-v-epohu-mnogopolyarnosti-gorizonty-i-itogi-2025-goda/%d0%b3%d0%bb%d0%b0%d0%b2%d0%bd%d1%8b%d0%b5-%d0%bd%d0%be%d0%b2%d0%be%d1%81%d1%82%d0%b8/2026/01/22/> (дата обращения: 3.02.2026)
Novak A.V. Global and Russian Fuel and Energy Complex in the Era of Multipolarity: Horizons and Results of 2025. *Energy policy*. 22.01.2026. URL: <https://energy-policy.ru/mirovoj-i-rossijskij-tek-v-epohu-mnogopolyarnosti-gorizonty-i-itogi-2025-goda/%d0%b3%d0%bb%d0%b0%d0%b2%d0%bd%d1%8b%d0%b5-%d0%bd%d0%be%d0%b2%d0%be%d1%81%d1%82%d0%b8/2026/01/22/> (accessed 3.02.2026) (In Russ.)
8. "НОВАТЭК" получил основное оборудование по всем трем линиям "Арктик СПГ 2". *Интерфакс*. 27.10.2022. URL: <https://www.interfax.ru/business/869846> (дата обращения: 6.02.2026)
NOVATEK received the main equipment for all three trains of Arctic LNG 2. *Interfax*. 27.10.2022. URL: <https://www.interfax.ru/business/869846> (accessed 6.02.2026) (In Russ.)

9. Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Давранова С.Б., Наджаров А.М. Теоретико-методологические аспекты изучения санкционной политики Запада. *Полис. Политические исследования*. 2024. № 1. С. 7–20.
Entin M.L., Entina E.G., Davranova S.B., Nadzharov A.M. Theoretical and methodological aspects of the Western sanctions policy research. *Police. Political studies*. 2024. No. 1. P. 7–20. (In Russ.)
10. GIIGNL annual report 2022 edition. 2022. URL: https://giignl.org/wp-content/uploads/2022/05/GIIGNL2022_Annual_Report_May5.pdf (accessed 1.09.2022)
11. Hearing before the Committee on foreign relations, US Senate. 8.11.2023. URL: https://www.foreign.senate.gov/download/11-08-23__us-national-security-interests-in-ukraine (accessed 4.02.2026)
12. Meidan M., Yermakov V. China – Russia: the gas hedge. *Oxford institute for energy studies*. September 2025. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2025/09/Comment-China-%E2%80%93-Russia-the-gas-hedge-.pdf> (accessed 3.02.2026)
13. Rudnik F. The effect of the sanctions: the Russian LNG sector's problems. *OSW commentary*. 2024. No. 578. URL: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/OSW_Commentary_578.pdf. (accessed 1.02.2026)
14. Russian gas imports: Council gives final green light to a stepwise ban. *Council of the EU*. 26.01.2026. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2026/01/26/russian-gas-imports-council-gives-final-greenlight-to-a-stepwise-ban/> (accessed 3.02.2026)
15. Savage C. Russia LNG exports to China flow despite sanctions. *Energy news beat*. 26.01.2026. URL: <https://energynewsbeat.co/russia-lng-exports-to-china-flow-despite-sanctions/> (accessed 3.02.2026)
16. Skarżyński M. Sanctions policy against the Russian liquefied natural gas sector (Arctic LNG 2 project). *Przegląd polityczny*. 2025. No. 3. P. 57–66. <https://doi.org/10.14746/pp.2025.30.3.4>
17. Statistical review of world energy. 74th edition. 2025. *The energy institute*. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review>. (accessed 3.02.2026)
18. "US will continue to 'tighten the screws' on Russian gas exports" Haslinda Amin interview with Assistant Secretary Geoffrey R. Pyatt at Singapore international energy week. *U.S. Department of State*. 22.10.2024. URL: <https://2021-2025.state.gov/us-will-continue-to-tighten-the-screws-on-russian-gas-exports-haslinda-amin-interview-with-assistant-secretary-geoffrey-r-pyatt-at-singapore-international-energy-week/> (accessed 3.02.2026)
19. Wahden L. Big words, small deeds. Russia and China in the Arctic. Researchpaper no. 141. *IRSEM*. 28.02.2024. URL: https://www.irsem.fr/storage/file_manager_files/2025/03/nr-irsem-141-wahden.pdf (accessed 3.02.2026)
20. Where does the EU's gas come from? European Council. 5.03.2026. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/where-does-the-eu-s-gas-come-from/#:~:text=Growing%20LNG%20imports&text=The%20United%20States%20was%20the,France> (accessed 6.03.2026)
21. Yermakov V. Arctic LNG 2: the litmus test for sanctions against Russian LNG. October 2024. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2024/10/Arctic-LNG-2.pdf> (accessed 3.02.2026)
22. 张佳佳, 郭培清. 俄乌冲突以来北极地缘博弈新动向及影响 = Чжан Цзяцзя, Го Пэйцин. Новые тенденции и последствия геополитических игр в Арктике после начала российско-украинского конфликта. *俄罗斯东欧中亚研究 = Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии*. 2024. No. 6. P. 91–113, 161–162.
Zhang Jiajia, Guo Peiqing. New trends and impacts of Arctic geopolitical games since the Russia-Ukraine conflict. *Russian, Eastern European and Central Asian studies*. 2024. No. 6. P. 91–113, 161–162. (In Chin.)

Информация об авторах

Яна Валерьевна Лексютин, д-р полит. наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: lexyana@ya.ru

Лю Фанмин, ведущий научный сотрудник Первого института океанографии Министерства природных ресурсов Китая, Циндао, Китай, e-mail: liufangming@fio.org.cn

Чжоу Гээр, соискатель Института Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, e-mail: 18742550420@163.com

Information about the authors

Yana V. Leksyutina, Doctor of Political Sciences, Professor, European University in Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia, e-mail: lexyana@ya.ru

Liu Fangming, Leading Researcher, First Institute of Oceanography, Ministry of Natural Resources of China, Qingdao, China, e-mail: liufangming@fio.org.cn

Zhou Geer, Postgraduate Student, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: 18742550420@163.com

Особенности современной парламентской дипломатии Индии

Лариса Николаевна Гарусова
Дальневосточный федеральный университет;
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, Igarusova@mail.ru

Виктор Алексеевич Бурлаков
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, burlakov.va@dvf.u

Аннотация. В настоящее время Индия стала четвертой экономикой мира и превратилась во влиятельную региональную и мировую державу, чему во многом способствовала её успешная внешняя политика. В данной статье была рассмотрена парламентская дипломатия Индии как значимый фактор её международной деятельности. Парламентская дипломатия обеспечивает Индии дополнительные каналы для её внешней политики, а также способствует диалогу и взаимопониманию между странами, одновременно являясь инструментом "мягкой силы". Особенности парламентской дипломатии Индии связаны с её стремлением балансировать между конфликтными интересами других великих держав, ориентированностью на традиционные ценности индуистской цивилизации и попыткой отстаивать схожие интересы стран Глобального Юга.

Ключевые слова: парламент Индии, Лок Сабха, Раджья Сабха, парламентская дипломатия, двусторонние межпарламентские связи, международные межпарламентские организации

Для цитирования: Гарусова Л. Н., Бурлаков В. А. Особенности современной парламентской дипломатии Индии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 2. С. 145–154.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/145-154>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/145-154>

Specifics of Modern Parliamentary Diplomacy in India

Larisa N. Garusova
Far Eastern Federal University;
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, Igarusova@mail.ru
Viktor A. Burlakov
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, burlakov.va@dvf.u

Abstract. Currently, India has become the fourth economy in the world and has become an influential regional and global power, which has been greatly facilitated by its successful foreign policy. In this article, India's parliamentary diplomacy was considered as a significant factor in its international activities. India's parliamentary diplomacy provides additional channels for its foreign policy, dialogue and mutual understanding between countries, while simultaneously being an instrument of "soft power". The peculiarities of India's parliamentary diplomacy are related to its desire to balance the conflicting interests of other great powers, its focus on the traditional values of the Hindu civilization and its attempt to defend similar interests of the countries of the Global South.

Key words: Indian Parliament, Lok Sabha, Rajya Sabha, parliamentary diplomacy, bilateral inter-parliamentary relations, international inter-parliamentary organizations

For citation: Garusova L. N., Burlakov V. A. Specifics of Modern Parliamentary Diplomacy in India // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 145–154. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/145-154>

Введение

Индия является самой быстрорастущей экономикой мира и одним из центров влияния в современной системе международных отношений. Её нынешний статус мировой державы во многом связан с успешной внешней политикой, в формировании которой принимает участие, как правительство, так и парламент. Законодательная власть играет важную роль в формировании внешней политики современного государства, осуществляя ратификацию или денонсацию международных договоров, а также контроль за деятельностью исполнительной власти через парламентские комитеты и комиссии. Парламент утверждает бюджет и расходы на деятельность министерства иностранных дел (МИД), дипломатическую службу, участие в миротворческих миссиях, международную помощь и т. д.

Парламентская дипломатия представляет собой деятельность парламентов в сфере внешних связей, направленную на укрепление международного сотрудничества, продвижение национальных интересов и решение глобальных и региональных проблем посредством диалога. При этом парламентская дипломатия и участие парламента во внешней политике являются

близкими, но не тождественными понятиями. Участие парламента во внешней политике связано с его внутригосударственными полномочиями, закреплёнными конституцией, тогда как парламентская дипломатия выступает внешним коммуникативным аспектом парламентской деятельности.

Парламентская дипломатия является одним из внешнеполитических механизмов государства, обеспечивающим дополнительные каналы международного сотрудничества и диалога. Её инструментарий включает межпарламентские визиты, деятельность парламентских делегаций в международных организациях и на форумах, проведение семинаров, круглых столов и работу межпарламентских групп. Возрастающая роль парламентской дипломатии в условиях современной глобальной и региональной турбулентности определяет актуальность данной темы.

Значение парламентской дипломатии весьма точно охарактеризовал заместитель председателя Верхней палаты парламента Индии Хариванш Нараян Сингх в своём выступлении на 148-й Ассамблее Межпарламентского союза в Женеве (2024), он заявил, что "в эпоху растущей взаимозависимости и взаимосвязи мир сегодня сталкивается с рядом транснациональных вызовов. При решении этих сложных задач парламентская дипломатия предлагает ещё один путь для содействия сотрудничеству, диалогу и миру между народами" [24].

В современной отечественной и зарубежной литературе достаточно хорошо описан феномен парламентской дипломатии (Косачев К.И., Лесников А. А., Середа А. С., Коньков А. Е., Чуков Р. С., Франс Вайсгласа и Гонни де Бурб [3, 4, 5, 7, 25] и др.). Однако специфика парламентской дипломатии Индии исследована в меньшей степени. В таком контексте особый интерес представляют мемуары и парламентские отчеты Мейры Кумар – первой женщины-спикера Нижней палаты парламента Индии (2009–2014 гг.), подробно описавшей личный опыт взаимодействия с иностранными парламентариями, а также структуру и основные направления реализации парламентской дипломатии Индии [19].

Главное внимание в данной работе было уделено институтам, формам и инструментам современной парламентской дипломатии Индии, а также особенностям взаимодействия индийских парламентариев с зарубежными партнерами. Методология исследования связана преимущественно с подходами "реальной политики" (realpolitik), интерпретирующими международные отношения как борьбу за влияние и безопасность, которые обеспечиваются балансом сил государств. Парламентская дипломатия позволяет во многом сформировать этот баланс сил и является важнейшим условием международной и региональной стабильности и безопасности.

Институциональная основа парламентской дипломатии Республики Индия

Индия – федеративная парламентская республика Вестминстерской модели с двухпалатным парламентом, нижняя палата которого называется Лок Сабха (Народная палата), верхняя – Раджья сабха (Совет штатов). Исполнительная власть принадлежит правительству во главе с премьер-министром – лидером партии, победившей на выборах в нижнюю палату. Лок Сабха состоит из 543 депутатов (2025), которые избираются напрямую от определенных избирательных округов по мажоритарной системе на пять лет. Верхняя палата индийского парламента состоит из 250 депутатов, 12 из которых назначаются президентом из числа выдающихся литераторов, деятелей науки, искусства. Остальные избираются членами законодательных собраний штатов в соответствии с принципом пропорционального представительства [20].

В деле формирования и реализации индийской внутренней и внешней политики главная роль принадлежит правительству, премьер-министру и специализированным министерствам и ведомствам. Во внешнеполитический механизм индийского государства также встроены парламент, который через бюджетную политику, парламентские запросы, комитеты и комиссии, влияет на исполнительную власть. По мнению г-на Хариванша, "парламентарии обладают уникальной возможностью влиять как на правительство, так и на общественное мнение. Индийский парламент играет важную роль в эффективном формировании двусторонних и многосторонних отношений Индии" [24].

Члены постоянных парламентских комитетов назначаются спикером нижней палаты Лок Сабха или председателем верхней палаты Раджья Сабха. Среди них – Комитет по международным отношениям (иностранным делам), тесно сотрудничающий с исполнительной властью. Члены Комитета по иностранным делам получают информацию и консультации по важным вопросам от должностных лиц МИД. Служащие МИД, наряду со спикером, председателем, депутатами участвуют в мероприятиях парламентской дипломатии.

Важнейшей функцией Комитета по иностранным делам является взаимодействие с зарубежными парламентариями. По словам бывшего спикера Палаты Лок Сабха г-жи Мейры Кумар, "работа Комитета с иностранными делегациями привела к более глубокому пониманию точек зрения друг друга и широкому обсуждению вопросов, представляющих взаимный интерес, что придало дополнительный импульс нашему двустороннему сотрудничеству и взаимопониманию со многими дружественными странами" [19].

Постоянный Комитет по иностранным/внешним делам (Foreign Affairs Committee / External Affairs Committee) работает в Лок Сабха и состоит из 31 депутата от обеих палат. В настоящее время в его составе 20 депутатов представляют Лок Сабха (+1 вакантное место), 10 – Раджья Сабха. Срок полномочий Комитета по иностранным делам составляет один год, однако Лок Сабха может распустить его раньше. Председателем Комитета является опытный политик д-р Шаши Тарур (Dr. Shashi Tharoor) [12].

Председатель Комитета может назначать подкомитеты и парламентские комиссии из депутатов для изучения и решения конкретных вопросов. Постоянный Комитет по внешним связям может также воспользоваться мнением сторонних экспертов или общественности при рассмотрении вопросов и законопроектов, предложенных спикером Лок Сабхи или председателем Раджья Сабхи. Эксперты и члены Комитета также изучают зарубежный парламентский опыт. Например, исследовательская группа из постоянных членов Комитета по внешним делам посетила в 2014 г. четыре страны Персидского залива – Бахрейн, Оман, Кувейт и ОАЭ, для изучения на местах роли индийских представительных органов в странах региона, встречалась с главами правительств, членами Комитетов по международным отношениям и делегатами от индийских диаспор [22].

Важную роль в становлении и развитии современной парламентской дипломатии Индии сыграла спикер палаты Лок Сабха Мейра Кумар. При ней ежегодные межпарламентские визиты и участие в деятельности международных организаций стали нормой для индийской внешней политики. По мнению самой г-жи Кумар, в Индии наконец сложилась практика, когда спикеры посещают другие парламенты и страны в сопровождении делегации парламентариев, представляющие широкий политический спектр нашего парламента. "Я возглавляла делегации, представляющие широкий спектр политического спектра нашего парламента. Мы неизменно проводили подробные встречи с высшим руководством принимающей страны. В течение нескольких месяцев секретариат Лок Сабхи в консультации с Министерством иностранных дел проводил интенсивную подготовку, чтобы обеспечить проведение таких встреч" [19].

В свою очередь, парламент Индии стал популярной площадкой для приема иностранных гостей. Например, в октябре 2012 г. Мейра Кумар организовала в Нью-Дели 7-ю встречу женщин-спикеров парламентах по теме "Гендерно-ориентированные парламентах". Данное мероприятие наглядно демонстрирует особенности международной деятельности парламентариев Индии, а также некоторые приоритеты индийской парламентской дипломатии. На этой встрече группа из 13 женщин-спикеров из африканских, европейских и азиатских стран приняла декларацию "Нью-Делийская инициатива", в которой было отмечен факт недостаточного представительства женщин в институтах власти. Парламентарии договорились содействовать увеличению представительства женщин в парламентах и парламентских комитетах и комиссиях. В рамках "Инициативы" были выделены способы достижения этих целей, включая поддержку электорального законодательства, а также специальных мер для увеличения представительства женщин в парламентах [23].

Декларация "Нью-Делийская инициатива" не носила обязательного характера, тем самым отражая главный недостаток парламентской дипло-

матии – необязательность выполнения принятых решений. Постановления и резолюции межпарламентских организаций носят рекомендательный характер, их выполнение зависит от политической воли национальных парламентов и правительств. Тем не менее, "Нью-Делийская инициатива" привлекла внимание индийской общественности к проблеме политического неравенства женщин и приблизила ее решение. Через 14 лет, на Конференции спикеров и председателей парламентов стран Содружества наций (CSPOC) в январе 2026 г. в Нью-Дели, индийские парламентарии уже говорили о том, что в их стране женщины не только участвуют в политике, но и занимают руководящие должности в различных секторах. Так, президентом Индии и главным министром метрополии Дели являются женщины. Около полутора миллионов женщин-депутатов составляют почти 50% избранных руководителей в сельских и местных органах власти, что является "беспрецедентным достижением в мире" [8].

Действия и заявления г-жи Кумар на посту Спикера парламента иллюстрируют основные формы парламентской дипломатии. По форме парламентская дипломатия бывает двусторонней и многосторонней. Двусторонняя дипломатия включает переговоры и иное взаимодействие между парламентами и парламентариями двух стран. Многосторонняя парламентская дипломатия связана с участием депутатов в работе межпарламентских ассамблей и международных организаций.

Многосторонняя парламентская дипломатия Индии

Индийский парламент поддерживает широкие международные связи. Межпарламентские организации и группы во всем мире работают как многосторонние площадки "мягкого влияния", где парламентарии формируют международный диалог, согласуют позиции и готовят рекомендации для своих государств. Рекомендации и решения межпарламентских ассамблей используются правительствами как политический сигнал для переговоров, а также как основа для оптимизации законодательства (как, например, в Индии по вопросам политического участия женщин). Цель участия индийского парламента в межпарламентских ассоциациях заключается "в содействии взаимному доверию, пониманию и оценке проблем друг друга, а также в содействии активному сотрудничеству и взаимопомощи в экономической, социальной, культурной, технической и научной сферах, а также в укреплении сотрудничества по вопросам, представляющим взаимный интерес" [19].

Индия входит в Межпарламентский союз (МПС), Парламентскую ассоциацию стран Содружества (СПА), Азиатскую парламентскую ассамблею (АПА), участвует в конференциях спикеров и председателей парламентов стран Содружества наций (CSPOC), а также парламентских форумах международных организаций – АСЕАН, СААРК, БРИКС, ШОС и т. д. В настоящее время Индия отстаивает на межпарламентских форумах не только свои национальные приоритеты, но и лоббирует интересы развивающихся стран в качестве неформального лидера Глобального Юга. И это является одной из особенностей индийской парламентской дипломатии. В результате такой деятельности межпарламентские институты принимают резолюции по равенству в торговле, безопасности, климату и экологии в пользу развивающихся стран, а сама Индия воспринимается ими как "Вишва Бандху" (Vishwa Bandhu) – "Друг всего мира".

Индийские участники нередко привносят национальную специфику в межпарламентские дискуссии, в том числе через продвижение традиционных ценностей и напоминание о великом цивилизационном и демократическом опыте своей страны. Например, выступая на форуме МПС в Женеве (2024), г-н Хариванш заявил, что понятие "Васудхаива Кутумбакам" ("Одна земля, одна семья"), равно как и открытость миру, ненасилие и готовность к сотрудничеству – эти главные ценности индийской цивилизации – могут быть полезны современному человечеству. "В Индии с древних времен функционировали совещательные и консультативные органы, которые принимали иностранных посланников, в том числе из Греческой и Римской империй. ... Знаменитый буддийский царь Ашока около 220 г. до н. э. отправил нескольких послов из Индии в Юго-Восточную Азию, чтобы распространить послание мира и ненасилия" [24].

Данные особенности парламентской дипломатии Индии вполне вписываются в современную международную политику "Широкого добрососедства" премьер-министра Нарендры Моди, которая включает в себя одобряемые им традиционные индуистские представления (концепт "мандалы") об отношениях Индии с внешним миром и соседями по региону.

Одной из наиболее авторитетных межпарламентских организаций в мире является CSPOC, которая объединяет 53 национальных парламента суверенных государств Содружества, а также 14 полуавтономных парламента. Делегации индийских парламентариев неоднократно посещали конференции CSPOC, равно как и принимала у себя подобные саммиты, в том числе 28-й форум 14–16 января 2026 г. Конференция проходила под председательством спикера Лок Сабхи Ома Бирлы. Спикерам, председателям и сопровождающим делегатам по прибытии в Дели был оказан традиционный прием, отражающий индийский принцип "Атити Дево Бхава" (Гость – Бог). Повестка Конференции была сформирована вокруг актуальных вопросов, стоящих перед законодательными органами, и позволяет судить о тех проблемах, которые интересны депутатам парламента. Среди них: роль искусственного интеллекта (ИИ) и цифровых инструментов в функционировании парламента; влияние социальных сетей на парламентский дискурс и институциональный авторитет; повышение осведомленности общественности о работе парламента и защита демократических институтов [8].

Индийские парламентарии активно сотрудничают с парламентскими форумами организаций Азиатско-Тихоокеанского региона, поскольку там обсуждаются актуальные для Индии вопросы, такие как региональная безопасность, сотрудничество в сфере высоких технологий, экологические проблемы и т. д. Так, Бхубанешвар Калита, председатель комитета по науке и технологиям, окружающей среде, лесам и изменению климата парламента Индии, в феврале 2025 г. принял участие в Азиатско-Тихоокеанской парламентской конференции по окружающей среде и развитию (APPCED) в Сеуле [15]. Встреча была организована Корейской парламентской коалицией по вопросам детей, населения и окружающей среды. APPCED предоставляет парламентариям площадку для обмена мнениями, передовым опытом изучения законодательных тенденций и разработок, а также оказания взаимной помощи в обеспечении соответствия национального законодательства глобальным обязательствам в области охраны окружающей среды [9].

Это далеко не исчерпывающий перечень примеров многостороннего сотрудничества Индии в рамках её парламентской дипломатии. Однако подобные факты позволяют составить представление о международных приоритетах индийского парламента и о формировании основных векторов внешней политики Индии в целом.

Двусторонние межпарламентские связи как форма парламентской дипломатии Индии

Сущность, значение и примеры двустороннего парламентского сотрудничества Индии весьма точно описала г-жа Кумар. По её словам, "время от времени уважаемый Председатель и члены Постоянного комитета по внешним делам встречаются с различными иностранными парламентскими делегациями, посещающими Индию, чтобы способствовать конструктивному взаимодействию и взаимопониманию по глобальным и двусторонним вопросам. Иногда эти визиты завершаются подписанием меморандумов о взаимопонимании, как это было с парламентами Бутана, Монголии и Беларуси" [19].

Во время работы г-жи Кумар спикером Лок Сабхи функционировало 78 межпарламентских групп Индии со странами Азии, Европы, Африки и Америки. В 2026 г. спикер Лок Сабхи Шри Ом Бирла учредил парламентские группы дружбы с более чем 60 странами. Этот шаг отражает целенаправленные усилия индийского парламента по углублению диалога и обмена с законодательными органами разных континентов и по дополнению традиционной дипломатии устойчивым парламентским взаимодействием. Группы дружбы объединяют членов парламента всего политического спектра [21]. Данная инициатива даёт возможность законодателям напрямую общаться со своими зарубежными коллегами, обмениваться опытом и укреплять взаимное доверие. Предполагается, что эти группы будут также обсуждать вопросы торгов-

ли, технологий, социальной политики, демократии, культуры и глобальных проблем, с которыми сталкиваются современные государства.

Среди приоритетных зарубежных партнеров Индии, взаимодействие с которыми позволяющей ей успешно балансировать между конкурирующими мировыми державами и самой быть одним из глобальных центров силы, можно выделить Россию, США и ряд стран Северо-Восточной Азии. Так, Россия является давним партнёром Индии, сотрудничество с которым помогает Нью-Дели сохранять свободу маневра во взаимодействии с США. Индийский парламент поддерживает двусторонние связи на постоянной основе с Федеральным собранием РФ. Российско-индийская межпарламентская комиссия действует с 2004 г. Сопредседателями Комиссии являются спикер Лок Сабхи и председатель Государственной Думы. Согласно Отчету индийского министерства иностранных дел (2025) "Межпарламентская комиссия сыграла ключевую роль в содействии парламентскому сотрудничеству в XXI веке" [11].

Двусторонние межпарламентские обмены делегаций и встречи спикеров законодательных органов Индии и России активно развиваются в последние годы. Например, в июле 2024 г. спикер Лок Сабха Шри Ом Бирла провел двусторонние встречи с председателем Государственной Думы В. Володиным и спикером Совета Федерации Российской Федерации В. Матвиенко. В свою очередь, В. Володин совершил официальный визит в Индию 2–4 февраля 2025 г. В ходе визита он встретился с президентом страны и спикером Лок Сабхи. Российская делегация присутствовала на проходившей сессии палат Раджья Сабха и Лок Сабха по обсуждению бюджета на 2025 г. [6].

В контексте теракта в Пахалгаме (апрель 2025 г.) и индийской антитеррористической операции "Синдур" (май 2025 г.), индийская парламентская делегация из 5 депутатов от всех партий, а также посла Мандживом Пури, посетила Россию 22–24 мая 2025 г. Цель визита – информировать зарубежных парламентариев о нетерпимости Индии к терроризму во всех его формах и проявлениях. В продолжение данного визита д-р Шаши Тарур, председатель постоянного Комитета по иностранным делам посетил Россию 21–26 июня 2025 г. и провёл встречи с К. Косачевым – заместителем председателя Федерального совета и Л. Слуцким – председателем Комитета Государственной Думы по международным делам [11].

Весьма интенсивно развивается двустороннее межпарламентское взаимодействие Индии и Соединенных Штатов Америки, как продолжение внешнеполитического балансирования Нью-Дели между Вашингтоном и Пекином. Сотрудничество с США позволяет Индии сохранять свободу действий в конкурентных отношениях с Китаем. В антикитайском формате обе страны в качестве стратегических партнеров приняли участие в формировании нового геополитического пространства – Индо-Тихоокеанского региона [1].

На этом фоне индийско-американские отношения пользуются сильной двухпартийной поддержкой в Конгрессе США. Индийские фракции в Сенате и Палате представителей, а также конгрессмены индийского происхождения, являются одной из крупнейших группировок в Конгрессе, насчитывающей более 100 депутатов [16]. Поскольку в Соединенных Штатах существует влиятельная индийская диаспора, то американские парламентарии не только представляют её интересы, но и проявляют внимание к вопросам сотрудничества с Индией. Например, в ноябре 2025 г. двухпартийную резолюцию, признающую стратегическую ценность исторического партнерства между США и Индией, представили старейший конгрессмен индийского происхождения демократ Ами Бера и республиканец Джо Уилсон. Резолюция напоминает о десятилетиях углубляющегося сотрудничества между США и Индией в таких областях как оборона, технологии, торговля, борьба с терроризмом и образование. В ней отмечается, что "на протяжении более трёх десятилетий политика Соединённых Штатов ... была направлена на укрепление стратегического партнерства с Индией. Партнерство важно для региональной стабильности, экономического роста и общих региональных приоритетов". Документ призывает Нью-Дели и Вашингтон к сотрудничеству ради противодействия угрозам XXI в. Подписи под документом поставили 24 конгрессмена [2].

Важнейшей формой парламентской дипломатии Индии и США являются обмены парламентскими делегациями. В Отчете индийского МИД (2024 г.) представлен обзор визитов делегаций Конгресса США (CODEL) в Индию

в период с ноября 2021 г. по июнь 2024 г. Всего состоялось 11 таких визитов: два в 2021 г., пять в 2022 г., три в 2023 г. и один в 2024 г. Из этого следует, что большая часть визитов приходилась на 2022 г. Это время, когда администрация президента Дж. Байдена формировала свою внешнюю политику и укрепляла отношения с традиционными и новыми зарубежными партнерами. В ряде случаев в состав делегаций входили председатели и члены комитетов, имеющих внешнеполитическую направленность, например, Комитета по иностранным делам (Майкл Макколл) и Комитета по вооруженным силам (Адам Смит), а также спикер Палаты представителей Нэнси Пелоси, лидер большинства в Сенате Чак Шумер и др. [17].

Межпарламентское сотрудничество двух стран подтвердило преемственность в период новой президентской администрации Дональда Трампа. Так, многопартийная парламентская делегация во главе с председателем постоянного Комитета по иностранным делам Лок Сабха доктором Шаши Таруром посетила Вашингтон 3–6 июня 2025 г. Делегация провела встречи с членами Конгресса США, американскими аналитическими центрами, представителями СМИ, вице-президентом Дж. Д. Вэнсом, заместителем государственного секретаря США Кристофером Ландау, чтобы проинформировать об операции "Синдур". Стороны обменялись мнениями и обсудили возможности сотрудничества в борьбе с терроризмом, а также вопросы укрепления технологических связей между двумя странами. Была подтверждена общая приверженность углублению стратегического партнерства между Индией и США [16].

Двустороннее взаимодействие парламентариев Индии с партнерами из стран Северо-Восточной Азии начало активно развиваться в контексте внешнеполитической стратегии Индии "Действуй на Востоке" (2014), инициированной правительством Нарендры Моди, как часть международной политики "Широкого добрососедства", а также контрбаланс в отношениях с Китаем. Весьма показательны в этом смысле межпарламентские отношения Индии с Японией и Республикой Корея. Парламентская дипломатия между Индией с этими странами до конца XX в. фактически отсутствовала по ряду причин, в том числе из-за дистанцирования Нью-Дели от союзников США в период "холодной войны", а также из-за политики Неприсоединения самой Индии. Иллюстративен в этом смысле обзор официальных индийско-японских контактов за 30 лет с 1982 г. на сайте МИД Японии. В нём зафиксированы лишь два парламентских визита Спикеров Лок Сабхи в Токио: г-на Чаттерджи в 2004 г. и г-жи Кумар в 2011 г. [18].

Сравнительно активная двусторонняя парламентская дипломатия в виде ежегодных обменов между парламентариями Индии и Японии стала реализовываться с 2016 г. Отчёты МИД Индии за последние годы свидетельствуют об интенсивных межпарламентских обменах двух стран, иногда с участием представителей исполнительной власти. На них обсуждаются актуальные вопросы, которые впоследствии рассматриваются правительствами обеих стран. Так, бывший премьер-министр и нынешний председатель Японско-индийской ассоциации Эсихидэ Суга посетил Индию с группой депутатов парламента и делегацией бизнесменов 5–8 июля 2023 г. В ходе визита японская делегация встретилась с депутатами индийского парламента и премьер-министром Моди [14]. С ответными визитами делегация Форума парламентариев Индии (FICSI) дважды посещали Японию в том же году: 9–13 октября во главе с членом Лок Сабхи Радживом Пратапом Руди и 25 ноября – 2 декабря во главе с г-ном Винсентом Палой [13].

Двусторонние межпарламентские контакты на высоком уровне были продолжены и в следующем году. Так, Спикер Палаты представителей Японии г-н Нукага Фукуширо прибыл в Индию вместе с делегацией японских парламентариев и бизнесменов и встретился с премьер-министром Моди 1 августа 2024 г. [13].

Весьма активно индийские и японские парламентарии обменивались визитами в 2025 г. Так, 1–5 мая Спикер Палаты представителей Японии г-н Нукага Фукусиро посетил Индию и провел встречи со спикером Лок Сабхи и министром иностранных дел. Поводом для ответного визита в Японию делегации парламента Индии стала необходимость информирования японской стороны (как и парламентариев других стран, упомянутых выше) о задачах и итогах антитеррористической операции "Синдур". Парламентская делегация

Индии во главе с депутатом Санджаем Кумаром Джа посетила Токио 22–24 мая 2025 г. Депутаты встретились с бывшим премьер-министром Ёсихидэ Сугой, спикером Фукуширо Нукагой, министром иностранных дел Такеши Ивая и другими высокопоставленными должностными лицами и обсудили вопросы противодействия терроризму, а также позицию "нулевой терпимости Индии к терроризму" [14].

По схожему сценарию развивается и двустороннее межпарламентское сотрудничество Индии и Республики Корея. Парламентские контакты между Индией и Южной Кореей начали складываться в период пребывания в должности спикера Лок Сабхи г-жи Кумар. В марте 2011 г. спикер Национального собрания Республики Корея Пак Хи Тэ возглавил парламентскую делегацию из 16 человек для визита в Индию. Южнокорейские парламентарии встретились с вице-президентом Индии, председателем Раджья Сабха и спикером Лок Сабха. В мае 2011 г. спикер палаты Лок Сабха Мейра Кумар посетила Сеул по приглашению парламента и правительства страны, для празднования 150-летнего юбилея индийского писателя и мыслителя Рабиндраната Тагора [19].

В настоящее время двусторонние отношения парламентариев несколько активизировались. Так, Спикер Национального собрания Республики Корея Ким Джин-пё посетил Нью-Дели 11–13 октября 2023 г. для участия в саммите G20. Он провел двустороннюю встречу со спикером Лок Сабхи Шри Ом Бирлой [15].

Разумеется, информирование об операции "Синдур" корейской стороны не осталось вне поля зрения индийских парламентариев. Делегация парламента от всех партий во главе с депутатом Санджаем Кумаром Джа посетила Республику Корея 25–26 мая 2025 г. и провела встречи с корейскими законодателями, министром иностранных дел и представителями МИД, аналитическими центрами, группами по корпоративной политике, местными СМИ, видными корейскими деятелями и представителями индийской диаспоры [10].

Предметом обсуждений южнокорейских парламентариев с индийскими коллегами нередко становятся экономические вопросы и проблемы культурно-гуманитарного сотрудничества. Так, депутаты Кёнчжон Мо и Ёнтэ Ким посетили Индию в июле 2025 г. для изучения ситуации в области возобновляемой энергетики и новых возможностей для двустороннего сотрудничества [15]. Они встретились с председателем и членами Постоянного парламентского комитета по энергетике, а также с секретарем Министерства новых и возобновляемых источников энергии. Корейские депутаты посетили крупнейший в Индии солнечный парк (2,2 ГВт) в Бхадле, Раджастан [10].

В сентябре 2025 г. государственный министр информации и телерадиовещания Индии д-р Л. Муруган встретился с членами комитета по культуре, спорту и туризму Национального Собрания, а также с заместителями председателей и членами Корейско-индийской парламентской группы дружбы. Г-жа Чжэ вон Ким, член комитета по культуре, спорту и туризму Национального собрания Республики Корея, посетила Индию в ноябре 2025 г. для участия в 56-м Международном кинофестивале на Гоа, куда она была приглашена в качестве почётного гостя [15]. Перечень подобных мероприятий с участием индийских и зарубежных парламентариев можно продолжать.

К сожалению, официальные отчеты министерств и ведомств Индии, равно как и самих парламентских групп, о зарубежных парламентских визитах, недостаточно информативны и конкретны, за редким исключением (информирование об антитеррористической операции "Синдур"). Поэтому иногда создается впечатление о формальном характере двустороннего сотрудничества и его низкой практической отдаче. Тем не менее, можно констатировать взаимную заинтересованность парламентов разных стран в сотрудничестве, что является основой дальнейшего развития парламентской дипломатии Индии.

Заключение

В системах Вестминстерского типа, к которым принадлежит и Индия, исполнительная власть является главным институтом формирования и реализации внешней политики, в то время как парламент оказывает на нее меньшее влияние. Однако парламент, в силу конституционных полномочий,

также является одним из значимых факторов внешней политики. Парламентская дипломатия является важной составной частью международной деятельности государства, обеспечивающая дополнительные каналы для сотрудничества Индии с другими странами. Парламентская дипломатия как мягкая сила способствует продвижению индийских внешнеполитических интересов и приоритетов. Парламентские комитеты и группы, а также межпарламентские организации являются легитимными площадками для обсуждения вопросов и выработки рекомендаций правительствам, однако их влияние ограничено низкой обязательностью принятых решений.

Парламентская дипломатия Индии отличается рядом особенностей. Во-первых, Индия, используя универсальный инструментарий двустороннего и многостороннего международного парламентского взаимодействия, выносит на широкое обсуждение не только вопросы, значимые для неё самой как великой державы, но и важные для развивающихся стран. Тем самым она целенаправленно формирует имидж неформального лидера Глобального Юга. Во-вторых, характерной чертой парламентской дипломатии Индии является обращение к историческому опыту индуистской цивилизации и использование его в качестве универсального образца и примера на международных площадках. В-третьих, парламентская дипломатия помогает Индии балансировать между конфликтующими интересами великих держав в условиях усиления глобальной и региональной турбулентности, сохраняя свою независимость и международный авторитет.

Литература / References

1. Гарусова Л. Н., Журбей Е. В. Стратегическое партнёрство Индии и США в XXI веке: региональный контекст. *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2018. Т. 24. № 10. С. 65–75. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2018-24-10-65-75>
Garusova L. N., Zhurbey E. V. Strategic partnership between India and the USA in the 21st century: regional context. *Bulletin of Zabaikalsky State University*. 2018. Vol. 24. No. 10. P. 65–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2018-24-10-65-75>
2. Конгрессмены заявили о важности отношений между США и Индией. *Информационное Агентство "Красная Весна"*. 18 ноября 2025. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/ba9ca767> (дата обращения: 01.02.2026)
The congressmen stated the importance of relations between the United States and India. *Krasnaya Vesna News Agency*. November 18, 2025. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/ba9ca767> (accessed 01.02.2026). (In Russ.)
3. Конькова А. Е., Чукова П. С. Парламентская дипломатия: развитие общественно-государственного взаимодействия на мегаполитическом уровне. *Полис. Политические исследования*. 2020. №1. С. 62–73.
Конькова А. Е., Чукова П. С. Parliamentary Diplomacy: The Development of Public-State Interaction at the Megapolitical Level. *Polis. Political Studies*. 2020. No. 1. P. 62–73. (In Russ.)
4. Косачев К. И. Парламентская дипломатия в многополярном мире. *Диалог: политика, право, экономика*. 2017. № 1 (4). С. 26–31. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28786915> (дата обращения: 21.02.2026)
Kosachev K. I. Parliamentary diplomacy in a multipolar world. *Dialogue: Politics, Law, Economics*. 2017. No. 1 (4). P. 26–31. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28786915> (accessed 21.02.2026). (In Russ.)
5. Лесников А. А. Понятие "Парламентская дипломатия": современные теоретико-методологические подходы. *Социально-политические науки*. 2019. №1. С. 63–65.
Lesnikov A. A. The concept of "Parliamentary diplomacy": modern theoretical and methodological approaches. *Socio-Political Sciences*. 2019. No. 1. P. 63–65. (In Russ.)
6. Официальный визит председателя Государственной Думы Вячеслава Володина в Республику Индию. *Парламентская газета*. 04.02.2025. URL: <https://www.pnp.ru/photo-report/2025/02/04/oficialnyy-vizit-predsedatelya-gosudarstvennoy-dumy-vyacheslava-volodina-v-respubliku-indiyu.html> (дата обращения: 01.03.2026)
The official visit of the Chairman of the State Duma Vyacheslav Volodin to the Republic of India. *Parliamentary newspaper*. 04.02.2025. URL: <https://www.pnp.ru/photo-report/2025/02/04/oficialnyy-vizit-predsedatelya-gosudarstvennoy-dumy-vyacheslava-volodina-v-respubliku-indiyu.html> (accessed 01.03.2026). (In Russ.)
7. Середа А. С. Парламентская дипломатия как перспективный инструмент внешнеполитической деятельности. *Власть*. 2024. Т. 32. № 3. С. 175–181.
<https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-3-175-181> (дата обращения: 31.03.2026)

- Sereda A. S. Parliamentary diplomacy as a promising instrument of foreign policy activity. *Power*. 2024. Vol. 32. No. 3. P. 175–181. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-3-175-181> (accessed 31.03.2026)
8. 28th Commonwealth Speakers' Conference Strengthening Parliamentary Dialogue. 19 Jan 2026. URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2216157®=3&lang=2> (accessed 25.03.2026)
 9. Asian-Pacific Parliamentarians' Conference on Environment and Development (APPCED). URL: <https://uia.org/s/or/en/1100048865> (accessed 23.03.2026)
 10. Brief on India-Korea Economic and Commercial Relations. Embassy of India Seoul. URL: <https://www.indembassyseoul.gov.in/india-rok-trade-and-economic-relations> (accessed 21.03.2026)
 11. Brief on India-Russia Relations (2025). URL: <https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/IndiaRussia25new.pdf> (accessed 22.03.2026)
 12. External Affairs Committee. URL: <https://sansad.in/ls/committee/departamentally-related-standing-committees/11-External%20Affairs-nameH=वर्दिशी%20मामले> (accessed 01.04.2026)
 13. India – Japan Bilateral Relations. May 2025. URL: <https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/India-Japan-May-2025.pdf> (accessed 20.03.2026)
 14. India – Japan Bilateral Relations. Aug 2025. URL: https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Japan-India_Bilateral-Aug-2025.pdf (accessed 09.02.2026)
 15. India – Republic of Korea Bilateral Relations. Dec. 2025. URL: <https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/India-ROK-Dec-2025.pdf> (accessed 15.02.2026)
 16. India – US Bilateral Relations. February 16, 2026. URL: <https://indianembassyusa.gov.in/pdf/menu/India-US-Bilateral-Brief-February-2026.pdf> (accessed 27.03.2026)
 17. India – US Bilateral Relations. Sept. 2024. URL: <https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Ind-US-Brief.pdf> (accessed 05.04.2026)
 18. Japan – India Relations (Basic Data) // Ministry of Foreign Affairs of Japan. February 18, 2026. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/india/data.html> (accessed 21.03.2026)
 19. Kumar M. Indian Parliamentary Diplomacy: Speaker's Perspective. Lok Sabha Secretariat New Delhi. 2014. 250 p. URL: https://eparlib.sansad.in/bitstream/123456789/782469/1/Indian_Parliamentary_Diplomacy_Eng.pdf (accessed 05.04.2026)
 20. Ladwig W. C. Parliamentary Interest in Foreign Security Policy: Insight from the Indian Lok Sabha Open Access. *Foreign Policy Analysis*. Vol. 21. Issue 1. January 2025. URL: <https://doi.org/10.1093/fpa/orae034> (accessed 05.04.2026)
 21. Lok Sabha Speaker Constitutes Parliamentary Friendship Groups with More Than 60 Countries to Bolster Global Democratic Ties. Lok Sabha Secretariat. 23 Feb. 2026. URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2231763®=3&lang=2> (accessed 31.03.2026)
 22. Parliament India: Foreign Affairs Committee. URL: https://sansad.in/getFile/LSSCOMMITTEE/External%20Affairs/Introduction/_LSSCOMMITTEE_External_Affairs_Introduction_Committee_Introduction.pdf?source=loksabhadocs (accessed 15.02.2026)
 23. Seventh meeting of women speakers of parliament. New Delhi (India), 3–4 October 2012. URL: <http://archive.ipu.org/english/stories/story20121003.htm> (accessed 25.03.2026)
 24. Statement delivered by Hon'ble Shri Harivansh, Deputy Chairman, Rajya Sabha during session 'Parliamentary Diplomacy: Building Bridges for Peace and Understanding' at the 148th Assembly of Inter-Parliamentary Union (IPU) (23–27 March 2024). URL: <https://pmindiaun.gov.in/pageinfo/MzE2MQ> (accessed 25.01.2026)
 25. Weisglas F. W., de Boerb G. Parliamentary Diplomacy. *The Hague Journal of Diplomacy*. 2007. No. 2. P. 93–99. URL: <https://www.fransweisglas.nl/images/uploads/file/parliamentary%20diplomacy.pdf> (accessed 31.03.2026)

Информация об авторах

Лариса Николаевна Гарусова, д-р ист. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия; главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: lgarusova@mail.ru

Виктор Алексеевич Бурлаков, канд. полит. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: burlakov.va@dvvu.ru

Information about the authors

Larisa N. Garusova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Chief Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: lgarusova@mail.ru

Viktor A. Burlakov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: burlakov.va@dvvu.ru

Япония и страны Юго-Восточной Азии: сотрудничество в сфере морской безопасности

Иван Николаевич Золотухин
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, zolivnik@mail.ru
Юрий Евгеньевич Сапрыгин
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, saprygin.ye@dvfu.ru

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении механизмов, приоритетов и результатов сотрудничества Японии со странами Юго-Восточной Азии (ЮВА) в сфере морской безопасности. Ключевой вопрос заключается в том, ведут ли предпринимаемые со стороны Японии действия к формированию устойчивой региональной архитектуры безопасности. Методической основой работы является анализ исследований отечественных и зарубежных авторов, а также материалов и документов по исследуемой проблеме. Результаты исследования показали, что Япония последовательно смещает фокус сотрудничества от гуманитарной помощи к оперативному взаимодействию, комбинируя двусторонние связи, институциональное взаимодействие и минилатеральные форматы, чтобы сохранить свободу манёвра в условиях нарастающей геополитической напряжённости.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, АСЕАН, "Свободная и открытая Индо-Пацифика", "Официальная помощь в целях развития", "Официальная помощь в целях безопасности", морская линия коммуникаций, морская безопасность

Для цитирования: Золотухин И. Н., Сапрыгин Ю. Е. Япония и страны Юго-Восточной Азии: сотрудничество в сфере морской безопасности // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 2. С. 155–166.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/155-166>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/155-166>

Japan and Southeast Asian Countries: Cooperation in Maritime Security

Ivan N. Zolotukhin
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, zolivnik@mail.ru
Yuriy E. Saprygin
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, saprygin.ye@dvfu.ru

Abstract. The purpose of this study is to identify the mechanisms, priorities, and outcomes of Japan's cooperation with Southeast Asian (SEA) countries in the area of maritime security. The key question is whether Japan's actions contribute to the formation of sustainable regional security architecture. The article is based on the analysis of the results of the Russian and foreign researchers as well as the data and documents on focused problem. The study's findings demonstrate that Japan has consistently shifted the focus of cooperation from humanitarian aid to operational interaction, combining bilateral ties, institutional interaction, and minilateral formats to maintain room for maneuver amidst rising geopolitical tensions.

Key words: Southeast Asia, ASEAN, "Free and Open Indo-Pacific", "Official Development Assistance", "Official Security Assistance", sea lanes of communications, maritime security

For citation: Zolotukhin I. N., Saprygin Yu. E. Japan and Southeast Asian Countries: Cooperation in Maritime Security // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 155–166.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/155-166>

Введение

ЮВА имеет особое значение для внешней политики Японии как регион, обладающий колоссальным экономическим потенциалом, занимающий ведущее положение в мировой хозяйственной структуре и играющий важную роль в глобальных международных процессах. Среди приоритетных векторов взаимодействия между Японией и странами ЮВА можно отметить поддержание порядка и стабильности в регионе, в котором, помимо наличия нетрадиционных угроз, усиливаются противоречия, обусловленные нарастающей геополитической турбулентностью и стратегическим противостоянием Китая и США. На фоне обострения международных проблем Япония воспринимается ответственностью стран ЮВА в качестве важного партнёра, действия которого по укреплению безопасности заслуживают доверия (табл. 1).

В силу особенностей географического положения Японии и большинства стран ЮВА морское пространство является для них жизненно необходимым ресурсом. Дополнительным стимулом для стран ЮВА к укреплению сотрудничества в области морской безопасности с Японией является статус последней как одной из ведущих морских держав, обладающей весомым и

Табл. 1. Степень доверия к вкладу Японии в глобальный мир, безопасность, процветание и эффективное управление выраженная респондентами стран АСЕАН, в %

Table 1. Degree of trust among respondents from ASEAN countries in Japan's contribution to global peace, security, prosperity, and effective governance in %

	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
АСЕАН	65,9	61,2	68,2	54,2	54,3	58,9	66,8
Бруней	53,4	63,9	69,6	56,6	79,2	52,0	71,8
Вьетнам	69,1	59,9	74,9	63,9	64,7	72,0	78,3
Индонезия	62,3	60,2	56,6	55,8	53,7	58,1	61,3
Камбоджа	87,5	69,3	84,6	32,1	18,7	61,9	73,8
Лаос	44,9	39,2	60,0	45,4	53,3	41,3	68,2
Малайзия	67,8	56,4	59,0	50,4	54,0	51,5	57,5
Мьянма	71,9	58,6	76,3	58,0	34,8	49,8	66
Сингапур	51,2	57,2	58,9	51,4	53,9	54,2	51,7
Таиланд	60,5	55,2	64,8	46,2	57,7	65,1	66,3
Филиппины	82,7	84,6	80,6	82,3	75,7	82,3	83,0

Источник: составлено авторами на основе: [48, p. 48; 49, p. 62; 50, p. 64; 56, p. 49].

Source: compiled by the authors based on: [48, p. 48; 49, p. 62; 50, p. 64; 56, p. 49].

технологически развитым потенциалом для обороны территориальных вод, контроля над морскими коммуникациями, участия в учениях и миротворческих операциях.

В то же время важно разобрать особенности "нормативной" и "силовой" логики внешней политики Токио, а также то, чем руководствуется Япония, демонстрируя интерес к коллаборации со странами ЮВА в решении региональных проблем. Для этого сделана опора на концепцию стратегического хеджирования [26; 33; 34; 35], которая фиксирует одновременное использование Японией инструментов сотрудничества и сдерживания в условиях растущей стратегической конкуренции в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). В работе содержится анализ ключевых вызовов морской безопасности через призму внешнеполитических интересов Японии, рассматриваются многосторонние и двусторонние аспекты сотрудничества Японии с отдельными государствами ЮВА, включая пример японо-филиппинского взаимодействия, которое за последнее десятилетие эволюционировало в сторону укрепления оборонного партнёрства.

Вызовы морской безопасности в ЮВА в аспекте внешнеполитических интересов Японии

Морские пространства, помимо возможностей и выгод, таят в себе опасности и угрозы, что делает морскую безопасность одной из ключевых сфер международной политики. Морская безопасность входит в круг стратегических задач государств ЮВА, которые по разным причинам не в состоянии осуществлять её обеспечение исключительно своими силами. Среди наиболее серьёзных вызовов, с которыми сталкиваются страны ЮВА, можно выделить экологические риски и опасность техногенных аварий на судах, пиратство и транснациональную преступность на море, противоречия вокруг принадлежности островов в Южно-Китайском море (ЮКМ).

Природные катаклизмы в ЮВА ежегодно наносят колоссальный урон хозяйству и жизни стран региона. За первую четверть XXI в. циклоны, тайфуны, цунами привели к гибели сотен тысяч человек. Природные катастрофы

также оказывают разрушительное воздействие на морское судоходство и авиасообщение.

Проблема пиратства по-прежнему остаётся острой в ЮВА, несмотря на предпринимаемые странами меры борьбы против морского разбоя, такие как совместное патрулирование территориальных вод для обеспечения контроля над морскими линиями коммуникаций¹. Хотя число и интенсивность разбойных нападений на суда за 10 лет сократились, за прошлый год они составили 69% от общемирового [23].

Порядок на море в ЮВА существенно подрывается незаконным, незарегистрированным и нерегулируемым рыбным промыслом, объёмы которого в 2016 г. превысили 1/3 от общего количества зарегистрированного в регионе улова, и за последнее десятилетие ситуация улучшилась незначительно. Для сравнения, в северо-западной части Атлантического океана подобные показатели равнялись 9% [46]. Браконьерские практики ведут к миллиардным убыткам для экономик прибрежных стран и угрожают устойчивому развитию рыболовства в регионе, где, по прогнозам, промысел вскоре достигнет 25% от мировых объёмов [25, p. 44].

Усугубляет проблему незаконного вылова положение дел вокруг принадлежности островов в ЮКМ, где половина улова не регистрируется. По мнению Лили Шлиман, продолжающиеся споры способствуют секьюритизации рыболовной отрасли: браконьерство рыбацких экипажей в спорных водах и милитаризация рыбацких судов усугубляют риск вооружённых столкновений [47, p. 76]. Эскалация напряжённости и всё более агрессивные действия участников территориальных споров в ЮКМ способны нанести серьёзный урон международной торговле, принимая во внимание, что ежегодно через его акваторию проходит 21% мирового грузооборота стоимостью почти 3,5 трлн долларов [45], а морские коммуникации ЮКМ обеспечивают транспортировку углеводородов с Ближнего Востока (в том числе до 80% импорта нефти Китая и Японии) [36].

Конфликт в ЮКМ вызывает беспокойство у Японии не только из-за того, что он препятствует судоходству. Токио осознаёт негативные геополитические последствия для своих интересов со стороны Китая, де-факто контролирующего 80% акватории ЮКМ, что даёт ему возможность ограничивать влияние потенциальных конкурентов. По мнению Иана Стори, Япония озабочена наступательной стратегией Китая, которую он, похоже, может применить в отношении островов Сенкаку (Дяоюйдао) и морского пространства Восточно-Китайского моря [53, p. 137].

Участие Японии в решении проблем морской безопасности в ЮВА началось вскоре после Второй мировой войны, когда возросшие технические и финансовые возможности Страны восходящего солнца позволили ей оказывать поддержку офшорным странам в обеспечении навигации и создании структур управления морскими ресурсами. Япония предоставляет тихоокеанским островным государствам передовые технологии морского наблюдения и гражданские суда, обеспечивает подготовку местного персонала правоохранительных структур, расширяя возможности этих государств по мониторингу прибрежных вод и реагированию на противоправную деятельность.

В 1960-х гг. Япония предпринимала шаги по оказанию помощи в повышении безопасности судоходства на морских путях ЮВА, создав в июне 1962 г. структуру, впоследствии переименованную в Японское агентство международного сотрудничества (англ. Japan International Cooperation Agency (JICA)), и содействовала развитию соглашений о сотрудничестве через неправительственные фонды (например, частный фонд "Ниппон" (англ. "Nippon Foundation")). В 1969 г. создаётся Совет по Малаккскому проливу (англ. Malacca Strait Council (MSC)) со штаб-квартирой в Токио, призванный координировать деятельность JICA, Министерства транспорта Японии, Японской береговой охраны и фонда "Ниппон". В 1970-е гг. японские фонды и государственные учреждения расширили диапазон своей деятельности в рамках программы содействия международному развитию в ЮВА, направленной на

¹ Морские линии коммуникаций (сокращённо SLOC) – основные морские маршруты между портами, используемыми для торговли, материально-технического обеспечения и военно-морских сил [41, p. 57].

укрепление доверительных отношений между странами региона и Японией [16]. Отдельный вклад в оказание поддержки по развитию морского потенциала стран ЮВА осуществляется Японией посредством предоставления официальной помощи в целях развития (ОПР (англ. Official Development Assistance (ODA))), начатой с середины 1950-х гг.

По мере улучшения своего международного имиджа в ЮВА Япония активизирует механизмы дипломатического влияния и продвигает инициативы по сотрудничеству в более широких сферах морской безопасности, касающихся нетрадиционных угроз. Например, при поддержке фонда "Нишпон" в 1992 г. в Куала-Лумпуре создаётся Международное морское бюро по борьбе с пиратством [43, p. 222]. Ключевым моментом, показавшим выход отношений Японии и стран ЮВА в сфере морской безопасности на новый уровень развития, стало участие Морских сил самообороны в гуманитарных миссиях и военных учениях в регионе. За последнее десятилетие Морские силы самообороны расширили свои военно-морские операции в ЮКМ, взаимодействуя с Филиппинами и Вьетнамом, расположенными вблизи базы китайских субмарин на о. Хайнань. В Стратегии национальной безопасности 2013 г. Япония заявляет, что будет оказывать помощь прибрежным государствам, расположенным вдоль морских путей, и другим государствам в укреплении их потенциала по обеспечению правопорядка на море, а также будет укреплять сотрудничество с партнёрами по морским путям, стратегические интересы которых совпадают с интересами Японии [40, p. 17].

Усиление инфраструктуры морской безопасности стран ЮВА происходит в рамках проведения Японией реформы политики в области экспорта вооружений. Согласно правилам экспортного контроля, японским компаниям разрешается поставлять оружие союзникам Токио или дружественным Японией странам [6, с. 46]. Реформы позволили передать в 2017 г. два поддержанных учебно-тренировочных самолета ТС-90 Филиппинам, ставшей первой страной ЮВА, получившей японскую оборонную продукцию. Примечательно, что её передача прошла непосредственно между министерствами обороны, без участия ОПР [16].

Относительно новым дополнением к внешнеполитическому арсеналу Японии стало принятие в 2023 г. программы "Официальная помощь в целях безопасности" (ОПБ) (англ. Official Security Assistance (OSA)), призванной обеспечить обороноспособность стран-единомышленников. Первыми участниками программы стали Бангладеш, Фиджи, а также две страны ЮВА – Филиппины и Малайзия [1, с. 60]. Программа ОПБ является одним из ключевых элементов ещё одной японской инициативы – Концепции свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона (ФООИП) (англ. Free and Open Indo-Pacific (FOIP)), которая за 10 лет своего существования стала программным документом стратегии Токио в продвижении повестки поддержания и укрепления региональной и глобальной безопасности [38]. Усилия Японии по укреплению взаимосвязи и сотрудничества со странами ЮВА играют важную роль в реализации её индо-тихоокеанской концепции, важным элементом которой является взаимодействие с многосторонними региональными институтами безопасности.

Многосторонние форматы сотрудничества Японии и стран ЮВА в сфере морской безопасности

В появившейся почти полвека назад доктрине Фукуда Такэо основополагающие принципы выстраивания отношений между Японией и странами ЮВА предполагали, что первая не будет становиться сильной военной державой. Однако уже с конца 1980-х – начала 1990-х гг. Токио начинает активно развивать региональное сотрудничество в сфере безопасности в её широком понимании, уделяя внимание многосторонним платформам и партнёрствам. В частности, японские идеи нашли воплощение в проектах по созданию Регионального форума АСЕАН (АРФ) [7, с. 274]. В настоящее время Япония прочно встроилась в региональную повестку, достигнув значительного прогресса с АСЕАН, отношения с которой прошли путь от неформального диалога до уровня всеобъемлющего стратегического партнёрства в 2023 г.

Изменение в восприятии морских угроз со стороны Японии обусловило её более активное взаимодействие с АСЕАН. За последние 20 лет Япония

значительно повысила своё участие в проведении совместных гуманитарных акций, предприняв шаги к продвижению нарративов свободы судоходства и устойчивой архитектуры безопасности. В 2004 г. по инициативе Японии подписывается межправительственное соглашение о Региональном сотрудничестве по борьбе с пиратством и вооружённым разбоем против судов в Азии (англ. Regional Cooperation Agreement on Combating Piracy and Armed Robbery against Ships in Asia (ReCAAP))², на базе которого был создан Центр обмена информацией, обеспечивающий слежение за маршрутами гражданских судов, информирование о морских происшествиях, сбор данных о нападениях на суда в Азии, координацию и распределение ресурсов для противодействия морской преступности [4, с. 149–150].

В Балийской декларации 2011 г. Япония и АСЕАН договорились о содействии и углублении сотрудничества в области морской безопасности согласно общепринятым принципам международного права [29]. В сопутствующем Плане действий 2011–2015 гг. предусматривалась поддержка сторонами результатов деятельности Морского форума АСЕАН, совещаний министров транспорта АСЕАН – Япония, а также содействие сотрудничеству между морскими ведомствами касательно проведения тренировочных учений, обмена информацией, решения технических вопросов. Помимо гуманитарных сфер План действий отдельно затрагивал расширение сотрудничества в сфере обороны (борьба с терроризмом, миротворческие операции) [14].

Приверженность Токио поддержке региональных многосторонних институтов в сфере безопасности выразилась в инициировании создания расширенного Морского форума АСЕАН, открытие которого состоялось в октябре 2012 г. В целом развитие многосторонних платформ в рамках АСЕАН (АРФ, Восточноазиатский саммит (ВАС), совещания министров обороны АСЕАН+ (СМОА+) и др.) приветствуется Японией как залог мира и стабильности [10, р. 97]. Особое внимание Япония уделяет укреплению консультативных механизмов с АСЕАН, в том числе проведению саммитов АСЕАН – Япония, пост-министерским конференциям, форумам АСЕАН – Япония и заседаниям Комитета по совместному сотрудничеству АСЕАН – Япония [24, р. 18].

Многосторонние форматы в ЮВА являются удобными площадками, на которых можно обсуждать насущные проблемы и делиться видением международной повестки. На них Япония выдвинула положения, касающиеся морской безопасности и показывающие, как со стороны Токио изменилось восприятие вопросов региональной безопасности в целом. В 2014 г. японский премьер-министр Синдзо Абэ на Диалоге Шангри-Ла сформулировал "три принципа верховенства права в море" [31], которые легли в основу позиции Токио по спорам в ЮКМ, а два года спустя министр обороны Японии Томоми Инада на СМОА+ провозгласила "Вьетнянское видение" – первую программу в сфере обороны между Японией и АСЕАН. Впоследствии она стала основой концепции "Вьетнянское видение 2.0", руководящего принципа оборонного сотрудничества Японии и АСЕАН, в котором среди приоритетных направлений выделяется укрепление безопасности на море.

В январе 2024 г. в рамках форума заместителей министров обороны была представлена инициатива по расширению оборонного сотрудничества Японии и стран АСЕАН (англ. Japan-ASEAN Ministerial Initiative for Enhanced Defense Cooperation (JASMINЕ)) для поддержания мира и стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе [18]. Среди её основных принципов выделяется намерение сторон прилагать усилия для создания такой обстановки в сфере безопасности, которая не допускает односторонних попыток изменить статус-кво с помощью силы или принуждения [19].

В сфере морской безопасности стало особенно заметно изменение стратегических нарративов оборонной дипломатии Японии. На пятом расширенном Морском форуме АСЕАН в декабре 2017 г. Япония увязала принцип "Открытых и стабильных морей" с поддержанием свободного и открытого международного порядка, основанного на верховенстве права в Индо-Тихоокеанском

² Подписантами РеСААР являются 21 участник, среди которых 8 стран АСЕАН (Бруней, Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд, Вьетнам, Филиппины, Сингапур), 3 восточноазиатских (КНР, Япония, Республика Корея), 3 южноазиатских (Индия, Шри-Ланка, Бангладеш), 5 европейских (Великобритания, Германия, Дания, Нидерланды, Норвегия), Австралия и США [8].

регионе [11, p. 76], тем самым сместив акценты на необходимость решения проблем, связанных с традиционными вызовами. На восьмом расширенном Морском форуме АСЕАН в декабре 2020 г. Япония выразила озабоченность ситуацией в ЮКМ, подчеркнув важность морского порядка, основанного на верховенстве права, и подтвердив свою приверженность достижению свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона [12, p. 128].

Показательным моментом стала поддержка Японией концепции АСЕАН о перспективах развития Индо-Тихоокеанского региона (АОИП, англ. ASEAN Outlook on the Indo-Pacific (AOIP)) [9], положения которой касательно укрепления морского сотрудничества в ЮВА, включая морскую безопасность, совпадают с содержанием японской концепции ФОИП. АСЕАН приветствовала приверженность Японии поддержке АОИП посредством конкретных проектов и мероприятий, направленных на содействие практическому сотрудничеству в ключевых областях, что нашло отражение в совместном заявлении 2025 г. о дальнейшей реализации программы "Перспективы АСЕАН в Индо-Тихоокеанском регионе" [13].

Пытаясь развить успех продвижения ФОИП, руководство Японии на прошлогоднем саммите "Диалог Шангри-Ла" предложило концепцию безопасности "Единые усилия всех стран" (англ. One Cooperative Effort Among Nations (OCEAN)), направленную на укрепление оборонного сотрудничества и наращивание потенциала союзников в регионе. Однако Япония не удалось убедить АСЕАН в преимуществах ещё одной комплексной программы, направленной на объединение вокруг общих интересов [20].

Рассматривая свободу судоходства и полётов над морскими пространствами как основу своего экономического выживания и процветания, Япония наращивает потенциал регионального сотрудничества в сфере безопасности и в минилатеральных форматах с участием стран ЮВА. Так, опасения по поводу безопасности в ЮКМ привели к созданию четырёхстороннего объединения Squad, куда вошли Япония, Филиппины, США и Австралия [30]. Новое оборонное сотрудничество возникло благодаря регулярному взаимодействию сторон, политический импульс которому был задан по мере развития двусторонних и трехсторонних отношений. По мнению Кея Кога, данная структура может перерасти либо в стратегический минилатерализм, подобный AUKUS, либо в функциональный минилатерализм, подобный Quad [32, p. 195]. В то же время подобный сценарий несёт риски для центральной роли АСЕАН в архитектуре региональной безопасности, что требует от Японии стратегической гибкости. Сохраняя в дискурсивном плане приверженность и уважение к асеановским механизмам, Токио старается использовать их для укрепления доверительных отношений в регионе на основе постоянного институционального взаимодействия. АСЕАН сохраняет важность для Японии как ключевой элемент регионального сотрудничества, позволяющий ей, в том числе, активизировать отношения с отдельными государствами-членами организации.

Двустороннее сотрудничество Японии с государствами ЮВА в сфере морской безопасности

За последние годы Япония стремится к всестороннему сотрудничеству в сфере морской безопасности с региональными странами посредством диалоговых форматов по линии оборонных структур, проведения совместных учений, программ наращивания их оборонного потенциала, тем самым превращаясь из периферийного игрока в значимого партнёра. С 2014 г. неуклонно росло число военных учений Японии со странами ЮВА (прежде всего с Индонезией, Филиппинами, Малайзией, Сингапуром), кроме того, участились заходы в порты этих стран кораблей Морских сил самообороны [21].

Страны ЮВА развивают с Японией сотрудничество по линии оборонных ведомств, включающее встречи армейского командования, совместные программы обучения, мониторинг ситуации на пути морских коммуникаций. Укреплению отношений в сфере морской безопасности способствовало заключение соглашений о стратегическом партнёрстве; с рядом стран (Малайзия, Вьетнам, Таиланд, Камбоджа) оно носит всеобъемлющий характер. Наиболее прочные связи в сфере морской безопасности установлены между Японией и Филиппинами, которые, помимо укрепления двустороннего сотрудничества, в том числе между Силами самообороны Японии и ВМС Филиппин, активно

взаимодействуют в рамках трёхстороннего диалога с США и поддерживают контакты в формате Squad.

Пересмотр подходов Токио к обеспечению национальной и региональной безопасности привёл к кардинальным сдвигам в оборонной политике, опиравшейся на гарантии безопасности со стороны США и являвшейся катехизисом внешнеполитической стратегии Японии с 1945 г. Ключевыми факторами этого сдвига стали развитие потенциала ответного удара за счёт закупки американских крылатых ракет "Томагавк", развертывание ракет большой дальности Туре-12, ослабление ограничений на экспорт вооружения (что вывело Японию по поставкам оружия на 6-е место в мире), а также увеличение расходов на оборону с 1% до 2% ВВП к 2027 г. [21]. Новая Стратегия национальной обороны (2022 г.) предусматривает поэтапную модернизацию Сил самообороны для ведения дальнего боя, осуществления комплексной противозушной и противоракетной обороны, мобильного развертывания, разведывательной деятельности и т. д. [39, p. 10].

Изменения коснулись и морского флота Японии, располагающего более чем 150 единицами (эсминцами, фрегатами, десантными кораблями, подлодками и вспомогательными судами) [27]. Ещё в 2020 г. началась модернизация кораблей типа Izumo для размещения на них истребителей F-35B. В прошлом году Минобороны Японии ввело две новые категории кораблей – "крейсер с управляемыми ракетами" и "многоцелевой авианесущий крейсер". Термин "крейсер" заменил слово "эсминец", чтобы отразить больший размер корпуса судна [5]. Тем самым Япония технично обошла действующий после окончания Второй мировой войны запрет создавать авианосцы. Параллельно Япония усиливает оборонительные возможности посредством интеграции в ВМС беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), расширяя радиус действия патрульных судов и демонстрируя переход к гибким, автономным платформам разведки, наблюдения и рекогносцировки [51]. В октябре прошлого года несколько японских компаний объединились для массового производства водных дронов, благодаря чему будет создана система непрерывного мониторинга океана, в которой применяются передовые технологии, такие как распознавание изображений с помощью искусственного интеллекта и роевые алгоритмы³. Настоящим прорывом в экспорте японской оборонной продукции и крупнейшим оборонным контактом Японии за всю историю стало соглашение с Австралией, которая решила приобрести 11 фрегатов класса "Могами" на сумму 6,5 млрд долларов, предпочтя продукцию компании Mitsubishi Heavy Industries немецкой Thyssenkrupp Marine Systems [38].

Невзирая на неоднозначную реакцию на последствия японской оборонной реформы как внутри страны, так и за её пределами, Токио продолжает политику "нормализации", подчёркивая возросшие военные возможности Японии, позволяющие ей быть в авангарде противодействия региональным угрозам. Катализатором значимости проблем морской безопасности для Японии стали её инициативы и действия по поддержке оборонного потенциала стран ЮВА. С 2006 по 2024 гг. Япония передала несколько патрульных кораблей и радиолокационные системы Индонезии и Малайзии, а также в рамках программы ОНР 12 многоцелевых судов быстрого реагирования, которые стали основой современного патрульного флота Береговой охраны Филиппин, усиливая её возможности по обеспечению правопорядка в Западном Филиппинском море [55]⁴.

Япония имеет соглашения о передаче оборонного оборудования и технологий с Филиппинами, Малайзией, Таиландом, Индонезией, Сингапуром и Вьетнамом. Помимо этого, в японской Стратегии производства оборонной продукции и технологической базы от 2014 г. страны ЮВА были упомянуты как перспективные партнёры, которым Япония выразила готовность экспортировать самолёты, корабли, радары [2, с. 213]. На сегодняшний момент наи-

³ Роевые алгоритмы – это методы, позволяющие организовать взаимодействие автономных интеллектуальных агентов (роботов или дронов) для достижения ими коллективных целей без централизованного управления [3, с. 36].

⁴ Западно-Филиппинское море – термин, который с 2006 г. используется вооружёнными силами Филиппин для обозначения района вокруг спорных островов Спратли в ЮКМ, включённых в исключительную экономическую зону страны.

более крупную сделку Японии удалось заключить с Филиппинами, продав им четыре радара противовоздушной обороны за 103 млн долларов [15].

За последние годы Япония увеличила поставки продукции оборонного назначения в страны ЮВА благодаря уже упоминаемой ранее программе ОПБ, которая позиционируется как инструмент расширения возможностей сдерживающего потенциала морских стран, разделяющих стремление Японии поддерживать региональный порядок, особенно в условиях попыток одностороннего силового изменения статус-кво со стороны Китая. Бюджет программы невелик (табл. 2), но она является более открытым способом предоставления японских грантов для приобретения оборонного оборудования и развития сопутствующей инфраструктуры (аэропортов и морских портов двойного назначения) для вооружённых сил стран ЮВА [17].

С другой стороны, поставляемое в рамках программы оборудование может стать отправной точкой для более крупных контрактов. В частности, в прошлом году Филиппины достигли соглашения с Японией о приобретении шести фрегатов морских Сил самообороны класса "Абукума". Экспорт судов, обладающих мощными наступательными возможностями, предусмотрен в рамках совместной разработки, что обеспечивает формальное соблюдение принципов передачи оборонного оборудования и технологий [57]. В свою очередь Индонезия ведёт переговоры с Японией о приобретении до восьми фрегатов класса "Могами" на сумму 3,6 млрд долларов с возможностью их совместной постройки [52].

Существенно скорректировав свою политику безопасности, Япония открывает окно возможностей для стран ЮВА в укреплении своего оборонного потенциала, однако большинство из них избегает действий, которые могут спровоцировать напряжённость в отношениях с Китаем. В 2021 г. Малайзия и Вьетнам отклонили предложение Японии о поставке списанных противолодочных самолётов P-3, хотя Вьетнам ещё в 2020 г. подписал с Японией соглашение о льготных кредитах для финансирования 6 патрульных судов на сумму 348 млн долларов, а Малайзия в рамках ОПБ получила спасательные катера и беспилотники [21]. В марте 2026 г. министр обороны Индонезии Шафри Шамсуддин заявил о планах расширить двустороннее оборонное сотрудничество с Австралией до трёхстороннего соглашения с участием Японии, однако это не подразумевало создание военно-политического блока [52].

Особняком выступают Филиппины, которые тесно сотрудничают с Японией в сфере безопасности, доказательством чему выступает участие Манилы в блоковых структурах (трёхстороннее соглашение между США, Японией и Филиппинами (англ. JAPHUS⁵), Squad), а также расширение филиппино-японского оборонного взаимодействия. Подписанное летом 2024 г. соглашение о взаимном доступе обеспечивает отправку военнослужащих обеих стран на территорию друг друга, что что делает документ настоящим оборонным пактом, дополненным в начале 2026 г. соглашением о безопасности, позволяющим двум странам беспощадно обмениваться товарами и услугами во время совместных военных учений [54]. В конце марта 2026 г. в СМИ появилась информация о том, что японские военные впервые будут задействованы в боевых маневрах в рамках ежегодных учений "Баликатан". Ранее они принимали участие как наблюдатели [44].

Доказательством существенных подвижек в двустороннем оборонном сотрудничестве стало заявление Японии о готовности экспортировать на Филиппины систему управления и контроля, предназначенную для операций противовоздушной обороны [37]. Ключевым моментом, создающим новую динамику в сфере региональной безопасности, стала заинтересованность Филиппин в приобретении японской системы зенитных ракет средней дальности Туре 03, способной перехватывать самолеты и крылатые ракеты противника [22]. Поскольку ракеты не попадают под действующие правила, разрешающие экспорт военного оборудования, их передача пока невозможна, однако намерения японского правительства отменить ограничения на экспорт летального оружия могут изменить ситуацию. Соглашения между Японией и Филиппи-

⁵ Трёхстороннее взаимодействие США, Японии и Филиппин в рамках диалога по оборонной политике. Первая встреча представителей оборонных ведомств в формате трёхстороннего диалога состоялась 13 сентября 2022 г.

Табл. 2. Программа "Официальная помощь в целях безопасности"
Table 2. The "Official Security Assistance" Program

Финансовый год	Бюджет, млн долл.	Страны-получатели помощи
2023	13,8	Бангладеш, Фиджи, Малайзия и Филиппины
2024	34,6	Бангладеш, Фиджи, Малайзия и Филиппины
2025	56,0	Филиппины, Малайзия, Индонезия, Таиланд, Папуа – Новая Гвинея, Шри-Ланка, Восточный Тимор и Тонга

Источник: составлено на основе: [28].

Source: compiled by the authors based on: [28].

нами являются примером стратегического сдвига в отношениях сторон. При этом Филиппины, поддерживая повестку сдерживания Китая, не готовы пойти на обострение отношений с последним в силу тесных экономических связей и вероятных политических издержек.

Заключение

Морская безопасность – важный аспект в отношениях между Японией и странами ЮВА. Сотрудничество в данной сфере за последние десятилетия становится одним из ключевых элементов архитектуры региональной стабильности. Руководствуясь стратегией ФОИП, Япония последовательно наращивает морской потенциал стран ЮВА, продвигая нарративы поддержания международного мира и порядка и демонстрируя возросшую внешнеполитическую субъектность. Для государств ЮВА взаимодействие с Токио является важным инструментом укрепления ресурсов противодействия морским угрозам, а также основой взаимовыгодного партнёрства.

Вместе с тем активная политика Японии в сфере морской безопасности, в особенности поставки оборонной продукции и поддержание логики блокового взаимодействия в сдерживании Китая, не только вызывает настороженность и раздражение со стороны последнего, но и ставит под удар устойчивость АСЕАНовских структур. Таким образом, эффективность сотрудничества Японии и стран ЮВА в сфере морской безопасности зависит от способности сторон находить баланс между коллективными интересами безопасности и национальным суверенитетом партнёров. Умение Японии адаптировать свои инициативы к реалиям международной среды региона, сохраняя образ надёжного партнёра, во многом будет определять результативность стратегии ФОИП, прежде всего касательно снижения рисков международной безопасности и обеспечения несилового сценария в решении вероятных конфликтов.

Литература / References

1. Горячева Е. А. Программа "Официальная помощь в целях безопасности" Японии: цели и перспективы в условиях новой геополитической реальности. *Известия Иркутского государственного университета*. Серия Политология. Религиоведение. 2024. Т. 47. С. 57–68. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.47.57>
Goriacheva E.A. Official Security Assistance Program of Japan: Its Goals and Perspectives in the Context of New Geopolitics. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*. 2024. Vol. 47. P. 57–68. (In Russ.). <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.47.57>
2. Добринская О. А. Политические и экономические приоритеты Японии на малайзийском направлении. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2023. Том 2. № 2 (59). С. 207–219. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2023-2-2-59-207-219>
Dobrinskaya O. A. Political and Economic Priorities of Japan in the Malaysian Direction. *Southeast Asia: actual problems of development*. 2023. Vol. 2. № 2 (59). P. 207–219. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2023-2-2-59-207-219>
3. Ерофеева В. А., Иванский Ю. В., Кияев В. И. Управление роём динамических объектов на базе мультиагентного подхода. *Компьютерные инструменты в образовании*. 2015. № 6. С. 34–42.

- Erofeeva V. A., Ivanskiy Yu. V., Kiyayev V. I. Controlling a Swarm of Dynamic Objects Based on a Multi-Agent Approach. *Computer Tools in Education*. 2015. No. 6. P. 34–42. (In Russ.)
4. Золотухин И. Н. Морское пиратство в Юго-Восточной Азии: региональное измерение проблемы. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2016. №4 (39). С. 140–157. Zolotukhin I. N. Maritime Piracy in South East Asia: regional dimension of the problem. *Ojkumena. Regional Researches*. 2016. No. 4 (39). P. 140–157. (In Russ.)
 5. На флот возвращаются крейсера: новые категории кораблей в ВМС Японии. Военное обозрение. 19.09.2025. URL: <https://topwar.ru/271148-na-flot-vozvraschajutsja-krejsera-novye-kategorii-korablej-v-vms-japonii.html> (дата обращения: 19.02.2026). Cruisers Return to the Fleet: New Categories of Ships in the Japanese Navy. *Military Review*. September 19, 2025. URL: <https://topwar.ru/271148-na-flot-vozvraschajutsja-krejsera-novye-kategorii-korablej-v-vms-japonii.html> (accessed 19.02.2026) (In Russ.)
 6. Парамонов О. Г. Выход Японии на мировой рынок вооружений: политический аспект. *Японские исследования*. 2016. №3. С. 42–354. Paramonov O. G. Japan's Entry into the Global Arms Market: Political Aspect. *Japanese Studies*. 2016. No. 3. P. 42–54. (In Russ.)
 7. Япония в эпоху великих трансформаций / Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: АИРО-XXI. 2020. 320 с. Japan in the Era of Great Transformations / Ed. by D. V. Streltsov. Moscow: AIRO-XXI. 2020. 320 p. (In Russ.)
 8. About ReCAAP. Information Sharing Center. URL: <http://www.recaap.org/AboutReCAAPISC.aspx> (accessed 14.02.2026)
 9. ASEAN Leaders' Declaration on the ASEAN Outlook on the Indo-Pacific for the Future-Ready ASEAN and ASEAN-Centered Regional Architecture. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/10/3-Final_ALD-on-the-AOIP-for-the-Future-Ready-ASEAN-and-ASEAN-Centered-Regional-Architecture.pdf (accessed 12.03.2026)
 10. ASEAN Regional Forum. Annual Security Outlook 2015. 224 p.
 11. ASEAN Regional Forum. Annual Security Outlook 2018. Singapore. 2018. 187 p.
 12. ASEAN Regional Forum. Annual Security Outlook 2021. Brunei Darussalam. 2021. 304 p.
 13. ASEAN, Japan to Advance Comprehensive Strategic Partnership June 26, 2025. URL: <https://asean.org/asean-japan-to-advance-comprehensive-strategic-partnership/> (accessed 12.03.2026).
 14. ASEAN-Japan Plan of Action 2011–2015. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/09/JP-PoA.pdf> (accessed 28.02.2026).
 15. Bradford J, Yamamoto R. Japan's Official Security Assistance to Southeast Asia: Limited Scope, but Real Impact. S. Rajaratnam Scholl of International Studies. Nanyang Technological University. January 12, 2025. URL: <https://rsis.edu.sg/rsis-publication/idss/ip25005-japans-official-security-assistance-to-southeast-asia-limited-scope-but-real-impact/> (accessed 28.02.2026)
 16. Bradford J. Southeast Asia: a new strategic nexus for Japan's maritime strategy // Center for International Maritime Security (CIMSEC). September 21, 2020. URL: <https://cimsec.org/southeast-asia-a-new-strategic-nexus-for-japans-maritime-strategy/> (accessed 22.02.2026)
 17. Choong W. Japan's Arms Transfers to Southeast Asia: Upping the Ante? *Fulcrum. Analysis on Southeast Asia*. February 15, 2024. URL: <https://fulcrum.sg/japans-arms-transfers-to-southeast-asia-upping-the-ante/> (accessed 18.03.2026)
 18. Deputy Secretary-General of ASEAN attends the 13th Japan-ASEAN Defense Vice-Ministerial Forum // ASEAN.org January 30, 2024. URL: <https://asean.org/deputy-secretary-general-of-asean-attends-the-13th-japan-asean-defense-vice-ministerial-forum/> (accessed 12.03.2026)
 19. Fiddler C. Strengthening ASEAN-Japan Defense Ties Through JASMINE Japan-ASEAN Defense Forum; US-Japan-South Korea Meeting. *Hub and Spokes*. 20 February 2025. URL: <https://www.hub-and-spokes.com/p/strengthening-asean-japan-defense> (accessed 12.03.2026)
 20. Goto S. Japan Can Keep the Indo-Pacific Open and Free with America Stepping Back, Tokyo Should Step Up. *Foreign Affairs*. November 4, 2025. URL: https://www.foreignaffairs.com/japan/japan-can-keep-indo-pacific-open-and-free?check_logged_in=1&utm_medium=promo_email&utm_source=lo_flows&utm_campaign=article_link&utm_term=article_email&utm_content=20260217 (accessed 14.03.2026).
 21. Hoang T. H., Tan E. R. L. Japan's Growing Hard-power Profile: Implications for Southeast Asia. *Fulcrum. Analysis for Southeast Asia*. February 24, 2026. URL: <https://fulcrum.sg/japans-growing-hard-power-profile-implications-for-southeast-asia/> (accessed 21.02.2026).
 22. Hutagalung S. PH defense rise and Japan's strategic shift. *Philippine Daily Inquirer*. 17 December 2025. URL: <https://opinion.inquirer.net/188272/ph-defense-rise-and-japans-strategic-shift> (accessed 26.03.2026)
 23. ICC-IMB. Piracy and Armed Robbery Against Ships. Report 2025. URL: <https://icc-ccs.org/wp-content/uploads/2026/01/2025-Jan-Dec-IMB-Piracy-and-Armed-Robbery-Report.pdf> (accessed 23.02.2026)
 24. Implementation Plan of the Joint Vision Statement on ASEAN-Japan Friendship and Cooperation Trusted Partners 17 December 2023, Tokyo. 18 p.
 25. Investing in Sustainable Natural Capital in ASEAN. Status Report. September 2021. Enhanced Regional EU-ASEAN Dialogue Instrument (E-READI). 82 p.

26. Jackson V. Power, Trust, and Network Complexity: Three Logics of Hedging in Asian Security. *International Relations of the Asia-Pacific*. 2014. Vol. 14, No. 3. P. 331–356.
27. Japan Maritime Self-Defense Force: Unveiling Its Powerful Naval Secrets. *Defenses News*. March 11, 2026. URL: <https://defensenews.us/japan-maritime-self-defense-force-unveiling-its-powerful-naval-secrets/> (accessed 14.03.2026)
28. Japan's Security Policy. Official Security Assistance (OSA). URL: https://www.mofa.go.jp/fp/ipc/page4e_001366.html (accessed 16.03.2026)
29. Joint Declaration for Enhancing ASEAN-Japan Strategic Partnership for Prospering Together (Bali Declaration). Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/asean/conference/pdfs/bali_declaration_en_1111.pdf (accessed 27.02.2026)
30. Joint Readout from Australia-Japan-Philippines-United States Defense Ministers' Meeting May 3, 2024 // Japan Ministry of Defense. URL: <https://www.mod.go.jp/en/article/2024/05/5744f45dff873240f4ff431974f95a02ef5604e.html> (accessed 15.03.2026)
31. Keynote Address by Prime Minister Abe [Friday, May 30, 2014]. The 13th IISS Asian Security Summit – The Shangri-La Dialogue. URL: https://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201405/0530kichokoen.html (accessed 10.03.2026)
32. Koga K. Japan-Southeast Asia Relations: Strategic Dynamism: 50th Anniversary of Relations and Security Ties. *Comparative Connections*. Vol. 26. No. 1. May 2024. P. 191–200.
33. Kuik C. Shades of grey: riskification and hedging in the Indo-Pacific. *The Pacific Review*. 2023. Vol. 36. Issue 6. P. 118–1214.
34. Kuik C. The Essence of Hedging: Malaysia and Singapore's Response to a Rising China. *Contemporary Southeast Asia. A Journal of International and Strategic Affairs*. January 2008. N 30 (2). P. 159–185.
35. Lim D.J., Cooper Z. Reassessing Hedging: The Logic of Alignment in East Asia. *Security Studies*. 2015. Vol. 24. No. 4. P. 696–727.
36. Mccauley A. The most dangerous waters in the world. URL: <http://time.com/piracy-southeast-asia-malacca-strait/> (accessed 22.02.2026)
37. Mizuki S. Japan moves to export defense command system to Philippines. *Staff Writer*. December 3. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/16198175> (accessed 26.03.2026).
38. Mogami-Class Frigate Boosts Japan's Defense Exports. *The Asia Review*. 17 August 2025. URL: <https://theasiareview.com/mogami-class-frigate-boosts-japans-defense-exports/> (accessed 17.03.2026)
39. National Defense Strategy. December 16, 2022. 38 p.
40. National Security Strategy December 17, 2013. 37 p.
41. Nazery K. Sea lines under strain. *IUP Journal of International Relations*. April 2012. Vol. 2. P. 57–66.
42. New Plan for a "Free and Open Indo-Pacific (FOIP). Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/page25e_000278.html (accessed 28.02.2026)
43. Nguyen H.S. ASEAN-Japan Strategic Partnership in Southeast Asia: Maritime Security and Cooperation. *Sukma Rizal and Soeya Yoshihide. Beyond 2015: ASEAN-Japan Strategic Partnership for Democracy, Peace, and Prosperity in Southeast Asia*. Japan Center for International Exchange. 2013. P. 214–227.
44. Nodalo T. Japan to deploy combat troops in Balikpapan 2026 as defense ties deepen. *News Watch +*. March 24, 2026. URL: <https://www.newswatchplus.ph/2026/03/24/japan-to-deploy-combat-troops-in-balikatan-2026-as-defense-ties-deepen/> (accessed 26.03.2026).
45. Review of maritime transport 2025. UN Trade and Development <https://unctad.org/publication/review-maritime-transport-2025> (accessed 16.02.2026).
46. Russel M. 2016. Illegal fishing in south-east Asia. *Briefing European Parliamentary Research Service*. December 2016. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2016/595839/EPRS_ATA\(2016\)595839_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2016/595839/EPRS_ATA(2016)595839_EN.pdf) (accessed 26.02.2026).
47. Schlieman L. Illegal, Unreported, and Unregulated Fishing in Southeast Asia: Trends and Actors. *Asia Policy*. October 2023. Vol. 18. No. 4. P. 71–92.
48. Seah S. et al. The State of Southeast Asia: 2022 Survey Report. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2022. 56 p.
49. Seah S. et al. The State of Southeast Asia: 2024 Survey Report. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2024. 72 p.
50. Seah S. et al. The State of Southeast Asia: 2025 Survey Report. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2025. 76 p.
51. Shinji O. Can Japan Lead the World in Water Drone Technology? *Japan Forward*. October 27, 2026. URL: <https://japan-forward.com/can-japan-lead-the-world-in-water-drone-technology/> (accessed 26.02.2026)
52. Siow M. Japan woos Indonesia with stealth frigates ahead of Prabowo–Takaichi talks. *South China Morning Post*. March 23, 2026. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3347360/japan-woos-indonesia-stealth-frigates-ahead-prabowo-takaichi-talks> (accessed 17.03.2026)
53. Storey I. Japan's maritime security interests in Southeast Asia and the South China Sea dispute. *Political Science*. 2013. Vol. 65. Issue 2. P. 135–156.

54. Strangio S. Japan, Philippines Sign New Defense Pact to Facilitate Flow of Military Supplies. *The Diplomat*. January 16, 2026. URL: <https://thediplomat.com/2026/01/japan-philippines-sign-new-defense-pact> (accessed 18.03.2026)
55. Takeshi Y. Japan's Security Cooperation with ASEAN-Evolution, Challenges, and Implications for Indo-Pacific Order. *Hybrid Seminar. ASEAN Studies Centre*. October 10, 2025. <https://www.asean.emb-japan.go.jp/files/100917402.pdf> (accessed 18.02.2026)
56. Tang S. M. et al. *The State of Southeast Asia: 2020 Survey Report*. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2020. 56 p.
57. Xie R. Japan may expand military exports to Southeast Asia with incremental steps. *China Military online*. July 10, 2025. URL: http://eng.chinamil.com.cn/OPINIONS_209196/Opinions_209197/16396271.html (accessed 15.03.2026)

Информация об авторах

Иван Николаевич Золотухин, канд. полит. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: zolivnik@mail.ru

Юрий Евгеньевич Сапрыгин, студент Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: saprygin.ye@dvfu.ru

Information about the authors

Ivan N. Zolotukhin, Candidate of Political Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: zolivnik@mail.ru

Yuriy E. Saprygin, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: saprygin.ye@dvfu.ru

Поступила в редакцию 01.04.2026

Одобрена после рецензирования 17.05.2026

Принята к публикации 27.05.2026

Received 01.04.2026

Approved 17.05.2026

Accepted 27.05.2026

Научная статья
УДК 39(73)+323.1+314.7
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/167-177>

Американцы: как они появились и какие у них перспективы? (Антропологический этюд)

Анатолий Михайлович Кузнецов
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kuznetsov.2012@mail.ru

Аннотация. В статье на основе теории этноса С. М. Широкогорова, рассматривающей этнос как нелинейный процесс, в который включены этнические общности, характеризующиеся различными психоментальными комплексами, исследованы общие проблемы этнической истории американцев. В качестве основных этапов, составляющих эту историю, были выделены: развитие рабства и расовой сегрегации, победа в войне за независимость, Гражданская война, освоение Запада, изменения в политике 1960-х гг., массовая миграция латиносов. В результате произошедших перемен началось "размывание" доминировавшего англо-протестантского психоментального комплекса, основанного на протестантизме, индивидуализме, трудовой этике. Новые условия определили признание тех, кто отличается как равно достойных. Превращение населения США в мультирасовое, полиэтническое, поликонфессиональное образование обусловило кризис трёхпоколенной модели ассимиляции мигрантов и идентичностно-конструктивистских подходов в решении актуальных проблем обеспечения внутренней стабильности в стране. На основе проведенного исследования сделан вывод о необходимости дополнения существующего исследовательского арсенала гуманитарной науки США российскими исследованиями по теории этноса.

Ключевые слова: *раса, этнос, протестанты, американцы, индивидуализм*

Для цитирования: Кузнецов А. М. Американцы: как они появились и какие у них перспективы? (Антропологический этюд) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 2. С. 167–177.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/167-177>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/167-177>

Americans: How Did They Come to Be and What Are Their Prospects? (An Anthropological Study)

Anatoly M. Kuznetsov
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kuznetsov.2012@mail.ru

Abstract. This article, drawing on S. M. Shirokogorov's theory of ethnos, which views ethnos as a nonlinear process encompassing ethnic communities characterized by various psycho-mental complexes, examines common issues in the ethnic history of Americans. The key stages comprising this history are identified: the development of slavery and racial segregation, victory in the Revolutionary War, the Civil War, the expansion of the West, the political changes of the 1960s, and the mass migration of Latinos. These changes resulted in a "blurring" of the dominant Anglo-Protestant psycho-mental complex, based on Protestantism, individualism, and the work ethic. These new conditions determined the recognition of those who are different as equally worthy. The transformation of the American population into a multiracial, multiethnic, and multireligious entity has led to a crisis in the pre-generational model of migrant assimilation and identity-constructivist approaches to addressing pressing issues of domestic stability. Based on this study, it is concluded that Russian research on ethnicity theory is essential to supplement the existing research arsenal in the US humanities.

Key words: *race, ethnicity, Protestants, Americans, individualism*

For citation: Kuznetsov A. M. Americans: How Did They Come to Be and What Are Their Prospects? (An Anthropological Study) // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 167–177.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/167-177>

Исследование различных проблем американистики является благодарным занятием, так как оно обеспечено достаточным количеством источников и материалов, а не основывается на различных мифах или реконструкциях. Однако такое преимущество имеет и обратную сторону, так как оно обусловлено слишком короткой историей освоения европейцами североамериканского континента и существования США. По этой причине и в силу специфики условий Северной Америки здесь стали формироваться и особые традиции описания, изучения и осмысления американских реалий, воплощенные в творчестве Ф. Купера, работах Ф. Грунда, Ф. Тёрнера, Д. Бурстина, Г. Аптекера, а теперь А. Зинна и других авторов [27]. Значительное влияние на современные гуманитарные исследования в США оказали идеи психолога Э. Эриксона, который соединил философский и научный подходы в изучении феномена

идентичности. Согласно концепции этого автора, идентичность является характеристикой развития личности (индивидуального Я) во взаимодействии с обществом [22]. В силу развитого индивидуализма американского социума, принесенного еще первыми переселенцами, концепт *идентичности* затем был необоснованно использован для описания различных объединений людей, включая *нации* и *государства* [16; 17]. Например, известный специалист по международным отношениям А. Вендт мог безапелляционно заявлять: "Государства – тоже люди". Дальнейшее развитие такая некорректная практика *антропоморфизации*, т. е. приписывания человеческих свойств другим явлениям, получила распространение в различных направлениях *конструктивизма*. Поскольку целью настоящей работы является не анализ *представлений* отдельных американцев или их групп по поводу своей "гражданской нации", а исследование общих проблем возникновения и развития *американцев* как *новой общности*, то для её реализации необходимо устранить указанный дефект, присутщий ряду исследований [10]. В российской литературе данная проблема рассматривалась через категории *цивилизации* или *общественного сознания* [3; 5].

Предметом исследований стали также отдельные общности населения Америки [1; 12; 19].

Как представляется, реальной альтернативой конструктивистско-идентичностным ограничениям являются российские разработки по проблемам этноса и, прежде всего, теория С. М. Широкогорова, которая уже освещалась в журнале "Ойкумена" [8; 9]. Согласно этой теории, новые *этнические общности* возникают по мере развития *этноса-процесса* как результат *адаптации* определенных объединений людей к различным видам среды: *природным условиям*, *собственной культуре* и *другим общностям* [20]. Основным же *достоянием* сложившейся этнической общности С. М. Широкогорov рассматривал формирование особого *психоментального комплекса* (ПМК), объединяющего принятые *верования*, *накопленные знания* и *исторический опыт* данной общности. Поскольку этот комплекс связан с не всегда осознанными представлениями разных индивидов, то российский ученый предложил учитывать возникновение в определенной этнической общности *центростремительного* и *центробежного* векторов этноса [36].

Специфика этноса в английской части Америки заключалась, во-первых, в том, что сначала он формировался в условиях британской колонии, а затем самостоятельного государства, политика которых оказывала влияние на развитие этнических процессов. Понятно, что сначала эти новые территории с 1607 г. осваивали преимущественно *англичане* с характерными свойствами своего психоментального комплекса, образовавшие на восточном побережье Новую Англию (штаты Вермонт, Коннектикут, Массачусетс, Мэн, Нью-Гемпшир, Род-Айленд). Основные компоненты этого ПМК на их родине сложились в условиях противостояния с католическим миром, когда собственные религиозно-политические особенности стали рассматриваться уже как *общенациональная* самобытность. Здесь же ещё в XVI столетии была заложена идея *английской исключительности*, которую переселенцы также принесли и в Новый свет [6]. Неплохим дополнением к этой идее стал также пуританский индивидуализм, воспетый в 1719 г. Д. Дефо в своём "Робинзоне Крузо". Наряду со своей особой миссией – основания "града на холме" первопоселенцы из Англии принесли также кальвинистскую убежденность в исходной *греховности* и *порочности* человека [17]. На основе такой "антропологии" смогла развернуться в 1692 г. масштабная охота на ведьм в Сейлеме. Поэтому не приходится удивляться, что и в 1837 г. будущий президент А. Линкольн обсуждал "... чувства зависти, злобы и алчности, присущие человеческой природе и столь открыто проявляющие себя даже в периоды мира, процветания и могущества", как и "глубоко укорененные в людских сердцах ненависть и месть" – факторы, которые привели к Гражданской войне [18, с. 189]. А уж всякий там *гуманизм* в отношении к "Чужим" – это вообще непозволительная роскошь!

Первым переселенцам с начала XVII в. пришлось осваиваться в очень непростых и непривычных условиях, переносить немалые лишения. Несмотря на приверженность трудовой этике, для освоения Нового Света они остро нуждались в дополнительной рабочей силе. Конечно, эти англичане оказались не в безлюдных краях, так как здесь уже обитало коренное население, по недо-

Рис. 1. Подписание Декларации независимости США. Художник Джон Трумбул, 1817 г.

Источник: из открытых источников.

Fig. 1. Declaration of Independence (1817), by John Trumbull.

Source: from open sources.

разумению названное индейцами. Остававшиеся на разных догосударственных уровнях развития индейские объединения не собирались взваливать на себя заботы белых пришельцев. Поэтому уже в 1619 г. в колонию прибыл первый корабль с чернокожими невольниками из Африки, и это событие стало рассматриваться впоследствии как *основной факт* в истории Америки. Положение колонистов-англичан ещё усугублялось появлением на севере после 1534 г. старинного врага – французов, основавших в своей Новой Франции, поселения Порт-Роял (1605 г.) и Квебек (1607 г.). Как показал С. Хантингтон, с 1689 по 1763 гг. американцы пять раз воевали вместе с британцами против французов. Поскольку собственных сил у противников было недостаточно, то в эти конфликты активно вовлекались и индейцы, и они были еще полезны [18, с. 177]. Показательно, что прошедшие все эти испытания колонисты стали называть себя *первопоселенцами*, чтобы отличаться от прибывавших позднее *эмигрантов*. В целом же вплоть до 1740 г. название Америка оставалось обозначением территории, но не находящегося на ней населения, которое сохранило англо-протестантскую культуру [18, с. 76].

Однако вскоре началось обострение экономических и политических противоречий с властями метрополии, выразившееся сначала в известном Бостонском чаепитии (1773 г.), а затем в проведении Континентального конгресса (октябрь 1774 г.), собравшего представителей 12 штатов. В результате с 1775 г. началась вооружённая борьба колонистов с британскими войсками под лозунгами борьбы с королем-тираном и отстаивания английских *свобод*, а 4 июля 1776 г. была принята Декларация о независимости. Эти события, известные как Война за независимость или Американская революция, ознаменовали важный момент в этнической истории теперь уже страны, так как во время этих событий стало активно использоваться самоопределение – *американцы* (рис. 1).

Произошедшие перемены позволяют констатировать, что за прошедшие примерно 170 лет в колониях появилась масса людей, которые не могли поддерживать тесные связи с Англией, жили в специфических природных услови-

ях и должны были создать новые варианты существования и осмысления своего положения. В результате доминировавший здесь прежде *центробежный этнос*, ориентированный больше на Англию, стал изменять свой вектор на *центростремительный*. Подобное изменение стало возможным потому, что, наряду с другими причинами, в новых реалиях доминировавший здесь среди населения английский психоментальный комплекс стал замещаться формирующимся *американским*. Насколько непростым был этот процесс, наглядно демонстрирует тот факт, что при ещё недостаточно многочисленном населении колоний здесь оставались еще около 100 тысяч *лоялистов*, сохранивших верность британской короне. Из-за начавшихся *преследований* примерно 40 тысяч из этих "инакомыслящих" перебрались в британскую Канаду, часть из них уехала на острова Вест-Индии, остальные вернулись в Британию [18, с. 181]. После де-юре признания в 1783 г. независимости США население нового государства к 1790 г., по некоторым данным, составляло около 3,929 млн человек из них 698 тысяч – это были рабы. Среди белой части американцев до 60% составляли выходцы из Англии, а до 80% – из Великобритании. Оставшаяся часть приходилась в основном на эмигрантов из Германии и Голландии [18, с. 81]. Что показательно, данные по численности коренного населения обычно не приводились.

Отцам-основателям нового государства, рожденного в "революционном горниле" борьбы с монархией, пришлось решать очень непростые задачи. С одной стороны, в контексте некоторых идей модерна и Просвещения, они после освобождения от тирании монархии достаточно ясно представляли политическое обустройство своей страны как республики. В своём государственном строительстве они также руководствовались античными образцами Древней Греции и Рима, которые "наглядно" демонстрировали, что республиканская форма правления – удел малых политий [18, с. 183]. Поэтому была создана Конфедерация, состоящая из 13 отдельных демократических штатов. Соответствующие настроения наглядно отразил в 1792 г. Фишер Эймс: "Мы не нация, наша страна – наш штат" [18, с. 182]. Античный опыт также ненавязчиво "подсказывал" и общественное обустройство страны: полноценные граждане, неравноправные свободные и рабы. Принятие необходимых решений упрощалось очевидной реальностью: "наихристианейший" народ оказался в окружении язычников, как индейцев, так и чернокожих рабов, которым дорога в Царство Божие была пока закрыта, и эти разделительные линии были осмыслены как *граница между добром и злом*. Поэтому республика, демократия и вообще цивилизация – это только для белых англо-саксонских протестантов (WASP). Так в основание американского этноса и общества были заложены жёсткая *сегрегация*, разделявшая свободных и рабов, белых и цветных.

В результате в США начала складываться специфическая *этнополитическая* ситуация. С одной стороны продолжались этнические процессы, охватывавшие сообщество белой части населения. С другой стороны, сохранялся этнос самобытного коренного населения, разделённого примерно на 200 различных племенных и клановых образований. Наконец, потомками ранее и позднее привезённых чернокожих невольников здесь формировалось новое объединение. Сначала они были вырваны из привычного окружения, собраны из разных частей Чёрного континента, зачастую говорили на разных языках и были вынуждены создавать такие специфичные сообщества, как "братства по кораблю". Оказавшись в Америке, бывшие африканцы усваивали английский язык, стали принимать христианство и создавать своеобразные *культурные традиции*, способствовавшие их консолидации. Конечно, эти процессы в той или иной мере пытались контролировать государство, но в условиях *сегрегации* параллельное развитие нескольких разных этносов не только сопровождалось формированием разных психоментальных комплексов, но и способствовало сохранению и развитию в стране различных *центробежных* процессов. Не случайно даже представители Новой Англии в 1803 г., а затем в 1814–1815 гг. поднимали вопрос о *выходе* из Конфедерации [18, с. 185].

Следует учитывать, что в 1820–1830 гг. в США происходили очень важные события. Во-первых, население США между 1800 и 1820 гг. выросло на 81% [18, с. 83]. Во-вторых, была сделана серьезная заявка – доктрина Монро по определению своего положения в мире. Тогда же стали появляться и при-

звы к отмене рабства. Сначала эту проблему попытались решить созданием в 1821 г. в Африке государства Либерия для вывоза из страны рабов. В духе времени считалось, что "белой" и "чёрной" Америкам из-за расовых различий всё равно не ужиться друг с другом. В соответствии с подобной сегрегационной логикой началось и решение индейского вопроса. Принятие "Земельного ордонанса" 1785 г. и "Северо-западного ордонанса" 1787 г. подготовило законодательную основу для лишения индейцев их территорий. Идейным обоснованием обновленной индейской политики стала очень американская концепция *фронттира* как подвижной границы между *цивилизацией*, воплощаемой белыми, и *дикостью*, которую представляли опасные туземцы (индейцы) [15]. Увеличение миграционного потока из Европы актуализировало земельные проблемы и 26 мая 1830 г., Конгрессом США был принят "Закон о переселении индейцев". К 1870–1890-м гг. вопрос был закрыт, так как после серии индейских войн большинство коренных жителей были согнаны в резервации [23]. С этим новым "успехом" политики сегрегации историк Ф. Тёрнер связывал формирование демократии и "прогрессивных" особенностей государственного устройства США [38, p. 343]. Однако современные авторы оценили положение индейцев этого времени как *другое рабство* [33]. Можно также констатировать, что на формирование американского этноса и психоментального комплекса значительное влияние оказали представления о жизни в условиях постоянного *враждебного окружения*.

Насколько глубоко укоренилась эта очень жесткая *сегрегационная* конструкция в психоментальном комплексе американцев, можно судить и по следующему факту. В 1840-е гг. в США приехали почти 800 тысяч ирландцев, затем в 1850-е гг. – ещё примерно 914 тысяч выходцев с Изумрудного острова. В результате политикам, интеллектуалам и социуму США в целом пришлось решать новую серьёзную задачу: можно ли ирландцев, которые не были англосаксами и протестантами, считать *белыми*? Конечно, внешне эти новые мигранты выглядели соответствующе, но *вели* они себя не как белые американцы, т. е. англосаксы! Сложившееся расистское осмысление своего социального устройства определило отношение "сто процентных" американцев к ирландцам как к "белым неграм", а чернокожих рабов иногда стали называть "закопчёнными ирландцами" [31]. Столь массовое появление чуждых "Других" посеяло *страх* перед католиками, и для контроля над ними была создана *тайная организация* "Орден звездно-полосатого флага". Пришлось также определяться и с отношением к прибывшим в 1850-х гг. около 952 тысяч немцев [18, с. 153–154]. Только в результате упорной борьбы ирландцы добились своего признания к концу XIX в. в качестве "настоящих" белых. Но ещё оставались вопросы не только в отношении появившихся китайцев, но и евреев, поляков и некоторых других эмигрантов.

Однако вскоре развитие собственно *американского этноса* столкнулось с ещё более серьёзным испытанием. Оно выразилось в разрастании центробежных тенденций, обусловленных развитием капитализма и товарно-денежных отношений. Оказалось, что природные условия южных штатов оказались благоприятны для производства выгодной, но трудоемкой товарной культуры – хлопка, а эксплуатация рабов на крупных плантациях обеспечивала необходимый уровень прибыли [26]. В то же время северные штаты стали развиваться по достаточно стандартному капиталистическому пути. Миссурийский акт 1820 г. закрепил фактическое разделение страны на рабовладельческие и "свободные" штаты. Не менее показательным свидетельством центробежной консолидации южан можно рассматривать создание ещё в 1828 г. Демократической партии, что позволило представителям с юга фактически контролировать верховные органы Союза. Поэтому они смогли заблокировать в 1840-е гг. принятие закона о гомстедах, предполагавшего свободную раздачу участков земли в 160 акров [13]. Дальнейшее расхождение между Севером и Югом страны было озаменовано образованием в 1854 г. Республиканской партии северянами. Победа республиканцев на президентских выборах 1860 г. и выход рабовладельческих штатов из Союза, создавших свою Конфедерацию, обычно рассматриваются как причины начавшейся Гражданской войны (1861–1865 гг.). В состав мятежной коалиции вошли штаты: Южная Каролина, Джорджия, Флорида, Алабама, Миссисипи, Луизиана, Техас, Арканзас, Теннесси, Северная Каролина и Вирджиния.

Однако не стоит забывать, что эта война стала возможной в результате появления на юге критической массы людей, которые не считали себя единым народом с северянами (значительная часть которых выступала против рабства) и отстаивали идею "аграрного коммунизма". Об уровне взаимного неприятия можно судить хотя бы по такому факту, что южане свой сепаратизм обосновывали как вступление во *Вторую войну за независимость* и выполнение долга перед своими штатами. В свою очередь известный защитник прав индейцев, северянин Л. Г. Морган писал в начале этих событий: "Я не верю, что мятеж утихнет и Юг снова станет лояльным Союзу. Отчуждение его народа является абсолютным и полным, и мы должны принять это как факт. Мы раскололись в каждом элементе национальной жизни... Мятежники против правительства должны поплатиться за свой акт безрассудства и преступления своими привилегиями, своими землями и своими домами, их нужно изгнать сильной рукой с каждого дюйма американской территории" [37, р. 37–38]. Разное видение проблем отразилось даже в литературной классике в виде произведений Г. Бичер-Стоу "Хижина дяди Тома" и М. Митчелл "Унесённые ветром".

Не менее показательны для понимания ситуации и эти данные. К началу Гражданской войны население северных штатов составляло около 20,3 млн человек, южных – примерно 11,1 млн, включая до 4 млн рабов. Несмотря на столь серьёзные различия, армия конфедератов первой начала военные действия 12 апреля 1861 г., а затем воевала ещё 4 года [13]. Уже после своей победы северянам пришлось осуществлять длительную Реконструкцию Юга (1865–1876 гг.), введя военное управление в этих штатах, отменив рабство как основу плантационного хозяйства и лишив примерно 200 тыс. участников "мятежа" избирательных прав. Южане в ответ, в соответствии с традициями, создали тайную организацию Ку-клукс-клан, противодействующую репрессивными методами ненавистным преобразованиям [2]. Война заставила союзное правительство более ответственно заняться "национальной" политикой (политикой идентичности) [39]. В её реализации стала активно пропагандироваться идея *единства* американской нации. Для решения этой задачи активно внедрялись такие общенациональные символы, как звёздно-полосатый флаг и герб в виде белоголового орлана, держащего 13 стрел (обозначение готовности к войне), оливковую ветвь мира с 13 листьями и 13 звёзд, которые символизируют первые штаты Союза. Изображение было дополнено декларативным девизом на ленте "Единство в многообразии".

Следовательно, можно утверждать, что в силу *конкретных условий* южных штатов и сложившегося на тот момент уровня развития *коммуникации* между разными частями страны здесь в силу объективных факторов сформировались условия для формирования особого *этноса* и отдельного *психоментального комплекса*. Дальнейшее их развитие представляло прямую угрозу единству складывавшейся единой американской общности ("нации"), а точнее государству. Поэтому целостность Союза пришлось отстаивать в ходе кровопролитной войны, стоившей около 600 тыс. жизней. (Освобождённые рабы, получив в своё распоряжение духовые инструменты оркестров армии южан, смогли тогда создать свой оригинальный стиль – джаз). Гражданская война оказалась самой значительной на территории непосредственно Америки, поэтому искоренить память о ней оказалось не так просто. Поскольку такая *память* и соответствующий ей травматический *опыт* являются значимыми компонентами психоментального комплекса, то не удивительно, что эти события регулярно напоминают о себе. Например, в создании в 1994 г. организации "Южная лига", которая 4 марта 2000 г. приняла декларацию о независимости Юга следующего содержания: "Мы как граждане суверенных штатов Юга перед лицом Господа Всемогущего и перед нациями юга заявляем, что мы являемся особым народом с достойным наследием и культурой, заслуживающей сохранения и защиты" [30, р. 2].

Победа в войне позволила также начать реализацию принятого Конгрессом в 1862 г. "Закона о гомстедах". Для привлечения массы новых переселенцев из Европы правительство США с 1889 г. организовывало "земельные гонки", в которых сначала участвовали до 50 тыс. человек, в гонке 16 сентября 1893 г. – около 100 тыс. человек. Отмена рабства и наделение мигрантов землей открыли возможность для США представлять себя в качестве глав-

ного поборника *свободы*. Тогда же была начата пропагандистская кампания, согласно которой *свобода* стала главной *ценностью* для новых переселенцев в Америку. (Считается, что с 1820 по 1924 гг. в Америку прибыли около 34 млн европейцев). При этом как-то упускалось, что часть вновь прибывших "искателей свободы" возвращалась на родину. По данным на 1900–1910-е гг., примерно 65% венгров, 63% северных итальянцев, 59 % словаков, 57% хорватов и словенцев, а также 56% южных итальянцев вернулись из Америки обратно в Европу. Только у ирландцев этот показатель был примерно 7% [18, с. 293–294].

Оставшиеся мигранты из разных стран, как в своё время и чёрные невольники, для того чтобы коммуницировать друг с другом и самоорганизовываться для выполнения условий, необходимых для создания новых штатов, должны были усваивать английский язык и перенимать американские традиции и нормы. При этом правительство следило за тем, чтобы выходы из одной страны не расселялись компактно на одной территории. Так была отклонена идея создания "чёрных" штатов, в которых большинство должно было составлять чернокожее население. В результате англо-протестантская в своей основе культура WASP Америки сохраняла свое значение в условиях *трёхпоколенного механизма* ассимиляции мигрантов. Первое поколение ещё сохраняло во многом свою прежнюю этничность, второе – частично её сохраняло, но воспринимало уже многое собственно американское; третье поколение бывших итальянцев, немцев, скандинавов и других европейцев уже становились почти стопроцентными американцами. В то же время мигранты вносили и свой вклад в американскую культуру. Считается также, что прибытие массы европейских мигрантов способствовало развитию демократии США [34]. Поэтому Ф. Тернер также утверждал, что американская история остаётся историей колонизации Великого Запада. Не случайно именно при освоении "Дикого Запада" возник *национальный эпос США – вестерн*. Успехи этой политики ассимиляции были обыграны в поставленной в 1908 г. пьесе И. Зангвилла "Плавильный тигель", название которой стало одним из брендов США, фиксировавшим преобразование мигрантов в новую, опять же, "расу". На протяжении всего этого времени шло также обсуждение смысла идеи "американского кредо", понимание которого в XIX в. как приверженности протестантизму и почти *религиозного* отношения к труду в XX в. было дополнено *индивидуализмом* и стремлением к успеху.

Последующие события, связанные с подъёмом в стране рабочего движения, вызванного индустриализацией, периодом процветания 1920-х, Великой депрессией 1929–1939 гг., Второй мировой войной, перешедшей в холодную для сдерживания коммунизма, отодвигали внутренние конфликты *сегрегированной Америки* на второй план. Но эти проблемы вскоре громко заявили о себе. Создание Конгресса расового равенства в 1960 г. подняло на новый уровень борьбу чернокожих американцев, сформировавшихся уже как *общность*, против расовой сегрегации и дискриминации. В результате Конгресс США был вынужден принять Закон 1964 г. о гражданских правах, а затем Закон 1965 г. об избирательных правах. Обращает на себя внимание, что в этом же году был принят и Закон об иммиграции и гражданстве, отменявший ограничения в этой сфере Закона 1924 г. и увеличивавший до 60% квоту для мигрантов из Азии и Африки [11, с. 14–15]. Развязывание в 1964 г. агрессии США во Вьетнаме вызвало в стране массовое антивоенное движение, которое спровоцировало в конце 1960-х ещё и молодежную революцию. На этой протестной волне в 1968 г. была создана организация "Движение американских индейцев", организовавшая в 1973 г. вооруженное восстание в Вундед-Ни (на этой территории в конце индейских войн американская армия в 1890 г. устроила бойню индейцев сиу).

Можно сказать, что Америка 1960-х оказалась в состоянии "идеального шторма", глубоко потрясшего страну. На смену убежденности в продолжении действия "плавильного тигля" и достаточной однородности американского общества приходило осознание справедливости, метафоры "салата", в котором основные ингредиенты сохраняют свои свойства, предложенной ещё в 1915 г. Х. Каленом для его описания. Насколько изменилась ситуация в стране, можно судить по статье 1976 г., опубликованной американским индейцем в журнале для чёрных американцев в год 200-летия США: "В настоящее время

никто в действительности не знает, что такое Америка на самом деле" [21, с. 15]. И такое заключение – не досужий вымысел, ведь впервые в истории в США пришлось признать то, что *отличается*, как *равно достойное* [14]. В американском кредо ещё оставался потенциал, чтобы найти ответ на этот вызов, обусловленный превращением страны не только в мультирасовое, но и в полиэтническое сообщество. Весь этот непривычный плюрализм был элиминирован, как уже отмечалось, приданием *коллективистской коннотации* концепту "*идентичность*", отражающему принципиальный *индивидуализм* американского социума. Как резюмировал специалист по "этно/расовому пентагону" в США профессор Беркли Д. Холингер: "...*индивиды*, но не *группы* включаются в нашу нацию" [28, р. 21]. При таком подходе претензии на особую *идентичность* стали также выдвигать инвалиды, а затем и сексуальные меньшинства. В результате в стране всё окончательно перемешалось, и пришлось внедрять концепцию *гражданской* нации, ориентированной не на расовые, религиозные, этнические и другие характеристики своих граждан, а только на наличие у них соответствующих прав. После поражения во Вьетнаме для восстановления подорванной репутации морального лидера США стали активно декларировать защиту прав человека, вводить политкорректность и политику позитивной дискриминации, когда представителям общностей, которые раньше были угнетёнными, государство представляло предпочтениями.

Принятые меры позволили на некоторое время стабилизировать ситуацию в стране, но за внешним успокоением продолжались сложные этнические процессы и активная работа по осмыслению новых реалий, активизировавших *центробежность* вектора этноса, да ещё и в разных направлениях. Пришлось признать и такие нелицеприятные оценки, что большую часть своей истории Америка была расистской страной (А. Шлезингер), в которой "...американцы поработали и угнетали чернокожих, уничтожали и третируют индейцев, тиранили иммигрантов из Азии, враждовали с католиками, препятствовали иммиграции из стран за пределами северо-западной Европы" (С. Хантингтон). Чтобы как-то смягчить травмы прошлого, в 1988 г. активисты-конструктивисты предложили для чернокожих граждан определение "*афроамериканцы*". Поскольку волнения на расовой почве всё равно возникали, то было решено отменить значимость *расы* вообще. Ведь: "С точки зрения современной науки, в особенности популяционной генетики, концепт "раса" для человека не имеет никакого значения, так как он является *социальным конструктом*" "...даже простое злоупотребление социальным конструктом "раса" как *биологической реальностью* представляет собой *расизм*..." [35, р. 1107–1108]. Говоря другими словами, если не получается решить проблему, то делаем вид, что её просто не существует!

Вместе с тем превращение США в *мирового гегемона* способствовало распространению соблазна, описанного ещё С. М. Широкогоровым: "Лидирующая общность обычно убеждена в своём полном превосходстве, в праве управлять другими общностями, а когда необходимо, то и уничтожать их во имя "прогресса", справедливости, бога и других оправдывающих обстоятельств, выбор которых исключительно зависит от существующего психоментального комплекса. Такая общность не верит в свое временное существование, но настроена на то, что достигнутое ею положение будет сохраняться вечно" [36, р. 21].

Однако вскоре серьёзно преобразованному и ещё не до конца сформировавшемуся американскому этносу пришлось столкнуться с новой, ещё более серьёзной проблемой, возникшей из-за начавшейся массовой миграции, *латинос* или *хиспаникс* из Мексики и стран Южной Америки. По мнению С. Хантингтона, именно эти новые мигранты бросают самый *серьёзный вызов* англопротестанским основаниям США, так как они создали дилемму: либо удается *сохранить* традиционную американскую культуру, либо американцы превратятся в *комбинацию* всех этих "понаехавших" [18, с. 17]. В обоснование своей озабоченности этот стопроцентный американец привёл следующие цифры. К 2000 г. белые составляли 69,1% населения США; к этому времени в страну официально приехали 7,84 млн человек из Мексики, а нелегально – ещё 12,9 млн мигрантов из этой страны [18, с. 352]. К 2002 г. общая численность латиносов в США достигла 38,8 млн человек, т. е. уже больше, чем афроамериканцев [18, с. 352; 498]. В силу территориальной близости эти мигранты

концентрируются в основном в южных приграничных штатах США: Калифорнии, Аризоне, Нью-Мексико и Техасе... Поэтому, как писал Хантингтон, матч по футболу США–Мексика в феврале 1998 г., собравший более 91 тыс. зрителей, показал: "Играть в Лос-Анжелесе вовсе не означает для американцев играть дома" [18, с. 24]. За это же время США приняли 1,391 млн человек из Китая, 1,222 млн человек из Индии, 1,007 млн человек с Филиппин. Въехали также около 952 тыс. человек с Кубы, которые в основном оставались во Флориде [18, с. 351]. Поэтому С. Хантингтон и назвал свою последнюю книгу "Кто мы?". Отказ от политики расовой дискриминации и увеличение потока мигрантов не только из Мексики, но и из других государств Южной Америки создали ситуацию, когда *латинос* составляют около 19% всего населения США. В этой среде, которая на 1 июля 2023 г. включала уже до 65,2 млн человек, не все в ладах с английским языком, но в подавляющем большинстве они испаноязычные, в основном католики, и у них своё отношение к индивидуализму и трудовой этике [32]. Поскольку при администрации Д. Байдена через южную границу прошёл массовый поток новых мигрантов, то эта цифра должна была ещё больше увеличиться.

Наряду с угрозой *испанизации* США С. Хантингтон отмечал и возрастающее расширение пропасти между *космополитическим* мировоззрением элит и приверженностью *нации* (традиционной этничности) значительной части американцев [18, с. 459]. Именно в элите распространены настроения своей *исключительности, лидирующей общности*, дополненные теперь и *космополитизмом*. К каким последствиям может приводить безоговорочная убежденность в своей *исключительности*, наглядно продемонстрировали те же "файлы Эпштейна".

Неприятным открытием для властей США также стал тот факт, что в современных условиях *трёхпоколенная* модель ассимиляции мигрантов уже не работает. Развитие современных систем транспорта и коммуникации или географическая близость позволяют тем же латиносам поддерживать связи со странами своего происхождения, что способствует сохранению их *этничности*. Кроме того, другие государства, например Китай, Мексика, Филиппины, изменили свою политику в отношении бывших соотечественников, иммигрировавших в США, оказывая им доступную поддержку. В результате в США увеличивается количество этнических лобби, а мигрантские диаспоры становятся новыми акторами международных отношений [24]. Поскольку все эти перемены происходили буквально на протяжении *человеческой жизни*, следует учитывать, что, *в отличие от России*, у американцев нет опыта поддержания единства и стабильности в условиях мультирасового, полиэтнического и поликонфессионального состава.

Продолжительный опыт *расовой сегрегации, ассимиляции* мигрантов, приверженность *методологическому индивидуализму*, стремление решать проблемы средствами основанной на нем *политики идентичности* не позволяют урегулировать насущные внутренние проблемы в стране, сотрясаемой время от времени обострением противостояния между демократами и республиканцами, движением BLM и другими негативными проявлениями [4]. Но наряду с этими лежащими на поверхности проблемами о себе заявляют и другие – не столь очевидные. В очень *сложном* этносе США все более очевидным становится расщепление этого процесса на разные составляющие, которые вместе с центробежными тенденциями в психоментальной сфере могут создать ситуацию, способствовавшую началу Гражданской войны в стране. Не случайно даже "технари" и специалисты-"айтишники" из Силиконовой долины обеспокоились будущим Америки [7]. Проблема заключается в том, что для того, чтобы адекватно анализировать современные реалии США, необходимо *сменить оптику* рассмотрения и методологию их исследования [25]. Для достижения необходимого результата необходимо дополнить американский исследовательский арсенал российскими разработками по *теории этноса*. Если этого своевременно не сделать, то американцев ждет очень "интересное" будущее.

Литература / References

1. Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М.: Наука, 1974. 348 с.
Averkieva Yu. P. Indians of North America. Moscow: Nauka, 1974. 348 p. (In Russ.)
2. Аллен Дж. С. Реконструкция. Битва за демократию в США. 1865–1876. М.: 1959. 272 с.
Allen J. S. Reconstruction: The Battle for Democracy in the USA, 1865–1876. Moscow, 1959. 272 p. (In Russ.)
3. Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М.: Наука, 2001. 495 с.
American Civilization as a Historical Phenomenon: Perceptions of the United States in American, Western European, and Russian Social Thought. Moscow: Nauka, 2001. 495 p. (In Russ.)
4. Васильев В. На повороте "осевого времени": кризис 2020 г. и макроциклы американской истории. Перспективы. Электронный журнал. 2020. №2 (22). URL: https://www.perspektivy.info/history/na_povorote_novogo_osevogo_vremeni_krizis_2020_g_i_makrocikly_amerikanskoj_istorii_2020-06-02.htm?ysclid=mpw3remewf357414695 (дата обращения: 15.03.2026).
Vasiliev V. At the Turn of the Axial Age: The 2020 Crisis and Macrocycles of American History. Perspectives. Electronic Journal. 2020, No. 2 (22). URL: https://www.perspektivy.info/history/na_povorote_novogo_osevogo_vremeni_krizis_2020_g_i_makrocikly_amerikanskoj_istorii_2020-06-02.htm?ysclid=mpw3remewf357414695 (accessed 15.03.2026). (In Russ.)
5. Гаджиев К. С. Американская нация: национальное самосознание и культура. М.: 1990. 240 с.
Gadzhiev K. S. American Nation: National Consciousness and Culture. Moscow, 1990. 240 p. (In Russ.)
6. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЭР СЭ, 2012. 528 с.
Greenfeld L. Nationalism: Five Paths to Modernity. Moscow: PER SE, 2012. 528 p. (In Russ.)
7. Карп А., Замиска Н. Технологическая республика. Жесткая сила, гибкие убеждения и будущее Запада. М.: Смарт Ридинг, 2025. 256 с.
Karp A., Zamiska N. Technological Republic. Hard Power, Flexible Beliefs, and the Future of the West. Moscow: Smart Reading, 2025. 256 p. (In Russ.)
8. Кузнецов А. М. Концепция этничности Ф. Барта, ее истоки и реальное значение. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2023. № 3 (66). С. 85–97.
Kuznetsov A. M. F. Barth's Concept of Ethnicity, Its Origins and Real Significance. *Ojkumena. Regional Researches*. 2023. No. 3 (66). P. 85–97. (In Russ.)
9. Кузнецов А. М. Страсти по этносу или какая теория про него все же нужна. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2025. № 4. С. 34–42.
Kuznetsov A. M. Passions over Ethnicity, or What Theory of It Is Still Needed. *Ojkumena. Regional Researches*. 2025. No. 4. P. 34–42. (In Russ.)
10. Курила И. Американцы и все остальные: Истоки и смысл внешней политики США. М.: Альпина Паблишер, 2024. 320 с.
Kurila I. Americans and Everyone Else: The Origins and Meaning of US Foreign Policy. Moscow: Alpina Publisher, 2024. 320 p. (In Russ.)
11. Никольская Г. К. Государственная иммиграционная политика США. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 115 с.
Nikolskaya G. K. US State Immigration Policy. Moscow: IMEMO RAS, 2015. 115 p. (In Russ.)
12. Нитобург Э. Г. Афроамериканцы США. XX век. М.: Наука, 2009. 583 с.
Nitoburg E. G. African Americans in the USA. 20th Century. Moscow: Nauka, 2009. 583 p. (In Russ.)
13. Супоницкая И. М. Антиномия американского Юга: свобода и рабство. М.: ИВИ РАН, 1998. 218 с.
Suponitskaya I. M. The Antinomy of the American South: Freedom and Slavery. Moscow: IVI RAS, 1998. 218 p. (In Russ.)
14. Тернборн Г. Мультикультурные общества. *Социологическое обозрение*. 2001. Т. 1. № 1. С. 50–67.
Therborn G. Multicultural Societies. *Sociological Review*. 2001. Vol. 1. No. 1. P. 50–67. (In Russ.)
15. Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / пер. с англ. М.: Весь мир, 2009. 304 с.
Turner F. J. The Frontier in American History. Moscow: Ves' Mir, 2009. 304 p. (In Russ.)
16. Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2024. 256 с.
Fukuyama F. Identity. The Demand for Dignity and the Politics of Resentment. Moscow: Alpina Publisher, 2024. 256 p. (In Russ.)
17. Халз А. Кто такие пуритане? Минск: Позитив-центр, 2012. 208 с.
Hulse A. Who Are the Puritans? Minsk: Pozitiv-Center, 2012. 208 p. (In Russ.)
18. Хантингтон С. Кто мы? М.: АСТ, 2004. 635 с.
Huntington S. Who Are We? Moscow: AST, 2004. 635 p. (In Russ.)
19. Черных М. А. Пробуждающийся гигант: испаноязычные американцы в политике США. М.: Весь Мир, 2025. 328 с.
Chernykh M. A. Awakening Giant: Hispanic Americans in US Politics. Moscow: Ves' Mir, 2025. 328 p. (In Russ.)

20. Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. 134 с.
Shirokogorov S. M. Ethnos. A Study of the Basic Principles of Change in Ethnic and Ethnographic Phenomena. Shanghai, 1923. 134 p. (In Russ.)
21. Шлезингер А. М. Циклы американской истории. М.: Прогресс-Академия, 1992. 688 с.
Schlesinger A. M. Cycles of American History. Moscow: Progress Academy, 1992. 688 p. (In Russ.)
22. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Питер, 2019. 448 с.
Erikson E. Childhood and Society. St. Petersburg: Piter, 2019. 448 p. (In Russ.)
23. Deloria Ph. J. American Indian Land and American Empire: An Interview with Philip J. Deloria. In: *Nation to Nation: Treaties Between the United States and American Indian Nations*. Washington, D.C.: Smithsonian Books, 2014.
24. Eastman M. J. *Diasporas in the Contemporary World*. Cambridge: Polity Press, 2009. 210 p.
25. Eller J. D. *Culture and Diversity in the United States: So Many Ways to Be American*. New York: Routledge, 2015. 341 p.
26. Fogel R., Engerman S. *Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery*. Bloomsbury Academic, 1986. 304 p.
27. Grund F. J. *The Americans in Their Moral, Social and Political Relations*. Boston: Marsh, Capen and Lyon, 1837. 365 p.
28. Hollinger D. *Post-Ethnic America: Beyond Multiculturalism*. New York: Basic Books, 2005. 296 p.
29. Jacobson M. F. *Whiteness of a Different Color: European Immigrants and the Alchemy of Race*. Cambridge: Harvard University Press, 1999. 338 p.
30. James P. *Globalism, Nationalism, Tribalism: Bringing Theory Back In*. London: Sage, 2005. 343 p.
31. Ignatiev N. *How the Irish Became White*. New York: Routledge, 1995. 233 p.
32. Lopez M. H., Krogstad J. M., Passel J. S. Who is Hispanic? // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/09/12/who-is-hispanic/> (accessed 15.03.2026).
33. Reséndez A. *The Other Slavery: The Uncovered Story of Indian Enslavement in America*. Boston; New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2016. 431 p.
34. Roosevelt T. *The Winning of the West*. Dodo Press, 2007. 296 p.
35. Segall M. H., Lonner W. J., Berry J. W. Cross-Cultural Psychology as a Scholarly Discipline. *American Psychologist*. 1998. P. 1101–1110.
36. Shirokogoroff S. M. *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan Paul, 1935. 469 p.
37. Stern B. *Lewis Henry Morgan: Social Evolutionist*. Chicago: University of Chicago Press, 1931. 221 p.
38. Turner F. J. *The Frontier in American History*. Mineola, NY: Dover Publications, 2010. 400 p.
39. Wiley N. The Politics of Identity in American History. In: *Social Theory and the Politics of Identity*. Ed. by C. Calhoun. Oxford: Blackwell, 1994. 368 p.

Информация об авторе

Анатолий Михайлович Кузнецов, д-р ист. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Information about the author

Anatolij M. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Поступила в редакцию 23.03.2026

Одобрена после рецензирования 03.05.2026

Принята к публикации 27.05.2026

Received 23.03.2026

Approved 03.05.2026

Accepted 27.05.2026

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, переносов, неразрывных пробелов. В заголовках **не применять ПРОПИСНЫЕ** символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова, а также сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7].
7. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (**Рукопись Иванова А. К. Из архива автора**).
8. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи или сноской). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края. Слова "годы" и "века" должны даваться в сокращении, а для обозначения веков следует использовать римские цифры в латинской раскладке. Например: 1990 г.; 1990-х; 1990-е гг.; 1980-х – 1990-х гг.; 1980-е – 1990-е гг.; XIX в.; XX–XXI вв. и т.д.
9. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии.
10. В списке сначала указывается литература на кириллице (начиная с литературы на русском языке), далее на латинице, и после в других системах письма.
11. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена).
12. Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта. URL: адресная строка (дата обращения): 31.12.2022**
13. В англоязычной версии списка литературы ("References") описание всех неанглоязычных публикаций должны быть переведены на английский язык. При этом в скобках после описания публикации должен быть указан её оригинальный язык. Например: (In Russ.)
14. Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен.
15. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution). Образец оформления рукописи, включая список литературы и "References", доступен на сайте журнала.
16. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (DOI), его необходимо указывать. Например: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.05.009>
17. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
18. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (jpeg, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow.
19. Указание источника иллюстраций – обязательно.
20. Русскоязычные заголовки иллюстраций обязательно сопровождаются переводом на английский язык.
21. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
22. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2026. Т. 20, № 2

Подписано к печати 03. 06. 2026 г. Вышло в свет 23. 06. 2026 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 17,84. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВВГУ
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

